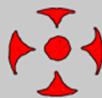

Г.Ф. Корзухина

Предметы убора с выемчатыми эмалями
V - первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье.

АРХЕОЛОГИЯ СССР

СВОД
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ

ВЫПУСК
Е 1-43

Г. Ф. КОРЗУХИНА

ПРЕДМЕТЫ УБОРА
С ВЫЕМЧАТЫМИ ЭМАЛЯМИ
V—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VI В. Н. Э.
В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

Предметы убора с выемчатыми эмальями V - первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящая работа Гали Федоровны Корзухиной посвящена предметам убора (женского и отчасти мужского и детского) с выемчатыми эмальями лесостепной зоны Среднего Поднепровья V — первой половины VI в., т. е. одного из самых сложных и в то же время малоизученных периодов в истории данной территории. Труд *Г. Ф. Корзухиной* был закончен еще в 1969 г., но пополнялся новыми материалами вплоть до 1972 г. включительно. В 1974 г. жизнь Гали Федоровны оборвалась; работа ее, хотя и завершенная, так и не увидела света при ее жизни.

Огромная ценность труда *Г. Ф. Корзухиной* в исчерпывающей сводке материалов: ею впервые собраны все до единой вещи Среднего Поднепровья, хранящиеся в музеях как СССР, так и за рубежом (Государственный археологический музей в Варшаве, Британский музей в Лондоне), равно как извлечены все сведения из архивных данных относительно в настоящее время уже пропавших вещей или их фрагментов, хранившихся в государственных или частных собраниях. В работе проведен тончайший анализ, дана классификация всех предметов не только лесостепного Среднего Поднепровья, но и их аналогий в пределах Советского Союза — лесная зона РСФСР, Белоруссия, Эстония, Латвия, Литва, Причерноморье, Северный Кавказ, а также в Польше, Финляндии, Швеции, Венгрии, установлено происхождение украшений с выемчатыми эмальями (балтийское), обоснована датировка, выяснены причины появления этих украшений в обиходе населения и их исчезновение.

Работа состоит из исследования, каталога находок Среднего Поднепровья, перечня их аналогий за пределами последнего и 31 таблицы, сопровождается картой, исчерпывающей библиографией на русском, украинском, белорусском, прибалтийских и иностранных языках и указателем — перечнем мест находок. Объем работы не позволяет, к сожалению, полнее ее иллюстрировать, а также включить материалы убора второй половины VI — начала VIII в.

Если свод памятников, как и их анализ, классификация и датировка, является незыблемым, то некоторые положения в работе останутся без сомнения дискуссионными, прежде всего определение этнической принадлежности «хозяев» убора с выемчатыми эмальями. Автор связывает их с кочевниками, находящимися на разных стадиях оседания, предположительно с сармато-аланами, исходя из положения об отсутствии или почти полном отсутствии массовых памятников — поселений и погребений в лесостепной зоне Среднего Поднепровья в этот период (V — начало VI в.). Между тем почти неизвестные на Левобережье Днепра и единичные на Правобережье тогда, когда *Г. Ф. Корзухина* работала над своим исследованием, памятники оседлого населения этой поры все в большем числе обнаруживаются в последние годы во всем Среднем Поднепровье. Дискуссионно и другое положение — утверждение, что в III—IV вв. в Среднем Поднепровье наряду с господствующей черняховской культурой, в памятниках которой эмалей нет, существуют лишь единичные погребения сарматов. Между тем наряду с массовыми памятниками — поселениями и могильниками черняховской культуры как на Правобережье Днепра, так и на его Левобережье известны поселения и могильники так называемого «киевского типа», обычно датируемые их исследователями III—V вв., т. е. синхронные черняховским, в некоторых из них, как например в Новых Безрадицах Обуховского района Киевской области и в Казаровичах Киево-Святошинского района той же области, были найдены украшения с выемчатыми эмальями. Если этническая принадлежность памятников киевского типа, а также и более поздних V—VI вв. еще не является окончательно установленной, то принадлежность и тех и других оседлому населению несомненна.

Однако дискуссионность исторической и этнической интерпретации убора с выемчатыми эмальями ни в какой мере не снижает огромной научной ценности труда *Г. Ф. Корзухиной*.

При подготовке работы *Г. Ф. Корзухиной* к печати мне, как ее редактору, оказывали весьма существенную помощь специалисты советской Прибалтики и зарубежные в отношении уточнения мест хранения той или иной находки в настоящее время, современного административно-географического определения и новых названий мест старых — дореволюционных и довоенных — находок на территории прибалтийских советских республик, Калининградской обл. и северо-восточной Польши. Это М. Х. Шмидехельм (ИИ АН Эст. ССР, Таллин), Э. Д. Шноре (ИИ АН Латв. ССР, Рига), М. М. Михельбертас (ИИ АН Лит. ССР, Вильнюс), Мариан Качиньский (Государственный археологический музей в Варшаве). Всем им приношу сердечную благодарность.

Однако, несмотря на всю тщательность работы *Г. Ф. Корзухиной* и последующую проверку редактором и помогавшей ему *М. В. Малевской* (ЛОИА АН СССР), в отдельных случаях возможны некоторые недоделки, что, к сожалению, неизбежно при посмертной публикации.

М. А. Тиханова

Точность — великое дело в такой точной науке, как археология, и примеры даже известных археологов показывают, как трудно достижимо это качество при изложении чужого материала.

А. А. Спицын. Мои научные работы

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Настоящая работа посвящена одному из самых малоисследованных периодов в истории Среднего Поднепровья, ограниченному, с одной стороны, временем исчезновения черняховской культуры, с другой — появлением культуры роменско-боршевской. В дореволюционной русской исторической науке, как и в современной зарубежной литературе, это время называют эпохой великого переселения народов. Вторжение из Азии в Европу огромных масс кочевников привело к значительным передвижениям населения и на европейском континенте. Это создает целый ряд трудностей в изучении памятников данной эпохи, крайне многочисленных и разнообразных. В частности, определение этнического лица хозяев тех или иных групп памятников до сих пор является предметом дискуссий, далеко не всегда приводящих к положительным результатам. Для ряда территорий изучение интересующего нас времени представляет особые трудности еще и потому, что оно не обеспечено в должной мере материалами. Так, Среднее Поднепровье, привлекающее к себе особое внимание исследователей потому, что позднее оно же было местом образования Русского государства, далеко не обеспечено памятниками. Для VI—VII вв. мы располагаем здесь почти исключительно случайными находками, т. е. *находками* отдельных вещей, кладов и одиночных, зачастую разрушенных, погребений. Материалы поселений появились недавно и на ограниченной территории.

Литература, посвященная интересующему нас периоду, огромна. Памятники эпохи переселения народов интересуют как отечественных, так и зарубежных исследователей. Обзор и критика всех существовавших и ныне существующих точек зрения не входит в задачу данной работы. Наоборот, полемика с отдельными авторами или направлениями я стараюсь свести к самому необходимому минимуму. Полемика слишком увела бы нас в сторону от основной цели работы — показать материал как он есть, и не дала бы результатов, поскольку многие вопросы, поставленные моими предшественниками, не могут быть удовлетворительно решены и в наши дни.

Вопрос о предыстории древнерусского государства — один из самых молодых в нашей исторической науке. События, предшествовавшие образованию Киевской Руси, стали интересовать исследователей значительно позже, нежели история античных колоний Северного Причерноморья или содержимое скифских курганов юга России. Территория Среднего Днепра, не располагавшая столь яркими памятниками, почти не привлекала к себе внимание исследователей.

В курсах русской истории древнейший период долгое время выглядел как перечисление сведений, почерпнутых из письменных источников, в которых авторы рассказывали о народах Причерноморья и южнорусских степей. Более северные территории, в частности Среднее Поднепровье, для исследователей XVIII и XIX вв., как и для древних авторов, оставались «землею таинственною для истории». Памятники юга России очень рано начали связывать с теми или иными народами Причерноморья, известными по письменным источникам. Претендентов было много. «Весь известный мир был тогда театром чудесного волнения народов и непостоянства в их величии», — писал *Н. М. Карамзин* [[Карамзин, 1842, с. 13](#)]. Одному из народов, пребывавших в «чудесном волнении», посчастливилось особенно. Это были готы. Появившись в Причерноморье в III в., готы создали здесь будто бы богатейшую культуру, развили искусство и ремесла. Большое количество самых разнообразных памятников, и в их числе самые яркие, такие, например, как золото с гранатами, было связано с именем готов. Накапливавшиеся с течением времени памятники Среднего Поднепровья попадали в уже готовые рубрики «готских древностей». Сюда были отнесены и среднеднепровские бронзы с эмалью, и пальчатые фибулы, и многое другое. Правда, находились люди, которые пытались как-то по-своему объяснить происхождение отдельных вещей. Так, некоторым казалось, что украшения с выемчатой эмалью носят «египетский характер». Были и более серьезные попытки атрибуции памятников. Однако «готский мираж» был настолько силен, что даже в советское время исследователи продолжали находиться под его влиянием [[Городцов, 1926](#)].

В тех же сочинениях древних авторов, которые изучали сторонники готской теории, среди сведений о готах, гуннах, аварах и других народах имелись известия и о славянах. Естественно, что они были замечены русскими историками очень рано, однако долгое время данные о венедах, склавидах и антах оставались органически не связанными с последующим ходом событий и не подкрепленными археологическими материалами. Указания же письменных источников были слишком отрывочны и сбивчивы, чтобы, пользуясь только ими, можно было надеяться воссоздать события, протекавшие на обширных территориях Среднего Поднепровья в середине и второй половине I тыс. н. э.

С конца XIX в. параллельно с работой историков над письменными источниками, языковедов и историков литературы над данными славянских языков, литературы и фольклора поиски раннеславянских материалов начали вести и археологи. В 1899—1900 гг. раскопками *В. В. Хвойко* была открыта неизвестная до того времени в Среднем Поднепровье «культура полей погребений». *В. В. Хвойко* [[Хвойко, 1901, с. 187—189](#)] счел ее славянской и утверждал, что она служила связующим звеном между скифами и Киевской Русью. В дореволюционные годы дальнейшая работа в этом плане не велась. Интерес к предыстории Киевского государства стал особенно значительным лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

В 1928 г. *А. А. Спицын* [[Спицын, 1928а](#)] выступил с небольшой, но очень интересной статьей, озаглавленной «Древности антов». Обратив внимание на ряд кладов и случайных находок определенного характера, *А. А. Спицын* заметил, что территория их распространения от Правобережья Днепра до Дона совпадает с теми районами, где на

основании письменных источников истории помещали «многочисленные племена антов». Поэтому вся группа заинтересовавших его вещей, датированная *А. А. Спицыным* VI—VII вв., была названа им «древностями антов».

В 1939 г. в «Вестнике древней истории» со статьей, посвященной предыстории Киевской Руси, впервые выступил *Б. А. Рыбаков*. Статья эта, озаглавленная «Анты и Киевская Русь», написана исключительно целеустремленно. Рыбаков хотел в ней доказать с помощью всех имевшихся в его распоряжении материалов прямую преемственность между культурой скифов, антов и Киевской Руси. В статье впервые была сделана попытка реконструировать историю днепровских славян докиевского периода, общественно-экономический строй антов, их военную тактику, ремесла, жилища, религию, язык. Рыбаков, с одной стороны, широко использовал сообщения о славянах и антах византийских и других авторов, с другой — разнообразный археологический материал. Несмотря на то что позже Рыбаков неоднократно выступал со статьями на ту же тему, ни одна из его работ не завоевала себе такой популярности среди историков и археологов и не имела тех последствий, как его первая работа. Эту популярность следует приписать заманчивой ясности и стройности изложенной в ней концепции, которая, казалось, избавляла русскую историческую науку от дальнейших мучительных поисков в данной области. Она ликвидировала Великую Готию в Среднем Поднепровье и углубила на несколько столетий историю славян на данной территории. Концепция Рыбакова стала краеугольным камнем в работах археологов, а через них — в работах историков, филологов и историков литературы. Она была широко использована академиками *Б. Д. Грековым* и *Н. С. Державиным*, *В. В. Мавродиным* и многими другими. Так, вслед за *Б. А. Рыбаковым* *Б. Д. Греков* утверждал, что «на основании археологических наблюдений устанавливается непрерывная цепь развития общества, сидящего в Поднепровье... цепь от скифов до Киевского государства включительно» [*Греков, 1949, с. 371—372*]. Ошеломленный возможностями археологического материала, Греков писал, что «надо только заставить его заговорить языком, нам понятным. Надо, конечно, уметь предъявить ему четкие требования» [*Греков, 1949, с. 337*]. Требования эти были предъявлены. Они были совершенно определенными — найти корни русской государственности не только как можно глубже, но найти их именно на Днестре, доказав, что исконной территорией славян было Среднее Поднепровье. Для воссоздания важнейших исторических событий докиевского периода и воскрешения исторических имен были мобилизованы как археологические материалы, так и письменные источники. Работа по воссозданию докиевского периода в течение последних десятилетий велась с большим напряжением и подъемом. Сотни статей и книг вышли за эти годы. Однако по ряду основных вопросов истории I тыс. н. э. достигнуть общепризнанных выводов до сих пор не удалось. Причина этого явления кроется в некритическом, а подчас и предвзятом отношении к источникам, как археологическим, так и письменным.

Наиболее ярко свободное обращение с письменными источниками проявилось в вопросе об определении территории, занятой антами в VI в. Упоминания о склавинах и антах в хрониках VI—VII вв. очень многочисленны, но почти все они относятся к славянским племенам бассейна Дуная [*Корзухина, 1955, с. 64*]. Исключение составляют два автора середины VI в., на которых и было обращено внимание исследователей, занимающихся восточными славянами. Авторы эти — Иордан и Прокопий Кесарийский, сообщающие сведения о наиболее восточных славянских племенах. Так, Иордан пишет, что анты «распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину; эти реки удалены одна от другой на расстояние многих переходов» [*Иордан, 1960, § 35*]. Следовательно, Иордан знал антов в Причерноморье между устьями Днестра и Днепра. Жили ли анты восточнее Днепра и как далеко их владения простирались на север — об этом Иордан ничего не сообщает. Поэтому сведения Прокопия, несколько по-иному рассказавшего об антах, стали предметом особого внимания исследователей. В последней книге «Войны с готами» Прокопий дает описание побережья Черного моря. Он начинает его от Халкедона и, идя в сторону малоазийского и кавказского побережий, перечисляет живущие здесь племена и народы, сообщает о них исторические и бытовые подробности, данные о занимаемой ими территории. Наиболее подробно Прокопий описывает события, разыгравшиеся на берегах Азовского моря, или, как он его называет, «Меотийского Болота». «Само это Болото вливается в Эвксинский Понт. Народы, которые тут живут, в древности назывались киммерийцами, теперь же зовутся утигурами. Дальше на север от них занимают земли бесчисленные племена антов» [*Прокопий..., 1950, с. 384, гл. 4, §§ 8, 9*].

Именно это место, помещающее антов где-то в бассейне Дона, привлекает к себе внимание ученых. «Именно в такой полосе, — пишет *А. А. Спицын*, — начиная от низовьев Днестра и до верховьев Дона, известны древности, принадлежащие одной и той же культуре VI—VII вв., которую приходится признать антскую» [*Спицын, 1928а, с. 492*].

«Данные Прокопия, — пишет *Б. А. Рыбаков*, — значительно дополняют Иордана в отношении восточной границы распространения антов. Если провести линию на север от Азовского моря — Меотиды, то к западу от этой линии остается не только весь

бассейн Днепра, но и бассейн Северного Донца и левые притоки Дона, т. е. в применении к географии Киевской Руси X—XI вв. земли уличей, тиверцев, полян, древлян, северян, радимичей, большая часть земли вятичей и аланские поселения на Северном Донце» [*Рыбаков, 1939, с. 321*]. Территория, занятая антами, оказывается огромной — от Дона до Днестра, от Черноморского побережья на юге и безгранична на севере, не говоря уже о том, что на западе она сливалась со славянскими землями на Дунае.

Однако так ли определены сведения Прокопия об антах, чтобы, полагаясь на них, отводить антам такую обширную территорию? Следует отметить, что *А. А. Спицын* свою статью «Древности антов» начал с критики Прокопия: «Прокопий, — писал он, — хорошо знакомый с южным берегом Черного моря, знал северный берег его лишь понаслышке, и показания его об этом крае не могут быть точными» [*Спицын, 1928а, с. 492*]. Однако при

изложении материала Спицын никакого вывода из этого не сделал. Напротив, он ни на минуту не усомнился в том, что собранные им древности есть именно «древности антов».

Действительно, сведения Прокопия об антах крайне неопределенны. А. А. Спицын совершенно правильно подметил плохое знакомство Прокопия с северным берегом Черного моря. Если население малоазийского и кавказского побережий Черного моря он описал со всеми подробностями, то отрезку побережья к западу от Крыма он уделил буквально несколько слов: «От города Херсона до устья реки Истра, которую называют также Дунаем, пути дней десять; все эти места занимают варвары» [**Прокопий..., 1950, с. 388, гл. 5, §§ 29, 30**]. Здесь следует напомнить, что на этом же отрезке побережья Черного моря, где Прокопий помещает варваров, Иордан указывает антов (на излучине Понта от Днестра до Днепра). Необходимо учитывать также своеобразие представлений того времени о географии Северного Причерноморья. Расстояние между Меотидой и северо-западной излучиной Понта представлялось в то время гораздо более коротким, нежели оно есть на самом деле.¹ Так, на дорогу от Халкедона до Фазиса (Риона) Прокопий клал 52 дня. Остальная часть побережья Черного моря, по мнению Прокопия, могла быть пройдена менее чем за 52 дня [**Прокопий..., 1950, с. 389, гл. 5, §§ 32, 33**], хотя фактически она значительно (примерно вдвое) больше первой части. При подобном представлении о форме и размерах северного побережья Черного моря, естественно, сведения Прокопия о размещении здесь племен были более чем приблизительными. Он знает, что «за Меотийским Болотом и рекой Танаисом большую часть лежащих тут полей, как мною было сказано, заселили кутригуры — гунны. За ними всю страну занимают скифы и тавры» [**Прокопий..., 1950, с. 388, гл. 5, § 23**], т. е. знает население только причерноморских степей и Крыма, и то в самых общих чертах. Обращает на себя внимание, что на протяжении всей книги Прокопий ни разу не упомянул о Днепре. Это можно объяснить только тем, что он совершенно не знал северного побережья. Еще отчетливее это выступает в его отказе определить общую протяженность побережий Черного моря. «Какова величина этой (Понта Эвксинского, — Г. К.) окружности в целом, — пишет он, — этого я точно сказать не могу, так как там живет такое количество, как я сказал, варварских племен, общения с которыми у римлян, конечно, нет никакого, если не считать отправления посольств. Да и то, которые раньше пытались произвести подобное измерение, ничего не могли сказать нам в точности» [**Прокопий..., 1950, § 32**]. Хорошо известно ему только южное, или, как он пишет, «правое» побережье Понта, протяженность которого он определяет точно — «пятьдесят два дня пути для человека налегке» [**Прокопий..., 1950, § 33**]. Таким образом, совершенно очевидно, что представления Прокопия о Северном Причерноморье и населявших его народах были самыми смутными.

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. Если Прокопий плохо знал прибрежные районы, то тем менее знал он глубинные территории на севере. А между тем «древности антов», описанные А. А. Спицыным, происходят как раз из районов не прибрежных, а весьма удаленных от Черного моря — из лесостепи. Поэтому Спицын совершенно правильно предлагал следующее толкование Прокопия: «Известие этого писателя о том, что многочисленное племя обитает в районе Азовского моря и далее, необходимо понимать так: где-то за Азовским морем» [**Спицын, 1928а, с. 492**], т. е. к западу от него, поскольку описание прибрежных земель Прокопий ведет против часовой стрелки и на Азовское море смотрит с востока. Исходя из всего сказанного, я считаю, что на основании сведений, сообщенных Прокопием, восточная граница антской территории не может быть отнесена к бассейну Дона.

Чтобы покончить с вопросом о письменных источниках, необходимо упомянуть еще одного автора, сочинение которого вошло в круг истории славянства сравнительно недавно. Это сочинение автора, писавшего на сирийском языке и известного в литературе под именем Псевдо-Захарии (555 г.). В главе, посвященной народам Кавказа, Псевдо-Захария упоминает народ ḥros, или, как переводят это название — ерос, рос (рус). Перечислив 13 народов, кочевавших на Северном Кавказе и на Нижнем Дону, Псевдо-Захария пишет, что «вглубь от них (т. е. к северу от перечисленных кочевников, — Г. К.) живет народ амазраты и люди-псы, на запад и на север от них (т. е. от амазратов и людей-псов, — Г. К.) живут амазонки... Соседний с ними народ ḥros... Дальше на восток, у северных краев, есть еще три черных народа (курсив наш, — Г. К.)» [**цит. по: Пигулевская, 1939, с. 114—115**].

Очень часто данный текст почему-то комментируют так, что народ ерос (рос) оказывается где-то на северо-западе от перечисленных племен, хотя в тексте ясно говорится, что не народ ерос, а амазонки жили «на запад и на север» (а не на северо-запад) от амазратов [**Дьяков, 1939, с. 84**]. Так, у Б. А. Рыбакова находим: «Крайне интересно в этой связи рассмотреть свидетельство Псевдо-Захарии Ритора (555 г.), который писал о народе рус (рос), обитавшем на северо-запад от Нижнего Дона, т. е. именно в Среднем Поднепровье, может быть, даже на реке Роси» [**Рыбаков, 1947, с. 103**]. Эта чересчур вольная трактовка текста не вызвала, однако, сомнений у Б. Д. Грекова, и он включил ее в свое новое издание «Киевской Руси» [**Греков, 1953, с. 442**]. Между тем если внимательно прочитать текст, обратив внима-

ние особенно на последние слова приведенной цитаты из сочинения Псевдо-Захарии — «дальше на восток, у северных краев», то картина расселения племен представится в несколько ином виде. Очевидно, народ ерос следует искать не на северо-запад от Северного Кавказа, а скорее на восток или северо-восток от него. Однако, независимо от того, где жил народ ерос, думается, что надо решительно отбросить всякие попытки видеть в данном народе русов-славян Поднепровья. Глава 12 (книга 7) сочинения Псевдо-Захарии, в которой он упоминает о народе ḥros, посвящена описанию народов Кавказа. Никакого отношения к Поднепровью она не имеет. Кроме того, если каждый народ, в названии которого содержится частица «рос», превращать в славян, то к славянам пришлось бы отнести и роксолан, и росомонов, что, правда, кое-кто и пытался делать [**Толстов, 1947, с. 42—43**]. Подобные попытки ныне отброшены, точно так же, сделав последнее усилие, надо исключить из арсенала источников по истории славян и сообщение Псевдо-Захарии. Это тем более необходимо, что в вопросе о содержании этнических наименований «рос» и «рус», «рус» и «славяне» ясности до сих пор нет.

Вопрос о непрерывности исторического процесса на территории Среднего Поднепровья в I тыс. н. э., о преемственности культуры Киевской Руси от культур, известных здесь в более раннее время, является дискуссионным. Это второй вопрос, на котором следует остановиться. По отношению к данной проблеме исследователи стоят на диаметрально противоположных точках зрения. Одни считают, что начиная с первых веков нашей эры вплоть до Киевской Руси развитие культуры шло на всей или большей части территории Среднего Поднепровья непрерывно и только по восходящей линии. Исходным моментом данной концепции, который, конечно, был осложнен дополнительными доводами и материалами, по-прежнему является статья *Б. А. Рыбакова* «Анты и Киевская Русь». При этом нижнюю дату антского периода некоторые исследователи отодвигают из VI—VII вв. в III в., т. е. расширяют антский период, включая в него и черняховскую культуру. Но существует и иная концепция, сторонники которой считают, что прямая линия развития от черняховской культуры к культуре Киевской Руси прослежена быть не может, что черняховская культура исчезает на рубеже IV и V вв., по-видимому, в связи с нашествием гуннов, культура же роменская появляется только в VIII в. Между этими двумя культурами оказывается хронологический разрыв в три столетия. Дело, однако, не столько в хронологическом разрыве, сколько в том, что «каждая из этих культур настолько своеобразна, что ни в одной из них мы не можем указать элементов материальной культуры, которые в какой-то мере связывали бы их» [Ляпушкин, 1950, с. 25]. Для VI—VII вв. известны только случайные находки, «случайные в том смысле, что они не связаны ни с местами поселений, ни с могильниками оседлого населения» [Ляпушкин, 1947, с. 134]. Данная концепция завоевывает все большее число сторонников, а появляющиеся новые материалы неизменно подтверждают ее правильность.

Несколько слов об обстановке, сложившейся в Среднем Поднепровье к началу периода, которым нам предстоит заниматься.

В первые века нашей эры в Среднем Поднепровье прекратила свое существование зарубинецкая культура. Территория, занятая памятниками зарубинецкой культуры, обширна и простирается далеко за пределы Среднего Поднепровья: на север — в бассейн Верхнего Днепра, на запад — в бассейн Припяти. Она известна в основном в лесной зоне и в меньшей степени в зоне лесостепной. В пределах Среднего Поднепровья памятники зарубинецкой культуры группируются в основном на Правобережье вдоль Днепра и значительно реже встречаются в бассейнах его левых притоков. Зарубинецкая культура на всей территории распространения, в том числе и в Среднем Поднепровье, представлена поселениями и могильниками. Могильники — грунтовые, обряд погребения — кремация, керамика — лепная. Поселений и могильников, раскопанных широкой площадью, очень мало. Вопрос об этническом лице населения до сих пор является предметом дискуссий. Весь облик культуры (керамика, металл, обряд погребения) тяготеет к западным культурам (латен, культуры поморская, подклешовых погребений, пшеворская).

Наряду с памятниками зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье известны памятники сарматские. Территория, на которой зарубинецкие и сарматские памятники сосуществуют, невелика и для обеих культур является своего рода периферией. Из лесостепных районов Среднего Поднепровья зарубинецкие памятники уходят в лесные районы севера и северо-запада, сарматские же памятники — в степи на юг и юго-восток. Тем не менее на определенной территории — в бывших Васильковском, Каневском и Черкасском уездах они сосуществуют. Сарматских поселений в Среднем Поднепровье не найдено. Пребывание сарматов здесь прослеживается только по впускным погребениям.

Следовательно, в первые века нашей эры на части территории Среднего Поднепровья существуют две категории памятников: поселения и могильники зарубинецкой культуры и единичные впускные сарматские погребения. Население, оставившее зарубинецкую культуру, было оседлым. Исходя из отсутствия мест поселений и массовых могильников сарматов на той части территории, где зарубинецкая культура и сарматские памятники сосуществуют, следует предположить, что сарматы не имели здесь постоянных мест поселений. Они появлялись, видимо, спорадически, скорее всего в периоды летних кочевий. Предположить, что сарматы жили на зарубинецких поселениях и только хоронили своих умерших особо, вряд ли возможно. Сличение погребального инвентаря зарубинецких могильников с материалами сарматских захоронений убеждает в том, что между двумя этнически различными группами населения культурно-экономических связей либо не было, либо они были очень слабы. Следует отметить также, что направление связей зарубинцев было совершенно иным, нежели у сарматов. Отдельные элементы зарубинецкой культуры связывают ее с культурами центральноевропейских районов. Сарматская культура, наоборот, была теснейшим образом связана с Причерноморьем, с Боспором. Прекращение жизни на зарубинецких поселениях в начале II в. удовлетворительного объяснения пока не имеет.

После исчезновения в Среднем Поднепровье зарубинецкой культуры оседлая жизнь не прослежи-

вается здесь около 100 лет. Новая культура оседлого населения — черняховская — появляется здесь лишь во второй половине III в. Генетически с зарубинецкой культурой она не связана. Памятники черняховской культуры распространены на обширной территории от Карпат до Северского Донца. Они вытянуты широкой полосой по лесостепной зоне, в меньшем количестве встречаются в полосе лесной, а в степь выходят только по течениям рек. В целом черняховские памятники расположены на более южных территориях, нежели зарубинецкие. На всей площади распространения черняховская культура представлена обширными открытыми поселениями и большими грунтовыми могильниками, что указывает на прочную оседлость населения. Хронологические рамки Черняховской культуры, принятые большинством исследователей, — вторая половина III—IV в., возможно, самое начало V в. Правда, ряд исследователей упорно стремится продлить срок существования черняховской культуры до VI—VII вв. и даже до VIII в., чтобы сомкнуть ее с культурой роменской и Киевской Руси. Доводы, приводимые сторонниками ограничения Черняховской культуры рубежом IV и V вв., представляются мне неизмеримо более обоснованными, нежели доводы сторонников продления даты культуры до VII—VIII вв. Исчезновение черняховской культуры в Восточной Европе и

на Среднем Днепре, в частности, связывают обычно с вторжением в Европу гуннов. Поселения черняховской культуры исследованы относительно мало, лучше изучены могильники. По обряду погребения Черняховские могильники крайне неоднородны, что указывает на разноэтничность похороненного в них населения. Этнические компоненты носителей черняховской культуры еще не ясны. Отчетливее других выступает сарматская примесь.

Как и в первые века нашей эры, в III—IV вв. чисто сарматских поселений и могильников в Среднем Поднепровье нет. Следовательно, сарматы в целом ведут здесь по-прежнему кочевой образ жизни. Основным интерес в это время представляют черняховские могильники, которые содержат комплексы, по обряду погребения и инвентарю характерные только для черняховцев, и комплексы, в которых черты черняховской культуры переплетаются с культурой сарматской. Такие «смешанные» погребения есть в ряде могильников черняховской культуры — в Черняхове, Барахтянской Ольшанке, Лохвице, Маслове. Сарматские элементы выступают здесь не только в инвентаре и обряде погребения (например, бараньи кости при некоторых мужских и детских погребениях), но и в наличии прижизненной деформации черепа (Черняхов) [Тиханова, 1957, с. 173]. Интересны три погребения IV в. близ Кантемировка. Здесь в окружении типичных черняховских погребений оказались три сарматских подкурганых захоронения — в склепе, яме и яме с подбоем и со смешанным сарматско-черняховским инвентарем. Следовательно, в III—IV вв. черняховская и сарматская культуры существуют на территории Среднего Поднепровья уже не изолированно. Неоднородность погребальных комплексов в пределах одного и того же могильника позволяет предположить такую же неоднородность и среди жителей черняховских поселений. Среди разноэтничного населения этих поселков было, по-видимому, какое-то количество и сарматов, сравнительно легко переходивших от кочевого образа жизни к оседлому. Гуннское вторжение, уничтожившее черняховскую культуру, прервало наметившуюся тенденцию к оседанию. Наступил период, когда в течение трех столетий на обширных территориях среднеднепровской лесостепи нет отчетливых признаков прочной оседлости. Однако степь не пустует. Она полна интереснейших находок, случайно попадающихся то на песчаных прибрежных россыпях, то в виде кладов, то в одиночных погребениях. Поселения появляются только к концу трехвекового периода и то лишь на правом берегу Днепра.

Три столетия, отделяющие черняховскую культуру от роменской, только в одном отношении могут быть сочтены за один период. Их объединяет лишь отсутствие признаков прочной оседлости на днепровском Левобережье в течение всего периода и на Правобережье в течение по крайней мере полутора столетий. Судя по вещам, эти три столетия не представляют единого периода. Находки данного времени составляют по меньшей мере две особые группы памятников: 1) группу памятников, среди которых наиболее выразительными являются вещи с эмалью, и 2) группу памятников, среди которых наиболее часты пальчатые и зооантропоморфные фибулы. Некоторые считают необходимым причислять сюда же еще одну группу памятников — комплексы типа Перещепинского клада.

В своих работах по периодизации памятников среднеднепровского Левобережья *И. И. Ляпушкин* обычно выделял V—VII вв. в особый период. Отмечая отсутствие признаков оседлости в это время в бассейне левобережного Днепра, он как бы вычеркивал этот период и сопоставлял культуру полей погребений Черняховского типа непосредственно с роменско-боршевской, минуя промежуток времени в три столетия. С точки зрения тех задач, которые ставил перед собой *И. И. Ляпушкин*, — изучение культур оседлого населения в связи с вопросом их преемственности — подобный прием вполне закономерен. Однако, ставя перед собой иную задачу — изучение истории определенной территории, в данном случае бассейна Среднего Днепра, я не вправе пройти мимо любых памятников, независимо от того, принадлежали ли они кочевому, или оседлому населению.

Исследователь, обратившийся к изучению истории Среднего Поднепровья V—VII вв., оказывается с глазу на глаз почти с одними случайными находками, да к тому же лишь с памятниками художественного ремесла, в основном с предметами личного убора. Случайность обнаружения кладов и отдельных вещей, невозможность связать их с определенной стратиграфией и культурой создают большие трудности при их датировке и этнической атрибуции. Находки монет в комплексах V—VII вв. полностью отсутствуют. В хрониках древних авторов, как указано выше, никаких сведений о Среднем Поднепровье нет. Казалось бы, создается безвыходное положение. Но не надо забывать, что это «эпоха переселения народов», когда вместе с народами передвигались и вещи. Памятники, аналогичные среднеднепровским, попадают в самых неожиданных районах и за пределами Среднего Поднепровья. При этом большей частью их находят там в условиях более благоприятных для атрибуции временной и этнической, т. е. на поселениях и в массовых могильни-

ках. Конечно, механически переносить все данные о памятниках, найденных за пределами Среднего Поднепровья, на среднеднепровские находки нельзя. Коррекция, безусловно, необходима, однако ценность их от этого нисколько не снижается. Больше того, только благодаря находкам, сделанным вне Среднего Поднепровья, можно понять процессы, происходящие в данный период в среднеднепровской лесостепи. Поэтому наряду с памятниками бассейна Среднего Днепра в работе будут рассмотрены и все аналогичные им внеднепровские находки.

Отношение к случайным находкам бывает излишне скептическим. Конечно, случайные находки — материал специфический, требующий к себе особого подхода. Но в данном случае у нас иного выхода нет. Выбирать не из чего, и обращение к случайным находкам неизбежно. Либо мы заставим их заговорить, либо период в 300 лет в истории Среднего Поднепровья остается по-прежнему немым.

Работа по собиранию и систематизации памятников Среднего Поднепровья V—VII вв. была начата по решению группы славяно-русской археологии ЛОИА АН СССР. Работа велась долго, была трудной и могла быть закончена только благодаря щедро предоставлявшемуся мне времени. Работа была трудной потому, что очень большое

количество памятников данного периода уже не существует. Некоторые вещи, найденные в давние годы, попав в частные коллекции или жадные руки торговцев древностями, оказались растерянными или депаспортизованными. Часть вещей вывезена за границу. Очень много вещей погибло во время Великой Отечественной войны, в частности богатейшее собрание КИМ. собрание Харьковского исторического музея, Смоленского музея и др. Большое количество памятников пришлось изучать только по фотографиям, рисункам, наброскам, инвентарным музейным записям, архивным материалам и литературе. Очень много рисунков с неопубликованных вещей, найденных в разных местах Украины, и также погибших во время войны, сохранились в архиве ИА АН УССР. К сожалению, и фотографии, и рисунки оказались неаннотированными. Расшифровать, вернуть депаспортизованным вещам их «паспорта» и тем во много раз повысить их ценность удалось только благодаря уникальным материалам А. А. Спицына, его знаменитым «корочкам». Признаться, и это было не просто, поскольку записи Спицына лаконичны, а зарисовки далеко не всегда легко идентифицировались с фотографиями тех же вещей. Тем не менее без материалов Спицына моя работа просто никогда не была бы закончена.

В своей работе я очень многим обязана И. И. Ляпушкину. Его постоянное внимание и критические замечания спасли меня от многих ошибок и преждевременных выводов. Большую и щедрую помощь я неизменно получала от М. А. Тихановой. Самую разнообразную и в каждом случае существенную помощь оказывали мне сотрудники многих музеев и научно-исследовательских учреждений, информировавшие меня о новых находках, присылавшие мне различные материалы, фотографии и рисунки нужных мне вещей, никогда не отказывавших в консультациях. Я глубоко благодарна Н. П. Сорокиной и Н. В. Трубниковой (ГИМ, Москва), С. Р. Килиевич и А. М. Шовкоплас (КИМ, Киев), М. Н. Матвеевко и В. И. Самсонову (Историко-краеведческий музей, Курск), М. А. Попудренко (Черниговский исторический музей), К. В. Кобзевой (Краеведческий музей, Моршанск), Ю. С. Виноградскому (г. Сосница), Ф. П. Золенко (Суджанский краеведческий музей), Б. А. Шрамко (Харьковский государственный университет), И. В. Синицыну (Саратовский государственный университет), М. Х. Шмидехельм (ИИ АН Эст. ССР, Таллин), А. З. Тауавичюсу (ИИ АН Лит. ССР, Вильнюс), Д. Т. Березовцу и Р. А. Юре (ИА АН УССР, Киев), С. А. Плетневой и В. В. Кропоткину (ИА АН СССР, Москва).

В заключение мне хочется сказать: при том состоянии, в каком находятся материалы V—VII вв., очень трудно рассчитывать, что мне удалось избежать ошибок и пропусков при их выявлении и систематизации. Мне остается лишь надеяться, что ошибки не будут слишком грубыми.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Гуннское вторжение на территорию Восточной Европы в конце IV в. привело к исчезновению черняховской культуры. Наиболее «массовыми» памятниками послегуннского периода в Среднем Поднепровье являются бронзовые литые украшения, расцвеченные выемчатыми эмалью. Памятники с выемчатой эмалью определенного типа известны не только в Среднем Поднепровье. Они распространены в основном в трех районах Восточной Европы: в Прибалтике, в Волго-Окском бассейне и в Среднем Поднепровье. Подобное территориальное распространение находок с эмалью послужило причиной большого к ним интереса не только русских, но и прибалтийских исследователей. Работ, специально посвященных эмалью, немного [[Спицын, 19036](#); [Hackman, 1912](#); [Макаренко, 1928](#); [Moora, 1934](#); [Tallgren, 1937](#); [Махно, 1956](#)], по очень часто в работах, не связанных непосредственно с изучением эмалей, им посвящены специальные разделы [[Tallgren, 1922, S. 120—122](#); [Moora, 1932, S. 20](#); [Moora, 1938, S. 100—118](#); [Третьяков, 1941а, с. 30—33 и след.](#); [Третьяков, 1948, с. 68—69](#); [Третьяков, 1953, с. 127—130](#); [Рыбаков, 1943, с. 76](#); [Рыбаков, 1947, с. 99—101](#); [Рыбаков, 1948б, с. 46 и след.](#); [Шмидехельм, 1955, с. 98—100, 119—120, 216—219 и др.](#); [Salmo, 1956, s. 11—14](#)], в которых авторы высказывают отдельные наблюдения или общие соображения относительно происхождения и датировки эмалей. Значительное количество эмалей опубликовано в атласах, но многие известны лишь по кратким упоминаниям в каталогах музеев, выставок и частных коллекций [[Baye, 1891](#); [Булычев, 1899, табл. VIII—XIII](#); [ДП, 1901, 1907](#); [Шугаевский, 1911, с. 253—254](#); [Tallgren, 1922](#); [Городцов, 1926, с. 121](#); [Ильинская, Тереножкин, 1955](#)]. Некоторое количество эмалей совсем не попало в печать. К сожалению, многие эмали в собраниях музеев, бывших на временно оккупированной территории, во время Великой Отечественной войны погибли (Киев, Новгород-Северский, Смоленск). Среди погибших были и такие, которые никогда не были опубликованы и о них известно только то, что дают краткие записи в музейных инвентарных книгах. Тем не менее значительное количество эмалей хранится и сейчас в наших музеях. Наиболее крупными коллекциями их обладают ГИМ и КИМ, отдельные вещи хранятся в областных и районных музеях (Моршанск, Саратов, Львов). Большая часть эмалей ГИМ и многие эмали КИМ публикуются здесь впервые.

Первый опыт картографирования вещей с эмалью принадлежит А. А. Спицыну [[Спицын, 19036, с. 160](#)]. В 30-х годах Х. А. Моора [[Moora, 1934, S. 76, Abb. 1](#); [Moora, 1938, Taf. XIV](#)] повторил эту работу, опубликовав две карты, значительно более полные в отношении находок эмалей на территории Прибалтики. К сожалению, обе карты лишены легенд, что затрудняет пользование ими. Отсутствие легенд отчасти восполняется перечнем эмалей, в который Моора [[Moora, 1938, S. 114—118](#)] включил многие находки, не учтенные Спицыным, в том числе финские и шведские. Одновременно из перечня исключены находки, ошибочно отнесенные Спицыным к данному типу эмалей (скифские, галльские, вендельские и др.). Список эмалей Моора в настоящее время является наиболее полным и наиболее отработанным перечнем эмалей интересующего нас типа.

Исследователей, в той или иной мере соприкасавшихся с эмалью, неизменно интересовали два вопроса: 1) датировка эмалей и 2) происхождение эмалей, а в связи с этим принадлежность их той или иной этнической группе.

По вопросу о датировке эмалей было высказано много различных предположений. Ряд исследователей датировал их первой половиной I тыс. н. э.: Н. П. Кондаков [Толстой, Кондаков, 1890, с. 152—154] относил эмали к I—V вв.; И. Р. Аспелин [Аспелин, 1897, с. 55—56] датировал их временем не позднее V в.; А. Хакман [Hackman, 1912, S. 214 с. q.] — концом II—V вв.; А. М. Тальгрэн [Tallgren, 1922, S. 120—122] — III—VI вв.; Х. А. Моора [Moora, 1934, S. 77 с. q.] — III—V вв.; П. Н. Третьяков [Третьяков, 1941а, с. 82-83; Третьяков, 1953, с. 127, 233] — III—V вв.; Б. А. Рыбаков — то III—V вв. [Рыбаков, 1943, с. 76; Рыбаков, 1947, с. 99; Рыбаков, 1948а, с. 97; Рыбаков, 1953б, с. 47-49], то IV—V вв. [Рыбаков, 1948б, с. 54 и след.; Рыбаков, 1953а, с. 92]. Е. В. Махно [Махно, 1956, с. 148-151] связывает эмали с Черняховской культурой. Некоторые исследователи считают, что памятники с эмалью появились позже, во второй половине I тыс. н. э. Так, В. И. Сизов [Сизов, 1897а, с. 264], Л. Нидерле [Нидерле, 1924, с. 213] датировали эмали VI—VII вв.; А. А. Спицын [Спицын, 1903б, с. 160] и Н. Е. Макаренко [Макаренко, 1928, с. 100] — VI—VIII вв. В настоящее время Е. В. Махно относит эмали к культуре полей погребений черняховского типа. Некоторые из упомянутых авторов датировали эмали просто «по чутью», другие выводили их временные определения путем кропотливых сопоставлений, третьи датировали их исходя из присущих авторам исторических концепций. Обращает на себя внимание, что прибалтийские ученые дружно датируют эмали только ранним временем, т. е. первой половиной I тыс. н. э.

По вопросу о происхождении памятников с эмалью мнения исследователей также крайне разноречивы. Первые находки вещей с эмалью (40—50-е годы XIX в.) остались почти незамеченными и не вызвали никаких суждений. Поэтому появление в 1888 г. Мощинского клада, содержащего несколько десятков вещей с эмалью, застало исследователей врасплох. В каталоге выставки VIII Археологического съезда в Москве, на которой Мощинский клад демонстрировался впервые, вещи клада были истолкованы как «ожерелье или часть конской сбруи из тонко отделанной и отполированной бронзы, до сих пор неизвестных в России (египетский характер) форм, украшенное красной и голубой финифтью» (Каталог..., 1890, зала 8, с. 92, № 1). Поэтому найденную в 1898—1899 гг. на городище Дуна Калужской губ. перекладчатую фибулу с эмалью Ю. Г. Гендуне приняла также за часть конского снаряжения — половину «бронзовых удил готического стиля» (Архив ЛОИА, ф. 1, 1899 г., д. 51, л. 21, № 169).

Если «египетский» характер вещей Мощинского клада является лишь досужим домыслом составителя каталога выставки, то «готический стиль» фибулы с городища Дуна был упомянут не случайно. В конце 90-х годов XIX в. «готский мираж» уже проник в русскую историческую и археологическую литературу. В понятие «готские древности» было включено огромное количество памятников, относящихся к ряду столетий и происходящих с огромной территории — от Балтики до Черного моря и от Дона до западных оконечностей европейского континента. К «готским древностям» были отнесены и памятники с эмалью.

Исследователи, именовавшие предметы с выемчатой эмалью «готскими», часто не раскрывали, как понимали они связь данных вещей с готами. Далеко не всегда можно понять, считали ли они данные вещи лишь выполненными в «готском стиле», или они видели в вещах с эмалью изделия собственно готских мастеров, попавшие на Оку и Днепр в результате торговли с готами, или, наконец, само население, пользовавшееся данными вещами, представлялось им готским. Большая часть исследователей несомненно и не ставила себе целью уяснение данного вопроса, а просто пользовалась принятым в то время термином. Примером такого неотчетливого представления о зависимости вещей с эмалью от готов могут служить слова Ф. В. Покровского, который, пересказывая мнение И. Р. Аспелина, писал, что последний «приписывает эмалям готское происхождение и в находках их внутри России видит доказательство интенсивного, в топографическом отношении, воздействия готской культуры на Русь» [Аспелин, 1897, с. 170]. Но у многих исследователей термин «готские древности» имел гораздо более определенное содержание, поскольку они считали, что Поднепровье в III—IV вв. принадлежало готам и что Киев был столицей Готской империи. Данная гипотеза была в свое время широко распространена в исторической науке и просуществовала довольно долго. Даже в послереволюционные годы В. А. Городцов писал, что вещи с эмалью «всеми исследователями относятся к готским; а так как готы выбыли с берегов Днепра Киевского района в конце IV века, то эти предметы относить к более позднему времени невозможно» [Городцов, 1926, с. 121]. Следовательно, Городцов называл выемчатые эмали «готскими» не только потому, что они были сделаны готами и попали в Поднепровье путем ввоза, и не потому, что они сделаны в Поднепровье в «готском стиле». Он считал, что в самом Поднепровье жили готы, оставившие здесь после себя явные следы своего пребывания в виде выемчатых эмалей.

Группа исследователей, преимущественно зарубежных, исходя из большого количества находок эмалей в Прибалтике и отождествляя Прибалтику с Готией, также склонялась к мысли о готском происхождении эмалей [Аспелин, 1897, с. 55—56; Gaerte, 1929, S. 240].

В настоящее время концепция готского происхождения эмалей не имеет сторонников среди советских исследователей.

В 1903 г. в литературе появилась новая точка зрения на происхождение эмалей. В своем обзоре памятников с эмалью на территории Восточной Европы А. А. Спицын высказал предположение, что бронзовые украшения с выемчатой эмалью создавались не готами или прибалтами на севере, а аланами на юге. «Аланы, — писал Спицын, — народ с высококультурным прошлым, давние обитатели Поднепровья и Подонья, где уже обнаружены несомненные следы их от VIII—IX вв. (Салты) и, конечно, найдены будут и более ранние, времени расцвета поделок с эмалью» [Спицын, 1903б, с. 160]. Однако тут же Спицын оговаривался, что он называет определенный тип эмалей аланскими «почти совершенно произвольно» и совсем не настаивает на своей теории; удерживает же это название «лишь ради его определенности и удобства».

Надо сказать, однако, что название эмалей «аланские» не было подкреплено никакими доказательствами. Оно не привнесено в литературу и не было воспринято даже теми исследователями, которые соглашались с *А. А. Спицыным* в отношении южного происхождения эмалей. *Н. Е. Макаренко*, сторонник днепровского происхождения эмалей, писал, что он не думает, «чтобы в создании этих вещей принимали бы какое-нибудь участие аланы. Для такого утверждения нет никаких оснований» [Макаренко, 1928, с. 100]. Позже и сам Спицын отказался от наименования эмалей «аланскими». У некоторых исследователей возникла мысль о связи эмалей со славянами, которым, по словам Макаренко, «могла принадлежать известная роль в создании и форм и мотивов вещей эмалевой техники», но о славянах Поднепровья в период времени, о котором идет речь, «мы еще очень мало знаем» [Макаренко, 1928]. Некоторые соображения в этом же плане были высказаны и *А. М. Тальгреном* [Tallgren, 1937, p. 154].

Таким образом, этническая атрибуция эмалей оставалась невыясненной. Поэтому в литературе эмали часто фигурируют просто под названием эмалей «мощинского типа». Тем не менее мысль *А. А. Спицына* относительно южного, днепровского происхождения эмалей надолго утвердилась в литературе как русской, так и зарубежной, в частности прибалтийской. Однако, признавая южное происхождение эмалей, многие по-прежнему видели в них произведения готского или германского искусства [Hackman, 1912, S. 225; Moora, 1932, S. 40; Tallgren, 1937, p. 154]. Некоторые считали, что центров изготовления эмалей было несколько; среди них называли Поднепровье, юго-восточную Прибалтику, Мазурию и др. [Tallgren, 1937, p. 154].

Несмотря на то что *А. А. Спицын* был автором теории южного, днепровского происхождения эмалей, он не мог, видимо, отделаться от мысли об ином, северном, прибалтийском их происхождении, так как в той же работе, даже на той же странице, на которой он назвал эмали «аланскими», Спицын писал: «В днепровских древностях есть целое наслоение, повторяющее типы прибалтийские... Сходство киевской и прибалтийской культуры может пойти и очень далеко... Предметы этих типов, одинаковой формы и техники, встречены всюду в России между Балтийским побережьем, течением Волги, Кавказскими горами, побережьем Черного моря, обоими Бугами и низовьями Вислы» [Спицын, 1903б, с. 160]. А через 20 лет после выхода данной работы он уже не вспоминает об аланах и пишет, что «основалась эта культура на римских провинциальных бронзах... но сложилась между Вислой и Неманом в замечательные по изяществу и разнообразию формы. Ни в Германии, ни в Дании, ни в Швеции этой культуры нет. Зато она обильно покрывает все восточное побережье моря, включая и Финляндию. На восток от Припяти она проникает глубоко», — и далее перечисляет места находок эмалей на территории Восточной Европы [Спицын, 1922, с. 1]. Через 4 года он повторил то же самое, связав эмали с Литвой и указав, что они расходятся отсюда до Припяти и Неману [Спицын, 1926, с. 28], а в 1928 г. Спицын [Спицын, 1928б, с. 337] окончательно отказался от наименования эмалей аланскими, так как это название было, по его словам, дано им «совершенно произвольно и неправильно». По-видимому, тогда же Спицын [Спицын, 1928а] изменил и датировку эмалей, так как в статье «Древности антов», говоря о памятниках Среднего Поднепровья VI—VII вв., он ни словом не обмолвился об эмалях, которые он прежде датировал теми же веками, что и «древности антов» (VI—VIII вв.).

В 1938 г. была опубликована статья *Х. А. Моора*, в которой он подверг сомнению распространенную в литературе точку зрения (разделявшуюся прежде и им самим) относительно южного происхождения эмалей. В свое время *Н. Е. Макаренко* [Макаренко, 1928, с. 99] писал, что в Прибалтике эмалей мало, а те немногие находки, которые там известны, несколько моложе днепровских и потому отмечены печатью вырождения. *Х. А. Моора*, проделавший тщательное сопоставление отдельных типов вещей с эмалью, найденных в Прибалтике и в Поднепровье, приходит к обратному выводу. Он считает, что в Прибалтике известны эмали более ранние, нежели в Поднепровье. Кроме того, в Прибалтике известны прототипы памятников с эмалью, чего нет в Поднепровье. Отсюда Моора [Moora, 1934] делает вывод, что вещи с эмалью распространялись не с юга на север, а в обратном направлении — из юго-восточной Прибалтики в Поднепровье. Он приводит также некоторые наблюдения относительно местных северных центров, изготовлявших вещи с эмалью [Moora, 1938, S. 110— 113].

В 1958 г. *Х. А. Моора* уточнил район, где, по его мнению, впервые появились эмали. Он считает, «что эта группа украшений раньше всего, примерно на рубеже I и II вв., появилась в Мазурии, т. е. на территории древних галиндских и судаво-ятвяжских племен, откуда они затем, очевидно, распространились в Приднепровье и другие места Восточной Европы» [Moora, 1958, с. 27—28, рис. 6 (карта)]. Таким образом, Моора полагает, что эмали возникли в среде восточнобалтийских племен.

Несмотря на то что сам *А. А. Спицын* отказался от выдвинутой им в давние годы теории южного происхождения эмалей, подавляющее большинство советских исследователей до сих пор является ее сторонниками. Поэтому на смену старому термину — «эмали мощинского типа», появился новый термин — «эмали днепровского типа». Вопреки наблюдениям *Х. А. Моора* многие советские исследователи утверждают, что между эмальями Среднего Поднепровья и эмальями Прибалтики нет ничего общего. *П. Н. Третьяков* [Третьяков, 1941а, с. 80, 82] отметил это в отношении эмалей Верхней Волги и связал их всецело лишь с памятниками Поднепровья.

Много внимания уделял и уделяет эмалям *Б. А. Рыбаков*. Им были сделаны попытки определить этническую принадлежность творцов этих «изящных бронзовых украшений, расцвеченных неувядающими красками стекловидной смальты» [Рыбаков, 1943, с. 76]. Он высказал мысль, что это были анты периода полей погребений, анты III—V вв. [Рыбаков, 1943, с. 76]. Позже Рыбаков [Рыбаков, 1947, с. 99] развил высказанную мысль, связав эмали с племенами полян и указав, что центром изготовления вещей с эмалью было Среднее Поднепровье. То же самое Рыбаков повторил в своей капитальной работе «Ремесло древней Руси» [Рыбаков, 1948б, с. 53] и в статье «Древние русы» [Рыбаков, 1953а, с. 92, 94]. В последних работах он датировал эмали несколько более поздним временем — IV—V вв. Исчезновение эмалей он относит к V в. и высказывает предположение, что

«одновременное исчезновение варварских эмалей в V в. во всей Европе наводит на мысль, что стеклянную массу для эмали местные мастера получали из римских стекловаренных мастерских, пришедших в упадок, возможно, в связи с нашествием гуннов и германцев» [Рыбаков, 1943, с. 76]

Несколько слов следует сказать о том, как смотрели отдельные исследователи на генезис вещей с эмалью. А. А. Спицын как в 1903, так и в 1922 г. утверждал, что «формы основных типов поделок с аланской эмалью... взяты с римских эмалированных изделий» [Спицын, 1903б, с. 192]; «никакого отношения к формам поделок со стеклянной инкрустацией они не имеют» [Спицын, 1922, с. 1]. Н. Е. Макаренко, наоборот, полагал, что эмали «возникли под свежим впечатлением инкрустированных камнями вещей» [Макаренко, 1928, с. 100]. Данную точку зрения, следуя Н. П. Кондакову [Толстой, Кондаков, 1890, с. 150], разделял и В. С. Шугаевский [Шугаевский, 1911, с. 253]. В советское время эта точка зрения изложена в макете «Истории СССР» [История СССР..., 1939, с. 207]. Прибалтийские ученые, напротив, выводят формы вещей с выемчатой эмалью из римского провинциального прикладного искусства.

В заключение хочется указать на одно обстоятельство, связанное с датировкой эмалей. Занимаясь датировкой эмалей, не следует упускать из вида, что в конце IV в. произошло событие, оставившее заметный след в истории Восточной и Западной Европы. Речь идет о вторжении гуннов. Некоторые исследователи датируют эмали VI—VIII вв., т. е. *послегуннским* временем. Другие — II—V вв., III—V вв. и IV—V вв., т. е. *относят* их как к догуннскому времени, так и непосредственно ко времени нашествия гуннов. Поэтому за той или иной датировкой

эмалей, принятой исследователями, скрывается их отношение к гуннскому нашествию. Исследователи, которые считают, что памятники с эмалью появились до вторжения гуннов и не исчезли во время их нашествия, не придают особого значения появлению в Европе гуннов. Так, Б. А. Рыбаков в своих работах совершенно не принимает в расчет вторжение гуннов в Восточную Европу и, по-видимому, признает их пагубную роль только для римской культуры, так как «одновременное исчезновение варварских эмалей в V в. во всей Европе» он связывает с прекращением вывоза стеклянной массы из римских стекловаренных мастерских, «пришедших в упадок, возможно, в связи с нашествием гуннов и германцев» [Рыбаков, 1943, с. 76]. Для Восточной же Европы вторжение гуннов Б. А. Рыбаков не считает каким-либо рубежом. Подобная оценка гуннов — довольно распространенное явление. Из всего сказанного следует, что с уточнением датировки эмалей связаны не просто вопросы хронологии этой группы памятников. За их датировкой стоят вопросы историко-культурного и даже часто исторического порядка.

ОБЩИЕ ДАННЫЕ (ТЕРРИТОРИЯ, ПРИНЦИПЫ ОТБОРА ПАМЯТНИКОВ, ТОПОГРАФИЯ И ДАННЫЕ ОБ УСЛОВИЯХ НАХОДКИ ПАМЯТНИКОВ)

Несмотря на то что в монографии ставится цель — изучение памятников Среднего Поднепровья, мы не можем вести это изучение без учета памятников того же характера, разбросанных на территории, во много раз превосходящей территорию собственно Среднего Поднепровья. Памятники с эмалью интересующего нас типа встречаются от Прикамья до Литвы и Венгрии и от Северного Кавказа и юго-западного Крыма до северных побережий Ботнического залива. В пределах очерченной территории эмали распространяются далеко не равномерно. Основная масса их группируется в двух районах — в Прибалтике и в Среднем Поднепровье. Довольно часты находки эмалей в Волго-Окском районе. В остальных районах (Прикамье, Дон, Северный Кавказ, Крым, Венгрия и др.) находки их единичны (см. вклейку, с. 84—85).

На очерченной территории известны памятники с эмалью не только интересующего нас типа. Известны литые бронзовые украшения с выемчатой эмалью скифского времени, галльские или провинциально-римские эмали и эмали на золоте позднесарматского времени и, наконец, те эмали, которые интересуют нас в данной работе, время и происхождения которых нам предстоит определить. Это бронзовые литые украшения, декорированные эмалью, заполняющей углубления, специально сделанные при отливке, другими словами, — типичные выемчатые эмали. Наиболее часто встречается эмаль красного цвета, реже синего, зеленого, белого, оранжевого и желтого цветов. Как правило, в одной ячейке помещается эмаль только одного цвета, но бывают и исключения, когда эмали двух и трех цветов заполняют одну ячейку без каких-либо перегородок между различными цветами. Эмаль в подавляющем большинстве случаев непрозрачная. Бронза, из которой отлиты украшения, имеет свойство покрываться ровной блестящей патиной бурого, зеленого и изумрудного цветов, иногда с ярко-синими пятнами. Этими своими свойствами бронза изделий с эмалью стоит ближе к скифским бронзам, нежели к бронзовым изделиям Киевской Руси, обычно покрытым толстым слоем грубой, шершавой патины. Как форма украшений в целом, так и их орнаментация геометричны. Широко используются круг, полукруг, треугольник, ромб, квадрат, крест и различные сочетания названных фигур. Очень распространены ажурные украшения и сложные, вычурные оформления их краев и выступающих частей. Ажурность и геометричность являются одним из характернейших признаков данного типа эмалей. В дополнение к цветной эмали и ажурной орнаментации вещи декорируются различными сложными профилями — валиками, группами валиков, полочками, ребрышками, фасетками, реберчатыми колечками и гребешками, т. е. *полудисками*, поставленными перпендикулярно к декорируемому предмету. Края гребешков, перемычек и других деталей украшаются бороздками. Некоторые вещи украшены накладными деталями, сделанными из какого-то сплава. Иногда поверхность украшений покрывается тонким слоем серебристого сплава (*Verzinnung*).

Круг памятников с эмалью довольно постоянен. Он ограничивается в основном следующими группами вещей: фибулы (сильнопрофилированные, перекладчатые, треугольные, с элементами деградации, подковообразные,

круглые), браслеты, лунницы большие, цепи, украшения пластинчатые, гривны шейные, лунницы маленькие и другие подвески, накладки, перстни, разное (булавка, шпора, зеркало).

В этом перечне группы вещей приведены в том порядке, в которой они будут рассмотрены в настоящей работе.

Как бы ни казались некоторые вещи с эмалью близкими и похожими одна на другую, при ближайшем рассмотрении они все же оказываются нетождественными. До сих пор ни разу не найдено хотя бы двух вещей, отлитых в одной форме. Видимо, формы, которые изготавливали бронзолитейщики-эмальеры, больше одной отливки не выдерживали.

Все известные до сего времени вещи с выемчатой эмалью — односторонние, т. е. эмалью у них украшена только лицевая сторона; обратная сторона гладкая. Ячейки, заполненные эмалью, располагаются всегда на плоской поверхности. Даже у браслетов выемки для эмали помещались на плоских, специально выпрямленных для этого частях обода. Видимо, технические возможности эмальеров в какой-то мере сказались на характере изготавливавшихся ими вещей, так как в подавляющем большинстве случаев предметы с эмалью плоские. Изогнутые или профилированные поверхности эмалью не покрывались.

В работу включены и некоторые группы вещей, которые несколько отличаются от только что описанных

Во-первых, это такие же вещи, как и обычные изделия с эмалью, но без эмалевой декорировки. Среди них встречаются перекладчатые, треугольные, подковообразные и круглые фибулы, браслеты, лунницы, перстни, по форме и декорировке ничем не отличающиеся от обычных, но ячеек с эмалью на них нет. Синхронность вещей без эмали обычным эмалевым предметам может быть доказана совместными находками тех и других. Например, в большом Мощинском кладе среди нескольких десятков украшений с эмалью, и в том числе треугольных ажурных фибул, оказалась одна точно такая же треугольная фибула, но без эмали [Булычев, 1899, табл. X, 8] (рис. 18, 4).

Во-вторых, вместе с предметами с эмалью должна быть рассмотрена группа вещей, значительно отличающихся от вышеописанных памятников, но безусловно тесно с ними связанных. Это пластинчатые украшения из бронзы и низкопробного серебра, орнаментированные тисненым геометрическим орнаментом — полушариями, прямыми и изогнутыми валиками, колечками и др. Большой частью в этой технике выполнены трапециевидные подвески и крупные украшения в виде одной или двух овальных лопастей, соединенных друг с другом узким обручем. Назначение данных украшений пока не установлено. Синхронность их вещам с эмалью может быть доказана не только находками их в комплексах с эмалью (Межигорье, 1; Мощина, 90), но и тем, что в ряде случаев отдельные детали пластинчатых украшений декорированы эмалью. Они выполнены в технике литья, украшены выемчатой эмалью и соединены с пластинчатыми лопастями или трапециевидными подвесками иногда чисто механически — заклепками. Так, у пластинчатых трапециевидных подвесок (1963), найденных вместе со знаменитой цепью Вильнюсского музея (1961), вместо ушек приклепаны литые крестики с эмалью, а пластинчатые обручи с лопастями клада из Красного Бора (240) имеют литые с эмалью передвижку и бляшки по концам лопастей. В некоторых комплексах пластинчатые украшения не сопровождаются вещами с эмалью (курган на р. Стугна, 51-3; погребение у Жукина, 731-5), но мы включаем и их в число памятников, подлежащих изучению, поскольку они аналогичны вещам клада из Красного Бора, цепи Вильнюсского музея и клада в Межигорье.

Кроме того, в работе, посвященной эмалям, будут рассмотрены некоторые вещи (шейные гривны, двупластинчатые фибулы и др.), относящиеся к другому кругу памятников и генетически не связанные с эмальями (например, 292_4, 56, 573, 81, 84, 8631, 33). Включение их в исследование, каталог и нанесение на карту станет понятным из дальнейшего изложения.

К сожалению, ни разу вместе с эмальями не найдено ни одной монеты. Нумизматический материал в комплексах с эмалью полностью отсутствует,¹ что в значительной мере затрудняет датировку этой своеобразной группы памятников.

Условия находки вещей с эмалью для разных районов весьма различны. Подавляющее большинство эмалей Среднего Поднепровья — случайные находки. Очень часто из одного и того же пункта происходит по несколько вещей. Иногда количество вещей, связанных с определенным пунктом, бывает значительным. Близ Хмельны (30) найдено 12 предметов, близ Гуты Комаровской (39) — 9, близ Черняхова (13) — 8, близ Пекари (29) — 4 и т. д. Однако найдены они в разное время, поступили из разных рук и поэтому могут быть отнесены к разряду типичных случайных находок. Кроме того, указание на место находки — Хмельна, Пекари, Черняхов и др. — можно рассматривать лишь как общий ориентир. Совершенно не обязательно видеть в повторных находках, связанных с названием какого-либо села, вещи, происходящие из одного и того же места, расположенного в районе данного села. Они могли быть разбросанными по разным точкам вокруг того или иного населенного пункта.

Довольно часто отдельные вещи с эмалью попадают на песчаных россыпях по берегам рек. Здесь они встречаются вперемешку с вещами, значительно более ранними (неолит, скифы) и более поздними (XII—XIII вв.). Таковы находки близ Лихачевки (58), Ахтырки (61), Шмыревой (62), Переяслава-Хмельницкого (68), Вишенок (70), Татарской Горки (76), Прогон (79) и Мамекино (81).

Но среди нескольких десятков пунктов, близ которых зарегистрированы находки эмалей (не считая примерно трех десятков депаспортизованных находок) в пределах Среднего Поднепровья известно более десятка комплексов. Так, шесть погребений с очень интересным и богатым инвентарем (5, 63, 64, 73, 80, 82), из них пять под курганами; о шестом (73) известно лишь, что оно было совершено по обряду трупосожжения. Три находки сделаны на поселениях (4, 9, 75), но связь их с поселениями не всегда ясна [**Очерки...**, с. 184, № 360].² В пяти пунктах найдены клады (1, 59, 78, 81, 85). В подавляющем большинстве случаев и на поселениях и в погребениях (не говоря уже о кладах) находки эмалей сделаны при случайных обстоятельствах или при раскопках разведочного характера (Большая Салтановка, 9; Новые Безрадичи, 4) и только однажды при стационарных работах (Кветунь, 82). Все же остальные комплексы (курганы: «Долгая Могила», на р. Стугне, в Москалевке и близ Радичева; сожжение близ Жукина; клады: Межигорский, Мамекинский, Верхнезлобинский) не только плохо документированы, но большей частью и не сохранились (три первых курганных комплекса, клад Межигорский и большая часть Мамекинского). Характер некоторых комплексов не совсем ясен. Например, вещи с эмалью из Борзны (78), также не сохранившиеся, могут представлять как небольшой клад, так и инвентарь погребения.

Все же основную массу составляют единичные находки. Представляет интерес также топография находок в пределах Среднего Поднепровья. Основная масса их связана с Правобережьем, в частности с Поросьем. К югу и северу от Поросья эмали

встречаются реже. Наиболее южные находки происходят из бассейна р. Тясмина. По мере удаления от Днепра на запад находки также редуют. На Левобережье вещей с эмалью значительно меньше, нежели на правом берегу Днепра. Наиболее густо на Левобережье они располагаются по течению Десны. Интересно также, что большая часть комплексов — кладов и погребений — происходит из северных районов Среднего Поднепровья. Ряд комплексов обнаружен уже не в лесостепной, а в лесной зоне и смыкается с кладами, найденными еще севернее, уже за пределами Среднего Поднепровья (Мощина, 90; Красный Бор, 240, и др.).

Проследим, в каких условиях найдены эмали вне бассейна Среднего Днепра. Не будем пока касаться эмалей коренных прибалтийских территорий — Швеции, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и района Мазурских озер — и посмотрим прежде всего, как найдены эмали в северной части Восточной Европы. Эмали здесь встречаются значительно реже, чем в Прибалтике и Среднем Поднепровье. На огромной территории от рек Вятки, Камы и Цны на востоке до Волхова, Ловати и верховьев Западной Двины и Днепра они найдены лишь в 36 точках. В отличие от среднеднепровских эмалей большая часть северных находок так или иначе связана с комплексами, т. е. найдена на поселениях, в погребениях и кладах. Вещи, полностью потерявшие связь с комплексами и ставшие случайными находками, происходят лишь из шести точек: Иванковичи (88), Калужская обл. ? (95), Тихий Уголок (103), Кукарка (112), Хлюпино (113) и Рождественское (116). Плохо документирована находка подковообразной фибулы на территории Муромского могильника (105), вследствие чего неизвестно, органически ли связана она с могильником, или попала сюда со стороны. Своеобразную группу составляют эмали, найденные вместе с вещами значительно более позднего времени: Кирьянова (107) — подковообразная фибула IV в. в инвентаре погребения XI в.; Старая Рязань (102) — большая трехрогая лунница-подвеска IV—V вв. в землянке XII в.; Старая Ладога (147) — литейная форма VI в. в культурном слое «Земляного городища» IX в.; Городок (243) — фрагмент подвески IV—V вв. на городище X—XII вв.; Христова (87) — фрагмент треугольной фибулы V в. среди вещей из разрушенных курганов XI—XII вв., собранных местными жителями на огородах и на кладбище; Ольховка (241) — квадратная ажурная фибула III в. в вершине кургана; Дрокова (245) — треугольная фибула типа процветших V в. в поверхностном слое длинного кургана.

По-видимому, некоторые из этих эмалей попали на более поздние поселения (Старая Ладога, Старая Рязань, Городок) с каких-то более ранних объектов, расположенных по соседству. Подобные случаи известны и для южных территорий. Так, например, два браслета, синхронных эмалям, найдены на Шестовицком поселении X—XI вв. в Черниговской обл. (75), а три эмали найдены в салтовских комплексах (Дмитровский могильник, погребение VIII в. (120); Цимлянское правобережное городище VIII—IX вв. (118)). По-видимому, эти яркие, нарядные украшения, случайно найденные еще в древности, привлекали к себе внимание и тогда, когда время их уже прошло. Литые, массивные, они были достаточно прочными, и это обеспечивало им вторую жизнь в составе убора другой эпохи. Впрочем, найденный в Городке у печи фрагмент подвески был предназначен не для ношения, а скорее всего для переплавки.

Нет окончательной уверенности в том, что на многослойных Федяшевском (92) и Дьяковском (100) городищах и на городище Дуна (91) эмали связаны с синхронными им слоями. Все три находки стратиграфически не фиксированы, на городищах же есть слои и роменского времени, и более позднего.

Очень интересны наблюдения А. А. Спицына относительно Кирьяновской курганной группы и фибулы IV в., попавшей в курган XI в. По мнению Спицына, курганы данной группы расположены на месте более древнего поселения, «с которого в них попали угли и пепел, а также вещи» [**Спицын, 1903а, с. 139, № 45**]. Очень может быть, что и Христова курганная группа располагалась на поселении более раннего времени. Вместе с землей, видимо, попали в насыпь курганов эмали Ольховки (241) и Дроковой (245).

В трех точках найдены клады: Мощинский в бассейне Верхней Оки (90), Красноборский на Березине (240) и у Плёса на Каме (110).

Остальные эмали найдены при археологических исследованиях на 10 поселениях³ и в пяти погребениях,⁴ и связь их с определенным культурным слоем или погребальным комплексом большей частью установлена довольно хорошо. Это дает возможность судить и о времени, в продолжение которого население северных районов пользовалось эмалью, и о той этнической среде, в которой эмали находились, о чем речь пойдет несколько позже.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что условия находок эмалей в северной части Восточной Европы весьма отличны от условий находок их в Среднем Поднепровье. Для северных эмалей характерна связь с комплексами — поселениями и погребениями, и сделанные оговорки о тех или иных особенностях в условиях находок эмалей в лесной зоне не только не противоречат данному положению, но в ряде случаев, пожалуй, лишний раз его подтверждают (например, Кирьяновский, Ольховский и Дроковский курганы).

Еще реже, чем на севере, встречаются эмали на юге — к югу, востоку и западу от Среднего Поднепровья. На территории от Дона и Северного Кавказа до Венгрии они найдены лишь в 16 точках. Как и везде, есть эмали, условия находок которых неизвестны. Таких случайных находок, а по существу находок депаспортизованных, восемь: в бассейне Хопра (Дуровка, 117), три находки на Северном Кавказе (Кумбулта, 122; Рутха, 124; Камунта, 125), в порожистой части Днепра (Сурская Забора, 129), две в Поднестровье (Крылос, 131; 132) и в Венгрии (Сирма-Бешмий, 133). Северокавказские находки происходят скорее всего из разрушенных могил, которых так много в районе Камунты, Кумбулты и Рутхи. Это тем более вероятно, что четвертая эмаль, найденная здесь же (Лезгур,

121), происходит из коллективного захоронения в каменном ящике. Вообще южные эмали найдены преимущественно в погребальных комплексах, в то время как на севере они чаще попадают на поселениях. К сожалению, данные о некоторых погребальных комплексах недостаточно подробны (например, курган в Воронежской обл., 119). Мало что дают и такие комплексы, как коллективные захоронения (Лезгур, 121; Херсонес, 127). Хорошо документированы три погребения с эмалью: в Ровенской обл. (Дитиничи, 130) — германский грунтовый могильник III—IV вв., на Таманском полуострове (Кепы, 128) — одиночное погребение V в. на территории античного города, в Белгородской обл. (Дмитровское, 120) — могильник салтовской культуры, катакомбное погребение VIII в. Хорошо увязываются с последним погребением находки двух эмалей на салтовском Цимлянском правобережном городище VIII—IX вв. (1181, 2, [рис. 22](#), 4, 7), принадлежавшем недавно осевшим кочевникам, о чем свидетельствуют открытые здесь основания юрт. Но как эмаль Дмитровского могильника, так и эмали Цимлянского городища должны быть отнесены к предметам, находившимся здесь во вторичном использовании, а потому данные находки для датировки самих эмалей ничего не дают.

Более чем в 100 точках найдены самые разнообразные вещи с эмалью на землях, расположенных по берегам Балтийского моря и Ботнического залива. Распределяются они здесь, как и везде, очень неравномерно. Густая сеть находок покрывает восточную часть Эстонии и заходит в северную Латвию; затем находки группируются в юго-восточной и юго-западной частях Литвы, и, наконец, большое количество эмалей сосредоточено в Калининградской обл. и северо-восточной Польше. Самые северные находки эмалей известны в Швеции, но здесь их мало — всего три вещи в двух точках. Несколько больше эмалей в Финляндии, причем количество находок здесь все время растет.

В отличие от Среднего Поднепровья, где большая часть эмалей найдена на поселениях, почти все эмали Прибалтики (не считая Швеции и Финляндии, о которых скажем ниже) обнаружены в погребальных комплексах. За исключением двух кладов в Эстонии (Пийльси, 166; Вагула, 176) и одного, по-видимому клада, в Литве (1961), а также нескольких депаспортизованных находок, в частности в юго-восточной Литве (район Вильнюса, 1962-6, 199, 200), можно сказать, что все остальные эмали Прибалтики найдены в погребениях. В Эстонии и северной Латвии они найдены в могильниках с каменными оградками, содержащими остатки трупосожжений. В восточных районах Латвии и Литвы эмали найдены в курганах, служивших коллективными местами захоронений по обряду трупоположения. В юго-западной Литве, в низовьях Немана и у побережья Балтийского моря, эмали найдены при трупоположениях в грунтовых ямах. Отсутствие находок эмалей на поселениях объясняется особенностями истории археологических исследований в Прибалтике, где изучение поселений началось лишь после вхождения прибалтийских республик в СССР. Изучение поселений уже дало результаты: в Латвии на поселении VI—VIII вв. найдено звено цепи с эмалью (184). Следует ожидать, что в дальнейшем находки эмалей на поселениях Прибалтики будут повторяться.

Две из трех эмалей Швеции найдены в большом кладе в Сторкоге (135), третья — случайная находка (134). В Финляндии найдено 11 эмалей. Об условиях находки трех из них (136, 138, 141) ничего не известно, остальные девять (137, 139, 140, 142—146) происходят из погребальных комплексов — из каменных курганов с сожжением.

Таким образом, подавляющее большинство эмалей Прибалтики связано с комплексами, в основном погребальными. Волго-окские эмали также связаны с определенными комплексами — с поселениями и отчасти погребениями и кладами. И только эмали Среднего Поднепровья, за немногими исключениями, представляют случайные разрозненные находки. Последнее обстоятельство существенно затрудняет их датировку и заставляет обращаться за дополнительными данными по их временному определению к эмалью соседних территорий — Волго-Окского междуречья и Прибалтики.

С какими же эмалью встречаемся мы на территории, непосредственно нас интересующей, — в Среднем Поднепровье, и насколько они отличны или схожи с эмалью, происходящими с других территорий? Занимаясь их сопоставлением, мы не можем ограничиться лишь констатацией наличия в Среднем Поднепровье и вне его одинаковых типов вещей, например треугольных или подковообразных фибул. Необходимо посмотреть, как выглядят эти вещи, как они оформлены, имеются ли между ними стилистические различия и *т. д.* Такая работа уже

была проделана однажды Х. А. Моора [[Moora, 1934](#)]. Однако с тех пор прошло около 40 лет, за это время накопились новые материалы. Поэтому небесполезно проделать такую работу вновь.

ОБЗОР ПАМЯТНИКОВ

Сопоставление памятников с эмалью Среднего Поднепровья с эмалью других территорий удобнее всего вести по отдельным типам вещей. При этом на данном этапе работы мы не будем обращать внимания на комплексы, в которых эти вещи найдены.

Фибулы. Группа фибул подразделяется на следующие типы: I — фибулы сильнопрофилированные; II — фибулы перекладчатые; III — фибулы треугольные; IV — фибулы с элементами деградации; V — фибулы подковообразные; VI — фибулы круглые.

I. *Фибулы сильнопрофилированные* (11; 16, [рис. 4, 6](#); 301, [рис. 4, 1](#); 302, [рис. 12, 1](#); 303, [рис. 4, 2](#); 331, [рис. 5, 1](#); 35, [рис. 5, 2](#); 381; 861, 2, [рис. 4, 5](#)). Количество экземпляров — 10. Все они найдены в Среднем Поднепровье. К сожалению, из 10 фибул сохранилась только одна (Хмельна, 301). Фибула Межигорского клада (11), принадлежавшего *И. А. Хойновскому*, еще в давние годы была вместе с кладом продана за границу. От тептиевской фибулы (381) не сохранилось ни рисунков, ни фотографий, о ней известно лишь, что она похожа на фибулы Конончи (331) и Степанцов (35). Хотя обе последние фибулы и принадлежат к типу сильнопрофилированных, по внешнему виду они разнятся довольно значительно, особенно в своих верхних частях. Поэтому представить себе в деталях, как выглядела тептиевская фибула, невозможно. Кроме того, у нас нет достаточно полных данных о форме еще трех фибул (Киевско-Святошинский р-н, 16; Среднее Поднепровье, 861, 2), так как от них сохранились слишком незначительные обломки. О принадлежности их к числу сильнопрофилированных фибул свидетельствуют размеры и пропорции отдельных частей. Так, например, фибула 862 была, по-видимому, очень близка хмельнинской фибуле (303).

Все сильнопрофилированные фибулы Среднего Поднепровья отличаются значительной изогнутостью корпуса. Корпус пересечен перекладинами, большей частью рубчатými. Хвостовая часть, сильно вынесенная вперед, обычно украшена особенно богато — рубчатými перекладинами и бусинами, конусами с бусинкой на вершине и пр. Нижняя часть фибулы, отделенная от верхней в самом широком месте рубчатой перекладиной, всегда двугранная — ребро, проходящее посередине корпуса, резко делит его на две грани. У всех сильнопрофилированных фибул Среднего Поднепровья нижние части корпуса одинаковы. Они разнятся лишь большей или меньшей шириной и богатством профилировки хвостовой части. Верхние же части имеют более существенные различия. Обычно верхняя часть имеет треугольную форму, но иногда она украшена эмалью (Межигорье, 11, Хмельна, 303, Тептиевка, 381, Среднее Поднепровье, 862), иногда нет (Степанцы, 35, Хмельна, 301, 2). Иногда пружина укреплена вверху в одной петле, иногда в двух. Верхняя часть степанецкой фибулы не имеет посередине ребра, она широкая и аморфная, а вместо углублений для эмали на ней сделано три круглых отверстия. Среди перекладчатых фибул, которые будут рассмотрены в следующем разделе, есть фибула (Среднее Поднепровье, 863, [рис. 4, 7](#)) с такими же тремя круглыми отверстиями на верхней части. Она попала в другую группу потому, что ее хвостовая часть оформлена так, как это свойственно фибулам перекладчатым. Следовательно, степанецкая фибула стоит на пороге перехода в фибулы перекладчатые. У нее, а также у хмельнинской (303) и среднеднепровской (862) фибул ось пружины укреплена в трех петлях, как это обычно для перекладчатых фибул. Кроме того, все три последние фибулы крупнее остальных, и все вместе стоят на пороге перехода в фибулы другого типа — в фибулы перекладчатые.

Несмотря на некоторые различия, все среднеднепровские сильнопрофилированные фибулы генетически восходят к одному и тому же типу — провинциально-римским сильнопрофилированным фибулам первых веков нашей эры, распространенным и, по-видимому, сложившимся в особый тип в северных районах Западной Европы [[Almgren, Nermann, 1923, S. 39, Taf. IV, V](#)].

Начиная с III в. в Прибалтике появляется большое количество вариантов сильнопрофилированных фибул, среди них ряд экземпляров чрезвычайно близких фибулам без эмали, найденным в Хмельне (301, 2) и Кононче (331), а также фибуле с эмалью Межигорского клада (11) [[Tischler, 1902, Taf. II, 10–13](#)].

К IV в. в различных районах сильнопрофилированные фибулы приобретают ярко выраженные локальные черты. Так, в Эстонии складываются фибулы типа Тюрсамяэ — крупные нарядные фибулы, обычно украшенные эмалью, но не выемчатой, а в высоких накладных гнездах, прикрепленных к концам профилированных перекладин, к головке фибулы, а иногда и к ее хвостовой части [[Шмидехельм, 1955, рис. 42, 1](#)]. В Латвии на ос-

нове сильнопрофилированных фибул развивается другой местный тип, не менее вычурный, нежели фибулы типа Тюрсамяэ. Это также крупные, сильно изогнутые фибулы с большим количеством тонких перекладин, заканчивающихся как бы «молоточками» [[Moora, 1929, Taf. IV, 3; VI, 7–9; см. также: RK 1896, Taf. 5, 16](#)]. Но ни в Эстонии и Латвии, ни в более южных районах Прибалтики пока неизвестно ни одной фибулы, которая была бы похожа, например, на крупную хмельнинскую фибулу с эмалью и тремя петлями для пружины (303) или на фибулу Степанцов (35) с ее тяжелой верхней частью и таким же устройством пружины. И если для небольших сильнопрофилированных фибул без эмали Хмельны (301, 2) и Конончи (331) можно найти большое количество родственных типов в ранних фибулах Северной Европы, если межигорская фибула с эмалью в треугольном углублении кроме данной своей особенности ничем не отличается от небольших сильнопрофилированных фибул

Хмельны и Конончи и поэтому входит в тот же круг североамериканских памятников, то крупные фибулы Хмельны и Степанцов не могут быть сопоставлены непосредственно с этими ранними фибулами Северной Европы. По-видимому, они являются особым поздним вариантом сильнопрофилированных фибул, развившимся параллельно с поздними фибулами Эстонии (типа Тюрсамая) и Латвии (типа переключчатых с «молоточками»), но связанных с каким-то иным районом. Дальнейшее развитие сильнопрофилированных фибул с выемчатой эмалью дало довольно значительную серию памятников, известных под названием переключчатых. К рассмотрению их мы и перейдем.

II. *Фибулы переключчатые* (8, [рис. 4](#), 9; 11; 121, [рис. 4](#), 3; 122, [рис. 5](#), 3; 221, [рис. 12](#), 2; 23, [рис. 4](#), 4; 304; 305, [рис. 4](#), 8; 40, [рис. 12](#), 3; 43; 541, [рис. 5](#), 4; 801, [рис. 3](#), 1; [831](#), [рис. 2](#), 1; [863](#), [рис. 4](#), 7; [911](#), [рис. 15](#), 3; 92, [рис. 15](#), 1; 114, [рис. 12](#), 4; 1221, [рис. 23](#), 7; [125](#), [рис. 23](#), 8; 128; 234, [рис. 28](#), 3, 4).

Переключчатыми называются фибулы, корпус которых пересечен в нескольких местах переключчинами. Известно большое количество видов переключчатых фибул. За исключением одного, все они распространены за пределами Среднего Поднепровья. Но и эти переключчатые фибулы, или, как их еще называют, фибулы «вендского типа», далеко не однородны. Общими признаками, объединяющими их, являются массивный изогнутый корпус с ребром посередине, пересеченный в двух местах поперечными переключчинами. Корпус изогнут меньше, чем у сильнопрофилированных фибул. Намечается тенденция к превращению фибулы из изогнутой в прямую. Переключчатые фибулы не имеют того сильного сужения корпуса книзу, которое наблюдается у сильнопрофилированных фибул. Вместо легкой, несмотря на обильную профилировку, резко вынесенной вперед хвостовой части сильнопрофилированных фибул у переключчатых нижняя часть грузная и широкая и не имеет той богатой профилировки, которая, собственно, и является основным украшением сильнопрофилированных фибул. Верхняя часть переключчатых в общем такая же, как и у поздних крупных сильнопрофилированных, т. е. *широкая* треугольная с ребром посередине или с фасетками по бокам и с тремя петлями для закрепления пружины. В центре верхней части обычно расположено треугольное углубление, заполненное эмалью.

В настоящее время переключчатых фибул известна 21, из них большая часть — 13 — найдена в бассейне Среднего Днепра. В пределах Среднего Поднепровья из 13 экземпляров 12 обнаружено на Правобережье и только две в северной части Левобережья — на Десне (801, 831). Ближайшие к ним находки известны на верховьях Оки (911, 92). Остальные семь фибул найдены далеко за пределами бассейна Среднего Днепра — на Нижней Каме (114), на Таманском полуострове (128), на Северном Кавказе (1221, 125). Пара фибул найдена в погребении на территории Польши (234).

Переключчатых фибул, как и сильнопрофилированных, сохранилось очень мало, всего шесть (Васильковский р-н, 8; Григоровка, 23; Дуна, 91; Федяшева, 92; Камунта, 125; Кепы, 128).¹ Остальные известны по публикациям, фотографиям и рисункам. О десяти фибулах достаточно полных сведений нет. От трех фибул не сохранилось ничего, кроме кратких записей в музейной инвентарной книге или упоминаний в литературе (Шепиевка, 11; Хмельна, 304; Каневский р-н, 43); две из них (Шепиевка и Хмельна) несколько более понятны, поскольку их сравнивают с фибулами, известными по публикациям. Две фибулы (Зарубинцы, 221; Броваха, 40) известны по наброскам в архиве А. А. *Спицына*, понятным, однако, не до конца. Три фибулы представляют собой фрагменты, недостаточные для того, чтобы реконструировать их со всеми подробностями (Васильковский р-н, 8; Григоровка, 23; Кумбулта, 1221).² По двум из этих фрагментов мы не можем даже определить, были ли фибулы прежде украшены эмалью (Васильковский р-н, Кумбулта).

По оформлению нижней части корпуса переключчатые фибулы делятся в основном на два подтипа: 1) с треугольным нижним концом и 2) с крестчатым нижним концом. После рассмотрения этих подтипов будут рассмотрены некоторые переключчатые фибулы, сохранившиеся фрагментарно или известные лишь по недостаточно полным и ясным описаниям, вследствие чего мы не можем отнести их ни к первому, ни ко второму подтипу переключчатых фибул.

II. 1. Фибулы переключчатые с треугольным нижним концом (11; 121, [рис. 4](#), 3; 122, [рис. 5](#), 3; 304; 305, [рис. 4](#), 8; 801, [рис. 3](#), 1; 863, [рис. 4](#), 7; [911](#), [рис. 15](#), 3; 128; 234, [рис. 28](#), 3, 4). Количество экземпляров — 11, из них в Среднем Поднепровье найдено 7, в бассейне Оки — 1, на Таманском полуострове — 1 и в Польше — 2.

Фибулы, входящие в данный подтип, являются наиболее яркими представителями переключчатых фибул. К сожалению, из 10 фибул сохранилась только одна (Дуна, 911), однако публикации и другие материалы дают возможность составить о них достаточно полное представление. Для двух фибул не удалось найти изображений, но указания на то, что шепиевская фибула (11) похожа на фибулу из Ромашков (122), с городища Дуна (911) и Двораки Пикуты (234), а хмельнинская (304) — на ту же ромашковскую фибулу, достаточно точно определяют их тип.

Фибулы данного подтипа, как правило, очень крупные. Две переключчины делят массивный двугранный корпус на три примерно равные части. У некоторых основание верхней, треугольной части по ширине равно или почти равно ширине средней части (122, 305, 234). У других верхняя часть начинается с узкого основания и стоит как бы на шейке, опирающейся на широкую верхнюю переключчину. Треугольная верхняя часть и сужающаяся книзу средняя часть корпуса образуют как бы два треугольника, поставленных один над другим (801, 911). К этой композиции из двух треугольников добавляется снизу третий треугольник, но перевернутый вершиной вверх. В некоторых случаях фибулы построены симметрично — размеры верхнего и нижнего треугольников одинаковы (121, 801, 911, 234). Иногда же нижняя треугольная часть имеет меньшие размеры и более тупые углы (305). На верхнем щитке три петли для пружины, под крайними петлями круглые выступы либо с эмалевым полем, либо с круглым сквозным отверстием. У фибул Двораки Пикуты (234) такие диски помещены по углам даже нижнего треугольника. Верхняя

часть фибулы с городища Дуна (911) ажурная. У остальных верхняя и нижняя части декорированы треугольными эмалевыми полями. Среднюю часть эмалью никогда не украшали.

Фибулы сохраняют еще значительную S-образную изогнутость, хотя некоторые имеют лишь один перегиб корпуса — только на уровне верхней перекладки; хвостовая их часть лежит уже в одной плоскости со средней (122, 305, 911, 234). У других S-образная форма профиля сохраняется еще полностью (121, 801). Особенно заметна изогнутость корпуса у ромашковской фибулы (121). Депаспортизованная фибула 863 (рис. 4, 7) лишена эмали. Интересны три дырочки на ее верхней части, заставляющие вспомнить позднюю сильнопрофилированную фибулу Степанцов (35, рис. 5, 2). Такие отверстия при подчеркнутой на рисунке А. А. Спицына S-образности корпуса и одной петле для укрепления пружины имеются у зарубинецкой фибулы (221, рис. 12, 2). Видимо, это одна из ранних перекладчатых фибул, хотя корпус ее уже не сужается книзу, как у сильнопрофилированных. К сожалению, концевая часть ее либо не дорисована Спицыным, либо не сохранилась.

Перекладки перекладчатых фибул оформлены различно. Наряду с распространенным приемом обработки их поверхности параллельными бороздками встречается и иное их оформление, например валиками, окаймляющими сверху и снизу широкое гладкое поле (122, 801). Точно так же оформлены перекладки некоторых латвийских перекладчатых фибул «с молоточками» III—IV вв. [Moora, 1929, Taf. IV, 3—6; 1938, Abb. 18, 6, 8; см. также: RK 1896, Taf. 5, 18, 19]. У одной из ромашковских фибул перекладки декорированы ромбиками (121). В некоторых случаях перекладки изогнуты под углом соответственно двугранной форме корпуса (234), в других перекладки совершенно прямые.

II. 2. Фибулы перекладчатые с крестчатым нижним концом (40, рис. 12, 3; 541, рис. 5, 4; 831, рис. 2, 1; 92, рис. 15, 1; 114, рис. 12, 4; 1221, рис. 23, 7; 125, рис. 23, 8).

Количество экземпляров — 7, из них в Среднем Поднепровье найдено 3, в Волго-Окском бассейне — 2 и на Северном Кавказе — 2. Из семи фибул данного подтипа сохранилось две (Федяшева, 92; Камунта, 125). Остальные известны лишь по публикациям и архивным данным. Отличие фибул этого подтипа от только что описанных заключается в ином оформлении хвостовой части. Форма и декорировка двух верхних частей корпуса те же, что и у фибул с треугольником внизу. У данной серии фибул внизу вместо треугольника помещается крестообразная фигура, состоящая из ромба с дисками или крестиками по углам. Ромб, а иногда и центры дисков украшены эмалью. Интересны особенности головатинской фибулы (541), верх которой, к сожалению, утрачен. Вместо эмалевого ромба внизу у нее ромбическое отверстие, а по углам ромба — диски с бусинками, как у маленьких эмалированных лунниц. Такие же диски помещены на концах верхней перекладки фибулы. Несколько необычна декорировка перекладчин федяшевской фибулы (92): в углублениях между бороздками рядами посажены точки, что придает фибуле несколько пестрый вид. Сложная, а иногда и грузная композиция нижней части фибулы данного подтипа лишает ее монументальности, присущей фибулам подтипа II. 1, и указывает, по-видимому, на известную деградацию формы «классической» перекладчатой фибулы.

Перекладчатых фибул, форма которых не может быть восстановлена в деталях, пять экземпляров (8, рис. 4, 9; 221, рис. 12, 2; 23, рис. 4, 4; 43; 1221, рис. 23, 7). От трех фибул сохранились только небольшие фрагменты (Васильковский р-н, 8; Григоровка, 23; Кумбулта, 1221). Зарубинецкая фибула (221) известна по незаконченному (?) наброску А. А. Спицына, и последняя (43) — по краткому описанию. Сохранившаяся верхняя часть григоровской фибулы очень близка фибуле Камунты (125, рис. 23, 8), однако уверенности в том, что и низ ее был таким же крестчатым, безусловно, нет. У фибулы Васильковского р-на не сохранилась также хвостовая часть. От кумбултской фибулы (1221) осталась, наоборот, только хвостовая часть, но нет уверенности, что данный крестчатый фрагмент был частью, а не фрагментированной крестчатой подвеской (см. с. 77). Если на фибуле была эмаль, то только на хвостовой части, так как в верхней ее трети вместо углубления для эмали сделана треугольная прорезь. Что касается васильковской фибулы, то ее реконструкция, данная на рис. 4, 9, конечно, не может быть сочтена за единственно возможную. У фибулы мог быть и крестчатый низ.

В заключение несколько слов о фибуле, найденной на Суле в Сумской обл., по-видимому, во впускном погребении в скифский курган «Долгая Могила» (64). В. И. Сизов [Тр. XI АС, 1902, с. 82] назвал ее «эмалированной фибулой готского типа». Можно только гадать, к какому типу принадлежала эта фибула, однако наименование «готский» как-то меньше подходит к круглым или подковообразным фибулам. Скорее всего, это была либо треугольная, либо перекладчатая фибула. Мне она представляется именно перекладчатой, поскольку у таких фибул наиболее «западный» вид, отчего их иногда и называют «вендскими». Перекладчатую фибулу с городища Дуна (91) Ю. Г. Гендуне [Гендуне, 1903] считала выполненной в «готском стиле». Подтвердить чем-либо еще свое

представление о фибуле «Долгой Могилы», как о перекладчатой, я не могу.

III. Фибулы треугольные (41, рис. 6, 7; 10, рис. 6, 1; 123, рис. 5, 6; 132, рис. 6, 2; 133, рис. 5, 7; 251; 291; 52; 74, рис. 5, 8; 781 (2 экз.), рис. 1, 1, 2; 864; 88 (2 экз.); 90, рис. 17, 2-4; 18, 1-4; 127 (2 экз.), рис. 23, 1, 2; 129, рис. 31; 133, рис. 23, 9; 245, рис. 29, 2). Количество экземпляров — 26, из них в Среднем Поднепровье найдено 12 и вне его — 14. Из 14 днепровских фибул в одном только Мощинском кладе их оказалось семь (90, рис. 17, 2—4; 18, 1—4). Следовательно, на все остальные днепровские находки приходится только семь экземпляров, разбросанных по огромной территории: верховья Западной Двины (Дрокова, 245) и Десны (Иванковичи, 88), Днепровское Надпорожье (Сурская Забора, 129), Крым (Херсонес, 127) и даже Венгрия (Сирма-Бешмий, 133).

В отличие от фибул сильнопрофилированных и перекладчатых фибулы треугольные сохранились сравнительно хорошо. Из 26 фибул уцелело 18³ (Новые Безрадици, 41; Ромашки, 123; Черняхов, 132, 3; Старгородка, 74; Иванковичи, 88; Мощина, 90; Херсонес, 127; Сурская Забора, 129; Дрокова, 245). Четыре фибулы известны по публикациям (Михайловка, 10; Борзна, 781; Сирма-Бешмий, 133) и только от четырех не сохранилось ни фотографий, ни рисунков, и они известны лишь по музейным записям (Гришинцы, 251; Пекари, 291; Староселье, 52; Среднее Поднепровье, 864).

Треугольные фибулы чрезвычайно разнообразны в деталях, иногда весьма существенных. Но все же можно указать для них ряд основных более или менее общих признаков. большей частью это очень крупные фибулы, достигающие в высоту 14—15 см. Все они имеют отчетливо выраженную треугольную форму, причем вершина этого треугольника обращена вниз и оформлена различно. Поверхность фибулы изрешечена ажурным геометрическим орнаментом, а отдельные поля заполнены эмалью. Орнамент располагается ярусами; эмалевые поля, большей частью треугольные, обычно помещаются в двух ярусах (внизу один треугольник, сверху два) и чередуются с полосами ажурного орнамента из треугольников, дужек, крестов, зигзагов, ромбов, кружков, овалов и других геометрических фигур. У некоторых фибул эмалью заполнено также широкое прямоугольное поле в верхней части фибулы, идущее параллельно пружине. Эмалью декорируются также нижние, концевые части фибул. Боковые части рамы фибул имеют фасетки. У некоторых фасетирована и нижняя, концевая часть. Обычно концевая часть отделена от остальной поверхности фибулы перекладиной. Вверху пружина, ось которой закреплена в двух петлях, размещенных по углам. Фибулы плоские и с лицевой и с оборотной стороны. Незначительный рельеф создают лишь перекладины нижнего конца. Никакого изгиба фибулы не имеют, все части расположены в одной плоскости, и профиль их абсолютно прям. Треугольные фибулы полностью утратили трехчастное деление корпуса, отчетливо выраженное у фибул сильнопрофилированных и перекладчатых. Поверхность треугольной фибулы разбита на ряд орнаментальных горизонтальных полос, количество которых произвольно.

Треугольные ажурные фибулы настолько отличны от фибул перекладчатых, что спутать их невозможно. И тем не менее их нижние концевые части оформлены одинаково. Перекладчатые фибулы делятся на фибулы с концом в виде треугольника и с концом в виде креста. Точно так же могут быть разбиты на подтипы и треугольные фибулы. Они также делятся на фибулы с треугольным и с крестчатым концом. Кроме того, существует небольшая группа фибул с концом, превратившимся в сплошное кружево, или как бы процветшим.

Как среди перекладчатых, так и среди треугольных фибул некоторые фрагментарно сохранившиеся фибулы не могут быть отнесены ни к одной из трех указанных групп и будут просто упомянуты в самом конце.

III. 1. Фибулы треугольные с треугольным нижним концом (10, [рис. 6, 1](#); 74, [рис. 5, 8](#); 88; 90, [рис. 17, 2-4](#); 18, [1-4](#); 127, [рис. 23, 1, 2](#); 133, [рис. 23, 9](#)). Количество экземпляров — 14, из них в Среднем Поднепровье найдено 2 (Михайловка, 10; Старгородка, 74). К этому же подтипу принадлежат 7 фибул Мошинского клада (90), пара фибул Иванковичей (88), пара фибул Херсонеса (127) и венгерская фибула (133). У подавляющего большинства фибул форма треугольного конца абсолютно такая же, как и у перекладчатых. Иногда это треугольник с широким основанием, с углами, сильно растянутыми в стороны; иногда треугольник растянут значительно слабее, а то и просто похож на трапецию. Иногда по углам треугольника помещены бусинки или колечки (Михайловка, 10; Старгородка, 74), как и у перекладчатых фибул (Двораки Пикуты, 234). У Михайловской фибулы на границе основного корпуса и концевой части посажена вторая пара колечек.

III. 2. Фибулы треугольные с крестчатым нижним концом (41, [рис. 6, 7](#); [123, рис. 5, 6](#); 133, [рис. 5, 7](#); [291; 781, рис. 1, 1, 2](#)). Фибул с крестчатым нижним концом известно 6 экземпляров. Все они найдены в Среднем Поднепровье. К сожалению, полностью сохранились только две (Ромашки, 123; Черняхов, 133) и фрагментарно третья (Новые Безрадици, 41). Две пары Борзненского клада (781) не сохранились, но хорошо опубликованы. Фибула, найденная близ Пекари (291), известна лишь по записи в музейной инвентарной книге, в которой на этот раз, к счастью, указано, что на конце фибулы был крест.

Несколько особняком стоит большая треугольная фибула (Новые Безрадици, 41, [рис. 6, 7](#)). От концевой части у нее сохранились лишь незначительные обломки, свидетельствующие о том, что концевая часть ее имела сложную композицию, аналогичную ажурной крестообразно-ромбической композиции маленькой треугольной фибулы Черняхова (131, [рис. 6, 3](#)), которая будет рассмотрена среди фибул подтипа IV. 2.

III. 3. Фибулы треугольные процветшие (129, [рис. 31; 245, рис. 29, 2](#)). Количество экземпляров — 2. Обе фибулы найдены вне Среднего Поднепровья — в верховьях Западной Двины (Дрокова, 245) и в Днепровском Надпорожье (Сурская Забора, 129). Последняя является самой крупной треугольной фибулой. У обеих фибул чрезвычайно развита нижняя концевая часть. У дроковской фибулы она составляет $\frac{1}{3}$ всей длины, у сурской — немного меньше.

В основе хвостовой части обеих фибул лежит треугольник, но он окружен со всех сторон причудливым узором из дисков. На первый взгляд эти диски представляются нагроможденными хаотически, однако на самом деле они расположены в строгой системе, группируясь в слившиеся друг с другом крестики. Диски окружают не только концевую часть фибул, но посажены и вдоль рам. Вся эта оторочка придает фибулам чрезвычайно красивый, как бы кружевной вид. Приходят на память латвийские перекладчатые фибулы, у которых торчащие в стороны и вниз многочисленные тонкие перекладины заканчиваются «молоточками» или бусинками (RK 1896, Taf. 5, 16, 22-25).

Но процветшие фибулы отличаются от остальных треугольных не только оформлением внешнего контура. Поверхность рамы у сурской фибулы, края перекладчин и вообще все детали, не покрытые эмалью, украшены накладными тонкими полосками из какого-то серебристого сплава. Поверхность накладных полосок покрыта тисненым орнаментом из мельчайших ромбов. Во многих местах полоски уже отвалились. Кроме того, на все диски напаяны рельефные накладки с орнаментом из концентрических колец, сделанные также из серебристого сплава. На дроковской фибуле ни полосок, ни их следов не видно, но накладки на дисках были; правда, от них сохранились только следы в виде припоя. Подобное богатое убранство выделяет сурскую и дроковскую фибулы среди остальных треугольных фибул. Однако орнаментация вещей с эмалью рельефными накладками не является чем-то исключительным вообще. Декорировку рельефными кружками или следы ее в виде припоя удалось обнаружить еще на 12 вещах с эмалью, преимущественно на круглых фибулах. Вещи с подобной декорировкой найдены в основном в Латвии, Эстонии и даже в Финляндии. Мы рассмотрим их несколько позже.

Говоря о сложном оформлении концевой части дроковской и сурской фибул, нельзя не вспомнить о сильно развитой ажурной концевой части черняховской фибулы (131, подтип IV, 2) и, по-видимому, фибулы Новых Безрадицей (41, подтип III, 2). Концевая часть черняховской фибулы, равная по высоте $\frac{1}{2}$ высоты всей фибулы, строенные диски по углам ромба, соединенные друг с другом перемычками, — все это ближайшим образом напоминает процветшие фибулы. Однако настоящего кружевного узора ни у черняховской, ни у безрадицкой фибул нет, отчего их и нельзя отнести к группе процветших.

IV. *Фибулы с элементами деградации* (131, [рис. 6, 3](#); 306; 307, 8, [рис. 6, 4, 6](#); 41, [рис. 6, 11](#); 571, [рис. 5, 5](#); [60](#) (2 экз.); 76, [рис. 6, 5](#); [821, 2, рис. 6, 10, 9](#); 87, [рис. 14, 7](#); [90](#) (2 экз.), [рис. 17, 1](#); 18, 5; 1082, [рис. 14, 8а—8г](#); 116, [рис. 22, 6](#); 1181, 2, [рис. 22, 4, 7](#); 170, [рис. 14, 10](#); 174, [рис. 5, 3](#); 225, [рис. 25, 1](#); [229, рис. 25, 5](#)). Количество экземпляров — 22, из них в Среднем Поднепровье найдено 9, в Прибалтике — 3, в бассейнах Дона, Оки и Волги — по 2, на Верхнем Днестре — 1 и на Чудском озере — 1.

К типу IV отнесены фибулы, в основе которых лежат, с одной стороны, фибулы перекладчатые, а с другой — треугольные. Ряд особенностей, не свойственных обычным перекладчатым и треугольным фибулам, заставил выделить их в самостоятельный тип. Одной из особенностей этих фибул является частое отсутствие на них эмалей. Второй особенностью является то, что среди фибул данного типа много таких, у которых размеры значительно меньше обычных; для краткости будем называть их лиллипутами. Кроме того, небольшую группу составляют фибулы, в которых соединены черты и перекладчатых и треугольных фибул, т. е. *фибулы-гибриды*. Классифицировать фибулы соответственно вновь появившимся признакам (малые размеры, отсутствие эмали и ряд других) оказалось невозможным, так как все они переплетаются. Фибулы разделены соответственно той основе, на которой они возникли, т. е. *фибулы*, имеющие в основе фибулы перекладчатые, и фибулы, имеющие в основе фибулы треугольные. Особо выделены гибриды. Общее представление о количестве фибул, отмеченных теми или иными особенностями, видно из следующего:

IV. 1. В основе перекладчатая фибула: с эмалью - 1; без эмали - 9; всего - 10; из них лиллипутов - 9

IV. 2. В основе треугольная фибула: с эмалью - 5; без эмали - 4; всего - 9; из них лиллипутов - 6

IV. 3. Гибрид (треугольно- перекладчатая): с эмалью - 1; без эмали - 1; всего - 2; из них лиллипутов - 0

Неопределим: с эмалью - 1; без эмали - 0; всего - 1; из них лиллипутов - 0

Всего: с эмалью - 8; без эмали - 14; всего - 22; из них лиллипутов - 15

IV. 1. Фибулы, имеющие в основе тип обычной перекладчатой фибулы (306; 307, [рис. 6, 4](#); 571, [рис. 5, 5](#); [60](#) (2 экз.); [821, 2, рис. 6, 10, 9](#); 116, [рис. 22, 6](#); 1182, [рис. 22, 7](#); [170, рис. 14, 10](#)). Количество экземпляров — 10, из них в Среднем Поднепровье найдено 7, в бассейне Дона — 2, на Чудском озере — 1. Эмаль оказалась только на одной (Пастерское, 571), а фибул-лиллипутов найдено девять (Хмельна, 306, 7; Пастерское, 571; Кветунь, 821, 2; Цимлянское, 1182; Компанейцы, 60 (пара); Светлые Вешки, 170). Из фибул лучше других сохранились шесть: две фибулы-лиллипуты, найденные близ Кветуни (821, 2), пара фибул-лиллипутов, найденных близ Компанейцев (60), хмельнинская фибула-лиллипут (307) и фибула со Средней Волги (Рождественское, 116). У последней детали обычной перекладчатой фибулы как-то нелепо и уродливо утрированы, вся она кривая, грузная и лишена эмали. Хмельнинская фибула значительно чище по работе, но и на ней нет эмали и она перегружена деталями, не свойственными перекладчатым фибулам, — дисками, как на процветших фибулах, обрамляющими ее со всех сторон, в том числе и на нижнем треугольнике между парой дисков по его углам. Этот «третий нижний диск» — одна из особенностей фибул типа IV: из 22 фибул данного типа третий нижний диск (однажды встретился крестик) есть у девяти фибул.⁴ Ни у одной из фибул, рассмотренных выше, третьего нижнего диска не было. Кроме того, у хмельнинской фибулы есть еще одна не встречающаяся донине особенность — упрощение застегивочного механизма. Пружина у обычной перекладчатой фибулы и держащие ее две или три петли на хмельнинской фибуле исчезли. Игла — простой кусок проволоки — закреплена самым примитивным образом в круглом отверстии у верхнего края фибулы, как язычок у пряжки. Это еще одна особенность фибул IV типа, и известна она у девяти фибул.⁵ Две кветуньские фибулы-лиллипуты отмечены обеими указанными особенностями. Внизу у них третий нижний диск, а вверху упрощенное устройство иглы; по концам перекладчин остатки дисков, как у хмельнинской фибулы. Эмали нет, работа топорная. Очень похожа на хмельнинскую цимлянская фибула-лиллипут (1182), сохранившаяся, к сожалению, фрагментарно. Эмали на ней нет, по всем углам и выступам диски, устройство иглы самое простое. Фрагменты двух фибул, найденных на Пастерском городище (571) и на Чудском озере (Светлые Вешки, 170), настолько малы, что о них можно сказать только то, что они были фибулами-лиллипутами и что на пастерской фибуле была эмаль — единственный случай среди фибул подтипа IV. 1. Последняя фибула данного подтипа (Хмельна, 306) утрачена. Про нее известно только, что в основе ее лежала форма перекладчатой фибулы и что, судя по высоте (10. 6 см), она была фибулой-лиллипутом.

IV. 2. Фибулы, имеющие в основе тип обычной треугольной фибулы (131, [рис. 6, 3](#); 308, [рис. 6, 6](#); 76, [рис. 6, 5](#); [87, рис. 14, 7](#); [90, рис. 18, 5](#); 1181, [рис. 22, 4](#); 174, [рис. 25, 3](#); 223, [рис. 25, 4](#); 229, [рис. 25, 5](#)). Количество экземпляров — 9, из них в Среднем Поднепровье найдено 3, на Дону — 1, в бассейне Оки — 1, на Верхнем Днепре — 1 и в Прибалтике — 3. Эмаль оказалась на пяти фибулах (Черняхов 131; Хмельна, 308; Христова, 87; Грунайки, 223; Здоры, 229), а фибул-лилипотов — 6 (Черняхов, 131; Хмельна, 308; Татарская Горка, 76; Саамуэли, 174; Грунайки, 223; Здоры, 229). Фибулы данного подтипа сохранились довольно хорошо, только у двух обломаны концевые части и у одной — верх. Некоторые фибулы отмечены особенностями, характерными для фибул IV типа, о которых говорилось выше. Так, у трех фибул есть третий нижний диск (Хмельна, 308; Цимлянское, 1181; Саамуэли, 174) и у трех — упрощенное устройство застегивающего механизма (Черняхов, 131; Татарская Горка, 76; Цимлянское, 1181), чего не было ни у одной обычной треугольной фибулы. У черняховской фибулы-лилипота (131) сильно развита концевая часть. Ромбический ажурный низ фибулы составляет $\frac{1}{3}$ всей ее высоты. У прибалтийской фибулы-лилипота (Здоры, 229), наоборот, нижний треугольный выступ крайне мал. Фибула, найденная у Христовой (87), и фибула-лилипот с Татарской Горки (76) представляют собой как бы сокращенный вариант обычной треугольной фибулы. В отличие от двухъярусного размещения эмалевых треугольников на обычных треугольных фибулах на данных фибулах имеется только по одному треугольнику; при этом на фибуле с Татарской Горки он лишен эмали. У обеих фибул концевые части были, по-видимому, сложного ажурного рисунка, подобного концевой части Черняховской фибулы (131). Треугольный корпус христовской фибулы расширяется кверху как-то особенно резко. У хмельнинской же фибулы-лилипота (308), наоборот, боковые стороны почти параллельны. Рисунок прорезей у нее тоже необычен — на сохранившейся части фибулы нет ни одной треугольной прорези. Так же необычны прорези цимлянской фибулы (1181) в виде узких прямоугольников. Кстати, у нее на концевой части вместо третьего нижнего диска третий нижний крестик. Эмали нет, застегивающий механизм упрощен. Эстонская фибула-лилипот (Саамуэли, 174) полностью лишена эмали, зато поверхность ее сплошь покрыта серебристым сплавом, как у многих прибалтийских украшений (главным образом латвийских). Таким же сплавом покрыт диск на мазурской фибуле-лилипоте (Здоры, 229). Мощинская фибула (90, [рис. 18, 5](#)) по форме ничем не отличается от остальных семи треугольных фибул того же клада, но на ней нет ни одного гнезда с эмалью.

IV. 3. Фибулы-гибриды — треугольно-перекладчатые (41, [рис. 6, 11](#); 90, [рис. 17, 1](#)). Количество экземпляров — 2, из них один найден в Среднем Поднепровье, другой — в бассейне Оки. Одна из фибул лишена эмали (Каневский р-н, 41), у второй эмалью заполнено два треугольных поля (Мощина, 90). Фибула-гибрид Каневского р-на по своим размерам и главное по силуэту ничем не отличается от обычных перекладчатых фибул с крестчатым концом. Она имеет ясно выраженное трехчастное деление — вверху два треугольника, поставленных один над другим, внизу крест. Однако вся поверхность фибулы изрешечена, как на треугольных фибулах, прорезями. Эмали нет. Интересно, что концы нижнего креста повторяют формы декоративных фигур, встречающихся на литовских подковообразных фибулах с эмалью (например, Великушес, 1932, [рис. 24, 5](#)). На мощинскую фибулу-гибрид исследователи давно уже обратили внимание. Так, А. Хакман [[Hackman, 1912, S. 220, Abb. 36](#)] считал, что фибула Мощинского клада является промежуточным звеном между сильнопрофилированной фибулой Межигорского клада и обычными треугольными. Позже промежуточное положение данной фибулы между фибулами перекладчатыми и треугольными отметил Б. А. Рыбаков [[Рыбаков, 19486, с. 55—56, рис. 6](#)]. Оба исследователя безусловно правы в том, что мощинская фибула составлена из элементов фибул двух различных типов. Две нижние трети представляют собой часть фибулы перекладчатой, верхнюю же треть образует сокращенный вариант фибулы треугольной. Однако я совсем не согласна с обоими авторами в том, это данная фибула является промежуточным звеном в процессе образования форм от сильнопрофилированных или перекладчатых к треугольным.

Что представляет собой гибрид и когда он появляется — на рубеже ли одного сложившегося и другого рождающегося типов, как представляли себе А. Хакман и Б. А. Рыбаков, или тогда, когда оба типа сложились? Мне представляется последнее предположение более правильным. Это особенно отчетливо видно на примере мощинской фибулы-гибрида. Ее верхняя часть, хотя и сокращенно, но абсолютно точно передает мельчайшие детали, существенные треугольным фибулам. Чтобы сделать сокращенный вариант нормальной треугольной фибулы, необходимо иметь перед глазами уже сложившуюся треугольную фибулу. Треугольные фибулы появились не потому, что, делая перекладчатую фибулу, мастер решил как-то по-иному оформить ее верхнюю часть. Наоборот, мастер решил придать верхней трети перекладчатой фибулы форму треугольной потому, что она была ему известна по уже существовавшим экземплярам. Напомним, что сокращенный вариант треугольной фибулы, такой же, как на верхней трети мощинской фибулы, существует в виде отдельной, совершенно самостоятельной поделки (Христова, 87, [рис. 14, 7](#)) — подтип IV, 2. Чтобы компановать тип или, вернее, компилировать, нужны материалы, из которых можно составлять эту композицию. Обе фибулы-гибриды по существу являются своеобразными компиляциями. Появление гибридов произошло уже после того, как полностью сложились «классические» формы перекладчатых и треугольных фибул. Следовательно, в принципе гибриды моложе перекладчатых и треугольных фибул. Необходимо также учесть, что у наших гибридов нет элементов фибул сильнопрофилированных. Очевидно, в то время, когда создавались гибриды, сильнопрофилированные фибулы были уже более или менее далеким прошлым. Отсюда следует, что: 1) треугольные и перекладчатые фибулы моложе сильнопрофилированных и 2) перекладчатые и треугольные фибулы сосуществуют. Таким образом, самыми поздними оказываются гибриды.

В заключение укажу, что в одной из обычных мощинских треугольных фибул есть элементы гибридности. Между ее концевой частью и треугольным корпусом помещен как бы отрезок перекладчатой фибулы — часть ее средней части. От этого низ фибулы приобрел крайне вытянутые формы, а концевая часть оказалась приставленной как бы на высокой шейке ([рис. 17, 2](#)).

К IV типу относится фрагмент еще одной фибулы, найденной на верхневолжском городище Березняки (1082, [рис. 14, 8а—8г](#)), однако подтип фибулы не может быть определен. Фрагмент представляет собой концевой треугольник и

мог принадлежать фибуле, имеющей исходным прототипом как перекладчатую, так и треугольную фибулу. Фрагмент отнесен к IV типу потому, что на нем есть третий нижний диск — черта, свойственная фибулам только данного типа. Фибула была грубой поделкой, о чем можно судить по сохранившемуся фрагменту. Толщина его около 1 см, а глубина ячейки для эмали 6 мм, в то время как обычно толщина слоя эмали не превышает 1—1.5 мм.

Суммируя все сказанное о фибулах IV типа, следует подчеркнуть следующие моменты. Все они являются вариантами «классических» перекладчатых и треугольных фибул и все отмечены чертами деградации, выражающимися каждый раз по-своему — в грубости работы, в огрублении формы, уплощенности, уменьшении размеров, отсутствии эмали, перегрузке мелкими деталями, упрощении застегивающего механизма и др. Как особая форма дальнейшей разработки исходных «классических» образцов может быть расценено и появление гибридов. В какой-то мере по обилию декоративных деталей сродни фибулам IV типа процветшие фибулы подтипа III. 3, оконтуренные кружевом из дисков.

Мы рассмотрели фибулы трех основных типов — сильнопрофилированные, перекладчатые и треугольные, а также производные от них. Не требует особых доказательств давно принятое в литературе положение о том, что в основе фибул перекладчатых лежат фибулы провинциально-римские сильнопрофилированные. Об этом еще в 1912 г. писал А. Хакман, который сравнил межгорскую фибулу с типичной провинциально-римской профилированной фибулой из Занте в Латв. ССР (Тукумский р-н). В свою очередь межгорская фибула, по мнению А. Хакмана [**Hackman, 1912, S. 218**], является прототипом фибул перекладчатых. Позже Х. А. Моора [**Moora, 1934, S. 87**] полностью поддержал наблюдения А. Хакмана. В 1948 г. Б. А. Рыбаков [**Рыбаков, 19486, с. 54, рис. 6**] повторил мысль А. Хакмана и Х. А. Моора с той только разницей, что указанная им провинциально-римская сильнопрофилированная фибула была взята из находок не североευропейских, откуда происходит основная масса их, а с Днестра, где они единичны.⁶

Таким образом, данный вопрос в основном можно считать решенным. Прделанный выше подробный разбор фибул первых трех типов полностью подтвердил высказанную ранее мысль. Наиболее древними следует считать фибулы сильнопрофилированные с эмалью, фибулы же перекладчатые и треугольные являются производными от них, а следовательно, и более поздними.

Однако здесь хотелось бы указать на некоторые детали относительно хронологии данных памятников. Безусловно верно, что сложение типа треугольной фибулы относится к более позднему времени, нежели перекладчатой. Треугольные фибулы почти полностью утратили черты, присущие провинциально-римским фибулам. У перекладчатых фибул эти черты видны еще вполне отчетливо. Однако если сильнопрофилированные фибулы с эмалью довольно быстро вышли из обихода и их перестали делать, то фибулы перекладчатые продолжали оставаться в употреблении и тогда, когда появились фибулы треугольные. Доказательством этому служит то обстоятельство, что элементы обоих данных типов служили материалом при компоновке фибул-гибридов. Следует, однако, отметить, что наибольшее количество вариантов связано не с перекладчатыми, а с треугольными фибулами — фибулы процветшие (III. 3), фибулы-гибриды (IV. 3) и целая серия фибул подтипа IV. 2. Все они являются производными от треугольных фибул «классического» образца, и их следует считать более поздними, нежели обычные треугольные фибулы. В целом хронологическая последовательность появления различных типов фибул представляется следующей: 1) фибулы сильнопрофилированные, с эмалью и без эмали (I); 2) фибулы перекладчатые с треугольным нижним концом (II. 1); 3) фибулы треугольные с треугольным нижним концом (III. 1); 4) фибулы перекладчатые с крестчатым нижним концом (II. 2); 5) фибулы треугольные с крестчатым нижним концом (III. 2); 6) фибулы треугольные процветшие (III. 3); 7) фибулы-гибриды, треугольно-перекладчатые, с эмалью (IV. 3); 8) фибулы с элементами деградации, созданные на основе фибул перекладчатых и треугольных, без эмали и с эмалью (IV. 1 и IV. 2).

Второе, на чем следует остановиться, это вопрос о наличии или отсутствии сходства между среднеднепровскими фибулами рассмотренных типов и фибулами других территорий, в первую очередь Прибалтики. Отдельные сопоставления памятников, сведения об их топографии приводились попутно. К ка-ким же выводам в отношении данной большой группы памятников позволяют прийти сделанные наблюдения?

Констатирована безусловная близость между перекладчатыми фибулами Двораки Пикуты в Польше (234) и среднеднепровскими фибулами (Ромашки, 122; Радичев, 801 и др.), а также стилистическая общность между треугольными фибулами Эстонии (174) и северо-восточной Польши (223, 229) и такими же фибулами Среднего Поднепровья. Указывалась также близость ряда орнаментально-декоративных приемов памятников Прибалтики и Среднего Поднепровья. Наблюдения над топографией находок показали, что из 80 фибул данной серии на Прибалтику и Польшу приходится только пять, на Среднее Преднепровье — 45 и на всю остальную территорию Восточной Европы — 30 (из них в одном Мощинском кладе найдено девять фибул). Принимая во внимание, что отдельные южные находки, такие как эмали Северного Кавказа, Херсонеса и Венгрии, являются чисто случайными для этих территорий, можно сказать, что абсолютное большинство фибул — сильнопрофилированные, перекладчатые и треугольные — найдено в Среднем Поднепровье. Всего три треугольные фибулы позднего типа в Прибалтике и две перекладчатые фибулы в Польше — это настолько мало, что вопрос о роли Прибалтики в создании памятников с эмалью, казалось бы, можно было решить не в пользу прибалтийских территорий. Однако, во-первых, одними фибулами не исчерпываются памятники с эмалью. Предстоит рассмотреть еще не одну группу их. Во-вторых, топография в данном случае не является решающим моментом. Здесь имеют значение несколько иные обстоятельства.

Исследователи Прибалтики неоднократно и совершенно справедливо отмечали огромную роль провинциально-римского прикладного искусства в сложении памятников с эмалью. Поэтому необходимо посмотреть, которая из двух спорных территорий — Среднее Поднепровье или Прибалтика — обладала более благоприятными условиями для сложения памятников с эмалью, впитавших в себя многие элементы провинциально-римского прикладного искусства. И вот если посмотреть на Прибалтику и Среднее Поднепровье с этой точки зрения, то вопрос о сложении памятников с эмалью придется решить, пожалуй, не в пользу Среднего Поднепровья. Огромное влияние, которое оказало римское прикладное искусство на культуру Западной и Центральной Европы, не ощущается в Среднем Поднепровье, если не считать Черняховскую культуру, привнесенную сюда на короткий срок извне. Наоборот, в культуру Прибалтики провинциально-римское прикладное искусство вошло органически. Это хорошо прослеживается и на материале интересующих нас типов фибул, в основе которых лежит фибула сильнопрофилированная. На что можно, конечно, возразить — провинциально-римские сильнопрофилированные фибулы известны не в одной Прибалтике. Но на это следует ответить, что прежде всего нужно обращаться к материалам тех территорий, где наряду с сильнопрофилированными фибулами есть и вещи с эмалью, а не к тем, где эмалей нет. Ссылка *Б. А. Рыбакова* на находку сильнопрофилированной (одной!) фибулы в Поднестровье как на прототип среднеднепровских сильнопрофилированных фибул с эмалью является недоразумением. Указанная им фибула найдена не в Поднестровье, а в могильнике у с. Гач близ Пшеворска (Малопольша) [*Hadaczek, 1909, Tab, AI*].⁷ На Днестре же нет ни сильнопрофилированных фибул, ни эмалей. Территории, где бы эмали сочетались с культурой определенного характера, кроме Прибалтики, не существует. Поэтому мы и должны обратить внимание прежде всего именно на нее. К данному вопросу придется обращаться еще неоднократно.

V. *Фибулы подковообразные* (134, 5, [рис. 7, 11, 8, 17](#); 19-211, 2, [рис. 7, 2, 4](#); [252, рис. 7, 6](#), 261, [рис. 7, 5](#); 309, [рис. 13, 4](#); 332; 37; 44; 45, [рис. 7, 3](#); 46; 542, [рис. 7, 7](#); [572, рис. 7, 9](#); 671, [рис. 13, 5](#); [832](#) (2 экз.), [рис. 2, 2](#); 865, 6, [рис. 7, 1, 10](#); 867, 8; 90; 95; 96; 100, [рис. 16, 4](#); 101, [рис. 16, 3](#); 105, [рис. 16, 1](#); 106, [рис. 16, 5](#); [107, рис. 16, 2](#); 109, [рис. 16, 6](#); 117, [рис. 22, 5](#); 134; 135 (2 экз.); 136; 138; 139; 141; 143; 144; 148; 153; 1561-4; 157; 1581-4; 159; 160; 1631-3; 165; 166, [рис. 25, 9](#); 177; 185; 189, [рис. 24, 3](#); 1932, [рис. 24, 5](#); 194; 1951; 197; 198; 199, [рис. 24, 1](#); 200, [рис. 24, 6](#); 204; 2051, 2, [рис. 28, 6, 5](#); 206, [рис. 24, 2](#); 210; 211, [рис. 24, 4](#); 223; 225; 227; 228 (2 экз.); 2301; 2322 (2 экз.); 235; 236; 238, [рис. 14, 2](#)). Количество экземпляров — 85, из них в Среднем Поднепровье найден 21, в Волго-Окском бассейне — 10, в северо-восточной Польше — 11, в Белоруссии — 2, в Литве — 12, в Латвии — 2, в Эстонии — 18, в Финляндии — 6, в Швеции — 3.

За многие годы, в течение которых исследователи обращались к изучению эмалей, постепенно произошла своеобразная специализация. Русские и советские ученые с особым интересом относились к фибулам треугольным, поскольку подавляющее большинство их найдено в Среднем Поднепровье и его ближайшем окружении. Ученые же Прибалтики и Финляндии с большим вниманием изучали фибулы подковообразные, так как именно на прибалтийских и финских землях данные фибулы встречаются особенно часто. Здесь известны подковообразные фибулы не только с эмалью, но и без нее. Последние, относящиеся к самым различным периодам, особенно многочисленны, отчего многие исследователи — А. Хакман [*Hackman, 1912*], Х. А. Моора [*Moora, 1934; Moora, 1935; Moora, 1938, S. 105 c. q.*], М. Х. Шмидехельм [*Schmiedehelm, 1928*], Э. Кивикоски [*Kivikoski, 1937, Kivikoski, 1955*] и др. — уделяют им в своих работах большое внимание. Х. Сальмо посвятил финским подковообразным фибулам специальную монографию [*Salmo, 1956*].⁸ Усилиями указанных ученых, а также других

исследователей хорошо разработана типология и хронология подковообразных фибул как относительная, так и абсолютная, а также выявлены локальные варианты, определены районы их производства и распространения. Предлагаемая ниже схема классификации подковообразных фибул построена на материалах исследований упомянутых выше авторов.

К сожалению, далеко не все фибулы сохранились. Некоторые, составлявшие собственность частных коллекционеров, уже давно, миновав музейные хранилища, куда-то исчезли (например, фибулы коллекций Беляева (95), *В. В. Гезе* (252), *А. С. Уварова* (105)), некоторые погибли во время Великой Отечественной войны (832, фибулы собр. КИМ — 17, 37, 44). Но несмотря ни на что, о 80 фибулах у нас есть данные, позволяющие более или менее уверенно разделить их на пять подтипов. Только для шести фибул нет достаточных данных для отнесения их к тому или иному подтипу (37, 44, 153, 210 и 223). Относительно одной фибулы (Бурты, 17), нет уверенности, что она была подковообразной.

V. 1. *Фибулы подковообразные с тонким ободком, круглые в сечении, с дисками по концам* (19—211, 2, [рис. 7, 2, 4](#); 261, [рис. 7, 5](#); 45, [рис. 7, 3](#); 46; 542, [рис. 7, 7](#); [671, рис. 13, 5](#); 865, [рис. 7, 1](#); 199, [рис. 24, 1](#); 2301; 2322 (2 экз.); 235). Количество экземпляров — 13, из них в Среднем Поднепровье найдено 8, в Литве — 1, в северо-восточной Польше — 4. Фибулы, входящие в данный подтип, имеют вид небольшой подковки, согнутой из тонкой, круглой в сечении, иногда слегка уплощенной, проволоки. По концам — диски с эмалью. Фибулы без эмали редки (19—21), 46, 865). Посредине дуги иногда помещается третий диск (542), или небольшой прямоугольник (2301), или легкая профилировка (19—211, 199). Орнамент на дисках крестообразный или центрический, иногда он дополнен гравировкой — колечками по концам эмалевого крестика (542), шнурочком по краю диска (261, 45). Однажды гравированными глазками украшена и сама дужка фибулы (542). У фибул без эмали диски украшены только гравировкой — кружочками, наколом (19— 211, 46, 865).

Мысль о том, что форма подковообразной фибулы восходит к провинциально-римским образцам, принята сейчас всеми исследователями. В качестве исходного образца указывают на небольшие подковообразные пряжки с тонкой дужкой и дисками только по концам, известные на территориях, подвластных римлянам [*Moora, 1934, S. 83*].

Третий диск или профилировка посередине дуги — результат позднейшей местной переработки исходной формы. Позже у подковообразных фибул средний диск или клеймо иной формы становится неизменной и совершенно обязательной деталью.

Х. М. Моора (*ibid.*, S. 84) в свое время указывал, что наиболее ранние подковообразные фибулы, т. е. *фибулы* с тонким ободком, происходят главным образом из Мазурии или из Калининградской обл. За пределами данной территории ему в то время было известно только две ранние фибулы — в Литве (199) и в Среднем Поднепровье (261). В настоящее время количество ранних фибул Среднего Поднепровья удалось увеличить до восьми экземпляров. Следовательно, количество ранних фибул в Среднем Поднепровье довольно значительно. Они составляют почти половину всех подковообразных фибул, найденных здесь.

V. 2. Фибулы подковообразные с граненым ободком средней ширины (134, [рис. 7](#), 11; 309, [рис. 13](#), 4; 332; 572, [рис. 7](#), 9; 867, 8; 90; 96; 117, [рис. 22](#), 5; 135; 159; 177; 204; 2051, [рис. 28](#), 6; 206, [рис. 24](#), 2; [225](#); [227](#); [236](#); [238](#), [рис. 14](#), 2). Количество экземпляров — 19, из них в Среднем Поднепровье найдено 6, в Волго-Окском бассейне — 3, в Белоруссии — 1, в Эстонии — 2, в Литве — 3, в северо-восточной Польше — 3, в Швеции — 1.

Фибулы данного подтипа отличаются от предыдущих большей шириной дужки. Последняя в сечении имеет не круг, а треугольник. Концы дужки заканчиваются дисками, всегда украшенными эмалью; посередине дужки всегда помещается третий щиток с эмалью — диск (332), ромб (309), но чаще всего прямоугольник (134, 868, 117, 135, 159, 177, 206, 225, 236). Некоторые фибулы данного подтипа сохраняют черты фибул более ранних. Так, фибула с поселения у Малышков (238) при утолщенном граненом ободе вместо третьего диска имеет посередине профилировку (три гребешка), а эмаль занимает лишь небольшую площадь в центре диска. То же самое повторяется на пастерской фибуле (572); посреди граненой дужки помещается не диск, а валик; ячейки для эмали у пастерской фибулы, расположенные крестообразно, занимают лишь центры дисков. Данная фибула имеет в настоящее время несколько необычный вид, отчего ее иногда ошибочно принимают за браслет. Концы фибулы сомкнуты, один диск подведен под другой, после чего они скреплены друг с другом штифтом.

Орнаментация дисков очень разнообразна. У некоторых фибул эмаль покрывает центры дисков. Так, у фибул черняховской (134), пастерской (572), из Конончи (332) и Барглува Дворного (236) эмалью заполнен лишь крестик в центре диска. О фибуле с поселения у Малышков (238) с ее небольшим эмалевым кольцом в центре диска говорилось выше. Но большей частью эмалью покрыто все поле диска, разделенное литыми перегородками на ячейки различной формы — сегменты, секторы, кружки, ромбы и др. (134, 309, 90, 117, 135). В соседних ячейках эмаль бывает то одного (134, 117), то разных (309) цветов. Сравнительно редкий случай двуцветной эмали без перегородок представляет литовская фибула (Саргенай, 206). Здесь на красном эмалевом фоне помещены крестики из зеленой эмали. С подобным искусным техническим приемом мы еще встретимся ниже. Обе эстонские фибулы лишены эмали. Фибула, найденная в Ярве (159), представляет собой грубую поделку с плоским не только щитком, но и дужкой. Фибула, найденная в Вана-Роза (177), аналогична ей.

V. 3. Фибулы подковообразные, с широким уплощенным ободом и тремя крупными дисками (866, [рис. 7](#), 10; 134; 135; 136; 138; 139; 141; 143; 144; 148; 1563, 4; 157; 1581-4; 160; 1631_3; 165; 166, [рис. 25](#), 9). Количество экземпляров — 23, из них в Среднем Поднепровье найден 1, в Эстонии — 14,

в Финляндии — 6 и в Швеции — 2. В подавляющем большинстве фибулы данного подтипа очень крупные. Широкая дужка сильно уплощена. По концам и посередине обода у всех фибул, кроме среднеднепровской (866), помещены очень крупные диски. Фибулы однотипны и несколько тяжеловесны. Бронза, из которой они отлиты, иногда имеет сероватый оттенок, но есть фибулы с обычной для вещей с эмалью ярко-зеленой блестящей патиной. В подавляющем большинстве случаев диски орнаментированы ромбом, вписанным в круг. Ромбы и овалы вокруг них большей частью заполнены эмалью двух разных цветов (белой и красной, красной и зеленой). Иногда ромб остается непокрытым эмалью. Две фибулы, найденные в Эстонии (Пада, 1631, 2), орнаментированы несколько по-иному. Диск одной фибулы украшает сегнерово колесо, у другой диски разделены литыми дужками на овальные ячейки. Последняя фибула отличается также тем, что она значительно меньше обычного. Близка ей по орнаментации и размерам одна из двух шведских фибул (135), включенная в подтип V. 2 на том основании, что среднее поле ее имеет не круглую, а прямоугольную форму. Однако обод ее не граненый, а округлый, что сближает ее с фибулой, найденной в Паде. Шведская фибула, как и фибула Пады, невелика по размерам. Известна также одна маленькая фибула, повторяющая форму больших, но полностью лишенная эмали (Тырма, 165).

Кроме эмали фибулу часто украшает гравировка — шнурочек, точки и пр. Шнурочком обычно оконтурено эмалевое поле, а сложно скомбинированные гравированные каемки пересекают ободок по сторонам дисков. На двух фибулах Тюрсамяэ (158) вдоль ободка выбиты глазки.

Топография фибул подтипа V. 3 очень интересна. Если отбросить гибридную среднеднепровскую фибулу, то все остальные найдены только на севере — в Эстонии, Финляндии и Швеции. Подавляющее большинство их — 14 экземпляров — происходит из Эстонии, значительно меньше их в Финляндии — шесть — и только две найдены в Швеции. На всей территории распространения фибул данного вида подковообразных фибул других подтипов почти нет. Все это дало основание эстонским и финским исследователям считать этот подтип подковообразных фибул эстонским, сложившимся в пределах северо-восточной Эстонии. Есть предположение также, что одна из финских фибул (141) была изготовлена в Финляндии по эстонским образцам, а одна из шведских фибул (134) привезена из

Финляндии [[Moora, 1938, S. 108, Anm. 3](#)]. Так или иначе, но данный подтип подковообразных фибул является чисто северным и довольно узко локализованным.

V. 4. Фибулы подковообразные с широким граненым ободом и ромбом посередине (822 (2 экз.), [рис. 2, 2](#); 95; 100, [рис. 16, 4](#); 101, [рис. 16, 5](#); [105, рис. 16, 1](#); 106, [рис. 16, 5](#); 107, [рис. 16, 2](#); 109, [рис. 16, 6](#); 1562; 197; 200, [рис. 24, 6](#); 2052, [рис. 28, 5](#); [228](#) (2 экз.)). Количество экземпляров — 15, из них в Среднем Поднепровье найдено 2, в Волго-Окском бассейне — 7, в Эстонии — 1, в Литве — 3 и в северо-восточной Польше — 2. У фибул данного подтипа обод в сечении трехгранный, по концам его диски с эмалью, а посередине ромб с кружками по углам. Некоторые экземпляры достигают больших размеров (9—10 см в диаметре — 100, 106, 197), но есть фибулы и средней величины (5. 5—7 см в диаметре — 101, 105, 107, 200, 2052). Большой частью эмалевое поле на дисках и ромбе не пересечено загородками, но у некоторых фибул литые перегородки делят эмалевые поля на отдельные ячейки (100, 101, 106, 107, 1562). У трех фибул бассейна Верхней Волги (Дьяково, 100; Грехов Ручей, 106; Кирьянова, 107) треугольные ячейки с эмалью на ромбических щитках перемежаются с гладкими бронзовыми треугольниками. На Оке у фибулы Кузьминского могильника (101) в центре ромба дополнительная перегородка. У эстонской фибулы (Ябара, 1562) диски перегороджены кружками. У литовской фибулы (Бакшай, 2052) в красную эмаль дисков вкраплена без перегородок светлая эмаль желтоватого и голубовато-белого цветов. Кружки по углам ромбов у данной фибулы литые, без эмали и прикреплены на штифтах.

Кроме обычных фибул этого подтипа, есть три фибулы, отличающиеся рядом особенностей. К сожалению, две фибулы клада у Глажево на Десне (832) известны лишь по схематическому рисунку, поэтому не все их детали понятны. Диски одной из них соединены узкой дужкой с точечным узором; такие же точки идут вдоль всего обода. Третья не совсем обычная фибула (Усть-Царевское, 109) является грубейшей отливкой (из серебра?). Диски ее слились, на месте ромба как бы бантик. И диски, и ромб покрыты круглыми и продолговатыми ячейками, но следов эмали нет. С внутренней стороны обода ушко для иглы; подобное устройство иглы типично для среднеокских фибул.

Фибулы данного подтипа в своих классических образцах распространены в Литве (197, 200, 2052) и в Волго-Окском бассейне (95, 100, 101, 105—107, 109). Одна такая фибула найдена в Эстонии (1562). Последняя, видимо, привезена с юга — из восточных районов Литвы или Латвии, поскольку именно эти районы считаются родиной фибул данного типа [[Шмидехельм, 1955, с. 98—100](#)]. Впрочем, в Латвии таких фибул пока не найдено.

Из находок в Среднем Поднепровье следует указать на одну не совсем обычную фибулу, которую нельзя причислить ни к фибулам эстонской серии (V. 3), ни к литовско-латвийским фибулам. Условно она отнесена к подтипу V. 3. Фибула эта, найденная где-то в Среднем Поднепровье (866, [рис. 7, 10](#)), представляет собой гибрид из форм двух последних подтипов. Фибула очень крупная, и по форме уплощенного обода и крупным дискам по его концам она аналогична эстонским фибулам. Однако вместо третьего диска на середине обода у нее посажена ромбическая композиция, как на литовских фибулах. Трудно сказать, где была сделана данная фибула, но одно несомненно, что она сделана по северным образцам, точнее, по образцам подковообразных фибул Эстонии и Литвы.

V. 5. Фибулы подковообразные с фигурными отростками по ободу (252, [рис. 7, 6](#); 1561; 185; 189, [рис. 24, 3](#); 1932, [рис. 24, 5](#); 194; 1951; 198; 211, [рис. 24, 4](#)). Количество экземпляров — 9, из них в Среднем Поднепровье найден 1, в Белоруссии — 1, в Латвии — 2 и в Литве — 5. Фибулы данного подтипа одинаковы по форме обода и щитков для эмали и разнятся между собой только размерами и формой отростков, посаженных по внешнему краю обода. По форме своего двугранного обода они ближе всего

к фибулам подтипов V. 4 и V. 2. На концах обода всегда помещаются диски, на середине — всегда прямоугольный щиток. За одним исключением, поля не имеют внутренних перегородок и заполнены эмалью одного цвета. Только у эстонской фибулы (1561) поля перекрещены по диагонали и ячейки заполнены эмалью двух цветов — красной и белой. Таким образом, по своей основе фибулы очень однотипны. Разнятся же они только по декоративному убранству своего обода, края которого украшены различными фигурными отростками. По форме отростков и их количеству фибулы могут быть разделены на две разновидности: а) фибулы с пятью секировидными отростками (252, 189, 211); б) фибулы с многочисленными отростками вычурной формы (1561, 185, 1932, 194, 1951, 198).

Фибулы разновидности «а» найдены в Среднем Поднепровье (252), Латвии (189) и Литве (211). Они совершенно одинаковы. Правда, все они фрагментированы, однако сохранившиеся части одних фибул хорошо дополняют несохранившиеся части других. Каждая фибула имеет по пять секировидных выступов, отходящих от дисков, среднего щитка и в двух местах от внешнего края обода.

Фибулы разновидности «б» более разнообразны. На каждой из них от семи до 11 отростков с внешней стороны обода, и в трех случаях еще дополнительные отростки, помещенные внутри обода. Форма отростков различна. В одном случае они похожи на кораллы (1932), в другом — на маленькие двурогие лунницы с группами шариков на рожках (198); иногда отростки имеют Т-образную форму, но на концах у перекладины то колечки (1951), то шарики (1561). Однако независимо от различий в оформлении отростков любые из них делают фибулы вычурными. Вычурны, впрочем, не только подковообразные фибулы. Среди выемчатых эмалей довольно много вещей, контур которых окаймлен различного рода отростками. Вычурны одетые в кружево процветшие треугольные фибулы, некоторые большие лунницы-подвески, вычурны контуры некоторых шарнирных цепей для ритонов. На рожках маленьких лунниц помещаются целые гроздья из колечек, кружков, шариков, окружающих треугольный корпус лунницы легкой ажурной сеткой. В юго-восточной Прибалтике и в Калининградской области вообще заметна склонность к вычурному оконтуриванию изделий. Многие фибулы и подвески Литвы и Калининградской области

окаймлены, как кружевом, множеством причудливых отростков. Иногда эти декоративные дополнения разрастаются настолько, что основа вещи тонет среди декоративного убранства [Gaerte, 1929, S. 189, Abb. 139e, 140; Puzinas, 1938, Tab. XXIV, 42]. Поэтому я полагаю, что подковообразные фибулы с отростками по ободу скорее всего следует считать сделанными в Литве.

Ни к одному из пяти подтипов подковообразных фибул нельзя отнести маленькую фибулу, найденную близ Черняхова (135, [рис. 7](#), 8). Она лишена эмали, очень мала, а посередине обода вместо обычных фигур — ромба, диска или прямоугольника — посажен ажурный крестик.

Несколько общих замечаний о подковообразных фибулах. Относительная хронология их примерно соответствует тому порядку, в котором они были рассмотрены, а именно: 1) фибулы с тонким ободком, круглым в сечении (V. 1); 2) фибулы с граненым ободком средней ширины (V. 2); 3) фибулы с широким уплощенным ободом и тремя крупными дисками (V. 3); 4) фибулы с широким граненым ободом, дисками по концам его и ромбами посередине (V. 4); 5) фибулы с фигурными отростками по ободу (V. 5).

Из пяти подтипов подковообразных фибул происхождение фибул двух подтипов более или менее определилось. Фибулы подтипа V. 3 отливали в Эстонии, фибулы подтипа V. 5 — в Литве. В отношении фибул остальных трех подтипов ясности меньше, но возможно, что и они своим происхождением обязаны юго-восточной Литве.

Интересна топография находок отдельных типов фибул вне Прибалтики. В Волго-Окском бассейне найдены фибулы только двух близких друг к другу подтипов — с граненым ободом и тремя эмалевыми полями на ободке (V. 2 и V. 4), причем среди находок очень много крупных экземпляров. В Среднем Поднепровье же найдены фибулы почти исключительно двух первых, наиболее ранних подтипов (V. 1 и V. 2). Это фибулы небольшие, с тонкими ободками. Можно ли из этого делать какие-то выводы, в частности вывод о происхождении эмалей в Среднем Поднепровье? Думаю, что этого делать не следует, потому что проблема происхождения эмалей не может быть решена на данных топографии одного-двух видов памятников с эмалью без учета всех остальных данных, в частности данных о корнях той культуры, на основе которой могли эти памятники возникнуть. Вероятно, когда-нибудь особенностям в размещении подковообразных фибул объяснение и будет найдено, но оно не будет связано с вопросом происхождения эмалей.

Подковообразные фибулы — одно из самых распространенных украшений северо-западных районов Восточной Европы. Они известны здесь с очень ранних времен и сохранились в большом количестве вариантов до очень позднего времени. В XI в. они становятся обычным явлением не только на землях народов Прибалтики, но и на северо-западных территориях Древней Руси. Для южных районов Древней Руси они никогда не были характерны. Сравнительно немного их в Среднем Поднепровье и в докиевский период.

VI. *Фибулы круглые* (281; 32, [рис. 13](#), 6; 661; 672; 869; 1081, [рис. 14](#), 13; 111, [рис. 14](#), 12; 142; 1565; 1586; 162; 1634; 164; 167, [рис. 13](#), 8; 1712; 173; 175; 176; 1783, [рис. 26](#), 1; 1801; 1811, [рис. 26](#), 2; 1812; 246, [рис. 14](#), 11). Количество экземпляров — 23, из них в Среднем Поднепровье найдено 5, в Эстонии — 10, в северной Латвии — 4, в Финляндии — 1, на Верхнем Днепре — 1, в Прикамье — 1, на Верхней Волге — 1.

Круглые фибулы очень разнообразны и многочисленны. Не все подтипы есть в Среднем Поднепровье, поэтому неизвестные в Поднепровье круглые фибулы учтены в перечне не с исчерпывающей полнотой. Так, почти не включены в перечень многочисленные ранние эстонские ажурные фибулы без эмали и, по-видимому, не полностью собраны аналогичные им фибулы с эмалью (VI. 1). Наибольший интерес для нас представляют фибулы двух подтипов — с вписанным крестом (VI. 2) и с фестончатой каймой (VI. 3), поскольку фибулы именно этих подтипов найдены в Среднем Поднепровье. Круглые фибулы подтипа VI. 4 (с вырезной каймой) собраны

полностью, но они малочисленны в Латвии и совершенно отсутствуют в Среднем Поднепровье.

VI. 1. Фибулы круглые ажурные с колечками по внешнему краю обода и с четырьмя круглыми прорезями внутри него (1565, 1586, 162). Количество экземпляров — 3 (возможно, учтены не полностью); все найдены в Эстонии. Фибулы данного подтипа представляют собой диск с четырьмя круглыми прорезями. В четырех секторах и в центре помещаются гнезда с эмалью. В целом в круглом ободке фибулы образуется крестчатая композиция. Вписанный крест имеет форму георгиевского креста, т. е. с сильно расширенными концами. По внешнему краю фибулы посажены колечки или петельки. Фибулам данного подтипа очень близки круглые фибулы без эмали, только у них на местах эмалевых полей тоже прорези, отчего фибула превращается в большое кольцо, внутрь которого вкомпановано четыре небольших кольца. По внешнему краю обода у них тоже колечки [Шмидехельм, 1955, с. 100, 119, [рис. 29](#), 3; 37, 2].⁹ М. Х. Шмидехельм датирует круглые ажурные фибулы с колечками по ободу, с эмалью и без эмали, IV в. и считает их типичными для северо-восточной Эстонии, поскольку за ее пределами такие фибулы не найдены. Круглые фибулы с вписанным георгиевским крестом получили дальнейшее развитие и дали ряд более крупных и нарядных экземпляров, которые отнесены к следующему подтипу.

VI. 2. Фибулы круглые ажурные с вписанным крестом (672; 869; 111, [рис. 14](#), 12; 1634; 1712; 246, [рис. 14](#), 11). Количество экземпляров — 6, из них в Среднем Поднепровье найдено 2, на Верхнем Днепре — 1, в Эстонии — 2 и в Прикамье — 1. На фибулах данного подтипа может быть условно прослежен процесс развития крупных фибул — их

начало, связанное с фибулами предыдущего подтипа, их расцвет и вырождение. В таком порядке мы их и рассмотрим.

У эстонской фибулы, найденной в Паде (1634), связь с фибулами предыдущего подтипа выступает очень отчетливо: между рукавами креста четыре круглые прорези, гнезда, размещенные также по концам креста и на перекрестье. Однако колечек по внешнему краю обода уже нет, а сам крест отделился от обода и соединяется с ним только с помощью перемычек. По работе фибула грубовата, особенно неаккуратно сделаны гнезда для эмали.

Три фибулы принадлежат, условно говоря, поре расцвета данного вида фибул. По-видимому, не последнюю роль играет здесь и мастерство сделавших их ювелиров. Найдены они в Липляве (672), где-то в Среднем Поднепровье (869) и на Верхнем Днепре (Ямщицина, 246, [рис. 14, 11](#)). По чистоте работы, отточенности и сложности композиции, по обилию декоративных элементов видно, что эти великолепные фибулы выполнены, безусловно, первоклассными мастерами. Внешний, довольно массивный, обод фибул фасетирован. В него вписан крест с эмалью на концах. Слегка овальные прорези между рукавами креста перечеркнуты радиальными фигурными перемычками, а у ямщичинской фибулы даже целыми пучками перемычек. На ямщичинской и липлявской фибулах в двух гнездах эмаль одного цвета (красная), а в двух других — другого. У среднеднепровской фибулы на всех четырех концах креста эмаль одного и того же цвета, зато в каждое эмалевое поле инкрустирован кусочек твердой эмали другого цвета. Подобный декоративный прием известен только на первоклассных памятниках эмали — на мощинских браслетах, на шарнирных цепях ритонов (213, [рис. 27, 2](#)), на бронзовых деталях сложных украшений, которые мы условно называем обручами с пластинчатыми лопастями (1962, [рис. 29, 5](#)), на некоторых подковообразных фибулах (206, [рис. 24, 2](#)). Любопытно, что у ямщичинской фибулы «пережиточно» сохранились на внешней стороне обода четыре ажурных диска. У фибул предыдущего подтипа по внешнему краю обода были не диски, а колечки, и их было не шесть, а по шесть-восемь на каждой. Если не знать, что у крестчатых фибул на обороте, то их вполне можно спутать с передвижками — деталями обручей с пластинчатыми лопастями (1962, [рис. 29, 5](#); [2401](#)). В композиционном отношении они совершенно одинаковы.

Последние две фибулы данного подтипа, найденные в Эстонии (1712) и Прикамье (111, [рис. 14, 12](#)), лишены эмали. Известно, что на наиболее ранних в Прибалтике круглых ажурных фибулах эмали не было. Однако причислить эстонскую и прикамскую (Бродовский могильник) фибулы к ранним экземплярам нельзя в основном по двум причинам: во-первых, по ободу у них нет колечек, а во-вторых, их круглые прорези перечеркнуты радиальными перемычками, как на только что рассмотренных лучших экземплярах круглых фибул. Следовательно, эстонская и бродовская фибулы могли быть сделаны только позже, но никак не раньше, чем появились фибулы Липлявы и Ямщичины. Материалы Бродовского могильника принадлежат ломоватовской культуре VI—VIII вв. По-видимому, бродовская фибула принадлежит к раннему периоду существования могильника.

VI. 3. Фибулы круглые ажурные с фестончатым краем (281; 32, [рис. 13, 6](#); 661; 1081, [рис. 14, 13](#); 142; 164; 167, [рис. 13, 8](#); 173; 175; 176; 1783, [рис. 26, 1](#); 1811, [рис. 26, 2](#)). Количество экземпляров — 12, из них в Среднем Поднепровье найдено 3, на Верхней Волге — 1, в Финляндии — 1, в Латвии — 2 и в Эстонии — 5. Фибулы данного подтипа довольно однородны, только две из них несколько отличаются от остальных. Первые 10 фибул, которые будут рассмотрены, найдены в Среднем Поднепровье (Князя Гора, 281; Михайловка, 32), на городище Березняки на Верхней Волге (1081), в Финляндии (Кирстула, 142), в Эстонии (Аарла, 164; Кярде, 167; 6. Вирумаа, 175; Вагула, 176) и в Латвии (Триката, 1783; Каугарс II, 1811). Многие из них довольно крупны (диаметр 5. 7 и 10 см), почти все покрыты серебристым сплавом. Два элемента для них совершенно обязательны — диск с эмалью в центре и фестончатый край. У некоторых фибул между центральным диском и фестончатым краем расположен еще один пояс или кайма, обязательно ажурная (281, 32, 142, 176, 1811). Центральный диск оформлен по-разному. У фибул, имеющих дополнительный ажурный пояс, центральный диск с эмалью сокращен до размера кружка небольшого диаметра. У всех других он занимает почти всю поверхность фибулы. Фибулы очень нарядны, но хрупки из-за большого количества прорезей.

Фибула, найденная в Михайловке (32, [рис. 13, 6](#)), типологически полностью входит в данный подтип, однако с технической стороны она отличается от остальных весьма значительно. Прежде всего она не литая, а пластинчатая, поэтому многочисленные прорези ее действительно прорезаны в пластине. Обратная сторона покрыта благородной патиной, а лицевая сторона каким-то матовым серым составом, поверх которого более светлым составом нанесен рисунок. Эмали нет. Вместо нее в центральном диске вырезано сегнерово колесо, расписанное светлым составом.

На всех сохранившихся фибулах данного подтипа или с которых в свое время были сделаны хорошие фотографии удалось проследить одну редкую деталь. С ней мы уже встречались однажды, когда рассматривали треугольные процветшие фибулы (III. 3). Впервые мне посчастливилось увидеть эту необычную черту декорации памятников с эмалью при знакомстве с самой маленькой фибулой данного подтипа, найденной в Эстонии (Кярде, 167, [рис. 13, 8](#)). Я и прежде замечала, что на некоторых украшениях, например на дроковской процветшей фибуле, на Михайловской круглой фибуле, имеются какие-то непонятные кружки и кольца неправильной формы. Иногда они были заметны только из-за несколько иной окраски, иногда края колец были слегка рельефны. Понятными эти кольца и кружки стали только благодаря фибуле, найденной в Кярде. На ее фестончатом крае сохранились три рельефных профилированных кружка, сделанных из какого-то сплава и припаянных к бронзовой основе фибулы. Фибула обгорела, и остальные кружки расплавились или отпали, и только три чудом уцелевших кружка помогли понять, что встречающиеся на некоторых украшениях неправильной формы пятна и кольца представляют собой следы расплавившихся или разрушившихся рельефных кружков или припоя от них. Следы рельефных профилированных кружков видны на круглой фибуле, найденной в Латвии (Каугарс II, 1811), причем в данном случае они были

напаяны не только по фестончатому краю, но и в центральном диске между эмалевыми полями. Вдоль края фибулы кружки, как это ни странно, были напаяны над отверстиями и, судя по следам припоя, в диаметре были довольно большими. На березняковской фибуле (1081) кружки, кроме фестончатого края, были посажены на перекрестия ажурной сетки центрального диска. На княжегорской фибуле (281) крупный рельефный кружок был помещен в самом центре эмалевого крестика. Даже у пластинчатой Михайловской фибулы (32) по краю была такая же рельефная кайма. По-видимому, все или почти все круглые фибулы данного подтипа имели по краю рельефную кайму, что делало еще наряднее и интереснее эти красивые, изящные украшения.

Но не только круглым фибулам свойственна подобная декорировка. На двух крестчатых фибулах, найденных в Латвии (178; 182, [рис. 13, 7](#)), были такие же кружки — по четыре рельефных кружка на каждом конце креста. Сейчас от них остались только следы. Наконец, на дисках треугольных процветших фибул, найденных у Дроковой на Верхнем Днепре (245) и выше Сурской Заборы в порожистой части Днепра (129), также сохранились следы и остатки рельефных кружков. Один случай подобной декорировки известен мне также в Финляндии на недавно найденной фибуле с эмалью — грубом подражании западноевропейским трехпружинным фибулам (Урьяла, 140, [рис. 25, 8](#)). Рельефные кружки были напаяны на перекрестьях решетки, имитирующей пружинное устройство, а также на фестончатой кайме нижнего щитка. Опубликовавшей фибулу Э. Кивикоски [[Kivikoski, 1955](#)] принадлежит первое и пока единственное указание в литературе на данный декоративный прием. Она считает фибулу местным финским изделием и датирует примерно 400 г. Найденный в Финляндии фрагмент большой круглой ажурной фибулы с фестончатым краем (142) также украшен накладными рельефными кружками.

На фибулах с фестончатым краем часто повторяется в центральном диске известный орнаментальный элемент — сегнерово колесо. Сегнерово колесо — редкий орнаментальный мотив на вещах с эмалью. До сих пор оно встретилось лишь однажды — на диске подковообразной фибулы, найденной в Эстонии (Пада, 1633). В то же время сегнерово колесо на фибулах с фестончатым краем помещено трижды (32, 164 и 176). Интересно, что среднеднепровская круглая фибула, найденная близ Колоберды (661), о которой мы до сих пор ничего не говорили, также орнаментирована сегнеровым колесом. Фибула лишена всякой каймы и представляет собой как бы щиток круглой фибулы с фестончатой каймой. На поверхности фибулы три изогнутых лепестка, заполненных красной и зеленой эмалью; в центре круглое приподнятое гнездо с синей эмалью. Подобная многоцветность встречается не очень часто. Тем интереснее, что эстонская фибула с сегнеровым колесом (Аарла, 164) также многоцветна. Лепестки ее сегнерова колеса заполнены эмалью четырех цветов — зеленой, красной, синей и белой. Есть еще одна вещь, орнаментированная сегнеровым колесом, — круглая накладка, найденная на Княжой Горе (283), однако четыре ее лепестка и кнопка в центре выполнены не эмалью, а целиком отлиты в бронзе. На обороте четыре толстых шпенька [[Шмидехельм, 1955, рис. 30, 6; 42, 3; см. также; Moora, 1929, Taf. VII, 2](#)].¹⁰

Последняя фибула подтипа VI. 3, найденная в Эстонии (Пиккярве, 173), отличается от больших ажурных в первую очередь тем, что край ее не фестончатый, а гладкий, слегка фасетированный. Поверхность ее занята широкой каймой, в центре крупное ромбическое поле с эмалью.

VI. 4. Фибулы круглые типа Велла-Краванда (1801, 1812). Количество экземпляров — 2. Обе фибулы найдены в Латвии в могильных комплексах Велла-Краванда (1801) и Каугарс II (1812) и очень похожи одна на другую. Обе фибулы небольшие (диаметр 5 см), у обеих в центре в приподнятом над каймой диске эмаль в пяти фигурных ячейках. Но кайма у них все же различна. У первой фибулы она состоит из множества трапециевидных лопастей, не соприкасающихся друг с другом, а у второй — из таких же лопастей, но друг с другом сомкнутых. От этого она отчасти напоминает кайму фестончатых фибул с ее многочисленными треугольниками, а иногда и овальными прорезями. Фибулы, по-видимому, синхронны фибулам с фестончатой каймой и изготовлены, вероятно, в Латвии.

Круглые фибулы в Среднем Поднепровье очень редки. Многих видов круглых фибул в Среднем Поднепровье нет совсем, например наиболее ранних без эмали и с колечками по ободу, а также аналогичных им, но с эмалью. Все пять среднеднепровских круглых фибул принадлежат к сравнительно редким и сложным видам, относящимся к периоду расцвета литейно-эмалерного искусства. Достаточно устойчивых временных определений для всех круглых фибул еще нет. Исследователи Прибалтики согласны лишь в датировке IV в. наиболее ранних фибул — ажурных с эмалью и без эмали и с колечками по ободу (подтип VI. 1), еще очень близких провинциально-римским прототипам (III—IV вв.), а также их ближайших потомков — ажурных фибул с вписанным крестом и с эмалью, но без колечек по ободу (подтип VI. 2) — V в. [[Шмидехельм, 1955, с. 100](#)]. Фибулы с фестончатым краем (подтип IV. 3) уже значительно отошли от провинциально-римских образцов, поэтому возникновение фибул данного подтипа, сложившегося вернее всего в северной Латвии, теоретически следовало бы относить к периоду расцвета эмалерного искусства, примерно к началу V в. Указанная последовательность в изменении форм фибул отражает только тенденции в их развитии. Х. А. Моора [[Moora, 1938, S. 103](#)] отмечает живучесть ранних типов круглых фибул, продолжавших существовать параллельно с более поздними и их вариантами.

Браслеты (12; 52, 3 (4 экз.), [рис. 12, 9](#); 242; 282; 3010; 333 (2 экз.); 574, [рис. 12, 7](#); [592](#); [651](#); [652](#) (2 экз.), [рис. 12, 5, 6](#); 674; 72; 735 (2 экз.); 75 (2 экз.); 771; 851-5; 90 (11 экз.); 190, [рис. 26, 3](#); 203, [рис. 26, 4](#); 207, [рис. 26, 5](#)). Количество экземпляров — 41, из них в Среднем Поднепровье найдено 27, в бассейне Оки (Мощина) — 11 и в Литве — 3.

Среди огромного количества браслетов первой половины I тыс. н. э. отобраны только те, которые аналогичны найденным в Среднем Поднепровье. Однако можно быть совершенно уверенным, что за пределами Среднего Поднепровья учтены далеко не все браслеты, в особенности наиболее широко распространенные и трудно

датируемые — браслеты с утолщенными концами. Вероятно, в музейных собраниях хранится еще много таких браслетов, не попавших в издания. Более полно, по-видимому, собраны браслеты Среднего Поднепровья, однако и тут возможны пропуски.

Мы поделили браслеты на четыре типа: I — браслеты широкие, трехгранные в сечении, с гребешками (с эмалью и без эмали); II — браслеты круглые в сечении, с сильно утолщенными концами и гравировкой на них; III — браслеты с тонким, круглым в сечении ободом, с мелкой поперечной нарезкой на нем и полудисками на концах; IV — браслеты спиральные. Большая часть найденных браслетов относится к первым двум типам (35 экз. из 41). Остальные браслеты в Среднем Поднепровье случайны, но не менее интересны.

I. *Браслеты широкие, трехгранные в сечении, с гребешками, с эмалью и без эмали* (12; 651; 771; 90 (11 экз.); 190, [рис. 26, 3](#); 203, [рис. 26, 4](#)). Количество экземпляров — 16, из них в Среднем Поднепровье найдено 3, в бассейне Оки — 11 и в Литве — 2.

Среди браслетов данного типа есть браслеты и с эмалью и без эмали, и, хотя все они принадлежат к одному типу, появление на некоторых из них эмали привело к некоторому усложнению их форм. Так, у браслетов с эмалью среднюю часть, его щиток, украшенный эмалью, пришлось делать плоским, поскольку эмальеров, по-видимому, затрудняло нанесение эмали на круглую поверхность. Щиток, конечно, был ажурным, и по сторонам его ставили высокие гребешки. Все это, а также богатая орнаментация гравировкой широкого обода делали браслеты с эмалью гораздо более нарядными, чем браслеты без эмали.

Браслетов с эмалью известно пять (Межигорье, 12; Плютенцы, 651; Мощина, 90 (2 экз.)). От межигорского браслета сохранился только фрагмент, на котором, однако, остались незначительные обломки ажурного щитка с крестчатой композицией, аналогичной композиции плютенского и одного из мощинских браслетов. Следовательно, на мощинском браслете эмаль была. Но фрагменты браслетов, найденные в Горице на Десне и в Мощине вне клада, настолько малы, что по ним нельзя установить, была ли на браслетах эмаль. Браслеты с эмалью очень массивны, обод у них широкий и толстый, к тому же осложненный рядом массивных гребешков. Кроме двух гребешков по сторонам клейма с эмалью два таких же гребешка помещались на несомкнутых концах браслета. Торцовые грани гребешков орнаментированы, как и у перекладчатых фибул, параллельными бороздками или валиками. Поверхность обода между гребешками либо гладкая, либо украшена продольными рельефными жгутами (Межигорье, Мощина). У двух мощинских браслетов поверхность обода испещрена геометрическим орнаментом, выполненным гравировкой и наколом. Орнаментальная композиция на щитках с эмалью обычно строится крестообразно. В центре ромб, вверх и вниз диски, маленькие трехрогие лунницы. Очень красивые широкие пологие срезы в прорезях ажурного орнамента. Делали браслеты с эмалью лучшие мастера. Об этом можно судить по тому, что при нанесении эмали ими применялась инкрустация эмали в эмаль. Твердые кусочки эмали инкрустированы в незастывшую эмаль на мощинском браслете подобно тому, как это было сделано на сарганайской подковообразной фибуле (206, [рис. 24, 2](#)), на среднеднепровской круглой фибуле (Липлява, 672) и других отмеченных нами первоклассных памятниках выемчатой эмали. Широкие браслеты с эмалью принадлежат, конечно, также к числу лучших и красивейших произведений эмальерного искусства. С большой смелостью в их декоративном убранстве использованы отдельные элементы, характерные для памятников с эмалью. Среди них можно отметить ажурность и крестообразное построение орнаментированных полей; использование в качестве элемента орнамента трехрогой лунницы, известной в это время и как самостоятельное украшение; фасетирование, обязательное для лучших изделий; обработка торцовых граней гребешков параллельными бороздками, как на перекладчатых фибулах, и, наконец, сами гребешки, известные на многих вещах с эмалью, на браслетах становятся важнейшим декоративным

элементом. Все эти детали скомпонованы смело и контрастно: грузный тяжелый обод, ажурное легкое клеймо с эмалью и высокие торчащие гребешки. Во всем этом чувствуется рука большого художника, в совершенстве владеющего своим искусством.

У браслетов без эмали много общего с эмальевыми браслетами, но больше всего их сближают форма двугранного обода и в особенности гребешки, посаженные по концам несомкнутого обода и посередине его. Щиток с эмалью здесь заменен одним гребешком, торец которого украшен также продольными бороздками, а иногда зигзагами или ромбами. Средняя часть самого широкого браслета без эмали украшена большим ромбом, выполненным наколом (Мощина, 90). Два других браслета того же клада по продольному ребру лицевой стороны орнаментированы мельчайшими треугольниками, выбитыми пуансоном. Оба браслета длительное время находились в употреблении, и по концам треугольнички стерлись.

Подобный браслет (без эмали) найден в одном из погребений мордовского могильника II—IV вв. на р. Мокше в с. Ражки Пензенской обл. У него по довольно широкому ободу идут такие же продольные валики, как и у браслетов Межигорья и Мощины, но обод его не граненый, а вместо гребешков посередине овальное возвышение [[Полесских, 1959, с. 206, рис. 4, 1, погребение № 5](#)].

Все черты, свойственные браслетам Поднепровья и Мощины, находим и у литовских браслетов (190, 203, [рис. 26, 3, 4](#)): двугранный обод, продольные валики по ному, гребешки с орнаментированными торцами. Один из этих браслетов (203) интересен рекордным количеством гребешков — шесть штук, тогда как даже при наличии клейма с эмалью их бывает только четыре. Ни одного браслета с эмалью в Прибалтике до сих пор не найдено.

II. *Браслеты круглые в сечении, с сильно утолщенными, концами и гравировкой на них* (242; 282; 3010; 333 (2 экз.); 574, [рис. 12](#), 7; [592](#); [652](#) (2 экз.), [рис. 12](#), 5, 6; 674; 72; 75 (2 экз.); 851-5; 207, [рис. 26](#), 5). Количество экземпляров — 19, из них в Среднем Поднепровье найдено 18 и в Литве — 1.

Браслеты, утолщающиеся к концам, распространены чрезвычайно широко и во времени и в пространстве, однако такие большие бронзовые браслеты, толстые в середине и еще более утолщенные к концам, о которых пойдет речь, встречаются далеко не так часто и не повсеместно. В сечении концы их круглые, орнаментированные глубокой гравировкой в виде линий, то идущих елочкой, то пересекающихся, то бессистемно разбросанных. На некоторых браслетах орнамент расположен поясами (282, 3010, 72). Браслеты найдены то поодиночке (282, 3010, 574, 674, 72), то попарно (652, 75) и даже по пять штук вместе — в кладе у Верхней Злобинки (851-5) Они известны на обоих берегах Днепра и в бассейне Десны (Шестовицы, 75; Верхняя Злобинка, 851-5), причем заходят довольно далеко на север.

Вне Среднего Поднепровья мне известен только один точно такой же браслет, найденный в Литве (Пашушвис, 207, [рис. 26](#), 5). Близкие среднеднепровским браслеты V в. обнаружены в финских могильниках бассейна Оки. Они тоже значительно утолщены к концам и орнаментированы примерно так же, но в сечении не круглые, а округло-прямоугольные или овальные. Такие браслеты найдены в ряде погребений Кузьминского, Борковского и Курманского могильников [[Спицын, 1901, табл. XVIII, 4](#); [Ефименко, 1926, с. 76, рис. 3, 10](#)]. Один такой браслет найден в Эстонии [[Шмидехельм, 1955, рис. 32, 8](#)]. Близкий среднеднепровским бронзовый браслет «со значительно расширяющимися концами неправильно округлых очертаний» и с таким же орнаментом найден на Успенском городище Московской обл. [[Успенская, 1957, с. 122, рис. 46, 6](#)].¹¹ Браслет с глубокой гравировкой на концах, круглых в сечении, но менее утолщенных, найден в длинном кургане в верховьях р. Полю (бассейн Ловати). Опубликовавший его П. И. Третьяков [[Третьяков, 1949, с. 275, рис. 4](#)] считает, что данный браслет относится к прибалтийским типам и датируется VI—VII вв. Таким образом, близкие и ближайšie аналогии среднеднепровским браслетам с сильно утолщенными концами уводят на север и северо-запад от Поднепровья.

Несколько особняком стоит интересный браслет, найденный близ Пищальников (242). Он значительно менее массивен, обод его прямоугольный в сечении, а концы резко, ступенькой утолщенные — круглые. По концам глубокая гравировка поперечными параллельными полосками, по ободу зигзаг.

Золотой фрагментированный браслет с утолщенными концами (592), найденный в Рублевском кладе вместе с 201 золотой поздне римской монетой 375—455 гг., не орнаментирован. Такие браслеты распространены чрезвычайно широко. По-видимому, данный браслет своим происхождением связан с югом, возможно с Северным Причерноморьем.

III. *Браслеты с тонким, круглым в сечении ободом, с мелкой поперечной нарезкой на нем и полудисками на концах* (735). Количество экземпляров — 2, оба найдены вместе в Среднем Поднепровье, в сожжении близ Жукина вместе с целым рядом пластинчатых украшений (венчик, фибула и др.). Мелкая поперечная нарезка, покрывающая обод, немного не доходит до концов. В трех местах она прерывается парными бусинками. Концы слегка расширены и уплощены и заканчиваются полудисками, стоящими как гребешки. Единственный аналогичный браслет известен мне из находок близ б. Тильзита (ныне г. Советск Калининградской обл.). Он отличается от жукинских браслетов только тем, что обод его ничем не орнаментирован [[Gaerte, 1929, S. 333, Abb. 268c](#); автор датирует браслет IX—X вв.]. Любопытно, что в VII в. аналогичные браслеты появляются у мордвы. Их несомкнутые концы заканчиваются как бы шляпками. А. Е. Алихова [[Алихова, 1958, с. 70, рис. 1, 11, 22, 38](#)] считает, что это первые местные мордовские браслеты, которые становятся национальным мордовским украшением и известны у них вплоть до XI в.; до VII в. у мордвы были браслеты только привозные причерноморские.

IV. *Браслеты спиральные* (52, 3, [рис. 12](#), 9). Количество экземпляров — 4. Все браслеты найдены в одном месте — в погребении под курганом на берегу Стугны южнее Киева. Два из них были сделаны из плоской бронзовой проволоки, два дру- гих — из круглой серебряной. Судя по рисунку А. А. Спицына, браслеты состояли из небольшого количества витков (на рисунке показано три витка) и заканчивались какими-то шишечками. Такие браслеты известны в Западной Европе. Прибалтийские же браслеты многоспиральны. При этом часто диаметр их увеличивается к концу или концам и последние приобретают форму раструбов [[Moora, 1938, Abb. 65, 2, 3; 66, 2](#)].

Из четырех десятков рассмотренных нами браслетов только пять украшены эмалью и потому могут быть с уверенностью отнесены к группе памятников с эмалью. Близкие им по форме трехгранные браслеты без эмали тоже, безусловно, принадлежат к интересующей нас категории вещей. Все же остальные отнесены к данной группе предметов лишь на основании более или менее убедительных косвенных данных. Решение вопроса об их датировке, районе распространения и месте производства затрудняется тем, что материал этот пока никем не собран и не обработан.

Лунницы большие (13; 32, [рис. 8](#), 2; 19—213, [рис. 8](#), 3; 61, [рис. 8](#), 6; 673, [рис. 8](#), 3; 71, [рис. 11](#), 8; 782а, [рис. 1](#), 3а-3в; 90, [рис. 20](#), 2; 103, [рис. 22](#), 2; 120, [рис. 22](#), 10; 191, [рис. 27](#), 1; 1921-3; 1931; 2011 (2 экз.), [рис. 28](#), 1; 2421, [рис. 9](#), 17). Количество экземпляров — 20, из них в Среднем Поднепровье найдено 9, в Литве — 7, в бассейне Оки — 2, в бассейне Дона — 1 и в Белоруссии — 1.

Большие лунницы очень красивы. Многочисленные фигурные прорезы, зигзаговидные перемычки и перегородки, зубчатые каемки, выступы в виде дисков и секир в сочетании с полями, заполненными эмалью разных цветов, делают большие лунницы типичными представителями украшений, изготовленных в лучшую пору существования выемчатой эмали. Большие лунницы подразделяются на два типа: I — лунницы трехрогие; II — лунницы двурогие.

На первый взгляд лунницы двурогие и трехрогие очень близки друг другу. Декоративные элементы, украшающие их, совершенно одинаковы. Однако по функциональному назначению они совершенно различны. Если трехрогие лунницы были просто подвесками, то двурогие лунницы, будучи одной из деталей сложного богатого украшения, имели чисто практическое назначение. Они были лунницами — держателями цепей (Kettenträger). Поэтому и рассматривать их мы будем порознь. Трехрогих лунниц-подвесок значительно больше, чем лунниц — держателей цепей (15 и 4 экз.). Фрагмент большой лунницы, найденной в Белоруссии (Абидня, 2424), не может быть отнесен ни к тому, ни к другому типу.

I. *Лунницы трехрогие (подвески)* (32, [рис. 8, 2](#); 19—213, [рис. 8, 3](#); 61, [рис. 8, 6](#); 673, [рис. 8, 3](#); 782а, [рис. 1, 3а-3в](#); 120, [рис. 22, 10](#); 1911, [рис. 27, 1](#); 1921-3, 1931; 2011 (2 экз.), [рис. 28, 1](#)). Количество экземпляров — 15, из них в Среднем Поднепровье найдено 7, в Литве — 7 и в бассейне Дона — 1.

Назначение крупных трехрогих лунниц то же, что и маленьких лунниц, т. е. их подвешивали к ожерелью. Великолепное ожерелье, состоящее из трех крупных лунниц и соединяющих их литых с эмалью звеньев, найдено в Борзенском кладе. Это лучшая находка подобного рода (782а, [рис. 1, 3а-3в](#)). Но крупные лунницы-подвески близки маленьким только по назначению, по форме же они значительно от них отличаются. Прежде всего маленькие лунницы известны только двурогие, трехрогих маленьких лунниц пока не найдено. Кроме того, как бы ни был сложен декоративный убор маленькой лунницы, каждый рожек ее декорирован самостоятельно. У больших лунниц все три рога, заканчивающиеся широкими секировидными лопастями, соединены друг с другом и выровнены вниз в одну прямую линию. Весь корпус крупной лунницы испещрен разными прорезями, ячейками для эмали, зубчиками, перетяжками и перегородками. Но, повторяю, все это касается только формы. Назначение лунниц независимо от их величины одинаково.

Среди больших лунниц есть три трехрогие подвесочки, которые значительно меньше остальных и более просты по конструкции и декорровке (Ахтырка, 61; Липлява, 673; Дмитровское, 120).

II. *Лунницы двурогие (держатели цепей)* (13; 71, [рис. 11, 8](#); 90, [рис. 20, 2](#); 103, [рис. 22, 2](#)). Количество экземпляров — 4, из них в Среднем Поднепровье найдено 2, в бассейне Оки — 2.

По набору декоративных элементов двурогие лунницы ничем не отличаются от лунниц трехрогих. Однако, как было сказано выше, назначение их было совсем иным. К ним подвешивали сложные и нарядные цепи, состоящие из литых звеньев с эмалью и кольчатых цепочек. Для прикрепления цепей у двурогих лунниц обязательно должны были быть петли, которые мастер умел вкомпановать так искусно, что они никогда не режут глаза. Киловская (71) и мощинская (90) лунницы близки друг другу. Корпус обеих представляет собой широкое полулуние с двумя прямоугольными петлями на концах рожков. На первый взгляд очень близка им и лунница Моршанского музея. Однако у нее нет петель, т. е. по существу она представляет простую подвеску, хотя в основе ее лежит, безусловно, схема двурогой лунницы — держателя цепей. При сравнении с лунницами мощинской и киловской моршанская лунница явно проигрывает. Она вся слегка перекошена, не совсем симметрична, простовата по отделке.

Сложнее всех остальных по композиции межигорская лунница. Рожки ее соединены ажурной перекладиной, а под перекладиной по концам ее помещены петли для цепи. Полулуние, высоко приподнятое и узкое, покрыто эмалью двух цветов (красной и бирюзовой). Широкое полукруглое пространство под ним заполнено целым клубком зубчатых перемычек. Лунница представляет собой образец высокого искусства так же, как и все остальные части того украшения, частью которого она является. Украшение это цепь, а поскольку межигорская цепь — не единственная находка подобного рода, мы и рассмотрим ее в разделе, специально посвященном цепям.

Цепи (13; 9, [рис. 11, 2](#); 141, [рис. 11, 7](#); 782б, [рис. 1, 3г-3ж](#); 802, 3, [рис. 3, 2, 3](#); 90, [рис. 20, 1, 3, 4а, 4б](#); 30, 4; 941, [рис. 15, 2](#); 121; 184; 186; 187, [рис. 27, 3](#); 30, 3; 1912, [рис. 27, 4](#); 1952; 1961, [рис. 30, 1](#); 209, [рис. 30, 2](#); 212; 213, [рис. 27, 2](#); 237). Количество находок — 20, из них в Среднем Поднепровье найдено 5, в бассейне Оки — 4, в Литве — 5, в Латвии — 3, в Калининградской области и северо-восточной Польше — 2, на Северном Кавказе — 1.

Далеко не все цепи сохранились хорошо. Полностью сохранилась только одна цепь (Борзна, 782б). Из остальных лучшие по сохранности цепи межигорская (13), Вильнюсского музея (1961) и цепь, найденная в Литве (Линкайчай, 209). Но и они утратили некоторые свои части. От подавляющего большинства цепей сохранились лишь незначительные обрывки в виде отдельных звеньев. Поэтому восстановить первоначальный облик таких сложных украшений, как парадные, украшенные эмалью цепи, а также определить назначение каждой из них, очень трудно. Изучение отдельных фрагментов цепей и сопоставление их с цепями, наиболее полно сохранившимися, показывают, что цепи по своей конструкции были весьма различны и соответственно имели различное назначение. Известны цепи, связанные с личным убором, и цепи бытового назначения (от ритонов). Некоторые цепи, связанные с личным убором, с нашей точки зрения, выглядят довольно странно, и не всегда можно понять, какое место они занимали в уборе. Поэтому данные им названия условны и вытекают из их конструкции. Установить тип цепи, а для фрагментов определить тип цепи, частью которой они являются, мы и попытаемся. К сожалению, тип двух цепей (Радичев, 802,

3, [рис. 3](#), 2, 3; Огуб, 941, [рис. 15](#), 2) за недостаточностью данных не может быть определен точно. Они могли принадлежать как к подтипу I. 3, так и ко II типу.

Известные в настоящее время цепи с эмалью распределились по следующим типам: I — цепи симметричные; II — цепи асимметричные (межигорского типа); III — цепи шарнирные для ритонов.

I. Цепи симметричные (141, [рис. 11](#), 7; 7826, [рис. 1](#), 3г—3ж; 90, [рис. 20](#), 4а, 4б; 30, 4; 1912, [рис. 27](#), 4; 1961, [рис. 30](#), 1; 237). Количество экземпляров — 6, из них в Среднем Поднепровье найдено 2, в бассейне Оки — 1, в Литве — 2 и в Польше — 1.

Сохранность цепей весьма различна. Если польская цепь (Швейцария, 237) сохранилась полностью, а цепь Вильнюсского музея (1961) почти полностью, то от цепи из Стаек (141) уцелело лишь маленькое звено, а от мощинской — два звена (90, [рис. 20](#), 4а, 4б). Борзненская цепь (7826), если не считать незначительных поломок, сохранилась целиком, а от аналогичной ей литовской цепи (Дусетос, 1912) — лишь отдельные части. Все шесть цепей построены симметрично, т. е. составляющие их детали в обе стороны от середины расположены одинаково. Однако детали, их чередование, способы их сцепления и пр. для разных подтипов симметричных цепей весьма различны. Можно указать три подтипа симметричных цепей. 1. Цепи, составленные из одних литых звеньев, сцепленные проволочными кольцами. Лучшим образцом подобной цепи является цепь Борзненского клада (7826), в дальнейшем мы будем называть такие цепи цепями борзненского типа. 2. Цепи, составленные из литых звеньев и кольчатых цепочек. Лучшим образцом подобной цепи является цепь собрания Вильнюсского музея (1961), в дальнейшем мы будем называть такие цепи цепями вильнюсского типа. 3. Цепи, составленные из литых звеньев, кольчатых цепей и двух держателей цепи по концам. Хорошо сохранилась цепь, найденная в Польше (Швейцария, 237), однако по ряду соображений, которые подробно будут изложены ниже, мы не можем дать данному подтипу наименование по швейцарской цепи. Мы вынуждены назвать его по фрагментарно сохранившейся цепи Мощинского клада (90, [рис. 20](#), 4а, 4б; 30, 4). Реконструировать ее помогают подобные же цепи, звенья которых лишены эмали. В дальнейшем мы будем называть такие цепи цепями мощинского типа.

I. 1. Цепи из литых звеньев, борзненского типа (7826, [рис. 1](#), 3г—3ж; 1912, [рис. 27](#), 4). Количество экземпляров — 2, из них в Среднем Поднепровье найден 1 и в Литве — 1.

Борзненская цепь (7826) сохранилась полностью. Собственно цепь составляют два продолговатых литых звена с гнездами синей эмали, две обоймы по концам и три кольца, скрепляющие все эти детали. К тем же кольцам подвешены три большие трехрогие лунницы. Композиция простая и симметричная. Общая длина цепи с обоймами 31. 5 см. В обоймах были закреплены, вероятно, концы ремешков, с помощью которых цепь прикреплялась к одежде. По-видимому, данная цепь была украшением нагрудным. Во всяком случае размер ее не противоречит такому предположению.

Находка, сделанная в Литве (Дусетос, 1912), представляет собой, по-видимому, также разрозненную нагрудную цепь. От нее сохранились два ажурных продолговатых звена без эмали и одна большая трехрогая лунница с эмалью. Если литовская цепь была аналогична по построению борзненской, то в ней недостает еще двух лунниц, трех колец и двух обойм. За предлагаемую реконструкцию говорит количество и форма петель на концах звеньев. На них с каждого конца лишь по одной петле, причем ось отверстия лежит в одной плоскости с самим звеном. Если бы звенья литовской цепи были скреплены обычными кольчатыми цепочками, то, во-первых, одной петли было бы мало, так как кольчатые цепочки идут всегда не менее чем в два ряда, во-вторых, ось отверстия петли лежала бы не в плоскости звена, а была бы ей перпендикулярна. Длина литовской цепи в реконструированном виде была бы примерно такой же, как борзненской, а следовательно, она вся уместилась бы на груди.

Поскольку с цепями борзненского типа связаны большие трехрогие лунницы, возникает вопрос — только ли для таких цепей отливали подобные лунницы, или их навешивали на другого рода ожерелья, например на ожерелья из бус? Данных для окончательного ответа на этот вопрос пока нет, но вполне возможно, что каждая отдельно найденная большая трехрогая лунница прежде входила в состав цепи, подобной борзненской. В этом отношении очень интересна находка трех тождественных лунниц в Литве (Ейкотишкис, 192), изготовленных, бесспорно, для одного убора.

I. 2. Цепи из литых звеньев и кольчатых цепочек, вильнюсского типа (141, [рис. 11](#), 7; 1961, [рис. 30](#), 1). Количество экземпляров — 2, из них в Среднем Поднепровье найден 1 и в Литве — 1.

Цепь Вильнюсского музея сохранилась почти целиком. Утрачены лишь некоторые подвески, но поскольку цепь построена симметрично, отсутствующие части легко восстанавливаются. От второй цепи (Стайки, 141) сохранилось только одно маленькое звено, но место его в большой парадной цепи определяется довольно точно благодаря цепи Вильнюсского музея.

Если представить себе цепь Вильнюсского музея вытянутой в одну прямую линию, то общая длина ее будет равна почти 4 м. Среднюю часть ее составляет композиция из пяти фигурных литых звеньев, сцепленных друг с другом, — трех круглых и двух крестчатых. На кольцах круглых звеньев подвешены лунницы, украшенные так же, как и звенья, эмалью. Вся эта композиция, имеющая в длину около 27 см, ближайшим образом напоминает цепи из Борзны (7826) и Дусетоса (1912). В обе стороны от центральной группы звеньев идут парные кольчатые цепочки, перехваченные с

каждой стороны сначала круглым литым ажурным звеном без эмали и с подвешенной лунницей, затем таким же звеном, но без лунницы (?) и, наконец, звеном крестчатой формы. Таким образом, кольчатые цепочки с каждой стороны оказываются разделенными прерывающими их звеньями на четыре отрезка. На концах обеих цепочек имеется по сложной композиции из литых звеньев трех видов, последовательно сцепленных друг с другом и заканчивающихся на каждом конце парой огромных пластинчатых «трапециевидных» подвесок. Только одна данная концевая композиция имеет в длину около 40 см, а общая длина цепи, как указано выше, достигает почти 4 м. Иногда возникала даже мысль, что данная цепь представляет собой предмет не человеческого, а конского убора. Этому противоречит, однако, характер кольчатых цепочек, слишком непрочных для конского снаряжения. Следовательно, необходимо искать возможность разместить такую громадную цепь на человеке. В этом отношении большую помощь оказывают борзненская и дусетосская цепи. Поскольку композиция средней части вильнюсской цепи повторяет цепи из Борзны и близ Дусетоса, мы вправе предположить, что средняя часть вильнюсской цепи помещалась на груди. Отходящие же от нее в стороны цепочки перекидывались через плечи, круглые ажурные звенья с лунницами-подвесками оказывались на плечах, далее шли цепочки с литыми звеньями без подвесок, а сложные концевые композиции свисали за спиной где-то на уровне щиколоток. Возможно, однако, и обратное, т. е. центральная композиция помещалась на спине, цепочки шли по груди и концевые группы подвесок спускались до подола спереди. При этом, однако, оказалось бы, что наиболее нарядные части цепи, украшенные эмалью, разместились бы на спине и внизу у подола, а на груди остались бы почти одни кольчатые цепочки. Поэтому первый способ ношения цепи представляется более приемлемым.

Несколько слов следует сказать относительно орнаментальных средств и технических приемов, примененных при изготовлении вильнюсской цепи. Здесь впервые мы встречаемся с соединением в одном украшении двух технических приемов: литья иковки, причем литые детали декорированы выемчатой эмалью, а кованные — пуансоном или чеканкой. Из кованых пластин сделаны подвески. Вместо ушек к ним приклепаны литые крестики с эмалью и гребешками. Такие же профилированные гребешки помещаются на ушках лунниц, а также на продолговатых звеньях в конце цепи. Не совсем обычны лунницы. Они двурогие, узкие, не ажурные, вырезанные из кованой пластины и орнаментированные по краю гравировкой (зигзаг) и мельчайшими дырочками. На рожках лунниц подвешены двуспиральные подвески, что тоже необычно. Проволочные украшения — редкое явление среди памятников с эмалью. Мастер был знаком со сложнейшим способом отливки серий соединенных друг с другом, но подвижных звеньев в одной форме. Две такие группы литых подвижных звеньев, по семи в каждой (в том числе и ушки для подвесок), помещаются по концам цепи. Вся средняя композиция из круглых и крестчатых звеньев и ушек для лунниц отлита также в один прием (8 деталей). Пластинчатые трапециевидные подвески были приклепаны к литым ушкам позже. К лунницам же ушки были, видимо, припаяны с обратной стороны, а с лицевой над местом припоя каким-то чудом посажены эмалевые треугольники. Вообще по богатству орнаментальных средств, по обилию технических приемов вильнюсская цепь не имеет себе равных среди вещей с эмалью. Видимо, ее делал опытный мастер, хорошо владевший самыми разнообразными приемами ювелирной техники. Только одно можно поставить ему в вину: продолговатые узкие звенья на конце цепи получились неодинаковыми — одно длиннее другого. Но подобную мелочь вполне искупают высокие художественные достоинства этого интересного и сложного произведения ювелирного искусства.

Маленькое звено, найденное на Днепре (Стайки, 141), представляет собой, очевидно, часть композиции из литых звеньев в средней части цепи вильнюсского типа. Оно, безусловно, не было одним из промежуточных звеньев, скрепляющих кольчатые цепочки, так как его боковые петли не приспособлены для закрепления в них двух цепочек. Данное звено интересно еще тем, что красная и голубая эмаль на его ромбическом щитке помещена в пределах одной ячейки без внутренних перегородок. Правда, мастеру не удалось сделать четкую границу между эмалью разных цветов. На цепи для ритона Мощинского клада это сделано более искусно (рис. 20, 1).

I. 3. Цепи из литых звеньев, кольчатых цепочек и двух литых держателей цепей по концам, мощинского типа (90, рис. 20, 4а, 4б; 30, 4; 237). Количество экземпляров — 2, из них в бассейне Оки найден 1, в Польше — 1.

Полностью сохранившихся цепей данного типа нет ни одной. Известно лишь два треугольных звена, украшенных прорезями и красной эмалью, которыми заканчивалась цепь с обоих концов. Оба звена найдены в Мощинском кладе (90, рис. 20, 4а, 4б). Они входят в состав широко известной мощинской «цепи» (рис. 30, 4), скомпанованной из двурогой крупной ажурной лунницы-держателя и, как обычно считают, четырех треугольных фибул. На самом же деле в составе мощинской «цепи» имеется только две фибулы, а два других треугольных предмета представляют собой изделия совершенно иного назначения. На маленьком треугольнике сверху видны остатки массивного ушка, а внизу у основания большого треугольника, там, где полагается быть пружине, имеются две прямоугольные петли. Никаких следов застежного механизма на обороте предметов нет. Совершенно очевидно, что данные треугольные предметы не являются фибулами и имеют какое-то иное назначение. В свое время в работе об эмалях А. А. Спицын опубликовал рисунок цепи из Плателия (Литва). Цепь состоит из трех литых прямоугольных ажурных звеньев, соединенных кольчатыми цепочками; по концам цепи два ажурных треугольных держателя [Спицын, 19036, рис. 176]. Относительно данных треугольных наконечников Спицын писал, что они представляют собой «не что иное, как подражание прорезным фибулам треугольной формы» [Спицын, 19036, с. 162]. Х. А. Моора [Moora, 1938, S. 239] возражал Спицыну, полагая, что сходство между треугольными держателями цепи из Плателия и треугольными фибулами является чисто внешним.

Представляется, однако, что Спицын был недалек от истины. Правда, вряд ли можно допустить, что треугольная форма держателей цепей возникла под влиянием знакомства с треугольными фибулами. Дело, по-видимому, обстояло несколько иначе. В юго-восточной Прибалтике, в особенности же на литовско-латвийских землях, большие парадные цепи имели чрезвычайно широкое распространение. Их насчитывается здесь не один десяток

экземпляров. Это длинные кольчатые цепи с литыми ажурными звеньями и держателями на одном или на обоих концах. Промежуточные звенья обычно имеют прямоугольную форму. Держатели же очень разнообразны. Среди них можно встретить держатели трапециевидные, прямоугольные (ibid., S. 232—243, Abb. 29, 30), полукруглые, округло-треугольные и, наконец, треугольные. Все известные цепи с литыми ажурными звеньями и держателями лишены эмали. По-видимому, цепи с эмалью были очень редки. Но когда мастер делал цепь с эмалью и решил держателям ее придать треугольную форму, то многое и в отношении формы, и в отношении орнамента он заимствовал от известных ему треугольных ажурных фибул. Размеры держателей, их форма, система размещения эмалевых полей — все это было взято от треугольных фибул. Подражание фибулам было настолько полным, что до наших дней никто из археологов не обратил внимания на то, что между фибулами и держателями существует какая-то разница. Начиная с публикации клада Ж. де Бай [Вауе, 1891, р. 8, pl. III] и кончая последними публикациями мощинской «узды», или «цепи», пару треугольных держателей неизменно относили к числу треугольных фибул.

Пользуясь аналогиями, т. е. безэмалевыми цепями с литовско-латвийских территорий, можно попытаться реконструировать единственную эмалевую цепь, части которой оказались в Мощинском кладе. Мощинская эмалевая цепь была симметричной. Вершины ее треугольных держателей с помощью колец были соединены с булавками, закреплявшими цепь на одежде. С каждого держателя свисало по две цепочки, в трех местах цепочку прерывали прямоугольные ажурные звенья с эмалью. Орнаментацию звеньев восстановить, конечно, невозможно, поэтому для реконструкции использованы элементы орнамента треугольных концевых звеньев (рис. 30, 4).

В заключение хочется указать, что предмет, получивший в литературе название «мощинской цепи» и являющийся на самом деле случайным, нелепым соединением двурогой лунницы, пары держателей и пары треугольных фибул, по странному совпадению действительно имеет отношение к цепям. Три из пяти составляющих его вещей являются деталями цепи. Знал ли человек, что часть скрепленных им предметов относилась к цепям, или он сделал это только для того, чтобы вещи не растерялись, — сказать трудно.

Сравнительно недавно в Польше (Швейцария, 237) найдена цепь, составленная по схеме цепей мощинского типа. Она состоит из двух длинных прямоугольных «держателей» и свисающей с них цепочки. Мощинский тип цепи представлен здесь в несколько сокращенном варианте — на цепочке нет вмонтированных литых звеньев. Думается, что это не случайное явление, поскольку швейцарская цепь представляет собой украшение, по-видимому, не изначальное, а сборное, составленное еще в древности из частей, входивших ранее в другие цепи. Оснований для подозрений в этом плане довольно много. Прежде всего «держатели» не имеют обязательной для них петли или ушка, за которое их прикрепляли к одежде. Для того чтобы прикрепить швейцарские «держатели» к одежде, хозяину цепи пришлось в их верхние прорезы продеть кольца. Оба «держателя» представляют собой не что иное, как обычные промежуточные звенья, аналогичные тем, что показаны на реконструкции мощинской цепи или на цепи Межигорского клада. Кроме того, звенья швейцарской цепи сильно разнятся между собой и по рисунку, и по размерам. Было бы по меньшей мере странно, если бы для такой редкой и дорогой вещи мастер не сделал бы две одинаковых детали. Ни на одной из известных цепей — ни с эмалью, ни без эмали, — такой асимметрии нет. Чередование звеньев определенных размеров, формы и орнамента всегда подчинено на цепях строгой системе с точнейшим соблюдением симметрии. И, наконец, последнее. Обычно цепи на держателях состоят не менее чем из двух цепочек. Одна цепочка на двух массивных держателях — вещь необычная. Допустить, что вторая цепочка швейцарской цепи порвалась и была снята, тоже нельзя, потому что прорезы ее «держателей» слишком малы, чтобы в них можно было бы укрепить по две цепочки с такими широкими кольцами. Наличием одной цепочки объясняется и отсутствие промежуточных литых звеньев у швейцарской цепи, которым трудно было бы придать в таких условиях необходимую «устойчивость». По-видимому, швейцарская цепь была составлена из частей разрозненных и вышедших из употребления цепей примерно по схеме цепей мощинского типа.

Можно ли установить, от цепей какого типа взяты звенья для швейцарской цепи? К сожалению, этого сделать нельзя. Они могли быть взяты и от цепей мощинского типа, и от цепей межигорского типа, которые будут рассмотрены ниже, поскольку у цепей этих типов промежуточные звенья одинаковы. То же самое говорилось выше про звенья радичевское (802, 3) и огубское (941).

II. Цепи асимметричные, межигорского типа (13; 9, рис. 11, 2; 90, рис. 20, 3; 1952). Количество экземпляров — 4, из них в Среднем Поднепровье найдено 2, в бассейне Оки — 1 и в Литве — 1. Цепи, построенные асимметрично, имеют много общего с цепями симметричными вильнюсского и мощинского типов. Они также составлены из литых звеньев, кольчатых цепочек и держателей, но скомпоновано все это по-иному. В отличие от цепей вильнюсского и мощинского типов цепи асимметричные прикреплялись к одежде только за один конец. Поэтому у них имеется только один держатель, с которого спускаются кольчатые цепочки с промежуточными и концевыми звеньями. Асимметрично построенных цепей, не украшенных эмалью, известно довольно много. Второй конец их иногда поддерживался фибулой.

Из четырех асимметричных цепей полнее других сохранилась цепь Межигорского клада. У нее утрачены только концевые части. Поэтому цепи, построенные по асимметричной схеме, можно называть также цепями межигорского типа. От цепи Большой Салтановки (9, рис. 11, 2) сохранилось лишь два звена — длинное и круглое, соединенные кольчатыми цепочками. От мощинской цепи (90, рис. 20, 3) сохранились лишь двурогая лунница-держатель и одно концевое звено. От литовской цепи (Жадавайняй, 1952) — одно короткое звено, одно длинное концевое звено и обрывки цепочек. Необходимо отметить, что оформление одного из концов длинного звена данной цепи очень близко композиции на концевых звеньях ряда шарнирных цепей ритонов (Лезгур, 121; Лиллпудери, 186; Линкайчай, 209). Однако признать жадавайняйскую цепь предназначавшейся для ротона нельзя, поскольку она была не

шарнирной. Ее звенья были соединены цепочками, чего никогда не бывает у цепей питьевых рогов. Места всех перечисленных отдельно найденных литых звеньев легко определяются с помощью хорошо сохранившейся межигорской цепи. Если взять межигорскую цепь за лунницу и поднять ее, то с двух ее сдвоенные петель будут свисать прямо вниз (а не так, как мы привыкли видеть ее на таблице, опубликованной *И. А. Хойновским [Хойновский, 1896, табл. XIX]*) двумя параллельными рядами две сдвоенные цепочки. Общая длина сохранившейся части цепи от ушка лунницы-держателя до низа концевой звена равна примерно 1. 80 м. Первое от лунницы звено на обеих цепочках круглое с выступами; второе прямоугольное длинное и третье такое же, как и первое. Если бы цепь была построена симметрично, то следом за третьим звеном шел бы второй держатель, соединявший концы обеих парных цепочек. Здесь же цепочки не соединены. На каждой паре их подвешено по звену особой формы. Верхняя часть звена прямоугольная, длинная, внизу же звено резко расширяется и заканчивается двумя прямоугольными петлями. Что было подвешено на эти петли — можно только предполагать. Видимо, на них висели крупные подвески в виде четырехгранных колокольчиков-пирамидок. Обращает внимание, что в трех случаях из четырех вместе с частями асимметричных цепей были найдены колокольчики. Такой колокольчик был найден в Мощинском кладе вместе с двурогой лунницей-держателем и концевым звеном ([рис. 20, 5](#)). Один колокольчик найден при двух звеньях асимметричной цепи в Жадавайняй (1952).¹² При цепи Межигорского клада сохранилось четыре колокольчика — как раз столько, сколько должно было висеть у прорезей концевых звеньев. Если предположение справедливо, то случайные находки трех таких же колокольчиков в Василькове (6) и в Хмельне (3011, 12) могут быть причислены к остаткам еще двух или трех цепей.

Декоративные приемы, использованные при изготовлении литых ажурных звеньев, уже неоднократно встречались и ранее. Здесь и геометрически правильные поля с эмалью, и зубчатые перемычки, и фасетирование. Хочется отметить только одну новую деталь — антропоморфные изображения в виде сильно геометризованных женских фигур в широких юбках на звене, найденном в Радичеве (802, [рис. 3, 3](#)) [[Рыбаков, 1948а, с. 97, табл. III, А; Рыбаков, 1951, с. 48 и рис. на с. 50](#)].¹³

III. Цепи шарнирные для питьевых рогов (90, [рис. 20, 1](#); 121; 184; 186; 187, [рис. 27, 3](#); 30, 3; 209, [рис. 30, 2](#); 212; 213, [рис. 27, 2](#)). Количество экземпляров — 8, из них в бассейне Оки найден 1, на Северном Кавказе — 1, в Литве — 2, в Латвии — 3 и в Калининградской области — 1.

Питьевые рога, широко распространенные на землях германских племен Центральной Европы, появились в Прибалтике сравнительно поздно — не ранее III в. Обычно от рога сохраняются лишь металлические детали — оковка верхнего края, профилированный литой концевой наконечник и металлическая цепь, состоящая, как правило, из отдельных коротких звеньев, соединенных друг с другом шарнирами или кольцами. В подавляющем большинстве случаев цепи рогов состоят из довольно скромных, простых звеньев. Однако известно несколько цепей, сделанных из фигурных крупных звеньев, украшенных многоцветной эмалью. В Центральной Европе таких цепей нет. Все они найдены к востоку от Самландского полуострова. Самая восточная точка, где найдена цепь от ритонов с эмалью, — Мощинское городище.

Из восьми цепей для ритонов пять имеют простейшее шарнирное устройство, *т. е. звенья их соединены штифтами, пропущенными сквозь массивные петли, отлитые вместе со звеном* (Лезгур, 121; Кентескалнс, 184; Лиллпудери, 187; Линкайчай, 209; Мауджорай, 212). Сцепление звеньев у цепей мощинской (90, [рис. 20, 1](#)) и найденной близ Муромского (213, [рис. 27, 2](#)) более сложно. Цепи выполнены в той сложной технике литья, когда все звенья отливаются сразу вместе и при этом сохраняют подвижность. Неясно, как были соединены звенья шестой цепи, найденной в Латвии (Салениеки, 186), поскольку от нее сохранились лишь незначительные фрагменты. Забегая вперед, укажу, что салениекская цепь была, по-видимому, похожа на латвийскую цепь, найденную в Лиллпудери, а последняя имела шарнирное крепление звеньев. Четыре цепи были, по-видимому, близки друг другу. Три из них найдены в Латвии (Кентескалнс, 184; Салениеки, 186; Лиллпудери, 187) и одна — в Литве (Линкайчай, 209). Не все они сохранились одинаково хорошо. От цепи, найденной на городище Кентескалнс, сохранилось только одно прямоугольное звено. От второй латвийской цепи (187) — два звена, в основе также прямоугольные. От третьей латвийской цепи (186) — всего несколько уплощенных дисков и зубчатых перемычек. И только литовская цепь сохранилась целиком, если не считать небольшую деформацию верхней части. Очевидно, все четыре цепи состояли каждая из серии одинаковых прямоугольных звеньев и только последнее, верхнее звено было оформлено несколько иначе. Особенно нарядная и сложная композиция завершает латвийскую цепь, найденную в Лиллпудери.¹⁴ Эта цепь вообще очень нарядна, пожалуй, даже вычурна по силуэту, поскольку все перекладины ее звеньев заканчиваются множеством торчащих дисков, как у треугольных процветших фибул. Цепь, как и литовская цепь, найденная в Линкайчай, украшена многоцветной эмалью. Особенно многоцветны эмали латвийской цепи (187), у которой в пределах одной ячейки орнамент выполнен эмалями пяти разных цветов. Но орнаментальный мотив на обеих цепях одинаков — зигзаг.

Ввиду близости литовской и латвийской (187) цепей можно реконструировать фрагментарно сохранившуюся латвийскую цепь по цепи литовской, *т. е. добавить к ее уцелевшим двум звеньям еще четыре звена с эмалью и одно легкое тонкое звено, соединяющееся с наконечником рога*. Тогда длина ее окажется равной примерно 40 см ([рис. 30, 3](#)) *т. е. такой же, как у цепи литовской* ([рис. 30, 2](#)).

По одному прямоугольному звену, сохранившемуся от второй латвийской цепи (Кентескалнс, 184), можно сказать только, что, судя по форме звена, она была похожа на литовскую цепь.

Третья латвийская цепь (Салениеки, 186), от которой сохранилось только несколько фрагментов дисков и зубчатых перемычек, была, видимо, похожа на латвийскую цепь, найденную в Лиллпудери, торцы перекладин которой также заканчивались дисками.

Несколько отличаются от четырех рассмотренных цепей мощинская цепь и цепь (213), найденная близ Муромского (б. Лапсау). В отличие от рассмотренных, состоявших по всей длине из одинаковых звеньев (за исключением верхних), мощинская и лапсауская цепи в своих сохранившихся частях состоят из звеньев, имеющих самые разные формы. Поэтому ни одну из них нельзя реконструировать даже в самых общих чертах.

От мощинской цепи сохранилось три звена, из которых верхнее (рис. 20, 1), по-видимому, прикреплялось к рогу. Силуэт мощинской цепи до крайности вычурный. Во многих гнездах эмаль двух цветов без внутренних перегородок. О сложном техническом приеме, примененном при его отливке, говорилось выше. Цепь во всех отношениях выполнена безукоризненно.

Цепь, найденная близ Муромского (213), сохранилась крайне плохо. Вся она разорвана и поломана. Недостаёт примерно половины звеньев, и, поскольку все они разные, реконструировать ее невозможно. На публикуемом рисунке (рис. 27, 2) сделана попытка расположить сохранившиеся части в каком-то порядке. Однако настаивать именно на таком их расположении было бы неосторожно. По-видимому, у лапсауской цепи утрачено верхнее звено, которое должно было иметь два отверстия для прикрепления к рогу. Цепь была украшена многоцветной эмалью без перегородок с инкрустацией в отдельные гнезда кусочков твердой эмали. Цепь найдена вместе с литым профилированным наконечником рога.

В Среднем Поднепровье ни одной цепи от рога, ни простой, ни украшенной эмалью, не найдено. Зато на днепровском Левобережье найдены бронзовые части самого рога — оковка борта и литой профилированный наконечник. Они обнаружены в кургане Москалевки в бассейне Сулы при случайных работах. Курган имел несколько необычную форму. При сравнительно небольшом диаметре (7 м) высота его равнялась 3. 15 м, т. е. он был сильно вытянут вверх. На горизонте, судя по словам крестьян, было два черепа и немного других костей, а также остатки бронзовых частей рога, назначение которых осталось непонятным. В отчетах Археологической комиссии за 1896 г. оковка названа «гладким браслетом», а наконечник — «трубочкой неизвестного назначения». Цепь либо не сохранилась, либо не была взята находчиками. Возможно, она состояла, как у большинства рогов, из простых тонких продолговатых звеньев и не обратила на себя внимание крестьян.

Литые бронзовые наконечники рогов, аналогичные найденному на днепровском Левобережье, известны на широкой территории. Полагают, что появление металлических оковок на питьевых рогах связано с провинциально-римской культурой и что территориально данный тип рогов и их цепей связан с Чехией. Отсюда еще в первые века нашей эры обычай украшать рога металлическими накладками разошелся по всей Центральной и Северной Европе [Almgren, 1913, S. 278]. Они известны и в Швеции, на о. Готланд, а также в Прибалтике, особенно в юго-восточной [Frödin, 1912, S. 211, Abb. 14a, S. 206; Almgren, Nerman, 1914, Taf. 10, NN 153, 154, 156; Taf. 19, NN 291—294; 1923, Taf. 31, NN 460—464, Abb. 129; Gaerte, 1929, S. 257, Abb. 200b; Moora, 1938, S. 481-484; Puzinas, 1938, Taf. XLII, 71]. В Латвии и Эстонии они редки [Moora, 1926b, S. 187—200, Abb. 147, 21, 22; Moora, 1929, Taf. XXX, 17; Moora, 1938, S. 481-484; Шмидехельм, 1955, с. 105, рис. 26, 4]. В Прибалтике металлические оковки рогов появились, как полагают, не ранее, чем в III в. Найденные экземпляры относятся в основном к III—IV и более поздним векам. Близких аналогий москалевскому наконечнику найти не удалось, но, судя по обилию профилировки и большому диаметру диска, москалевский наконечник относится также не к началу нашей эры, а к более позднему времени. По форме крючка из толстой проволоки москалевский наконечник близок наконечникам литовских рогов из Линкайчай (209) и Пашушвис (207) [Puzinas, 1938, Tab. XLII, 71]. Последний датируется V—VI вв. Ранние же наконечники таких крючков не имеют.

Рассмотренные шарнирные цепи являются, как видим, сложным и очень богатым украшением. Они разнообразны по конструкции и имеют различное назначение. Одни являются цепями в прямом смысле слова (симметричные цепи вильнюсского и мощинского типов, а также цепи асимметричные межигорского типа), другие больше похожи на ожерелья (цепи борзненского типа). Как те, так и другие самым тесным образом связаны с крупными двурогими и трехрогими лунницами, которые несколько искусственно были отнесены нами к другому разделу. Особняком стоят массивные, исключительно богато декорированные цепи от рогов. Х. А. Моора [Moora, 1938, S. 433; см. также: Almgren, Nerman, 1914, S. 42, Taf. 19, N 285] указывает на отдельные экземпляры рогов первых веков нашей эры, связанных с провинциально-римской культурой, цепи которых украшены маленькими кружками с красной и синей эмалью. К сожалению, мы плохо знаем, как была оформлена оковка верхнего края рога интересующего нас времени в том случае, если цепь была украшена эмалью. Судя по ритону, найденному в Мауджорае, эмали на оковках не было, да, пожалуй, и быть не могло. Оковка края рога имеет выгнутую поверхность, эмалей же, сделанных не на абсолютно плоской поверхности, ни разу не найдено. По-видимому, нанесение эмали на округлую поверхность для мастеров древности было делом непосильным. Во всяком случае при сравнительно большом количестве вещей с эмалью ни разу не было найдено какого-либо предмета с эмалью, который хоть в какой-то степени можно было связать с оковкой верхнего края обода.

Не все разновидности цепей встречены среди находок Среднего Поднепровья. Из пяти видов цепей в Среднем Поднепровье нет двух — цепей мощинского типа и цепей для питьевых рогов.

Можно попробовать увеличить количество, если не самих цепей, то их следов. Если согласиться с тем, что большие трехрогие лунницы были частями цепей-ожерелий типа ожерелья Борзненского клада, то в Среднем Поднепровье можно будет найти следы еще двух таких цепей. Одна трехрогая большая лунница найдена в Киеве (32, [рис. 8, 2](#)), вторая — в районе Малого Букрина (19—213, [рис. 8, 1](#)). Большая лунница — держатель цепи найдена в урочище Куты (71, [рис. 11, 8](#)). Кроме того, если согласиться с тем, что высокие четырехгранные пирамидальные подвески-колокольчики были также частями цепей, то в Среднем Поднепровье найдутся следы еще трех цепей типа асимметричных. Один из колокольчиков найден у Василькова (6) и два других близ Хмельны (3011, 12). Поскольку хмельнинские колокольчики значительно разнятся по величине и форме, принять их за подвески одной цепи нельзя. Они могли быть подвесками только двух разных цепей.

Все цепи, где бы они ни были найдены, стилистически абсолютно едины. Как по форме, так и по приемам декорации между цепями Прибалтики, бассейна Оки, Северного Кавказа и Среднего Приднепровья разницы нет.

Пластинчатые украшения (14 (2 экз.); 15 (5 экз.); 51, [рис. 12, 8](#); 7; 19—217; 51; 582; 731, 4; 8624; 90 (20 экз.), 943, [рис. 15, 4](#); 1515; 154, [рис. 25, 2a—2b](#), 188; 1961, [рис. 30, 1](#); 1962, 3, [рис. 29, 5, 4](#); 1964-7; 2321; 2401_4; 244, [рис. 14, 4](#)). Количество экземпляров — 51, из них в Среднем Поднепровье найдено 15 и вне его — 36, в том числе в бассейне Оки — 20, в верховьях Ловати — 1, в Белоруссии — 4, в Подвинье — 1, в Эстонии — 2, в Литве — 7 и в Польше — 1.

Памятники, входящие в данную группу, значительно отличаются от всех, рассмотренных ранее. Они сделаны из кованных медных или серебряных пластин и орнаментированы с помощью разнофигурных штампов. Синхронность пластинчатых украшений памятникам с эмалью доказывается не только их совместными находками, но и наличием на пластинчатых украшениях литых с эмалью деталей. Ассортимент пластинчатых вещей менее разнообразен, нежели литых с эмалью. К сожалению, назначение пластинчатых украшений остается непонятным, а потому мы вынуждены дать им чисто условные названия. В литературе их называют диадемами, венчиками, обручами, поясами, гривнами, часто ставя названия в кавычки. Размеры украшений настолько велики (до 1. 63 м в длину), что у некоторых исследователей возникла мысль о принадлежности их конскому убору [[Толстой, Кондакова, 1890, с. 152—153](#); [Покровский, 1892, текст к табл. XII](#)].

Мы делим пластинчатые украшения на типы, имеющие следующие условные названия: I — «венчики»; II — обручи с лопастями; III — трапециевидные подвески; IV — разные пластинчатые украшения.

I. «Венчики»; (14 (2 экз.); 731; 90 (5 экз.); 188; 2321). Количество экземпляров — 10, из них в Среднем Поднепровье найдено 3, в бассейне Оки — 5, в Белоруссии — 1 и в северо-восточной Польше — 1.

Как указано выше, название «венчики» совершенно условно. Основные признаки украшений данного типа — длинные кованные медные или серебряные полосы, имеющие по всей длине либо одинаковую ширину (от 2 до 5. 6 см), либо расширяющиеся к середине (до 4. 5—6 см); по концам полос крючки, развернутые в разных плоскостях и заканчивающиеся шляпками (полусферическими или коническими); большей частью крючки короткие (14, 731, 90, 188), реже — на длинных витых стержнях (90, 2321); кроме того, у двух «венчиков» на концах просто дырочки, в которые продевался шнурок (90). Судя по длине полос (в тех случаях, когда удалось ее установить), ¹⁵ большая часть их вряд ли могла быть головным украшением, так как для этого они коротки.

Из шести «венчиков» только один длиной 66 см мог быть действительно венчиком. Кроме того, мощинские «венчики» длиной 41. 5 и 41 см тоже могли быть венчиками, поскольку концы их скреплялись шнурками и, следовательно, диаметр их мог быть увеличен. Остальные три длиной 50, 42 и 40 см, а также ряд «венчиков», длина которых точно не может быть установлена (Жукин, 731; фрагменты второго межигорского «венчика», 14), с замком крючок в крючок, слишком малы для того, чтобы их можно было надеть на голову. Возможно, это были украшения шеи, своеобразные стоячие воротнички. При этом сутокский «венчик»-воротничок (188) застегивался, может быть, спереди, так как орнаментирован он только по концам. Остальные «венчики»-воротнички орнаментированы по всей длине одинаково равномерно.

Орнаментация «венчиков» выполнена с помощью наборов штампов и гравировок. Орнамент построен всегда по геометрической схеме. Среди элементов орнамента преобладают полушария разных диаметров, «глазки» простые и сложнопрофилированные, посаженные поодиночке и группами, соединяющие их валики — прямые и дужки. Последний орнаментальный мотив подчеркиваем особо, поскольку с ним мы встретимся еще много раз. Количество орнаментов, равно как и украшений в целом, различно. Работа некоторых выглядит явно кустарной, другие же выполнены на самом высоком профессиональном уровне. Последние представляют для нас особый интерес, поскольку именно они помогут в дальнейшем установить генетические корни группы ювелирных изделий, часть которых отнесена к данному типу (I), а часть к следующему (II).

Из десяти «венчиков» профессионально выполненных только три: в Межигорском клада (14) — два и в Жукинском погребении (731) — один. Все они орнаментированы наборами разнообразных штампов — для полушарий, сложнопрофилированных «глазков», валиков, между которыми тесно посаженные мелкие дужки имеют по концам еще какие-то хвостики. В декоративке Жуковского «венчика» есть орнаментальный элемент — дужки или подковки с бусинками и «глазками» по концам. Забегая несколько вперед, укажу, что в Жукинском погребении оказалась выполненная в том же стиле и технике весьма своеобразная пластинчатая фибула, которая отнесена к типу IV. Вместе с «венчиком» они составляли стилистически единый гарнитур.

К другой манере принадлежит орнаментация мощинского «венчика». Элемент орнамента — подковки с кружками по концам — выполнены на нем, как и весь остальной орнамент, гравировкой, а вместо «глазков» посажены на штифтах крупные литые полушария. Несколько необычен «венчик», найденный в Бабьенте (2321), у которого вместо полушарий или «глазков» укреплены на штифтах круглые гнезда с эмалью, а на границе передней орнаментированной и боковых неорнаментированных частей укреплены обычные для памятников с эмалью гребешки.

II. *Обручи с лопастями* (51, [рис. 12](#), 8; 154, [рис. 25](#), 2а—2в; 1962, 3, [рис. 29](#), 5, 4; 1964-7; 2401-4). Количество экземпляров — 12, из них в Среднем Поднепровье найден 1, в Эстонии — 1, в Белоруссии — 4 и в Литве — 6.

Не все обручи сохранились одинаково хорошо. От двух остались лишь литые с эмалью детали (154, [рис. 25](#), 2; 1962, [рис. 29](#), 5), о месте которых в сложных украшениях данного типа речь пойдет ниже. Полностью сохранившихся украшений только два (2401, 2), но одно из них (2402) утрачено и известно только по фотографии. Остальные дошли в разломанном и фрагментированном виде, что, безусловно, еще больше затрудняет решение вопроса о назначении этих необычных и сложных украшений. Необычной является прежде всего их величина — длина в развернутом виде единственного уцелевшего и полностью сохранившегося обруча (2401) составляет 1. 63 м, но необычна и непонятна и их конструкция. Состоят обручи из двух основных компонентов: пары больших миндалевидных пластинчатых, слегка изогнутых лопастей и соединяющего их длинного узкого кованого обода. Но из этих двух компонентов, удлиняя или укорачивая обод, мастера делали украшения, различные по конструкции и, весьма возможно, по назначению. По-разному пользовались они и различными деталями — «передвижками», бляшками-скрепами и декоративными бляшками, отлитыми из бронзы и украшенными выемчатой эмалью. Так, на месте соединения лопасти с ободом помещается обычно бронзовая литая фигурная бляшка-скрепа с выемчатой эмалью и гребешками. Иногда литые бляшки-скрепы с эмалью помещаются на стыке двух кусков обода (в тех случаях, когда он был сделан не из целой кованой полосы, а составным, например 1964-7).

У многих лопастей внешние концы, т. е. *концы*, не скерпленные с ободом, обломаны. У трех сохранившихся на концах массивные наконечники: плоско-выпуклый, удлиненный, с гравировкой у лопасти Вильнюсского музея (1964) и две кнопки у красноборского обруча (2402), такие же, как на крючках у «венчиков» (тип I). Однако если на крючках у «венчиков» кнопки играли чисто практическую роль — не дать крючкам расцепиться, то у красноборского украшения кнопки были чисто декоративными, потому что свободные концы лопастей никогда не застегивались, а оставались свободными. У четвертой лопасти на ее узкий конец надет литой ажурный наконечник с разноцветной эмалью, также, безусловно, декоративный (1965). Размеры лопастей постоянны: длина 36—37 см, ширина 10 см. Длина обода, наоборот, в зависимости от конструкции украшения была весьма различной. К сожалению, у некоторых украшений кованый обод сохранился только в виде фрагментов и полная длина их неизвестна. Так, у красноборского обруча (2401) два фрагмента обода составляют вместе только 40. 6 см в длину (2. 6 и 38 см), причем друг с другом фрагменты не стыкуются, что указывает на утрату какой-то части обода и на его большую первоначальную длину. У обруча Вильнюсского музея (1964) сохранились также только два фрагмента с общей длиной 36. 8 см (8 и 28. 8 см). В обоих случаях при ободах осталось только по одной лопасти. Поскольку разница в конструкции обруча зависела от длины обода, мы не можем определить, каким был тот или иной обруч, сохранившийся фрагментарно. Как сказано выше, полностью сохранившихся обручей только два. К сожалению, один из них утрачен и по фотографии из-за ракурса длина его обода может быть определена только приблизительно — примерно 40—45 см. В то же время длина обода другого, полностью сохранившегося, обруча равна 87. 5 см. Такая большая разница в длине обода объясняется более простой конструкцией обруча с коротким ободом. Две лопасти и скрепляющий их обод образуют вместе большую спираль в полтора оборота. При этом обе лопасти выведены на одну сторону и находятся одна под другой. Во втором случае обод образует гораздо более сложную фигуру. Средняя его часть согнута в кольцо с диаметром 20 см, а концы обода и прикрепленные к ним лопасти образуют вокруг него второе (неполное) кольцо большого диаметра. Диаметр внутреннего, малого, кольца может быть изменен с помощью «передвижки» — специальной литой бляшки с эмалью. Бляшка-передвижка с ее двумя петлями на обороте, сквозь которые проходят полосы обода, скрепляет внутреннее кольцо, делает его как бы замкнутым, но неизменным в диаметре. Однако больше чем до 26—27 см в диаметре внутреннее кольцо увеличено быть не может, так как передвижка разрешает увеличивать его диаметр только за счет длины обода.

К сожалению, даже после изложения всех этих подробностей и мелочей назначение рассмотренных загадочных предметов прояснилось очень мало. Если допустить, что лопасти обруча с более простой конструкцией можно было развести в стороны (а он был достаточно гибок), то его можно было надеть на очень тонкую талию в качестве широкого пояса. Но обруч с более сложной конструкцией при всем желании не мог быть надет как пояс, поскольку передвижка не позволила бы расцепить внутреннее кольцо и развести лопасти в стороны. Единственно, что можно предположить о назначении обруча сложной конструкции, — это использование его в качестве головного убора; малое кольцо надевалось на голову (вернее, на мягкий головной убор) передвижкой наперед, а лопасти, как два крыла, отходили назад. Конечно, это был не простой убор каждодневного пользования, поскольку удерживать его на голове не так просто.

Орнаментация всех лопастей выполнена в одной манере. Орнамент нанесен на них с помощью набора разнообразных штампов — полушарий, сложнопрофилированных «глазков», прямых и изогнутых валиков, подковок разных диаметров и пр. Орнамент выполнен исключительно профессионально, его точность граничит с сухостью. Межигорские и жукинские «венчики», о которых говорилось выше, орнаментированы в той же манере. Куда уходят корни данной орнаментальной манеры, мы скажем в заключении к группе пластинчатых украшений.

Несколько слов еще о трех находках. К югу от Киева в кургане на р. Стугне в 1888 г. было найдено несколько интересных вещей — две пары спиральных браслетов и две пластинчатые лопасти, переходящие в узкие длинные полосы (51, 2, [рис. 12](#), 8, 9). Вещи не сохранились и известны только по очень схематичным рисункам А. А. Спицына. Он нарисовал только один браслет и только одну лопасть с тремя рядами обручей, а подле указал количество экземпляров каждого типа вещей. Около украшения с лопастью написано, что их было два. Трудно решить, действительно ли было в кургане именно два обруча с одной лопастью каждый, или здесь был один обруч, но с двумя лопастями, как это бывает обычно. Думаю, что в кургане был только один обруч с двумя лопастями, орнаментированными полушариями, окруженными ресничками, и длинной орнаментальной полосой, пересекающей лопасти по горизонтальной оси. Восстановить устройство обруча в деталях по рисунку Спицына невозможно. Тем не менее совершенно ясно, что украшение и по форме, и по характеру орнамента входит в круг украшений, рассмотренных в данном разделе.

От исчезнувших обручей с лопастями сохранились две бронзовые литые детали с выемчатой эмалью. Одна из них найдена в Литве, другая — в Эстонии. Литовская круглая ажурная бляха представляет собой «передвижку» (1962, [рис. 29](#), 5), аналогичную по назначению «передвижке» красноборского обруча (2401). С эстонской бляшкой дело обстоит несколько сложнее. Круглая ажурная бляшка с эмалью, найденная в Кальве (154, [рис. 25](#), 2а—2в), несет на себе следы грубой переделки, с помощью которой она еще в древности была превращена в фибулу. М. Х. Шмидехельм [[Шмидехельм, 1955, с. 217, рис. 58, б](#)]¹⁶ полагает, что бляшка представляет собой фрагмент широкого браслета мощинского типа — она была его щитком. Мне представляется это маловероятным. Во-первых, у браслетов круглые щитки до сих пор известны не были. Во-вторых, по ширине обод браслета не мог быть шире гребешков на бляшке, а это значит, что он был необычно узким для браслетов данного типа. В-третьих, если бы данная бляшка была фрагментом браслета, то следы от отломанного обода было бы трудно уничтожить настолько бесследно, что их совсем нельзя было бы заметить. На мой взгляд, бляшка была деталью обруча с лопастями и помещалась на месте стыка лопасти с ободом, т. е. она была бляшкой-скрепой. Именно такие бляшки-скрепы — круглые, ажурные с эмалью и гребешками — помещаются на сохранившихся обручах на месте стыка лопасти и обода.

III. *Трапециевидные подвески* (15 (5 экз.); 7; 19—217; 582; 90 (13 экз.); 1512; 1961, [рис. 30](#), 1; 244, [рис. 14](#), 4). Количество экземпляров — 24, из них в Среднем Поднепровье найдено 8, в бассейне Оки — 13, в верховьях Ловати — 1, в Эстонии — 1 и в Литве — 1.

По размерам, форме и тщательности работы подвески очень различны. В основном это крупные подвески с высотой 4. 5—6 см. Но отдельные их экземпляры бывают и значительно меньше — 3 см (582), и значительно больше — 14 см (1961). По форме некоторые из них приближаются к прямоугольнику (Межигорье, 15; Вильнюсский музей, 1961, [рис. 30](#), 1). Но есть и такие, у которых длина основания значительно больше длины верхнего края. Подавляющее большинство подвесок орнаментировано полушариями, профилированными «глазками», валиками, дужками и подковками, т. е. набором тех же штампов, которые уже известны нам по «венчикам» и обручам с лопастями. Но как среди «венчиков» были изделия, выполненные и кустарно, и профессионально, так и среди трапециевидных подвесок есть поделки и кустарные, и выполненные на высоком профессиональном уровне. К последним в первую очередь относятся некоторые подвески Межигорского клада и пара громадных подвесок вильнюсской цепи ([рис. 30](#), 1), орнаментированные сложным геометрическим орнаментом, выполненным уверенной рукой хорошего мастера. Полной противоположностью им являются некоторые подвески Мощинского клада с непонятным сбитым орнаментом. Но есть в Мощине и более искусно выполненные подвески.

Несколько трапециевидных подвесок орнаментировано совершенно своеобразно. На двух изображены так называемые причерноморские знаки, на мощинской подвеске — двузубец, на белгородской — трезубец, перевернутый зубцами вниз. Подвеска (Белгородка, 7) найдена на территории древнерусского города Белгорода вне комплекса. Я отнесла ее к памятникам середины I тыс. н. э. на основании характера патины — зеленой, блестящей, какой не встречается на бронзовых вещах эпохи Киевской Руси и, наоборот, которая хорошо известна по памятникам I тыс. н. э. и более раннего времени. Необычна также орнаментация подвески, найденной близ Малого Букрина (19—217), на которой наколом очень примитивно выполнены человеческие фигурки, расположенные в два яруса: вверху, видимо, мужская в рост, внизу три поясных, как бы в накидках.

О назначении трапециевидных подвесок известно очень мало. Гиганты среди них — подвески четырехметровой цепи Вильнюсского музея — были подвешены попарно на концах цепи (сохранилась только одна пара) на длинных литых звеньях с эмалью. Межигорские трапециевидные подвески были подвешены, по-видимому, к шейным гривнам, о чем можно судить по аналогии с находкой в Таураге на Ниж- нем Немане [[Покровский, 1892, табл. IX, 3; Спицын, 19036, табл. XXVIII, 3](#)]. И в Таураге, и в Межигорье найдены одинаковые гривны, свитые из толстой проволоки, на концах имеющие круглые петли в три витка. К каждой петле таурагской гривны на двух длинных пластинчатых звеньях подвешено по две трапециевидные подвески. В Межигорском клада у трех из пяти подвесок сохранились такие же звенья. Шейный гривен в Межигорском клада было две, подвесок же сохранилось только пять; видимо, три подвески утрачены. Очень может быть, что в Мощинском клада некоторые трапециевидные подвески были подвешены к гривне, так как мощинская гривна относится к тому же прибалтийскому типу, что и гривны Межигорья и Таураге. Об ином назначении трапециевидных подвесок у нас никаких данных нет.

IV. *Разные пластинчатые украшения* (51; 734; 8624; 90; 943, [рис. 15](#), 4). Количество экземпляров — 5, из них в Среднем Поднепровье найдено 3, в бассейне Оки — 2.

Прежде всего следует оговориться, что если в Среднем Поднепровье учтены все пластинчатые украшения, которые могут быть отнесены ко времени памятников с эмалью, то из пластинчатых украшений, найденных вне Среднего Поднепровья, взяты только те, которые оказались в тех же комплексах, в которых найдены и эмали и которые поэтому оказались включенными в перечень. Количество пластинчатых украшений со штампованным орнаментом огромно. Они распространены буквально по всей Восточной Европе, очень разнообразны по форме, орнаментации, назначению, качеству работы и происхождению. Рассмотрение всех пластинчатых изделий — обоймиц, наконечников поясов, бляшек л блях, венчиков, браслетов и пр. — не входит в нашу задачу.

Большая круглая бляха с радиальной композицией из мелких полушариков и с отверстием в центре (Каневский р-н, 51) аналогична бляхе Мощинского клада (90) и многим подобным же финским бляхам. Интересен фрагмент края какого-то украшения с крупными и мелкими полушариями, выбитыми штампами, найденный в Среднем Поднепровье (8624). Необычна пластинчатая треугольная фибула Жукинского погребения (734), о которой мы вскользь говорили в связи с жукинским «венчиком». К сожалению, фибула не сохранилась, а потому конструкция ее понятна не до конца. По-видимому, она была сделана из перегнутой, сложенной вдвое пластины. Возможно, она изготовлена из какого-то предмета, имевшего иное назначение, поскольку грубейший способ прикрепления иглы как-то не вяжется с профессионально выполненным орнаментом из профилированных «глазков» и дужек, выбитых разнофигурными штампами. Игла закреплена просто в отверстии, пробитом у верхнего края фибулы.

Наибольший интерес среди пластинчатых предметов данного раздела представляет найденная на Огубском городище (943, [рис. 15, 4](#)) прямоугольная пластина желтой меди со схематическими изображениями женских фигур. Они выполнены накомол или пуансоном с обратной стороны, головы им заменяют крупные профилированные «глазки», знакомые и по «венчикам», и по обручам с лопастями, и по трапециевидным подвескам. Другими словами, пластина входит в круг вышерассмотренных памятников.

Вопрос о происхождении группы своеобразных пластинчатых украшений с геометрическим орнаментом, выполненным наборами разнофигурных штампов, довольно сложен и, насколько мне известно, в литературе еще не ставился. Поэтому, когда в статьях нескольких авторов были высказаны какие-то соображения относительно огубской пластины и трех женских фигур, изображенных на ней, то захотелось проверить прочность той нити, которую протягивали исследователи.

В конце 1940-х годов *С. И. Капошина* обратила внимание на композиционную близость изображений на огубской пластине и на каменных рельефах первых веков нашей эры, найденных в Северном Причерноморье (Ольвия). На каменных плитах изображены женские фигуры, то взявшиеся за руки, то пляшущие в одиночку. Позднее два таких рельефа были опубликованы в статье *В. Ф. Гайдукевича* и *С. И. Капошиной* [[Гайдукевич, Капошина, 1951, с. 180, рис. 9; 10](#)],¹⁷ причем авторы отметили негреческий характер одежды на фигурах. Несколько позже *Т. Н. Никольская* [[Никольская, 1959, с. 107—108, рис. 39, 1, 2](#)] опубликовала огубскую пластину и рядом с ней ольвийский каменный рельеф с тремя женскими фигурами. Сходство, действительно, поразительное: и там и здесь изображены три женские фигуры, взявшиеся за руки и одетые в широкие юбки. В то же время я воздержалась бы от интерпретации изображений на огубской пластине, предложенной Никольской, ставящей огубскую композицию в связь с культовыми представлениями Северного Причерноморья. Такая же точно женская фигура с поднятыми руками и в широкой юбке дважды изображена на ажурном звене от цепи, украшенном выемчатой эмалью и найденном в Радичеве (802, [рис. 3, 3](#)). По своему происхождению это звено полностью связано с искусством Прибалтики. Трудно допустить влияние религиозных верований Северного Причерноморья («культы нимфы») на столь отдаленные северные районы. Думаю, что если заняться, то можно найти не одно, в сущности очень простое, изображение женщины в широкой юбке в искусстве самых различных народов. Памятников же, стилистически сходных с пластинчатыми украшениями Среднего Поднепровья, бассейна Оки и Прибалтики, в Северном Причерноморье нет.

Таким образом, ниточка, протянутая было исследователями, оказалась непрочной и пришлось искать иные пути для решения вопроса о корнях группы пластинчатых памятников со штампованным геометрическим орнаментом. Намек на направление иного пути был дан *В. А. Городцовым* [[Городцов, 1926, с. 124](#)], нашедшим огубскую пластину и полагавшим, что она была выполнена в «литовской технике».¹⁸ Направление, указанное Городцовым, казалось более пригодным для поисков корней группы этих своеобразных памятников. На наш взгляд, оно оказалось плодотворным.

Обратимся сначала к памятникам, отстоящим и территориально, и хронологически очень далеко от памятников, интересующих нас. Речь идет о северогерманских так называемых голштинских поясах позднелатенского времени, состоящих из прямоугольных пластин, скрепленных кольцами, и поясного «крючка» — широкой и длинной (до 35 см) орнаментированной пластины с крючком на одном конце, зацеплявшемся за кольцо. В орнаменте голштинских поясов (и отчасти пластин-крючков) те же элементы, что и на рассмотренных нами памятниках: профилированные «глазки», крупные и мелкие полушария, дужки, подковки с бусинками по концам, валики прямые и изогнутые и другие геометрические фигуры, выполненные с помощью таких же наборов штампов [[Hingst, 1962, S. 69—90; Hucke, 1962, S. 47-68; Rangs-Borchling, 1963, Taf. 102](#)], как и на значительно более поздних памятниках Восточной Европы. Любопытно, что и крючки голштинских поясов заканчиваются совершенно такими же округлыми или коническими кнопками, как у рассмотренных нами «венчиков» и обручей с лопастями. При взгляде на пластины, из которых состоят голштинские пояса, поражаешься умению из ограниченного количества декоративных элементов создавать бесконечно разнообразные комбинации и тут же ловишь себя на мысли, что прямоугольные пластины поясов настолько похожи на восточноевропейские трапециевидные подвески, что кажутся составленными не из

специальных пластин, а из трапециевидных подвесок, в особенности если эти подвески прямоугольные, как в Межигорском кладе. Помимо тождества орнаментальных элементов голштинские пояса и наши пластинчатые памятники роднит одинаковая система их компоновки и создания из отдельных простейших элементов более сложных фигур. Такова, например, излюбленнейшая композиция из подковки и двух бусинок или «глазков» по ее концам. Такие подковки одинаково часты и на голштинских поясах [Hingst, 1962, Abb. 5, 1; 7, 1; Hucke, 1962, Abb. 1, 2; 2, 10; 3, 8], и на наших «венчиках», и на трапециевидных подвесках, и на обручах с лопастями. Такие же подковки с бусинками оказались на богатейшем наконечнике голштинского пояса, найденном К. В. Каспаровой [Каспарова, 1967, с. 118—125, рис. 40, погребение 31] при исследовании зарубинецкого могильника у д. Отвержичи в низовьях Горыни на Полесье. Такой же крупной подковкой с бусинками орнаментирована трапециевидная подвеска, найденная Л. Д. Поболем в погребении на урочище Абидня Могилевской обл.¹⁹ Серия трапециевидных подвесок того же круга происходит из так называемых позднерубинецких могильников Полесья. Они были обнаружены в ряде погребений могильников Велемичи I и II в низовьях Горыни [Кухаренко, 1961, табл. 13, 11; 15, 10; 17, 22; 23, 8, 13, 14; 29, 5, 14, 28, 30; 30, 7; 31, 12]. Их орнамент состоит из полубусин и различных комбинаций из валиков, оконтуренных наколом. Но особенно хороши три подвески, найденные в Велемичах К. В. Каспаровой.²⁰ Орнаментация их состоит из прямых и гнутых валиков, слагающихся в крупные фигуры, по странной случайности похожих на буквы нашего алфавита «М», «Л», «Н» и «Э». Кстати, такие же три фигуры есть и в орнаментации голштинских поясов [Hingst, 1962, Abb. 7, 2]. Подвески крупные, с хорошей патиной, но орнамент их выполнен, по-видимому, без помощи штампов, а «от руки», так же как и на всех других велемичских трапециевидных подвесках.

Есть в Центральной Европе пластинчатые украшения и более близкие по времени восточноевропейским «венчикам» и обручам. Речь идет о серии широких пластинчатых оковок ритонов, относящихся к III в.²¹ Богатая орнаментация, покрывающая их в несколько ярусов, выполнена с помощью наборов разнофигурных штампов все тех же форм — профилированных «глазков», полушарий, колечек, полулуний, овалов, дужек и даже фигур животных и птиц [Шмидехельм, 1955, рис. 36, 7; Hingst, 1962, Abb. 7, 2; Собр. ИМ, № 349, 350].²²

Исходя из приведенных примеров и аналогий, я считаю, что рассмотренные в данном разделе пластинчатые украшения с геометрическим орнаментом, выполненным набором штампов, а также более простые пластинчатые украшения, орнаментированные без помощи штампов, но в той же манере, найденные в Среднем Поднепровье, на Оке и в Прибалтике, имеют глубочайшие корни в ювелирном искусстве северных районов Центральной Европы. Очевидно, местом производства лучших восточноевропейских экземпляров пластинчатых украшений была Литва.

Гривны шейные (104, рис. 22, 8; 112; 1711; 1781, 2; 179; 1802). Количество экземпляров — 7, из них в Эстонии найден 1, в Латвии — 4, в бассейне Оки — 1 и в Прикамье — 1.

Шейные гривны встречаются редко. Сохранность их обычно плохая. Целыми гривны найдены дважды (Триката, 1781; Кошибеево, 104). Обычно находят только диски в виде полых коробочек, отпавшие от концов обода. Гривны, найденные в Прибалтике (Ягупи, 1711; Триката, 1781, 2; Мури, 179; Велла-Краванда, 1802) и в Прикамье (Кукарка, 112), одинаковы. На дисках помещается ромб, внутри его и в гнездах по сторонам — эмаль двух или трех цветов. Обод сохранился только у гривны, найденной в Латвии (Триката). Он гладкий, с проволочной обмоткой. Внутренний диаметр гривны — 12. 5—19. 5 см.

Особняком стоит кошибеевская гривна. Концы ее гладкого обода соединяет литой «замок» в виде сильно вытянутого ромба с красной эмалью. Концы обода, вставленные в муфточки «замка», закреплялись штифтами. Внутренний диаметр гривны очень мал — 12 см. Чтобы надеть ее на шею, нужно было ее расстегивать.

Местом изготовления гривен считается Латвия. Х. А. Моора [Moora, 1934, S. 86] указывает, что прототипы прибалтийских шейных гривен, как и многих других украшений с эмалью, известны в провинциально-римском искусстве. На дисках гривен первых веков нашей эры, известных в частности в Калининградской обл., имеются маленькие стеклянные вставки. Наиболее ранние гривны с эмалью заменяют стекло маленьким гнездом с эмалью и только позже эмаль начинает покрывать все поле дисков.

Подвески. Кроме крупных и иногда очень сложных украшений, рассмотренных в предыдущих разделах, известно большое количество мелких литых украшений с эмалью, многие из которых сделаны не менее тщательно и искусно, чем фибулы, браслеты и цепи. К таким мелким украшениям относятся, в частности, и подвески. У нас нет данных о том, носили ли подвески только на ожерельях. Возможно, что некоторые из них были использованы и как-то иначе. Три лунницы Мощинского клада оказались подвешенными на длинных пластинчатых звеньях (90, рис. 21, 2—4). У некоторых лунниц Мощинского клада в ушках сохранились кусочки проволоки (рис. 21, 7, 10) и колечки (рис. 21, 8). В ушке маленькой ромбической подвески, найденной в Эстонии (Кохтла-Ярве, 1611), сохранился железный штырь (диаметр 4 мм).

По форме подвески могут быть разделены на следующие типы: I — лунницы маленькие; II — подвески ромбические; III — подвески крестчатые; IV — подвески круглые.

Всего известно 109 подвесок, из них лунниц — 78, ромбических — 9, крестчатых — 8 и круглых — 10. Форма четырех подвесок не установлена. Маленьких лунниц в Среднем Поднепровье найдено 45 и вне его 33 (из них в Прибалтике — 2, в бассейне Оки — 13, в Белоруссии — 3). Из остальных 30 подвесок в Среднем Поднепровье

найдено 14 и вне его — 16. Следовательно, в Среднем Поднепровье подвесок всех видов найдено 59 и вне его — 50 (из них в бассейне Оки — 18, в Прибалтике и северо-восточной Польше — 18, в Белоруссии — 3, остальные подвески найдены по одному-двум экземплярам в ряде пунктов бассейнов Средней Волги, Дона, Днестра, Верхнего Днепра, Ловати, Стыри и на Северном Кавказе).

I. *Лунницы маленькие* (31; 42; 124, [рис. 13](#), 3; 137, [рис. 13](#), 2; 138, [рис. 9](#), 11; 15, [рис. 9](#), 6; 19—214, 5, [рис. 8](#), 7, 4; 19-216, [рис. 9](#), 8; 222; 253; 27; 311; 312, [рис. 9](#), 3; 34, [рис. 9](#), 5; 382, [рис. 9](#), 10; 391, 2, 9, [рис. 8](#), 8, 12, 14; 393-8; 47, [рис. 8](#), 9, 48; [рис. 9](#), 12; 49, [рис. 9](#), 4; 53, [рис. 9](#), 1; 55; 62, [рис. 8](#), 10; 662, [рис. 9](#), 2; 68, [рис. 8](#), 13; 701, 2, [рис. 12](#), 10; 8, 5; 772, [рис. 9](#), 13; 8610, [рис. 8](#), 16; 8611-13, [рис. 9](#), 7, 14; 8614, [рис. 8](#), 15; 8615, [рис. 13](#), 1; 8616; 8617, [рис. 8](#), 11; 8618; 90 (10 экз.), [рис. 21](#), 1—10; 93 (2 экз.), [рис. 14](#), 3, 5; 942, [рис. 14](#), 6; 115, [рис. 22](#), 9; 119; 130, [рис. 23](#), 3; 131, [рис. 23](#), 4; 132, [рис. 23](#), 5; 2012; 202; 215; 2202; 222, [рис. 25](#), 6; 2311 (2 экз.), [рис. 25](#), 7; 2312 (2 экз.), [рис. 28](#), 2; 2344 (2 экз.); 2421, 3, [рис. 9](#), 15, 16; 2471). Количество экземпляров — 78, из них в Среднем Поднепровье найдено 45, на Верхнем Днестре — 1, в бассейне Оки — 13, на Средней Волге — 1, в бассейне Дона — 1, в бассейне Днестра — 2, в бассейне Стыри — 1, в Белоруссии — 3, в Литве — 2, в северо-восточной Польше — 8, в Калининградской обл. — 1.

Лунницы очень разнообразны. Они разнятся по размерам (от 2. 5 до 6 см ширины), по форме, по оформлению рожек, по пропорциям, т. е. по соотношению размеров корпуса самой лунницы и композиций на рожках. Классифицировать их очень трудно, так как все составляющие их элементы переплетаются без какой-нибудь системы и закономерностей. Поэтому укажем лишь на некоторые черты, свойственные маленьким лунницам. К сожалению, 14 лунниц из-за отсутствия необходимых данных из рассмотрения выпадут.

Корпус лунницы бывает треугольным и дугообразным. Есть, однако, некоторое количество лунниц, форму корпуса которых трудно определить, поскольку он представляет собой что-то среднее между треугольником и дужкой (например, 62, [рис. 8](#), 10, и др.). Треугольный корпус встречается чаще дугообразного. Формы треугольного корпуса весьма различны. Иногда это почти геометрически правильный равнобедренный треугольник, то растянутый в стороны, то вытянутый вперед. Обычно лунницы с правильным треугольным корпусом построены очень четко и строго, выполнены чисто и фасетированы (например, 772, 8610, 11, 13, 14). Но иногда основание треугольника сильно вогнуто внутрь (48, 2012, 2421), иногда все три стороны треугольника вогнуты внутрь. Тогда корпус лунницы становится менее массивным (15, 47, 68, 701, 8615), а иногда превращается в простое соединительное звено для сильно развитых композиций на рожках, составленных из дисков, колечек, бусинок и пр. (42, 15, 19—215, 662, 115, 131, 2471). В ряде случаев корпус буквально растворяется в гроздьях различных декоративных деталей. Треугольный корпус бывает глухим и ажурным. Если он глухой, то поверхность его занята большим эмалевым треугольником. Если же корпус ажурный, то он прорезан двумя треугольниками с вертикальной перемычкой под ушком.

Лунницы с округленным, дугообразным корпусом менее разнообразны. Есть лунницы с гнездом для эмали под ушком, повторяющим форму корпуса. Есть лунницы без эмали с узким дугообразным корпусом, существующим будто бы только для того, чтобы поддерживать диск с эмалью ([рис. 9](#), 10; 90, [рис. 21](#), 1; 2012). Ажурных дугообразных лунниц пока не найдено. Среди лунниц с дугообразным корпусом можно указать серию своеобразных лунниц с диском, подвешенным на двух перемычках между рожками (137, [рис. 13](#), 2; 312, [рис. 9](#), 3; 53, [рис. 9](#), 1; 702, [рис. 8](#), 5; 130, [рис. 23](#), 3). На внешнем крае корпуса посажено еще по два диска против тех мест, где снизу к корпусу примыкают перемычки. На рожках одна и та же композиция: большой диск с эмалью и тремя бусинками. У лунницы 53 ([рис. 9](#), 1) все диски заменены трапециевидными выступами. Можно указать и производные от украшений данного типа. В Каневском р-не найдена лунница, у которой дополнительный диск между рожками прикреплен непосредственно к нижнему краю корпуса, а не подвешен на перемычках (49, [рис. 9](#), 4); корпус ее больше похож на треугольный. У второй лунницы из Крылоса, хранящейся в Львовском историческом музее и отмеченной элементами деградации (131, [рис. 23](#), 4), посередине каждой из сторон треугольного корпуса торчит на тоненькой шейке маленькая бусинка — рудименты дисков на рассматриваемых лунницах.

Чрезвычайно разнообразны композиции, помещающиеся на рожках лунниц. Основу композиции в подавляющем большинстве случаев составляет диск с круглым гнездом для эмали (34 экз.). Значительно реже в основе композиции лежит квадрат с квадратным же гнездом для эмали (17 экз.). У маленькой черняховской лунницы на рожках крупные полудуги (138, [рис. 9](#), 11). У щепиловской лунницы центра композиции вообще нет, вместо него на рожках какая-то невыразительная комбинация из двух колец и трапеции (93, [рис. 14](#), 5). Дважды на центральном диске на месте гнезда с эмалью оказалось сквозное отверстие (8617, [рис. 8](#), 11; 93, [рис. 14](#), 3). На самой маленькой луннице (ширина 2. 5 см) на рожках только диски без каких-либо отростков (90, [рис. 21](#), 1). У очень многих лунниц центральный диск украшен только тремя бусинками (137, 19—216, 312, 382, 53, 702, 8612, 93, 202). У лунниц, имеющих вместо центрального диска квадрат или ромбик, по углам сидят шарики покрупнее (138, 662, 132). У одной из них (Колоберда, 662, [рис. 9](#), 2) каждый из таких крупных шариков обсажен мелкими шариками. Крылосская лунница с элементами деградации, о которой говорилось выше, обсажена мелкими шариками буквально вся кругом (131, [рис. 23](#), 4). У многих лунниц шарики вокруг основного диска заменены дисками с эмалью (19—214, 5; 391, [рис. 8](#), 8; 47; 8615, 17, [рис. 13](#), 1; 8, 11; 90, [рис. 21](#), 6; 2311) или колечками (15; 392; 49; 62; 68; 8611; 90, [рис. 21](#), 9, 10; 942; 2421). Когда количество колечек увеличивается с трех до 12 на каждом из рожек, тогда лунница с ее 24 колечками превращается в сплошное кружево (42; 15, [рис. 9](#), 6). Есть лунницы (12 экз.), у которых на рожках вокруг центрального диска посажены не бусинки или колечки, а трапеции. Почти у всех лунниц с трапециями корпус треугольный (399, 48, 701, 772, 8610, 13, 14, 119, 2012, 2202, 222, 2423; исключение составляет только лунница 399, корпус которой имеет форму дужки). Кроме того, известны три лунницы с комбинированной декорровкой. У них

вокруг центрального диска посажены и бусинки или колечки, и трапеции (90, [рис. 21, 8](#); 93, [рис. 14, 5](#); 2311, [рис. 28, 2](#)).

Забавно выглядит миниатюрная лунничка, у которой вместо корпуса круглое гнездо с эмалью, по диаметру равное диску на рожках. Собственно рожек у круглого корпуса нет. Вся лунница оказывается скомпонованной из кружков и колечек (392, [рис. 8, 12](#)).

Совершенно необычна лунница с множеством прорезей, найденная в Среднем Поволжье на городище Пожа-Вар (115, [рис. 22, 9](#)). У нее треугольный корпус и диски на рожках, которые буквально тонут в обрамлении из миниатюрнейших треугольных лунничек с колечками на рожках. Получилась совершенно необычная композиция — лунница в обрамлении из лунниц. Несмотря на то что ножа-варская лунница уникальна, на городище у Демидовки близ Смоленска найдено очень примитивно выполненное подражание ей (2471). Правда, у демидовской лунницы декоративные луннички так «оболванены», что, если бы не ножа-варская лунница, их можно было бы и не понять.

Из проделанного обзора маленьких лунниц видно, что основная масса их найдена не в Прибалтике. В Литве и северо-восточной Польше известно только девять лунниц, причем формы их здесь довольно однообразны. Больше всего лунниц оказалось в бассейне Среднего Днепра (45 экз.). Много их на Оке (13 экз.), причем лунницы Мощинского городища (10 экз.) очень разнообразны. Несмотря на то что мастера располагали сравнительно небольшим количеством декоративных элементов, различные сочетания этих элементов давали им возможность создавать большое количество вариантов и делать лунницы непохожими одна на другую. Наиболее профессионально выполнены лунницы с отчетливо выраженным треугольным корпусом. Именно такие лунницы характерны для северо-восточной Польши. По мастерству исполнения они, безусловно, попадают в группу украшений, выполненных наиболее квалифицированными мастерами. Кустарными поделками представляются лунницы Щепиловского городища (93), демидовская (2471) и крылосская (131). II. *Подвески ромбические* (142, [рис. 10, 2](#); 262, [рис. 10, 5](#); 663, [рис. 12, 11](#); 774, [рис. 10, 1](#); 152, [рис. 25, 1](#); 1611; 2312 (2 экз.); 248). Количество экземпляров — 9, из них в Среднем Поднепровье найдено 4, в Верхнем Поднепровье — 1, в Эстонии — 2 и в северо-восточной Польше — 2.

Название подвесок («ромбические») не совсем точно. Это скорее квадратные подвески, обернутые одним из углов вниз. На верхнем углу ушко, по трем остальным секировидные лопасти. Среди подвесок есть ажурные и неажурные, маленькие и крупные (ширина от 2. 8 до 5. 9 см). Пять подвесок однотипны (142, 262, 663, 774, 248). Они состоят из рамки с секировидными лопастями по углам, внутри которой помещается какая-нибудь орнаментальная фигура: у одной — ромб с эмалью (Стайки, 142), у другой — крестик из колечек (Горица, 774). Третья подвеска сохранилась очень плохо (Демьянка, 248) — от нее осталось только несколько незначительных фрагментов, которых тем не менее достаточно, чтобы определить тип подвески. Думается, что в реконструкции *Г. Ф. Соловьевой* [*Соловьева, 1967, с. 192, рис. 5, 1*] подвеска несколько упрощена. Прежде всего она была, безусловно, крупнее, а внутри рамки было не простое четырехугольное отверстие, а помещалась какая-то крестообразная или ромбическая фигура. Наконец, у четвертой и пятой подвесок квадратное пространство внутри рамки перечеркнуто двумя перекрещивающимися перемычками с гнездом с эмалью на перекрестье (Тростянец, 262; Колоберда, 663). Прототипы последним подвескам можно найти в провинциально-римском ювелирном искусстве, в частности в галльских эмалях. Одна галльская ромбическая подвеска, чрезвычайно похожая на наши, найдена в северо-восточной Польше [*Hollack, Peiser, 1904, Taf. VI u. Farbentaf. 66*]. Не менее близки эмалям некоторые западноевропейские ромбические подвески с инкрустациями [*Boulanger, 1903, pl. 27, 16*].²³ Следовательно, и для подвесок, как и для многих других памятников с эмалью, исходные формы находятся в провинциально-римском искусстве.

Несколько иначе выглядят три маленькие ромбические подвески, найденные в Эстонии (Аркна, 152; Кохтла-Ярве, 1611) и в северо-восточной Польше (Махары, 2312). Они представляют собой как бы сокращенный вариант рассмотренных выше подвесок. Они не ажурные и состоят из ромба с эмалью. По углам ромба длинное ушко и секировидные лопасти (152, 2312) или диски с эмалью (1611).

III. *Подвески крестчатые* (182; 773, [рис. 10, 3](#); 79, [рис. 10, 6](#); 90, [рис. 21, 11-13](#); 2192; 243, [рис. 14, 1](#)). Количество экземпляров — 8, из них в Среднем Поднепровье найдено 3, в бассейне Оки — 3, в верховьях Ловати — 1 и в северо-восточной Польше — 1.

О двух подвесках данного типа известно только, что они были крестовидными (Потапцы, 182; Яново, 2192). Остальные шесть в большей или меньшей степени похожи на крест. Наиболее отчетливо форма креста выражена в двух подвесках, найденных в Горице на Десне (773) и в Городке на Ловати (243). Обе представляют собой крестики с трехлопастными завершениями концов и с треугольными гнездами на перекрестье.²⁴ Третья подвеска, найденная в бассейне Десны (Прогоны, 79), несколько менее похожа на крест, хотя и она построена по крестообразной схеме. Основу ее составляет ромб с эмалью; по его углам композиции как на рожках лунниц: большой диск, окруженный бусинками. Три последние подвески, найденные вместе (90, [рис. 21, 11-13](#)), еще дальше отходят от креста. Основа подвески — ромб с двумя эмалевыми треугольниками — выступает еще более отчетливо. По углам ромба трилистники с кружком эмали в центре. Вверху длинное ушко. Работа довольно грубая, лепестки трилистников угловаты и различны по величине и форме.

Общими чертами для всех крестчатых подвесок являются ромб с эмалью в центре (целый или составленный из двух или четырех треугольничков) и трехлопастное (или близкое к нему) завершение концов.

IV. Подвески круглые (136, [рис. 10, 4](#); 8619, [рис. 11, 3](#); 90 (3 экз.), [рис. 21, 14–16](#); 124, [рис. 23, 6](#); 216; 2233-5). Количество экземпляров — 10, из них в Среднем Поднепровье найдено 2, на Северном Кавказе — 1, в бассейне Оки — 3 и в северо-восточной Польше — 4.

Круглые подвески могут быть разделены на три группы. Одинаковы пять подвесок, найденные в Мощинском кладе (90, [рис. 21, 14–16](#)), в Черняхове (136, [рис. 10, 4](#)) и на Северном Кавказе (Рутха, 124, [рис. 23, 6](#)). Вторую группу составляют четыре подвески, найденные в Польше (2233-5) и Калининградской обл. (216). Особняком стоит подвеска, найденная где-то в Среднем Поднепровье (8619, [рис. 11, 3](#)).

Первые пять подвесок состоят из ободка с ушком и вписанного в ободок крестика с эмалевыми дисками (Мощина), ромба с эмалью и эмалевыми дисками по углам (Черняхов) или ажурного ромба с эмалевыми дисками по углам (Рутха). Особенностью мощинских подвесок является то, что ободок у них образует круг не геометрически правильный, а как бы втянутый внутрь в самой нижней своей точке. Все пять подвесок ажурные.

Вторая группа — подвески неажурные. В Грунайках (2233-5) на ожерелье было девять одинаковой формы подвесок — круглых, маленьких, но только три из них были с эмалью: под ушком синие полумесяцы рожками вниз, внизу красные полумесяцы рожками вверх. На двух из трех подвесок между полумесяцами цепочка из сквозных дырочек. На третьей подвеске дырочек не было. Остальные шесть подвесок ожерелья гладкие, без эмали. Единственная круглая подвеска, найденная в б. Мускау (216), по данным Х. А. Моора [[Moora, 1938, S. 117, § 32](#)], аналогична подвескам в Грунайках.

Последняя круглая подвеска этого типа, найденная в Среднем Поднепровье (8619), несколько необычна и не очень понятна. Она отлита из светлого сплава и декорирована синей эмалью. В ее орнаментации есть элементы, напоминающие и галльские эмали, и вещи с инкрустацией Северного Причерноморья, и некоторые памятники с выемчатой эмалью середины I тыс. н. э. Происхождение ее нам пока неясно.

Из проделанного разбора подвесок видно, что больше всего их найдено в Среднем Поднепровье и что здесь они были не только многочисленнее, чем в Прибалтике, но и более разнообразны по форме. Окские подвески тоже разнообразны, но подавляющее большинство их найдено в одном месте — на Мощинском городище.

Накладки (283; 823, [рис. 6, 8а, 8б](#); 8621, 22, [рис. 10, 7, 8](#); 90, [рис. 21, 5](#); [150](#); [152](#); [1612](#)). Количество экземпляров — 8, из них в Среднем Поднепровье найдено 4, в бассейне Оки — 1 и в Эстонии — 3.

Входящие в данную группу предметы довольно разнородны, а некоторые включены в нее, может быть, даже напрасно, например накладка, найденная, видимо, в Киевской обл. (8621, [рис. 10, 7](#)). Накладка не сохранилась, и что у нее было на обороте — неизвестно. Б. И. Ханенко опубликовал ее на таблице с лунницами и одной привеской, сопроводив текстом, относящимся сразу к 11 вещам: «Привески бронзовые разных форм, украшенные эмалью разных цветов» (ДП, 1901, с. 20). Тем не менее на привеску данная вещь мало похожа. Для привески обязательно в первую очередь ушко, на данном же предмете ни один из его отростков на ушко не похож. Три отростка в виде маленьких лунниц с дисками на рожках не могли исполнять функцию ушка. Четвертый отросток, торчащий вверх, теоретически мог бы оказаться ушком, если бы не заканчивался диском с эмалью. Среди многочисленных (106 экз.) подвесок с выемчатой эмалью неизвестно ни одной, у которой ушко было бы украшено эмалью. По-видимому, данный предмет попал в таблицу с подвесками случайно, просто потому, что поместить его здесь было удобнее, чем на какой-нибудь другой таблице. И по размерам, и по силуэту он вполне гармонирует с окружающими его лунницами. Чем был данный предмет в действительности, не видя его, сказать трудно. Он мог быть, например, деталью сложных литовских украшений — обручей с овальными пластинчатыми лопастями (тип II). Бронзовые литые скрепы с эмалью на этих украшениях имеют вычурные, подчас неожиданные формы. Некоторые детали нашей «накладки» связывают ее также с Литвой. Ее отростки в форме маленьких лунниц аналогичны отросткам некоторых литовских подковообразных фибул (подтип V, 5), а в ямке, образовавшейся в середине центрального диска «накладки», могла быть инкрустированная эмаль другого цвета, что также довольно часто встречается на литовских эмалях.

Условно накладкой названа также маленькая ромбическая поделка с крупными шариками по углам, найденная в Эстонии (Леэду, 150). На ромбическом поле гнездо с эмалью. Вещь утрачена, и посмотреть ее в натуре было нельзя. Может быть, это действительно накладка, а может быть, головка булавки.

Неясно назначение крестообразной маленькой поделки, найденной вместе с парой фибул типа перекладчатых близ Кветуни (823, [рис. 6, 8а, 8б](#)). По лицевой стороне она могла бы быть сочтена за щиток перстня, но на обороте у нее сохранились остатки каких-то костыльков, которые с натяжкой можно было бы принять за остатки застежного устройства (основание и приемник иглы). Думаю, однако, что видеть в данной поделке маленькую своеобразной формы фибулу было бы ошибкой.

Безусловно накладками являются накладка-крестик с блестящей зеленой патиной и красной эмалью, найденная где-то в Среднем Поднепровье (8622, [рис. 10, 8](#)), и круглая накладка, найденная на Княжьей Горе (283). У обеих на обороте по четыре штифта, у накладки-крестика загнутые, у накладки-кружка массивные прямые. На княжегорской накладке эмали нет, но она несомненно относится к кругу памятников с выемчатой эмалью. Как об этом говорилось в связи с круглыми фибулами, сегнерово колесо из лепестков разноцветной эмали — характернейшая черта круглых

фибул с фестончатой каймой (подтип VI. 3). На княжеской накладке этот орнаментальный мотив выполнен в бронзе, выпуклые лепестки и кнопка в центре отлиты вместе со всей накладкой.

Грубо сделанная ромбическая накладка с дисками по углам и с эмалью найдена в Мощинском кладе (90, [рис. 21](#), 5).

Две последние накладки, найденные в Эстонии (Аркна, 152; Кохтла-Ярве, 1612), принадлежат к несколько иному типу. Первая по конструкции похожа на большую запонку, лицевая сторона которой представляет собой крест с сильно расширенными концами (тип георгиевского креста). Такие кресты хорошо известны на памятниках с эмалью — на круглых ажурных фибулах (подтип VI. 2), на скрепах обручей Красноборского клада (2401). В отличие от круглых фибул и скреп вокруг креста данной запонки нет наружного ободка. Крест представлен на ней в чистом виде. Запонка украшена эмалью трех цветов: желтая — в центре креста, красная и белая — попеременно на его концах. Расстояние между лицевой стороной и шайбой на противоположном конце стержня 1 см. Следовательно, запонка была закреплена на чем-то толстом.

Последняя накладка похожа на кнопку (Кохтла-Ярве, 1612). Это маленький диск с коротким тупым штырьком на обороте. На лицевой стороне диска четыре овальных углубления для эмали, огибающие гладкий ромб с точкой в центре. Эмали нет, назначение неясно.

Перстни (8625, 26, [рис. 11](#), 4, 5; 912, [рис. 14](#), 9; 214, [рис. 25](#), 10; 217; 218; 2201; 221; 224; 226; 2272, 3; 2323; 235). Количество экземпляров — 14, из них в Среднем Поднепровье найдено 2, в бассейне Оки — 1, в Калининградской обл. — 2, в северо-восточной Польше — 9.

Перстни Калининградской обл. и северо-восточной Польши, которые в основном и составляют данную группу памятников, однотипны ([рис. 25](#), 10): ромбический щиток с ромбическим гнездом с эмалью. Иногда гнездо не просто ромб, а ромбическая фигура, составленная из двух или четырех треугольников. Перстни Среднего Поднепровья (8625, 26, [рис. 11](#), 4, 5) и городища Дуна (912, [рис. 14](#), 9) значительно отличаются. Из трех перстней эмалью украшен только один (8625) — эмалевый ромб посажен в центре крестообразного щитка. У второго перстня (8626) щиток ромбический, ажурный, с гребешками по углам. У перстня с городища Дуна (912) на месте щитка плоский, как бы накладной диск с рубчатым пояском поперек.

В целом перстни не типичны для Среднего Поднепровья и, наоборот, их очень много в северо-восточной Польше и Калининградской обл. На остальных территориях Прибалтики перстни с эмалью пока не найдены ни разу.

Разные вещи с выемчатыми эмалями (241; 36, [рис. 11](#), 1; 50, [рис. 11](#), 9; 1511; 2325). Количество экземпляров — 5, из них в Среднем Поднепровье найдено 3, в Эстонии — 1 и в Польше — 1.

В данном разделе собраны разные «несерийные» вещи: две булавки (Гули, 36; Оявески, 1511), застежка (Бабьента, 2325), зеркало (Пищальники, 241) и шпора (Каневский р-н, 50).

Булавки не характерны для Среднего Поднепровья ни в это, ни в более позднее время. В Прибалтике, наоборот, на протяжении многих веков они были неотъемлемой частью убора. Булавок в Прибалтике найдено очень много, но с эмалью, насколько мне известно, найдена только одна (Оявески, 1511).

Для поделки, найденной в северо-восточной Польше (Бабьента, 2325), аналогии неизвестны. Это литая прямоугольная пластинка с эмалевыми дисками по углам и широким у одной из длинных сторон пластинки крючком. Вдоль противоположной длинной стороны две узкие петли, вытянутые вдоль всей пластинки. В середине пластинки дырочка от накладного гнезда с эмалью (?). Наличие крючка указывает на назначение поделки служить у чего-то застежкой.

Совершенно уникальное зеркало с приклепанной ручкой найдено в Пищальниках (241). Зеркало — бронзовый диск, диаметром 10 см, ручка — бронзовый литой фасетированный стержень длиной 8 см, перехваченный в двух местах шарами с круглыми гнездами, заполненными эмалью. Ручка с ее фасетками — типичный образец прибалтийских эмалей. Диск очень похож на скифское зеркало. Где и как произошло соединение двух разновременных и разноэтнических частей (если верно, что зеркало скифское), решить трудно.

В Каневском р-не (50, [рис. 11](#), 9) найдена бронзовая шпора с коротким граненым шипом и красной эмалью на дисках. Кроме нее в КИМ до Великой Отечественной войны хранилось еще семь бронзовых шпор. Во время войны пять из них утрачены, на двух сохранившихся эмали нет. Из осторожности мы не включили в каталог эти семь шпор, чтобы не засорять его вещами, не относящимися к интересующему нас периоду.²⁵

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИЗДЕЛИЙ С ВЫЕМЧАТЫМИ ЭМАЛЯМИ И ИХ ДАТИРОВКА

Проделанный подробный обзор вещей с эмалью показал, как представляется, полное их единообразие на всей территории Восточной Европы. Оно заключается не только в том, что в различных отдаленных друг от друга районах встречаются однотипные вещи с эмалью — треугольные фибулы, лунницы, подковообразные фибулы и др.

Важнее то, что все они стилистически едины. Их объединяет целый ряд художественных приемов и определенные закономерности в компоновке декоративных элементов при оформлении вещей. Так, для каждого вида изделий существуют достаточно устойчивые правила в отношении формы и распределения эмалевых гнезд. Треугольные фибулы, например, неизменно декорируются гнездами в виде равнобедренных треугольников, размещенных в два яруса. На верхнем и нижнем концах перекладчатых фибул определенного типа всегда помещаются треугольные гнезда, а средняя их часть никогда не украшается эмалью. Подковообразные фибулы всегда имеют по концам круглые гнезда, причем для внутренней разбивки круглого поля на более мелкие ячейки существует определенный ассортимент геометрических фигур. Это либо ромб в круге, либо встречные дужки. Для формы средних эмалевых щитков подковообразных фибул имеется также ряд неизменных вариантов: круг, прямоугольник, ромб с дисками по углам. На рожках лунниц всегда помещаются диски с эмалью и т. д. К этому надо добавить ряд таких декоративных деталей, как гребешки, диски, секировидные и другой формы выступы, фасетировка строго определенных частей тех или иных видов изделий, накладной зигзаг и зигзаг в виде самостоятельной «рабочей» части (перегородка, перемычка), рельефные профилированные кружки, укрепленные с помощью пайки, и к тому же ярко выраженная склонность к геометризации и форм вещей, и их орнамента, к определенным композиционным построениям (в частности к крестчатым), к использованию прорезей, придающих даже крупным вещам необыкновенную легкость.

Где же мог сложиться данный круг памятников — в Среднем Поднепровье, в Волго-Окском междуречье или в Прибалтике? Отвечая на данный вопрос, Х. А. Моора указывал, что, во-первых, наиболее ранние вещи с эмалью найдены не в Поднепровье, на Оке или Волге, а в Прибалтике; во-вторых, ни один из типов изделий с эмалью не имеет ни в Среднем Поднепровье, ни на Оке или Волге предшествующих звеньев, из которых эти изделия могли бы развиваться. На территории же Прибалтики, наоборот, все основные типы изделий с выемчатой эмалью своими корнями восходят к более древним памятникам, связанным с провинциально-римским искусством европейского Запада, оказавшего вообще весьма заметное влияние на искусство Прибалтики, особенно же на искусство ее юго-восточных районов.

Оставляя пока в стороне вопрос о времени тех или иных вещей, найденных на Среднем Днепре, остановимся на вопросе о корнях данного круга памятников.

Рассматривая отдельные виды изделий с эмалью, мы ссылались на наблюдения исследователей, связанные с определением их исходных форм. Генетические связи между памятниками провинциально-римского облика и эмальями интересующего нас типа были подмечены для сильнопрофилированных, подковообразных и круглых фибул, а также для металлических частей питьевых рогов — цепей и наконечников. В дополнение к сделанным ранее наблюдениям хочется привести большую группу памятников провинциально-римского искусства, сыгравшую, по-видимому, большую роль в сложении искусства юго-восточной Прибалтики. Речь идет о галльских эмалях конца II — первой половины III в., расхившихся в огромном количестве экземпляров по всей Европе, в том числе по прибалтийским территориям. Галльские эмали, по-видимому, послужили исходным образцом для создания многих местных украшений, в частности изделий с эмалью. Бесконечно разнообразны фибулы галльских мастеров, построенные в основном на компоновке различных геометрических фигур — кругов, ромбов, крестов и пр., во многом объясняют генезис форм более поздних эмалей. Так, в Птуе (древний Poetovio — Югославия) найдена подковообразная фибула с широким плоским ободом, с диском посередине его и двумя сильно стилизованными головами животных по концам; по внешнему ободу размещены торчащие в стороны маленькие уплощенные диски [Sellje, 1939, p. 49, pl. III, 5]. При первом же взгляде на данную фибулу, вышедшую из рук галльского мастера, видны черты, знакомые по подковообразным фибулам с выемчатой эмалью, найденным в различных районах Восточной Европы. Особый интерес представляют небольшие диски по внешнему краю обода. С одной стороны, они напоминают подковообразные фибулы Литвы с их отростками по краю

обода, с другой же — многочисленные вещи с эмалью, декорированные мелкими уплощенными дисками (процветшие треугольные фибулы, цепи для рогов и др.). Очень интересно также круглые галльские фибулы по связи их с более поздними круглыми фибулами. Очень многие из них имеют либо фестончатый край, либо серию дисковидных выступов по внешнему контуру. Большой частью фестоны и диски орнаментированы колечками или группами концентрических колечек из различных цветов эмали (ibid., p. 59, pl. VIII, 14; p. 62, pl. IX, 6; p. 62—63, pl. XX, 6, 7, ab). Все это чрезвычайно близко эстонской фибуле (Кярде, 167, рис. 13, 8) и целой серии аналогичных ей дисковидных фибул, украшенных вдоль фестончатого края рельефными накладными профилированными кружками. Чрезвычайно интересно, что в могильнике Шерняй Клайпедского р-на Лит. ССР найдена фибула без эмали, но полностью повторяющая форму галльских эмалевых фибул. Над ее центром на шейке приподнят диск, что является одной из характернейших черт галльских фибул, а вдоль фестончатого края идет кайма из кружков [Bezenberger, 1892, Abb. 11, 12]. Однако кружки выполнены не эмалью. Это накладные выпуклые кружки, уже совсем близкие кайме на фибуле Кярде (167) и других аналогичных декорированных предметов. Любопытно, что указанная выше типичная черта галльских круглых фибул — диск на кайме — наблюдается в виде пережитка на небольшой круглой фибуле Колоберды (661) — ее центральное гнездо с эмалью приподнято. Кстати, форма головки булавок с так называемой розетчатой головкой, известных в основном в Литве и датируемых III—IV вв. [Gaerte, 1929, S. 224, Abb. 170, d, f, g; Moora, 1929, Taf. XI, 2, 4; 1938, S. 199; Шмидехельм, 1955, с. 77—79, рис. 17, 7; Литовское народное искусство, 1958, № 192], полностью повторяет форму галльской круглой фибулы с приподнятым центром. Иногда их даже путают друг с другом [Moora, 1929, S. 118, Anm. 1].

Интересны также галльские фибулы, составленные из крестообразно расположенных кружков, по связи их с некоторыми поздними эмальями. Так, фибула в виде крестика из пяти кружков, найденная в Паннонии [Sellje, 1939, p. 58, pl. VIII, 10], чрезвычайно близка крестчатой подвеске Черниговской обл. (Проконы, 79). Паннонская фибула так же, как и крестчатая галльская, найденная в Венгрии (ibid., p. 61, pl. XX, 1), находят свое продолжение в

композиции большой круглой бляхи-передвижки в собрании Вильнюсского музея (1962, [рис. 29](#), 5). На продолговатом звене от цепи Мощинского клада (90, [рис. 20](#), 3) дужки орнаментированы такими же встречающимися треугольничками, как и галльские пряжки, найденные в Венгрии (*ibid.*, p. 50, pl. III, 11, 12). Многие мелкие декоративные элементы галльских эмалей также перешли в эмали более поздние. Так, поздние эмали унаследовали от галльских не только технический прием, но и формы различных отростков по внешнему контуру вещей. Об уплощенных дисках на ободке подковообразной галльской фибулы уже говорилось. Но очень многие галльские эмали имеют и другие мелкие декоративные выступы — кружки, колечки, кружки с дополнительными мелкими шариками. Все это хорошо известно и по более поздним эмалям, особенно маленьким лунницам, диски которых обычно окружены дополнительными украшениями в виде кружков, шариков, колечек и пр. Но кроме того, что поздние эмали усвоили ряд декоративных элементов, выработанных в более раннее время в галльских мастерских, в самой технике нанесения эмали на поздние цепи, что особенно существенно, видна совершенно явная зависимость от техники нанесения эмали более раннего времени.

По своим основным техническим приемам галльские эмали относятся к типу эмалей выемчатых, т. е. углубления для эмали заготавливались уже при отливке. Так же изготавливались углубления для эмали и на более поздних вещах, найденных на Днепре, Оке, Волге и в Прибалтике. Как правило, на поздних вещах каждая отдельная ячейка заполнена эмалью только одного цвета. На галльских же изделиях в пределах очень больших ячеек помещаются без каких-либо перегородок эмали различных цветов. Широко применяется и другой искусный прием — вкрапление, по-видимому, в твердом виде мелких кусочков эмали одного цвета в еще не совсем застывшую эмаль другого цвета. Оба эти приема наблюдаются и на лучших поздних памятниках с эмалью.

Выше много раз попутно были отмечены вещи, у которых в пределах одной ячейки без всяких перегородок помещены эмали разных цветов. Перечислим их снова. На дисках подковообразной фибулы, найденной в Саргенае (206, [рис. 24](#), 2), на красном фоне помещаются зеленые крестики, вставленные в красную эмаль тогда, когда она, по-видимому, еще не совсем застыла. Крестики, ныне выпавшие, были на дисках и другой подковообразной фибулы, найденной в восточной Латвии (189, [рис. 24](#), 3). Такие вкрапления кусочков эмали в эмаль другого цвета известны на широком браслете Мощинского клада, на круглой фибуле Среднего Поднепровья (869), на бронзовых литых деталях сложных пластинчатых украшений Вильнюсского музея (1962, [рис. 29](#), 5; 1964) и Красноборского клада (2401, 3), на шарнирных цепях питьевых рогов Литвы (1952, 209, 212), Латвии (187, [рис. 27](#), 3) и Калининградской обл. (213, [рис. 27](#), 2). Другой прием — совмещение в пределах одной ячейки эмалей двух разных цветов. Возможно, что в таких случаях между порошками разных цветов эмали до обжига ставили какие-то перегородки, которые при обжиге выгорали. Иначе граница между разными эмалями не была бы столь четкой и прямой, как на цепи Мощинского клада ([рис. 20](#), 1). Но на звене цепи из Стаек ([рис. 11](#), 7), по-видимому, не было временной перегородки, так как граница между красной и голубой эмалями весьма аморфна. На цепи, найденной в Муромском ([рис. 27](#), 2), применены оба приема — и насыпка порошков эмалей разных цветов в одну ячейку, и инкрустация в неостывшую массу кусочков твердой эмали. Эмаль подковообразной литовской фибулы (Бакшай, 2052, [рис. 28](#), 5) нанесена еще каким-то иным способом, если только это не был результат случайности: по основному красному фону тянутся светло-желтые и голубоватые прожилки. Может быть, такой «орнамент» является результатом неудавшегося обжига или случайно попавшего порошка на горячую красную эмаль дисков.

Наконец, следует указать на одну чрезвычайно интересную находку в Могилевской обл. Здесь близ Ольховки найдена фибула в виде ромба (241, [рис. 29](#), 3). По первому впечатлению ее можно принять за галльскую эмаль. Ромбические фибулы — одни из самых распространенных среди них. Однако, взглядываясь в ольховскую эмаль, начинаешь замечать в ней черты, не свойственные галльским эмалям. Ажурная бахрома по краю и ажурная кайма между эмалевыми полями ольховской фибулы не характерны для галльских и, наоборот, характерны для поздних эмалей. Кроме того, большие размеры ольховской фибулы, ее форма, приближающаяся скорее к квадрату, чем к ромбу, сильная вспученность отличают ее от галльских ромбических фибул. Наконец, красочная гамма ольховской фибулы значительно ярче, чем на западных эмалях. Галльские эмальеры пользовались несколько более светлой и приглушенной гаммой. В то же время на ольховской фибуле, как и на галльских эмалях, эмали разных цветов (черная, красная, желтая, белая, оранжевая) соседствуют друг с другом без всяких перегородок. На углах ольховской фибулы помещаются шарики с торчащими во все стороны бусинками, как на луннице из Колоберды (662).

Очень интересны две крупные круглые бляхи (диаметр 9 см) с трапециевидными петлями, найденные в Межигорском кладе. Назначение их удалось выяснить только при сопоставлении с поясными пряжками, известными по находкам II—III вв. в Западной Европе, например в римском лагере Заальбург к северо-западу от современного Франкфурта-на-Майне [[Jacobi, 1897, S. 503. Taf. LIII, 12, 13](#)]. Обычно пряжки имеют диск значительно меньшего диаметра (2. 5—3. 5 см). Их трапециевидные петли зацеплялись либо за крючок, либо за кнопку на раме. Точно такие же пряжки выделяли галльские эмальерные мастерские во II—III вв. Щитки пряжек наподобие круглых галльских фибул сплошь покрыты эмалью. Три такие пряжки известны мне на Дунае [[Sellye, 1939, pl. VII, 3—5](#)]. По-видимому, межигорские пряжки, ничем, кроме размеров, не отличающиеся от западноевропейских, составляют вместе с сильнопрофилированной фибулой Межигорского клада группу наиболее древних (III в.) вещей данного комплекса. Интересно, что значительно позже — в эпоху викингов — далекие потомки римских пряжек продолжают жить на Европейском Севере. Их выделяли в Скандинавии. Правда, у основания их трапециевидной петли появились человеческие личины, а диск превратился в широкое кольцо, да и застегивались они, очевидно, с помощью обычного язычка, но форму римских пряжек они сохранили полностью. Такие пряжки мне известны в Гробине (Латвия) и на о. Готланд [[Nerman, 1934, p. 361, fig. 3, 6](#)].

Но возвратимся к эмалям. Не только в отношении форм, но и в смысле техники нанесения эмали поздние памятники с эмалью стоят в прямой зависимости от ранних провинциально-римских эмалей. Конечно, из этого не следует, что галльские эмали были единственным источником, из которого ювелиры Прибалтики черпали формы и технические приемы. Они были лишь одним из компонентов богатого и развитого искусства юго-восточной Прибалтики. Наряду с этим мы должны учитывать, что вообще влияние провинциально-римского прикладного искусства на искусство Прибалтики в целом, а не только на эмали, было очень велико. Таким образом, поздние эмали, находимые в Прибалтике, имели здесь подготовленную почву для своего появления.

Можно ли сказать то же самое об эмалях Среднего Поднепровья? Имелись ли и здесь условия для сложения изделий с эмалью в том виде, какими они известны по многочисленным находкам? Предметы убора с эмалью сменили на Среднем Днепре черняховскую культуру, которая не содержит тех элементов, из которых могли бы вырасти и развиться изделия с эмалью интересующего нас типа. В Среднем Поднепровье корней у них нет. Зато всеми своими корнями они связаны с прикладным искусством европейского Северо-Запада. Место, где они сложились в стилистически единую группу, следует искать в юго-восточной Прибалтике и Мазурии. Локализация родины эмалей — тема специальная и не входит в наши задачи. Для нас имеет значение основной вывод, который можно сделать на основании обзора памятников: Среднее Поднепровье не является той территорией, на которой сложились памятники с эмалью интересующего нас типа.

Датировка изделий с эмалью очень трудна. Выше мы приводили мнения целого ряда исследователей по данному вопросу. Датировки давних лет во многом устарели, система доказательств, с помощью которой они установлены, зачастую удовлетворит нас уже не может. Но и среди советских исследователей нет единодушия в данном вопросе. Исключение составляют ученые Прибалтики, которые находят в отношении возможностей для уточнения хронологических определений в несколько лучшем положении, нежели археологи, работающие над изучением памятников Среднего Поднепровья. Как говорилось выше, эмали Среднего Поднепровья происходят в основном из случайных находок. В Прибалтике же они известны в основном в погребальных комплексах. Правда, многие погребальные комплексы, в которых оказались вещи с эмалью, дают очень мало для датировки. Каменные оградки Эстонии с коллективными захоронениями праха умерших в течение 100—200 лет затрудняют точную датировку инвентаря и в том числе эмалей. Несколько легче датировать эмали Латвии, Литвы и Калининградской обл., где в разные периоды существовал обряд трупоположения, что дает возможность делить инвентарь на отдельные погребальные комплексы. В результате наблюдений, проводившихся в течение многих десятилетий над условиями находки вещей с эмалью, с помощью тонких и детальных сопоставлений сопутствующих эмалям вещей исследователи Прибалтики пришли к более или менее общепринятым для них заключениям относительно датировки эмалей. Определились не только общие хронологические границы для всей группы памятников в целом, но и более дробные временные рамки для отдельных типов вещей. В целом эмали в Прибалтике существуют с III в. (конца II в.) до начала VI в. (конца V в.). Для некоторых типов вещей с эмалью существует и более детальная хронологическая шкала. Так, подковообразные фибулы с круглым тонким ободком обычно датируют III в., с ободком граненым средней ширины — IV в., литовские фибулы с секировидными выступами и небольшие фибулы с ромбической композицией посредине обода — также IV в., эстонские фибулы с уплощенным ободом — IV—V вв., крупные фибулы с ромбическим щитком посредине и литовские фибулы с фигурными отростками — V в. Разработана хронология и для других эмалей.

Пользуясь тонкими хронологическими определениями отдельных видов изделий с эмалью, Х. А. Моора попытался определить, где концентрируются наиболее ранние эмали — в Прибалтике, в Волго-Окском районе или на Среднем Днепре. Сопоставление эмалей трех районов привело Моора к выводу, что наиболее ранние эмали особенно часты в юго-восточной Прибалтике. Подкрепив свое наблюдение многочисленными указаниями на памятники провинциально-римского искусства, к которым восходят эмали Прибалтики, он пришел к заключению, что юго-восточная Прибалтика и Мазурия и являются, очевидно, родиной памятников с эмалью [Moora, 1934]. С конечным выводом Моора трудно не согласиться. Хочется заметить лишь, что указание на концентрацию наиболее ранних вещей с эмалью в Прибалтике не совсем точно. Наиболее ранние экземпляры некоторых видов эмалей найдены в основном не в Прибалтике, а как раз в Среднем Поднепровье. Если круглые и перекладчатые фибулы Поднепровья представлены действительно только поздними их вариантами, то большинство ранних подковообразных фибул происходит именно из Среднего Поднепровья. Треугольные фибулы известны в Прибалтике лишь самые поздние, тогда как в Поднепровье оказались как поздние, так и ранние их типы. Только в Среднем Поднепровье известны ранние сильнопрофилированные фибулы с эмалью. Следовательно, какой-либо закономерности в распределении ранних и поздних эмалей между данными двумя территориями установить не удалось. Как будет видно из дальнейшего изложения, отсутствие такой закономерности не подрывает основного вывода о прибалтийском происхождении эмалей. Ни ранние или поздние даты вещей, ни количество отдельных видов памятников, найденных в том или ином районе, не имеют значения для решения вопроса о месте сложения изделий с эмалью.

Работа, проделанная археологами Прибалтики по датировке эмалей, имеет чрезвычайно большое значение для датировки выемчатых эмалей вообще, т. е. найденных и за пределами Прибалтики. Однако наша задача не сводится к датировке лишь отдельных вещей, найденных на Волге, Оке или в Поднепровье. Поскольку найденные здесь эмали были изготовлены за пределами указанных районов, границы периода, в течение которого население Поднепровья и Поволжья пользовалось эмалями, могли быть и иными, нежели в Прибалтике. Пользуясь хронологической шкалой, разработанной для прибалтийских эмалей, как устойчивым *terminus post quem*, и учитывая местные условия находки эмалей, попытаемся выяснить временные границы, в пределах которых эмали находились в употреблении у населения различных территорий вне Прибалтики. К сожалению, далеко не все эмали найдены в комплексах, как о том говорилось выше. Поэтому будем опираться в основном на эмали, хорошо документированные, найденные на поселениях и в погребениях. Для случайных же находок могут быть указаны лишь даты их изготовления.

Начнем с восточноевропейского Севера, который в середине I тыс. был занят двумя племенными группами: восточная часть — угро-финнами, западная — балтами. Территория к востоку от Прибалтики до Верхней Волги и Верхней Оки включительно принадлежала балтам и балтизированным финнам (позднеландяковцам). Бассейны Средней и Нижней Оки, Среднее Поволжье, Прикамье, Приуралье — угро-финнам.

В бассейне Верхнего Днепра и Верхней Двины, на балтских территориях много случайных находок, не связанных с комплексами. При неизвестных обстоятельствах найдена пара хороших треугольных фибул IV—V вв. близ Иванковичей в районе Брянска (88); на территории курганной группы XI—XII вв. близ Христовой на Смоленщине (87, [рис. 14, 7](#)) найден фрагмент треугольной же фибулы конца V в. К случайным находкам должны быть отнесены две эмали, оказавшиеся в верхних частях курганных насыпей в Ольховке (241, [рис. 29, 3](#)) и Дрокове (245, [рис. 29, 2](#)), попавшие в насыпь, очевидно, случайно вместе с землей. Даты этих двух эмалей весьма различны. Ольховская фибула, сохраняющая элементы галльских эмалей, может быть датирована очень ранним временем и принадлежать к редким для Восточной Европы эмалям III в. Дроковская же фибула, принадлежащая к позднему типу процветших фибул, относится к концу V в. Найдена она под дерном насыпи длинного кургана. В удлиненном кургане на Ямщичине близ Смоленска (246, [рис. 14, 11](#)) обнаружена круглая фибула типа «с вписанным крестом», датированная IV в., но место ее нахождения в пределах кургана неизвестно. Эти две находки эмалей в длинном и удлиненном курганах привели некоторых исследователей к мысли о связи между выемчатыми эмалями и длинными курганами. При существующих трудностях датировки длинных курганов пробовали даже датировать их с помощью эмалей. Думается, что пока это преждевременно. Дроковская эмаль, найденная под дерном насыпи, вряд ли может служить доказательством органической связи ее с подкурганым инвентарем. Поэтому и ямщичинская эмаль, местоположение которой в насыпи неизвестно, не слишком надежный аргумент в пользу синхронности фибулы и удлиненного кургана. Поэтому Дроковский длинный и Ямщичинский удлиненный курганы ни в коем случае нельзя пока датировать по эмалям ни V в., ни тем более IV в.

Красноборский клад на Березине (240), состоящий из больших кованых серебряных обручей с широкими лопастями, найден при случайных обстоятельствах. Входящие в него украшения относятся к IV—V вв.

Только трижды в данном районе эмали встретились при раскопках поселений. На городище со штрихованной керамикой у Малышков (238, [рис. 14, 2](#)) в землянке, относящейся к III—IV вв., найдена небольшая подковообразная фибула начала IV в. На поселении II—V вв. в Абидне обнаружен фрагмент большой лунницы и три маленькие луннички IV—V вв. (242I, 3, 4, [рис. 9, 15—17](#)). Здесь же найдена ранняя круглая ажурная фибула с эмалью (насколько об этом можно судить по публикации), которую по аналогии с многочисленными эстонскими вещами можно датировать IV в. На городище у Демидовки близ Смоленска в слоях конца V — начала VII в. найдена вычурная по форме лунница, которую можно датировать V в. (247I).

В бассейне Верхней Оки, также на балтских территориях, большая часть эмалей встретилась на поселениях. При неизвестных обстоятельствах найдена только одна подковообразная фибула (95). Правда, некоторые фибулы, хотя они и были на поселениях, плохо увязываются с определенным культурным слоем. Таковы большая подковообразная фибула Дьякова городища (100, [рис. 16, 4](#)) и перекладчатые фибулы с городищ Дуна (912, [рис. 14, 9](#)) и Федяшевского (92, [рис. 15, 1](#)). Дьяково городище раскопано давно и недостаточно умело [[Филимонов, 1876, с. 106-107](#); [Сизов, 1897а, с. 256-267](#)]. Стратиграфия и хронология его напластований не совсем ясны. На городище есть поздний древнерусский слой, но и значительно более ранние напластования с сетчатой и гладкостенной керамикой. П. Н. Третьяков [[Третьяков, 1941а, с. 82](#)] датирует поселение III—IV вв. Фибула с эмалью стратиграфически не локализована. На основании формы и размера она может быть датирована V в. (100, [рис. 16, 4](#)) и, следовательно, отнесена к слоям с гладкостенной керамикой.

Две маленькие лунницы грубой работы найдены при раскопках на Щепиловском поселении в Тульской обл. (93, [рис. 14, 3, 5](#)). На поселении есть слой роменский и слой более ранний с керамикой середины I тыс. н. э. типа сосудов Шаньково, Поченок и др. С. А. Изюмова [[Изюмова, 1958](#)] относит время возникновения поселения к V в. Примерно тем же временем можно датировать и лунницу — V — начало VI в.

При исследовании болотного Огубского городища, которое В. А. Городцов [[Городцов, 1926](#)] в целом датировал I—IV вв., найдены две эмали — маленькая лунница и прямоугольное звено цепи (942, 1, [рис. 14, 6](#); [15, 2](#)).

Эмали Огубского городища не имеют в прибалтийской литературе установленных временных определений. Стилистически огубское звено близко и, по-видимому, синхронно звену радицевской цепи (802, [рис. 3, 3](#)), звеньям межигорской цепи (13), крупным лунницам Мощинского (90, [рис. 20, 2](#)) и Межигорского кладов, а также треугольным фибулам Мощины (90, [рис. 17, 2—4](#); 18, 1—5), Борзны (781, [рис. 1, 1, 2](#)), Старогородки (74, [рис. 5, 8](#)), Черняхова (132, [рис. 6, 2](#)), т. е. памятникам периода наивысшего расцвета эмалей в IV—V вв.

Перекладчатые фибулы с эмалью, найденные на городищах Дуна (911, [рис. 15, 3](#)) и Федяшевском (92, [рис. 15, 1](#)), также не могут быть связаны с определенным культурным слоем. Первое очень плохо раскопано, и фибула стратиграфически не локализована. Федяшевская же фибула представляет собой случайную находку, сделанную еще до начала археологических работ на городище. По своим формам и декорировке фибула с городища Дуна очень строга. Возможно, что ее можно датировать IV в. Федяшевская же фибула, наоборот, очень вычурна по форме и пестра по орнаментации. Крестчатая форма ее хвостовой части, отступление от обычного приема орнаментации перекладчин заставляют видеть в ней сравнительно позднюю поделку и датировать V в.

При раскопках на многослойном городище Кузнечики Московской обл. (96), которое авторы предварительной краткой публикации [Дубынин и др., 1966, с. 37—39] в целом датируют второй четвертью I тыс. до н. э. — первой половиной I тыс. н. э., найдена маленькая подковообразная фибула с граненым ободом, которую можно датировать IV в.

Сложный комплекс вещей с эмалью и пластинчатых украшений представляет собой Мощинский клад (90, рис. 17—21; 30, 4). Время зарытия его Х. А. Моора [Moora, 1934, S. 79] относит к V в. Думается, однако, что дата эта несколько занижена и что клад был зарыт позже — в VI в. В кладе много вещей, относящихся к лучшей поре памятников с эмалью, к IV—V вв. (треугольные фибулы, браслеты с эмалью, фрагменты трех цепей для ритонов), есть вещи, видимо, конца V в. (фибула — треугольно-перекладчатый гибрид), но есть и еще более поздние украшения. Последние не принадлежат к группе памятников с эмалью. Это пара местных окских фибул с кнопкой, которые П. П. Ефименко [Ефименко, 1926, с. 74, рис. 4; см. также его поправки к хронологической шкале: Ефименко, 1937, с. 50] датирует VI в. Наличие их в Мощинском кладе заставляет отодвинуть время его зарытия в VI в. Как известно, клад был обнаружен под валом. Там же под валом, в непо потревоженном культурном слое было найдено два лепных гладкостенных слабопрофилированных горшка [Булычев, 1899, табл. VII, 1, 2]. В насыпи вала оказалось много вещей, синхронных Мощинскому кладу. На площадке же городища их не оказалось, поскольку культурный слой древнейшего неукрепленного поселения был позже использован на сооружение вала. Наряду с фрагментом ранней (IV в.) подковообразной фибулы в валу был найден фрагмент проволочного браслета со сплюснутым концом в виде утиной головки. Подобные браслеты известны в окских погребениях VI в. [Ефименко, 1937, с. 75—76], так же как и в комплексах VI—VII вв. более южных территорий. Следовательно, как в кладе, так и в валу, насыпанном из культурного слоя Мощинского поселения, известны вещи, выводящие его в VI в. По-видимому, к этому времени и следует отнести время гибели поселения. О том, что поселение погибло, а не просто было оставлено населением, свидетельствует прежде всего найденный на нем клад, а также шесть костяков, обнаруженных на грунте близ вала. Один из них, сохранившийся лучше других, лежал на боку с раскинутыми руками, что исключает возможность видеть в нем погребенного. На Верхней Волге, на землях балтизированных финнов эмали найдены трижды. Условия находки одной из них несколько необычны. Небольшая подковообразная фибула IV в. найдена на костяке в кургане XI в. у Кирьяновой (107, рис. 16, 2). По-видимому, мы имеем здесь дело со вторичным использованием вещи, найденной где-то в окрестностях. Другие эмали Верхнего Поволжья найдены в верхних слоях поселений у Грехова Ручья (106) и Березняков (108), которые П. Н. Третьяков [Третьяков, 1941а, с. 43—44 и др.] датирует III—IV вв. По мнению Третьякова [Третьяков, 1941а, с. 44, 78 и др.], многие поселения Верхнего Поволжья прекратили свое существование в середине I тыс. н. э. На многих из них обнаружены следы пожара. Так, поселения Березняки и у Грехова Ручья сгорели на рубеже V и VI вв. ¹ Работа, проделанная Е. И. Горюновой [Горюнова, 1956, с. 13—17; Горюнова, 1961, с. 64] по уточнению датировки Березняковского поселения, привела ее к выводу, что поселение возникло не в III или IV в., а только в V в. и сгорело в VI в. Таким образом, хронологические рамки поселения значительно сузились. Две вещи с эмалью, найденные здесь, — фрагмент латвийской круглой фибулы с фестончатым краем, эмалью и рельефными напаянными кружками (1081) и фрагмент треугольной (?) фибулы (1082, рис. 14, 8а—8г) были, следовательно, в употреблении у населения Березняков в V—VI вв. Выше мы говорили, что круглые фибулы с фестончатым краем принадлежат к самым поздним типам прибалтийских круглых фибул, т. е. к IV—V вв. Следовательно, здесь мы имеем полное совпадение временных данных. Фибула попала на Березняковское поселение, по-видимому, довольно скоро после ее изготовления. О второй вещи с эмалью в Березняках, сделанной не в Прибалтике или Поднепровье, а на месте, будет сказано ниже. Подковообразную фибулу с поселения у Грехова Ручья (106, рис. 16, 5) П. Н. Третьяков [Третьяков, 1941а, с. 35, 44, 108—112] относит к IV—V вв.; по ней он определяет и время гибели поселения. Фибулу можно датировать точнее. Она принадлежит к типу литовских фибул V в. Найдена она в верхних слоях поселения разломанной на две части. Одна часть, лежавшая в груде перегорелого камня, обгорела; другая найдена в нескольких метрах от первой. По-видимому, фибула попала в Поволжье примерно в то же время, что и березняковская круглая фибула, и погибла также в VI в.

На Средней и Нижней Оке, на Средней Волге и дальше на северо-восток в Прикамье, на угро-финских территориях условия находки эмалей не всегда хорошо документированы и несколько своеобразны. Не сохранились и неизвестно как найдены эмали Кукарки (112) и Хлюпиной (113) в Прикамье. Ничего не известно про курган у Масловки на Нижней Каме, в котором найдена поздняя перекладчатая фибула V в. (114, рис. 12, 4). Неясна связь подковообразной фибулы IV в. с Муромским могильником, на территории которого она найдена (105, рис. 16, 1). Неизвестно, в каких условиях найдена близ Тихого Уголка на Цне большая лунница грубой отливки, относящаяся к концу V в. (103, рис. 22, 2). На Старорязанском городище в землянке XII в. найдена большая лунница-подвеска IV—V вв. (102), ставшая по существу случайной находкой.

Но есть на рассматриваемой территории и лучше документированные эмалю. В женском грунтовом погребении V в. Кошибеевского могильника найдена шейная гривна с ромбическим замком, украшенная эмалью (104, рис. 22, 8), датировать которую трудно ввиду того, что она уникальна. Небольшая подковообразная фибула IV в. обнаружена в грунтовом женском погребении Кузьминского могильника на Средней Оке (101, рис. 16, 3). Судя по погребальному инвентарю, погребение относится к несколько более позднему времени — к V в. Сложная по композиции и очень чисто отлитая маленькая лунница не моложе IV в. встретилась на поселении Ножа-Вар (115, рис. 22, 9), которое Н. В. Трубнокова [Трубнокова, 1964] датирует II—V вв. Полная противоположность луннице по качеству работы — подковообразная фибула-самоделка, найденная на Усть-Царевском поселении на Сухоне (109, рис. 16, 6). Судя по прототипу, которому подражает эта грубая отливка, усть-царевская фибула относится к V в. Фибула, сконструированная и отлитая также на месте, обнаружена в большом кладе, относящемся к ломоватовской культуре (VI—VIII вв.) — Плѣс (110, рис. 22, 3). В основе ее лежит форма окской крестчатой фибулы, но к ней добавлены подвески-лапки и несколько маленьких гнезд с эмалью. Датировать фибулу трудно, но, видимо, она может быть

отнесена не позже чем к VI в. К тому же времени относится, по-видимому, и круглая ажурная фибула типа фибул с вписанным крестом, но без эмали. Фибула (111, [рис. 14](#), 12) найдена в одном из погребений Бродовского могильника ломоватовской культуры. Прототип, которому она подражает, датируют V в. Возможно поэтому, что бродовская фибула несколько моложе своего прототипа и относится к VI в.

Таким образом, в северной части Восточной Европы как на балтских, так и на финских территориях подавляющее большинство эмалей относится к IV и V вв. В тех случаях, когда это можно проследить, дата эмали совпадает с верхней датой комплекса или немного предшествует ей. Это означает, что прибалтийские эмали попадали даже на такие далекие восточные территории, как например Березняки, вскоре после их изготовления. Наряду с эмалями, поступавшими извне, видимо, в конце периода, т. е. в конце V—VI в., появились местные подражания прибалтийским эмалям. Возможно, они были здесь в употреблении и тогда, когда на основных прибалтийских территориях эмали вышли из моды.

Ранних эмалей, т. е. эмалей III в., на северных землях почти нет. Единственная эмаль III в. — потомок галльских ромбических фибул — найдена, видимо, во вторичном использовании на Березине (Ольховка, 241), т. е. недалеко от основных прибалтийских территорий.

Перейдем к южным территориям, прилегающим к Среднему Поднепровью с востока, юга и запада. Условия находки эмалей здесь очень разнообразны, по почти ничего не дают для определения времени появления их на данных территориях. Совершенно неизвестны условия находки подковообразной фибулы у Дуровки в бассейне Дона (117, [рис. 22](#), 5), маленьких лунниц в Поднестровье (131, [рис. 23](#), 4; 132, [рис. 23](#), 5) и треугольной фибулы IV—V вв. в Венгрии (133, [рис. 23](#), 9). Во вторичном использовании были эмали V в. в катакомбе VIII в. салтовского Дмитровского могильника (120, [рис. 22](#), 10) и на салтовском Цимлянском правобережном городище VIII—IX вв. (1182, [рис. 22](#), 7). Не связано с основным культурным слоем античного городища одиночное аланское погребение V в. в Кехах, где был обнаружен фрагмент треугольной фибулы с эмалью IV—V вв. (128). Таким же случайным является одиночное погребение с парой поздних (VI в.), перекладчатых фибул, оказавшееся на территории черняховского могильника близ Компанейцев (60). Ничего не дает и гробница с множеством захоронений в Херсонесе, в которой найдена пара треугольных фибул IV—V вв. (127, [рис. 23](#), 1, 2). Оказавшаяся в гробнице монета римского императора Каракаллы (211—217 гг.) не связана с каким-либо определенным костяком. Большая поздняя фибула типа процветших (V в.), найденная в Сурской Заборе (129, [рис. 31](#)), — случайная находка. По-видимому, она связана с теми многочисленными остатками поселений или стойбищ, которыми усеяны берега днепровского Надпорожья и на которых хорошо выражены материалы несколько более позднего времени — VI—VII вв. Хорошим датированным комплексом является на первый взгляд курган, расположенный где-то в Воронежской обл. (119). В нем будто бы вместе с «маленькой бронзовой фибулой обычного римского типа» найдена лунница с эмалью [[Кондаков, 1892](#)]. К сожалению, разыскать в ГИМ этот комплекс не удалось, а потому проворить правильность определения типа фибулы было невозможно. Полагаться же на данное определение никак нельзя, поскольку, с одной стороны, в 1892 г., когда *И. П. Кондаков* писал о ней, типология фибул была еще в достаточно хаотическом состоянии, с другой — черняховская культура, с которой могла бы быть связана «фибула римского типа», не распространяется на территорию Воронежской обл. Поэтому датировка кургана, в котором найдена лунница с эмалью, повисает в воздухе. Зато последний комплекс, который мы рассмотрим в данном разделе, дает вполне четкие временные определения маленькой луннице с эмалью. Она найдена на глубоком днепровском Правобережье, в бассейне р. Горыни, в одном из сожжений грунтового германского могильника III—IV вв. близ Дитиничей (130, [рис. 23](#), 3). Это пока первый и единственный случай, когда украшение с выемчатой эмалью найдено в комплексе, безусловно синхронном черняховской культуре. Тем не менее из этого нельзя делать вывод, что эмали были распространены в Среднем Поднепровье в то время, когда господствующей была здесь черняховская культура. Прежде всего могильник в Дитиничах принадлежит не черняховцам. Кроме того, могильник сильно выдвинут на запад, и лунница могла попасть в Дитиничи непосредственно из Литвы или района Мазурских озер именно в то время, когда украшения такого рода были в указанных районах в ходу. К Среднему Поднепровью дитиничская лунница никакого отношения не имеет.

Несмотря на то что эмали южных территорий Восточной Европы найдены в таких разнохарактерных условиях и к тому же большей частью недостаточно точно установленных, общая картина представляется очень любопытной. Именно эти разнохарактерность и неопределенность и являются определяющей чертой, по которой можно судить о той среде, в которой находились эмали на рассмотренных территориях. Если на севере эмали находились в руках балтских и угро-финских безусловно оседлых племен, то на юге население было значительно более пестрым и не всегда оседлым. Северокавказские эмали принадлежали аланам оседлым, а степные — еще не осевшим алано-болгарским племенам. Характерны для кочевников одиночные погребения типа погребений в Кехах и Компанейцах, характерно и отсутствие кладов. Даже те эмали, которые попали в более поздние комплексы — в салтовские могильники и поселения, — оказались в руках только что осевших кочевников. По-видимому, находка треугольной фибулы на территории современной Венгрии своим появлением здесь обязана кочевнической подвижности.

В Среднем Поднепровье, как уже не раз говорилось, подавляющее большинство эмалей происходит из случайных находок. Правда, некоторые эмали связаны с комплексами, но, к сожалению, сами комплексы зачастую очень плохо документированы и почти ничего не дают для уточнения датировок. Так, где-то на Суле, в кургане, известном под названием «Долгая Могила», была найдена фибула «готского типа» с эмалью (64). Фибула не сохранилась и о дате ее ничего сказать нельзя.

На Десне найдено несколько комплексов: погребение под курганом близ Радичева (80), клады близ Борзны (78) и Глажево (83). Глажевский клад найден будто бы на поселении, однако сведения эти не проверены.² Таким образом, связь эмалей с поселениями не установлена, подробности обряда погребения тоже неизвестны. Про погребение у Жукина (73) известно только, что оно было совершено по обряду сожжения. Условия находки Мамекинского (81) и Верхнездобинского (85) кладов также ничем не помогают датировке комплексов. Эмали Борзны и Радичева принадлежат к «классическим» образцам и могут быть датированы примерно концом IV — первой половиной V в. Несколько более вычурные эмали Глажева можно датировать второй половиной V в.

Только две находки — Межигорский клад (1) и эмали Большой Салтановки в верховьях Стугны (9) — дают интересный дополнительный материал для датировки. Межигорский клад много раз привлекал к себе внимание исследователей. Отмечалось, что входящие в его состав вещи чрезвычайно растянуты во времени. Найденная в нем сильнопрофилированная фибула с эмалью, например, датируется III в., а две витые шейные гривны — V в. [**Moora, 1934, S. 77—78**]. Остальные вещи клада располагаются между этими двумя хронологическими рубежами. Следовательно, клад был зарыт не ранее чем в V в. По своему составу Межигорский клад во многом близок Мощинскому. В обоих кладах оказались асимметричные цепи, т. е. цепи, состоящие из одной большой двурогой лунницы и свисающих с нее цепочек, перемежающихся с литыми звеньями. В обоих кладах оказались также одинаковые витые гривны и трапециевидные подвески, широкие браслеты с эмалью и, наконец, полые четырехгранные подвески в виде колокольчиков. Близость состава Межигорского и Мощинского кладов не дает, конечно, права относить время их зарытия к одному и тому же времени — VI в., но возможность эта не исключена.

Находка фрагмента цепи, аналогичной межигорской и мощинской, в Большой Салтановке (9) чрезвычайно интересна с другой точки зрения. Цепь найдена в 1951 г., и на месте ее обнаружения произведены небольшие раскопки: найдены керамика раннескифская, подгорцевская, зарубинецкая и штрихованная, в том числе большой сосуд со штрихованной поверхностью, высокий и узкий, конически расширяющийся до уровня слабо выраженных плечиков и со слегка отогнутым краем. По данным В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина, «культурный слой первоначально образовался на поверхности незадернованной дюны, так что разновременные остатки могли свободно перемещаться» [**Ильинская, Тереножкин, 1955, с. 145—146**]. При отсутствии четкой стратиграфии связать эмали с определенным слоем не удалось. Однако, поскольку эмали и ряд других мелких находок «не находят аналогий среди известных материалов памятников скифского, зарубинецкого и подгорцевского типов», они могут быть включены «в культурный комплекс, представленный штрихованной керамикой, не известной ранее на территории УССР» [**Ильинская, Тереножкин, 1955, с. 148**]. Все это представляет исключительный интерес, но только в том случае, если штрихованная керамика Большой Салтановки является именно такой керамикой летто-литовских племен, которая охватывает обширную территорию Литвы, Латвии и Белоруссии, заходит на Верхний Днепр и исчезает примерно в V в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ВРЕМЯ ПОЯВЛЕНИЯ И ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ЭМАЛЕЙ В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

Когда же в Среднем Поднепровье появились эмали? На верхней Волге и Оке не найдено пока ни одной эмалы старше IV в. В Среднем же Поднепровье известно довольно много вещей и более ранних, относящихся к III в. (сильнопрофилированные фибулы с эмалью и без эмалы, подковообразные фибулы с тонким ободком). В Среднем Поднепровье в это время, т. е. в III—IV вв., господствующей была черняховская культура. Менее выразительны в это время памятники сарматов, находившихся на тех же территориях. Могли быть связаны эмали с какой-то из этих этнических групп?

До недавнего времени, несмотря на многолетние и весьма интенсивные исследования Черняховских поселений и могильников, ни одной эмалы на них найдено не было. Лишь недавно в литературе появилось короткое сообщение [**Махно, 1967, с. 160—163; Махно, 1971, с. 88, рис. 4**] о находке на территории могильника черняховской культуры в Полтавской обл. «двух фибул круга выемчатых эмалей» (Компанейцы, 60). Материал не опубликован, поэтому сказать об этой находке что-либо определенное пока трудно. Связь эмалей, найденных в Черняхове (13) и Ромашках (12), с могильниками, расположенными близ тех же населенных пунктов, несмотря на все усилия, осталась недоказанной. Все же остальные находки — находки случайные, не связанные ни с поселениями, ни с могильниками, что признают даже самые убежденные сторонники принадлежности эмалей черняховской культуре. Следовательно, связывать эмали с черняховской культурой у нас нет оснований. Могли ли эмали принадлежать сарматам, которые находились в это время на тех же территориях, что и черняховцы? Думаю, что вряд ли. Сарматы в это время известны не столько по самостоятельным памятникам, сколько по тому воздействию, которое они оказывали на Черняховскую культуру. Судя по тому, что отдельные сарматские погребения встречаются на черняховских кладбищах (Черняхов, Маслово, Лохвица и др.), какое-то количество сарматов жило на тех же поселениях, что и черняховцы. Поэтому, если бы эмальями владели сарматы, они обязательно встретились бы на черняховских поселениях и в других черняховских комплексах. Из всего сказанного приходится сделать вывод, что в эпоху существования в Среднем Поднепровье черняховской культуры эмалей здесь еще не было.

Кому же принадлежали среднеднепровские эмали в более позднее время и почему среди них оказались вещи не только поздние, относящиеся к тому времени, когда черняховская культура уже была уничтожена вторжением гуннов, но и более ранние — III—IV вв.? Постараемся разобраться в этом вопросе.

Памятники с эмалью распространены в той или иной мере почти на всей территории Восточной Европы. Оставим пока в стороне находки в Поволжье и на Оке. Здесь этническая среда, в которой они оказались, ясна и понятна. Это балты и угро-финны. Обратимся к более южным территориям, расположенным южнее водораздела Западной Двины,

Днепра, Десны, Оки и Угры. Прежде всею бросается в глаза разница в условиях находок вещей с эмалью в лесной и лесостепной зонах. Многие эмали лесной зоны найдены на поселениях, при погребениях и в виде кладов. И хотя связь отдельных эмалей с определенными напластованиями на поселениях большей частью плохо документирована, а детали погребального обряда неизвестны, как об этом говорилось в разделе, посвященном датировке эмалей, тем не менее в лесной зоне налицо все признаки оседлости. Другое дело в лесостепной зоне Среднего Поднепровья. Здесь нет ни одного клада, здесь почти все эмали найдены поодиночке вне связи с поселениями и могильниками. А поскольку для данного времени в лесостепной зоне поселения и могильники — основные признаки оседлости — вообще неизвестны, мы должны будем допустить, как об этом говорилось выше, что эмали лесостепей принадлежали в это время кочевникам.

Известно, правда, четыре случая, когда эмали или синхронные им вещи были найдены не просто поодиночке. Все четыре случая очень интересны. Дважды на днепровском Левобережье, в бассейне Сулы эмали были найдены во впускных, *т. е. кочевнических*, погребениях: в скифском кургане «Долгая Могила» (64, фибула «готского типа» с эмалью) и в кургане у Москалевки (63). Курган был снесен крестьянами, поэтому детали погребального обряда неясны. Известно лишь, что курган был большой (высота около 3 м, диаметр около 7 м), что снесен он был до горизонта, что в нем было найдено два черепа и отдельные кости скелета, а также бронзовые детали ритона западного типа — ободок и профилированный наконечник. Парные погребения для Среднего Поднепровья середины I тыс. н. э. не характерны. По-видимому, одно из погребений было впускным в более древний курган.

На днепровском Правобережье комплексы имеют несколько иной характер. На р. Стугне под курганом (5) был найден чисто балтийский и центральноевропейский инвентарь — спиральные браслеты и серебряные обручи, раскованные в средней части в широкие лопасти с чеканным геометрическим орнаментом (типа обручей Красноборского клада, 240). Также на Стугне близ Большой Салтановки на многослойном поселении с нарушенной стратиграфией, содержащем разновременную керамику, в том числе и штрихованную, найдена часть цепи с эмалью (9, [рис. 11, 2](#)).

Таковы четыре случая, когда эмали были найдены в несколько особых условиях. Два из них — впускные погребения, *т. е. так же как и все остальные случайно найденные эмали*, они принадлежали, по-видимому, кочевникам. Скорее всего это были сармато-аланские племена, кочевавшие здесь еще до гуннского нашествия и продолжавшие кочевать в период между вторжениями гуннов и авар. Во всяком случае те эмали, которые найдены к востоку и юго-востоку от Среднего Поднепровья, оказались в сармато-аланской среде — в верховьях Северного Донца (Дмитровское, 120), в Воронежской обл. (119), на Дону (Цимлянское правобережное городище, 118), на Северном Кавказе (Лезгур, 121; Кумбулта, 122; Чми, 123; Рутха, 124; Камунта, 125), на Кубани (Кепы, 128), в Крыму (Херсонес, 127), в Надпорожье (Сурская Забора, 129).

Здесь хочется напомнить, что в 1903 г., публикуя первую в русской археологической литературе сводку памятников с эмалью, А. А. Спицын назвал эмали, найденные в южной части Восточной Европы, аланскими, отметив в то же время большую близость их эмалям балтийским. В 1920-х годах А. А. Спицын отказался от наименования эмалей аланскими и полностью связал их происхождение с Литвой. Приходится снова и снова поражаться исключительной интуиции А. А. Спицына [[Спицын, 19036, с. 160](#); [Спицын, 1922, с. 1](#)], еще в начале XX в. сумевшего правильно определить родину выемчатых эмалей и причастность алан к судьбе тех из них, которые оказались на юге России.

Но вернемся в более северные, лесные районы. Западная Двина, верховья Днепра, Десны, Оки были заняты в это время восточнобалтийскими племенами. На востоке они граничили с финскими землями, на юге — с лесостепью. В глубине лесных массивов эмали известны лишь в виде единичных находок на поселениях и в погребениях. Южнее, на землях, пограничных с финскими территориями и лесостепью, известны и клады (Верхняя Злобинка, 85; Мощина, 90; Глажево, 83; Мабекино, 81; Борзна, 78; Межигорье, 1). Обращает на себя внимание, что наряду с поздними эмалями (IV—V вв.) в кладах оказались эмали и более ранние (III в.). Следовательно, у восточнобалтийских племен наряду с новыми «в обращении» было какое-то количество ж старых украшений.

В течение долгого времени балты, видимо, не входили в соприкосновение с соседями, во всяком случае контакты между балтами и черняховцами пока не установлены. Эмали III—V вв. появились в Среднем Поднепровье только после того, как черняховская культура была уничтожена гуннами. Следовательно, где-то в первой половине V в., не раньше, балты впервые столкнулись с обитателями лесостепи. Трудно пока сказать, чем это было вызвано — то ли балты продвинулись на юг (ср. находки на Стугне), то ли аланы в период гуннского господства стали заходить в более северные районы. Но знакомство их друг с другом привело к кое-каким последствиям. Во-первых, на балто-аланском пограничье стали возникать конфликтные ситуации, приводившие к необходимости прятать ценности, а, во-вторых, часть прибалтийских эмалей попала в руки алан и при этом попала как бы в один прием — поздние вместе с ранними.

В последних своих работах П. Н. Третьяков дает несколько иное объяснение причин появления эмалей в Среднем Поднепровье. В соответствии со своей концепцией, которую он развивал в последние годы, Третьяков считает, что в середине I тыс. н. э. эмали были принесены на Средний Днепр населением, переселившимся сюда из Верхнего Поднепровья. Это были потомки зарубинцев-славян, которые, уйдя во II в. из Среднего Поднепровья в бассейн Верхнего Днепра, прожили на землях балтов и в тесном контакте с ними до времени исчезновения черняховской культуры. Вернувшись в V в. на свои исконные территории на Среднем Днепре, зарубинцы-славяне принесли на юг и элементы балтской культуры, и балтские украшения — вещи с эмалью [[Третьяков, 1966, с. 270—271](#); [Третьяков, 1968а, с. 58—68](#); [Третьяков, 1968б, с. 186—187](#)]. Сложные построения П. Н. Третьякова, если бы

даже с ними и можно было согласиться, все равно не уничтожают временной разрыв между концом зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье (начало II в.) и появлением здесь памятников безусловно славянских (рубеж VI и VII вв.). Они только сокращают этот разрыв, но не ликвидируют его, поскольку славянские поселения V — первой половины VI в. в Среднем Поднепровье пока неизвестны. Тем не менее хорошо хотя бы то, что Третьяков признал эмали балтскими. В 1950-х годах он считал балтийскими украшениями только те из них, которые найдены в Прибалтике. Днепровские же эмали он считал местными, днепровскими, славянскими [Третьяков, 1941а, с. 80—82; Третьяков, 1953, с. 127].

О времени и причинах исчезновения эмалей в Среднем Поднепровье речь пойдет несколько позже, после того как будут рассмотрены некоторые частные вопросы, связанные с эмальями.

Прежде всего следует сказать несколько слов о большой серебряной шейной гривне Мамекинского клада (81, [рис. 3, 4](#)). Клад состоял из трех серебряных гривен, из которых сохранилась только одна. Обод ее покрыт узкими, длинными фасетками. Аналогичные гривны известны в Эстонии и Латвии. В свое время Х. А. Моора [Moora, 1938, S. 317— 319] указывал, что на Западе прототипов для таких гривен нет и что они, по-видимому, проникли в Прибалтику из Южной и Средней России днепровским путем. Это положение прочно вошло в литературу и его можно встретить во многих работах археологов Прибалтики. К сожалению, его нельзя признать правильным. В подтверждение своей мысли Х. А. Моора ссылается на гривну погребения № 50 Кузьминского могильника на Оке, ¹ на золотой браслет, найденный в Бори (Грузия) [Придик, 1914, с. 97, § 4, табл. II,

3], и три гривны Мамекинского клада. ² Все три примера вызывают возражения. Гривна Кузьминского могильника сделана не из фасетированного, а из гладкого прута. В Мамекинском кладе хотя и было три гривны, но сохранилась только одна, и какими были две пропавшие — никто не знает. Золотой браслет, найденный в Бори, действительно фасетированный, и хотя фасетки у него не длинные, а ромбические, он мог бы представлять интерес для истории происхождения фасетированных украшений, если бы имел хоть какое-нибудь отношение к Среднему Поднепровью середины I тыс. н. э. Борийский браслет сделан на рубеже нашей эры, связан с совершенно иной культурной средой и никак не может служить подтверждением днепровского происхождения гривен с длинными фасетками. Следовательно, на территории Среднего Поднепровья известна лишь одна гривна с длинными фасетками. В то же время в Эстонии в одном только кладе, найденном в Пылва, таких гривен оказалось 11 [Tallgren, 1922, Taf. III, 2]. Собственно, клад и состоит из одних таких гривен. Две целых и несколько фрагментов таких же гривен найдены в Эстонии, в кладе близ Виллевере [ibid., S. 93—94, Taf. III, 5, 6; Moora, 1932, S. 52, 89, Anm. 8, Abb. 31]. Его считают кладом серебряного лома, принадлежавшего ювелиру. Дважды найдены такие гривны в кладах Латвии — в Мишкиневском кладе в сочетании с литовскими гривнами с ложковидным замком [Рыдзевская, 1915, с. 194-195, табл. IX; Moora, 1929, S. 83, N 83; Moora, 1938, S. 315, 317, Abb. 39] и в кладе Мадонского р-на на Западной Двине [Moora, 1938, S. 319, 691—692, N 23; Urtans, 1964, lpp. 51—52, 71 att. 21]. Всего в Прибалтике только в кладах мне известно не менее 16 гривен с длинными фасетками, в Среднем же Поднепровье только одна. Поэтому считать гривны данного типа происходящими из Южной и Средней России нет решительно никаких оснований. Кроме того, в Прибалтике, особенно в Латвии и Литве, как в это время, так и в течение всего I тыс. н. э. шейные гривны являются одним из самых распространенных видов украшений. Типы их здесь очень разнообразны. Известны также целые клады, состоящие из одних только шейных гривен. В то же время для Среднего Поднепровья и Причерноморья середины I тыс. н. э. гривны не характерны, их здесь почти нет. По своему составу Мамекинский клад шейных гривен выглядит совсем по-прибалтийски. Исходя из всего сказанного, я считаю мамекинскую гривну безусловно не местной, а попавшей на Десну из Прибалтики.

Десна, богатая находками эмалей, служила, видимо, связующим звеном между лесными и лесостепными районами. По ней проникали в южные районы отдельные финские вещи. В среднем течении Десны найдена серебряная шейная гривна окского типа (Козловка, 84, [рис. 2, 3](#)), типа, характерного для среднеокских могильников V в. [Ефименко, 1926, с. 68, [рис. 3, 17](#)]. Окское происхождение гривны из Козловки отмечал и А. А. Спицын [Обозрение..., 1899, с. 188]. Где-то в Среднем Поднепровье найдена литая бронзовая накладка с типичным для финской торевтики использованием витой проволоки при формовке модели. Такая накладка известна на позднедьяковском Ловницком городище Валдайского р-на [Тищенко, 1914, с. 4, [рис. 5, 15](#); Третьяков, 1941а, с. 81, [рис. 46, Д](#)]. Две таких же накладки найдены на финском городище Ножа-Вар в Среднем Поволжье (Чувашская АССР), относящемся ко II—V в. [Трубникова, 1964, с. 147, [рис. 18, 10, 11](#)]. Кстати, на том же городище обнаружена маленькая лунница с эмалью (115, [рис. 22, 9](#)). Окского типа фибула найдена в Черкасском или Чигиринском р-нах Черкасской обл. (8631).

В связи с вопросом о финской торевтике несколько слов об интересной судьбе больших пирамидальных подвесок. Я не имею возможности проследить здесь генезис и историю подвесок подобной формы. Они известны на очень широкой территории и с очень давних времен. Они есть у скифов и сарматов Причерноморья, на Кавказе, в римских лагерях Подунавья, на Готланде. Некоторые представляют собой простые отливки из бронзы, другие же сделаны из золота и являются произведениями тончайшего ювелирного искусства [ОАК за 1903 г., с. 147—148, [рис. 287](#); см. также: Chantre, 1886, pl. XLIX, 13; Jacobi, 1897, Taf. LIX, Abb. 13; ОАК за 1904 г., с. 94, [рис. 156](#); Posta, 1905, Abb. 266, 15; Richter, 1915, p. 465, N 1845 (Керчь); Almgren, Nerman, 1923, Taf. 30, 446; Thomas, 1955, Taf. XXXVII, 1; Дремсизова, 1960, с. 72, [рис. 12, 3](#); Старостин, 1961, [рис. 2, 4](#); Бабенчиков, 1963, табл. XIV, 11].

Нас сейчас интересуют лишь некоторые из пирамидальных подвесок, только те, которые синхронны памятникам с эмалью. Как говорилось в разделе, посвященном сложным парадным цепям с эмалью, пирамидальные подвески являются деталью этих цепей, а потому по своему происхождению, как и цепи, должны быть признаны балтскими.

Они известны как в Литве (Жадавайняй, 1952), так и на восточнобалтских территориях — на Барвихинском городище Московской обл. [[Евтюхова, 1937, рис. 13](#)], близ оз. Кафтино Калининской обл. [[Третьяков, 1941а, с. 79, 82, рис. 46, Е](#)], на Огубском городище Калужской обл. (94). За пределами балтских земель топография пирамидальных подвесок очень интересна. Кроме Среднего Поднепровья (Межигорье, 1; Васильков, 6; Хмельна, 3011, 12), они найдены у финнов в Кошибеевском могильнике Тамбовской обл. [[Спицын, 1901, с. 16 и 19, табл. VI, 25, погребение № 88](#)] и в Максимовском могильнике Муромского р-на Владимирской обл. [[Спицын, 1901, табл. XXXVI, 16, погребение № 30](#)]. В Среднем Поднепровье пирамидальные подвески исчезают вместе с эмалями. На финских же территориях они живут значительно дольше, но в VI—VIII вв. это уже не привозные из далекой Прибалтики, а местные финские пирамидальные подвески. Они значительно уменьшились в размерах, но полностью сохранили форму своих балтийских предшественниц. Позднее пирамидальные подвески известны на многих финских могильниках, например на Загарском Соликамского р-на Пермской обл. [[Спицын, 1902, табл. XX, 17; Талицкая, 1952, с. 134, № 1038](#)], близ Сарского городища [[Третьяков, 1941а, с. 94, рис. 52, 2](#)], на Старшем Кужендеевском Арзамасского р-на Горьковской обл., на Муромском [[Спицын, 1901, с. 52, табл. XXIX, 12](#)], на Подболотьевском близ Муром

[[Городцов, 1914, с. 131—133, погребения №№ 217, 220](#)]. Живучесть балтских подвесок в финской среде и исчезновение их в Среднем Поднепровье вместе с эмалями свидетельствуют о разных судьбах данных территорий. На финских землях культурные традиции развивались в середине I тыс. н. э. без каких-либо перерывов, в Среднем же Поднепровье они оборвались.

Встает вопрос о том, все ли эмали, найденные на территории Восточной Европы, сделаны в Прибалтике — в Литве, Латвии и Эстонии, или среди них есть такие, которые сделаны по прибалтийским образцам на более восточных территориях? На мой взгляд, такие эмали безусловно есть и их довольно много. Найдены они и на финских, и на восточнобалтских территориях, а также в Среднем Поднепровье. По-видимому, почти все фибулы IV типа — наиболее поздние варианты фибул перекладчатых и треугольных — представляют собой изделия не собственно прибалтийских мастеров, а их восточнобалтских коллег. Об этом свидетельствуют те признаки, которые мы указывали для фибул данного типа, — низкое качество работы, огрубление форм, предельная уплощенность, уменьшение размеров, отсутствие эмали, перегрузка мелкими деталями, упрощение застегивающего механизма и ряд других признаков деградации. Об этом же свидетельствует и топография находок — 19 из 22 фибул, включенных в IV тип, найдены вне территории собственно Прибалтики. Только три маленькие фибулы, найденные в Эстонии и в Польше, по-видимому, сделаны не в восточных районах. Несмотря на то что они маленькие, они сделаны очень искусно и чисто, с использованием лучших декоративных элементов, свойственных собственно прибалтийским эмалям. Кроме того, на двух фибулах есть типичный только для Прибалтики прием декорации — покрытие серебристым сплавом.

Среди восточнобалтских и финских эмалей можно найти экземпляры и лучшие и худшие по исполнению. Очень грубыми поделками выглядят волжская фибула (Рождественское, 116), фрагмент фибулы с городища Березняки (1082), две кветунские фибулы (821, 2). Значительно лучше сделаны фибулы христовская (87), хмельнинская (307), цимлянская (1181) и ряд других. Кроме фибул, собранных в IV тип, можно указать еще ряд местных финских и восточнобалтских эмалей. Так, безусловно местной является большая двурога лунница Моршанского музея (103). Вся она перекошена, прорези асимметричны, поверхность не фасетирована. Отточенности, характерной для прибалтийских эмалей, в этой поделке нет.

Продуктом местного творчества является, по-видимому, маленькая черняховская подковообразная фибула без эмали (135) с ажурным крестиком на месте обычного для фибул ромба посередине обода.

Вариацией на тему подковообразных фибул с эмалью является фибула с финского поселения при слиянии рек Царевой и Сухоны (109, [рис. 16, б](#)). Диски на ее концах слились друг с другом, ромбический щиток посередине обода превратился в какой-то бантик, а ямки и продолговатые углубления лишь отдаленно передают схему расположения ячеек для эмали на обычных фибулах. Эмали нет. Местный мастер старался придать фибуле видимость фибулы эстонской, но для иглы он приделал к ней внутреннюю петлю по образцу финских фибул.

Возможно, восточнобалтской является маленькая лунница, найденная близ Демидовки (247). Она представляет собой не слишком искусное подражание великолепно сделанной и очень сложной по композиции луннице, найденной на финском городище в Среднем Поволжье (Ножа-Вар, 115, [рис. 22, 9](#)). Пучки маленьких лунничек на демидовской луннице сделаны настолько обобщенно и нечетко, что без ножа-варской лунницы их было бы просто не понять.

Очень интересны находки *А. Ф. Дубынина* и *И. Г. Розенфельдта* на поселениях дьякова типа. На городище у Троицы на р. Москве (99) и на городище у Щербинки (98) ими были найдены бронзовые подвески, имитирующие типичные для памятников с эмалью трехрогие лунницы. Но выполнены подвески с помощью декоративных средств, обычных для финских ювелиров, т. е. с использованием витой проволоки.³

Очень интересны подражания эмалям, найденные в Прикамье. На первом месте среди них стоит, безусловно, круглая фибула (?), найденная *Н. Н. Новокрещенных* в 1899 г. при исследовании Бродовского могильника в Пермской обл. (111, [рис. 14, 12](#)).⁴ Эмали на фибуле нет, но композиция ее ажурного орнамента стоит в прямой зависимости от таких великолепных фибул, как липлявская (672), среднеднепровская (869), ямщицинская (246, [рис. 14, 11](#)). Есть в Бродовском могильнике и аналогичном ему Горбунятском могильнике и более простые поделки,

напоминающие прибалтийские эмали. Это простые ажурные бляхи, лишенные эмали (Тр. ПУАК, с. 130, табл. II, 8; Фотоархив ЛОИА, инв. III-6727, 7499). Оба могильника относятся к несколько более позднему времени — к ломоватовской культуре VI—VIII вв. Но тем интереснее, что в далеком Прикамье подобные украшения продолжали пользоваться успехом даже тогда, когда в Прибалтике они уже вышли из моды. Даже в довольно позднем кладе ломоватовского времени, найденном на Верхней Каме у Плёса (110, [рис. 22, 3](#)), среди типичных чудских вещей оказалась бронзовая фибула, сделанная по образцу среднеокских крестчатых, но с ячейками для эмали.

Подтверждением тому, что на землях к востоку от Прибалтики местные ювелиры-литейщики изготавливали украшения по прибалтийскому образцу, служит интереснейшая находка в 1947 г. на «Земляном городище» в Старой Ладоге двусторонней литейной формочки. На одной ее стороне — форма для маленькой трехрогой лунницы, на другой — форма для треугольной подвески-деривата маленькой лунницы с эмалью (147, [рис. 22, 1](#)). В отличие от лунниц у ладожской подвески группами дисков украшены не два, а все три угла. Поверхность подвески покрыта сверленными ямками, которые в отливке давали полубусинки. Эмали на подвеске, конечно, не было. Тем не менее зависимость поделки от вещей с эмалью не подлежит сомнению, что и было сразу же отмечено *В. И. Равдоникасом* [*Равдоникас, 1950, с. 36—38,*

[рис. 33; 34](#)]. Пользуясь давними датировками *А. А. Спицына, В. И. Равдоникас* отнес формочку к VII в., выставив ее в качестве одного из датированных моментов древнейшего горизонта Ладоги. К сожалению, формочка найдена не на материке, не в древнейшем ярусе построек, а значительно выше, на уровне построек IX в. (горизонт E2). Поэтому мы должны либо допустить, что формочку надо датировать IX в., а это вряд ли возможно, либо считать, что еще в древности при каких-либо земляных работах она попала в более поздний горизонт, либо, наконец, предположить, что в IX в. она была принесена на «Земляное городище» с какого-то другого более древнего поселения.

Кроме Ладоги следы бронзолитейного производства найдены на многослойном поселении Абидня, и хотя здесь же на поселении найдено несколько вещей с эмалью (242), мы бы пока, до полной публикации материалов, воздержались говорить о существовании на поселении именно эмальерного производства, хотя это вполне возможно.

Стремление к изготовлению собственных украшений, подобных прибалтийским, вполне естественно. Подлинные изделия искусных прибалтийских мастеров были безусловно малодоступны рядовому финскому и восточнобалтскому населению и по отдаленности многих их территорий от центров производств, и по их высокой стоимости. Лишь отдельные подлинные прибалтийские эмали, такие как круглая березняковская фибула (1081, [рис. 14, 13](#)), проникали далеко на восток. Видимо, они-то и служили источником вдохновения для местных ювелиров. Украшения, сделанные финскими и восточнобалтскими бронзолитейщиками, были большей частью грубее и проще своих прототипов и очень часто лишены эмали. Мастера старались передать в основном форму «классических» образцов. Но и такие самодельные украшения, видимо, удовлетворяли местное население, хотя некоторые из них весьма отдаленно напоминали украшения их западных соседей.

Я не взялась бы настаивать на местном происхождении всех упомянутых здесь вещей — фибул IV типа (за исключением трех фибул, найденных в Прибалтике) и отдельных поименно перечисленных поделок. Может быть, в дальнейшем некоторые из них будут исключены из числа местных эмалей, другие же, наоборот, будут к ним причислены. Но сам по себе факт существования местного восточнофинского и восточнобалтского производства вещей, подобных памятникам с эмалью, на мой взгляд, не вызывает сомнения. Кроме литовской, латвийской и эстонской «школ» выемчатых эмалей исследователи уже давно усматривают существование самостоятельного центра их изготовления в Финляндии. Таким же большим районом, где самостоятельно занимались отливкой вещей с эмалью и подобных им, была территория, заселенная восточнофинскими и восточнобалтскими племенами.

Остается сказать несколько слов о времени и причинах исчезновения памятников с эмалью в Среднем Поднепровье. *Б. А. Рыбаков* [*Рыбаков, 1943, с. 76; Рыбаков, 1948а, с. 70*] связывал исчезновение выемчатых эмалей на Днепре, как и во всем «варварском» мире, с падением Римской империи и «прекращением производства римского стекла, необходимого для изготовления эмали», и относил его к V в. Действительно, в V в. производство эмалей в Прибалтике прекратилось. К VI в. относится серия украшений тех же форм, но отмеченных чертами деградации и лишенных эмалевой декоративности. Правда, большая часть их найдена не на коренных прибалтийских территориях, и изготовление их мы связывали с литейщиками восточноприбалтийскими и финскими, до которых привозная стеклянная масса могла и не доходить. Но как бы ни решался этот вопрос для северных территорий Восточной Европы, для Среднего Поднепровья, где никогда не было самостоятельного производства эмалей, следует искать еще и свои причины исчезновения памятников с эмалью, поскольку из обращения они исчезли довольно дружно, не встретившись со сменившим их убором с пальчатými и зооморфными фибулами. Такой причиной могло быть вторжение авар, появившихся в Европе в 558 г. Свое первое десятилетие после вторжения авары кочевали в основном в северокавказских и причерноморских степях и только в 568 г. обосновались на Дунае. Вряд ли можно считать, что в 558—568 гг. авары кочевали только в пределах южнорусских степей. Византийские историки указывают их здесь только потому, что деятельность авар в этих районах не была для Византии безразлична. Рейды авар в более северные районы лесостепи, обычные для племен, кочевавших в степях, более чем вероятны. Вторжение авар заставило алан на некоторое время бросить места своих летних кочевий. Разбросанные, иногда обгоревшие вещи — вот все, что осталось от изделий с эмалью в Среднем Поднепровье. Никакой художественной традиции, связанной с эмалью, здесь не осталось. На то были свои причины. В лесостепной зоне и в Среднем Поднепровье, в частности, эмали были случайным, наносным явлением в отличие от угро-финской и балтийской культуры, с которыми прибалтийские эмали были связаны органически. Кроме того, в I тыс. в Среднем Поднепровье

не было постоянной непрерывно развивающейся культуры. Разные этнические группы, оседлые и кочевые, сменяли друг друга. Эмали исчезли бесследно, и вскоре на тех же территориях появляется совершенно новая группа памятников художественного ремесла.

КАТАЛОГ ИЗДЕЛИЙ С ЭМАЛЯМИ, НАЙДЕННЫХ В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

1. С. Межигорье Киевской обл. близ Межигорского монастыря, между селами Вышгородка и Новые Петровцы. В 1892 г. при добывании глины крестьянами найден комплекс предметов (клад?). 1) Фибула бронзовая типа сильнопрофилированных или перекладчатых, с красной эмалью. — [Хойновский, 1896, табл. XIX, 857]. 2) Фрагмент широкого бронзового браслета с гребешками. — [Хойновский, 1896, табл. XIX, 856]. 3) Цепь сложной конструкции, состоящая из большой бронзовой ажурной лунницы с красной и зеленой эмалью в центре и свисающих с нее двух двояных цепочек из рубчатых пластинчатых колец. Цепочки перемежаются с округлыми и продолговатыми литыми звеньями, украшенными эмалью. Привески концевых звеньев утрачены. Длина одной цепочки (не считая лунницы) 85 см. — [Хойновский, 1896, табл. XIX, 851, 864]. 4) Обручи — один целый, второй в двух фрагментах, однотипные, пластинчатые, с тисненым геометрическим узором, состоящим из полушарий, валиков и волнистых рубчиков; на концах замочных дротов конусы. Длина около 40 см. — [Хойновский, 1896, табл. XIX, 854, 855]. 5) Гривны шейные — одна целая, от второй фрагмент. Обод витой, из четырехгранного дрота, на концах крупные круглые петли, по три витка каждая. С петель, видимо, свисали на пластинчатых колечках трапециевидные пластинчатые подвески; четыре из них орнаментированы полушариями, концентрическими кольцами и дужками, пятая — прямыми валиками. — [Хойновский, 1896, табл. XIX, 852, 853, 859—862]. 6) Подвески «колокольчики», бронзовые, четырехгранные, с выступами внизу по углам — 4 экз. — [Хойновский, 1896, табл. XIX, 858]. 7) Пряжки круглые, слегка сферические, с трапециевидной дужкой — 2 экз. Поверхность их украшена концентрическими линиями, расставленными на различных друг от друга расстояниях. — [Хойновский, 1896, табл. XIX, 863]. Клад был обнаружен у крестьян В. В. Гезе и куплен И. А. Хойновским. Собр. Гос. археологического музея в Варшаве (РМА). — [Хойновский, 1896, с. 166— с. 171, №№ 851—864, табл. XIX; *Обозрение...*, 1899, с. 265-266; Спицын, 1903б, с. 170-172, табл. XXXП; Hackman, 1912, S. 219, Abb. 35; S. 223, Abb. 40; Макаренко, 1928, с. 93, 98, 99, рис. 13; Moora, 1934, S. 87, Abb. 2; Chojnowski, 1902, s. 40-42, NN 851-864 (грунтовое погребение); Gloger, 1943, S. 158— 161, Abb. 55, 58, 59 (грунтовое погребение в могильнике близ Киева)].

2. Близ с. Казаровичи Киево-Святошинского р-на Киевской обл., в 40 км к северу от Киева. Раскопки Е. В. Максимова 1970 г. на размытом Киевским морем позднезарубинецком поселении с нижней датой II—III вв. н. э. (по Е. В. Максиму). «Фрагмент бронзовой лунницы с крестообразными концами, украшенной красной эмалью». — [Максимов, 1971, с. 278].

3. Г. Киев. 1) «Подвеска в виде треугольника» с эмалью (?), по-видимому лунница. — [Обозрение..., 1899, с. 265]. 2) Лунница трехрогая, большая, бронзовая, литая, с красной эмалью (рис. 8, 2). Найдена на Кирилловской ул. в усадьбе Святославского. Поступила в КМДИ от Б. И. Ханенков 1906—1907 гг. Утрачена в 1941—1944 гг. — Кат. АО КМДИ, № 13048; Кат. ОСПК КИМ 1936-1938 гг., № ас. 12352; Архив ЛОИА, ф. 5, д. 336, л. 341, 345, рис.; ДП, 1901, табл. VIII, 252; [Макаренко, 1928, с. 91—92, рис. 9]. 3) Подвеска со следами эмали. Найдена на Фроловой горе. Поступила в КМДИ от С. С. Могилевского в 1909 г. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 14402. 4) Браслет бронзовый, круглый в сечении, со слегка утолщенными концами, орнаментированный с лицевой стороны серией параллельных глубоких нарезок. Найден на б. Трехсвятительской ул. в усадьбе Кривцова. В составе колл. Богданова в 1897 г. прислан из АК в КМДИ (ныне КИМ). — Кат. АО КМДИ, № 232. Кат. ОКР КИМ, с. 20300. 5) Браслет бронзовый, круглый в сечении. Концы едва утолщены и обведены двумя глубокими кольцевыми нарезками. Найден на б. Трехсвятительской ул. в усадьбе Кривцова. В составе колл. Богданова в 1897 г. прислан из АК в КМДИ (ныне КИМ). — Кат. АО КМДИ, № 232; Кат. ОКР КИМ, с. 20300. 6) Фрагмент литой бронзовой ромбической фибулы с остатками красной эмали (рис. 29, 1).

4. Близ с. Новые Безрадичи Обуховского р-на Киевской обл., урочище Митьков Кут. Раскопки В. Н. Даниленко. 1) В 1950 г. на поселении найдена бронзовая литая треугольная ажурная фибула с красной эмалью, концевая часть обломана (рис. 6, 7). — Сообщение В. Н. Даниленко. 2) В 1966 г. на могильнике в яме с остатками трупосожжения (?) найдена бронзовая литая лунница с красной и зеленой эмалью; корпус лунницы треугольный, на рожках вокруг ромбического гнезда с эмалью сложная композиция из колечек. — [Даниленко и др., 1967, с. 212—214, рис. 4].

5. Курган на берегу р. Стугны в Киево-Святошинском р-не Киевской обл. 1888 г. 1) Украшения бронзовые пластинчатые — 2 экз., представляют собой обручи с большими овальными пластинчатыми лопастями, украшенными крупными тиснеными полушариями, обведенными резничками, и проходящей через всю лопасть горизонтальной орнаментированной полосой (рис. 12, 8). 2) Браслеты спиральные, из круглой серебряной проволоки — 1 пара (рис. 12, 9). 3) Браслеты спиральные, из сплюсненной бронзовой проволоки — 1 пара. Поступили в МКУ от Е. К. Трегубова в 1888 г. Местонахождение в настоящее время неизвестно. — Рукоп. кат. МКУ, №№ 3736-3741; Архив ЛОИА, ф. 5, д. 336, л. 340, рис.; [Обозрение..., 1899, с. 266].

6. Близ г. Василькова Киевской обл. Бронзовая литая подвеска в виде четырехгранного колокольчика. Под ушком в двух противоположных стенках по сквозному отверстию. На третьей стенке под ушком нацарапан крестообразный значок. Собр. КИМ. - Рукоп. кат. ОКР КИМ 1936-1938 гг., № ас. 66402.

7. С. Белгородка Киево-Святошинского р-на Киевской обл. Трапециевидная (крайне неправильной формы) бронзовая пластинка с дырочкой в узком конце. На пластинке выпуклое изображение трезубца, обращенное

зубцами вниз. Темная блестящая пати́на. Собр. КИМ. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 25566; Рукоп. кат. ОКР КИМ, № с. 21353.

8. Васильковский р-н Киевской обл. Фрагмент обгоревшей бронзовой литой перекладчатой фибулы (рис. 4, 9). Собр. КИМ. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 31453; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936-1938 гг., № ас. 12976; ДП, 1901, табл. IV, 128.

9. Близ с. Большая Салтановка Васильковского р-на Киевской обл., на правом берегу р. Стугны, на невысокой песчаной террасе, 1951 г. Многослойное местонахождение (керамика раннескифская, подгорцевская, зарубинецкая и штрихованная). Часть бронзовой цепи, состоящая из трех литых звеньев, скрепленных цепочками из пластинчатых звеньев. Звенья ажурные, с красной эмалью; одно из них круглое, два длинные, прямоугольные (рис. 11, 2). Собр. Археол. музея ИА АН УССР. — [Ильинская, Тереножкин, 1955, с. 145—149, рис. 62].

10. Близ с. Михайловки Васильковского р-на Киевской обл. Часть бронзовой литой треугольной ажурной фибулы с красной и оранжевой эмалью, в двух фрагментах (рис. 6, 1). Собр. КИМ. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 13033; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936-1938 гг., № ас. 12985 (Каневский уезд); ДП, 1901, табл. VII, 195; [Спицын, 19036, с. 174, рис. 213; Макаренко, 1928, с. 86].

11. Близ с. Шепиевки Сквирского р-на Киевской обл. Бронзовая литая перекладчатая фибула. Близка фибулам: Ромашки (122, рис. 5, 3), Дуна (911, рис. 15, 3) и Двораки Пикуты (234, рис. 28, 3, 4). Колл. Ф. Ф. Кундеревича. Местонахождение неизвестно. — [Макаренко, 1928, с. 87, примеч. 1].

12. Близ с. Ромашки Таращанского р-на Киевской обл. 1) Фибула перекладчатая, бронзовая, литая, с красной эмалью. Обе перекладины декорированы ромбами (рис. 4, 3). Собр. КИМ. Утрачена в 1941-1944 гг. — Рукоп. кат. АО КИМ, № 13039; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12991; Черняховская культура 1960, с. 118, табл. IV, 1. 2) Фибула перекладчатая, большая, бронзовая, литая, с красной эмалью (рис. 5, 3). Собр. КИМ. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 13036; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936-1938 гг., № ас. 12992; ДП, 1901, табл. IX, 198; [Спицын, 19036, с. 174, рис. 215; Черняховская культура, 1960, с. 118, табл. IV, 2]. 3) Фибула треугольная, бронзовая, литая, ажурная, с синей и красной эмалью (рис. 5, 6). Собр. КИМ. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 13035; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936-1938 гг., № ас. 12994; ДП, 1901, табл. VII, 196; [Спицын, 19036, с. 174, рис. 216; Макаренко, 1928, с. 86, рис. 5; Черняховская культура, 1960, с. 117—120, табл. IV, 3]. 4) Лунница бронзовая, литая, с красной эмалью. Обгорела (рис. 13, 3); Рукоп. кат. АО КМДИ, № 13021; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12929.

13. Близ с. Черняхова Кагарлыкского р-на Киевской обл. 1) Фибула треугольная, бронзовая, литая, ажурная, со следами красной эмали (рис. 6, 3). В составе колл. В. В. Хвойко в 1897 г. куплена АК и передана в КМДИ (ныне КИМ). Утрачена в 1941-1944 гг. - Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936-1938 гг., № ас. 12980; Архив ЛОИА, ф. 1, 1896 г., д. 199, л. 99, фотогр.; Фотоархив ЛОИА, нег. III-6887; [Спицын, 19036, с. 173, рис. 212; Макаренко, 1928, с. 86, рис. 7]. 2) Фрагмент треугольной бронзовой фибулы, ажурной, с красной (?) выгоревшей эмалью (рис. 6, 2). Колл. В. В. Хвойко. В 1907 г. поступил в ГИМ (№ 44202). — Архив ЛОИА, ф. 1, 1900 г., д. 29, л. 10, № 2543 (опись, составленная В. В. Хвойко в 1896 г.). 3) Фибула треугольная, бронзовая, литая, ажурная, с красной эмалью (рис. 5, 7). Собр. КИМ. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 13055; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936-1938 гг., № ас. 12993; ДП, 1901, табл. VII, 197; [Спицын, 19036, с. 174, рис. 214; Макаренко, 1928, с. 86, рис. 6]. 4) Фибула подковообразная, бронзовая, литая, с красной эмалью. Дуга трехгранная в сечении. Посредине дуги прямоугольник, по концам диски с крестами (рис. 7, 11). Собр. КИМ. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 31470; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12357; ДП, 1907, табл. XXI, 340. 5) Фибула подковообразная, бронзовая, литая, маленькая, без эмали. Посредине дуги крестообразная фигура с ажурными кружками на концах (один обломан). По концам дуги плоские кружки (рис. 7, 8). Колл. Б. И. Ханенко. Позже передана в КИМ. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 31469; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12344 (место находки — с. Пастерское); ДП, 1907, табл. XXI, 341 (ошибочно указано, что фибула украшена эмалью). 6) Подвеска круглая, бронзовая, литая, ажурная, со следами красной эмали (рис. 10, 4). Колл. В. В. Хвойко. В 1907 г. поступила в ГИМ (№ 44202). — ДП, 1907, табл. XXI, 343. 7) Лунница бронзовая, литая, с дугообразным корпусом. На рожках диски с шариками по краям. Между рожками колечко, свисающее с корпуса на двух перемычках. Эмаль в гнездах красная, попорчена (обгорела?) (рис. 13, 2). Собр. КИМ. — ДП, 1907, табл. XXI, 346. 8) Лунница бронзовая, литая, корпус треугольный, с красной эмалью. На рожках крупные полукружия с шариками по краям и серо-голубой эмалью на полукружьях (рис. 9, 11). Колл. В. В. Хвойко. В 1907 г. поступила в ГИМ (№ 44202). - ДП, 1907, табл. XXI, 345. Фибулу, найденную, по Ханенко (ДП, 1907, табл. XXI, 347), в с. Черняхове, см. Липлява, 672.

14. Близ с. Стайки Обуховского р-на Киевской обл. 1) Звено от цепи бронзовое, литое, с эмалью; в центре ромб с голубой и красной эмалью (без перегородок), по сторонам треугольные выступы с красной эмалью, вверху и внизу петли для соединения с цепью (рис. 11, 7). Колл. В. В. Хвойко. В 1907 г. поступила в ГИМ (№ 44202). — ДП, 1907, табл. XXI, 348. 2) Подвеска квадратная, бронзовая, литая, ажурная, с ушком и тремя треугольными лопастями по углам. В центре поле, украшенное эмалью (выкрошилась) (рис. 10, 2). Куплена в 1906 г. у крестьянина с. Колесище б. Каневского уезда Киевской губ. (ныне Каневского р-на Черкасской обл.). В 1909 г. передана в ГИМ. — Архив ЛОИА, ф. 1, 1906 г., д. 18, л. 98—101, 134, 143, фотогр.; ОАК за 1906 г., с. 124-125, рис. 178.

15. Близ с. Кагарлык Киевской обл. Бронзовая литая лунница с небольшим треугольным корпусом и гнездом с красной эмалью на нем. На рожках крупные ромбы с черной эмалью и группами колечек по углам (рис. 9, 6). Собр.

КИМ. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 13025; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936-1938 гг., № ас. 12985; ДП, 1901, табл. VIII, 254.

16. Киево-Святошинский р-н Киевской обл. Фрагмент (средняя часть) сильнопрофилированной бронзовой литой фибулы (рис. 4, б). Колл. Ф. Ф. Кундеревича. Позже поступил в КИМ. — Рукоп. кат. Колл. Ф. Ф. Кундеревича, № III-11.

17. Близ с. Бурты Каневского р-на Черкасской обл. Бронзовая подковообразная (?) пряжка с эмалью. Собр. КИМ, дар Е. М. и А. Н. Терещенко и В. И. Ханенко. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 8978.

18. Близ с. Потапцы Каневского р-на Черкасской обл. 1) «Привеска бронзовая, украшенная эмалью». Собр. КИМ, дар Б. И. Ханенко. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 13006. 2) Привеска бронзовая, крестообразная. Найдена в 1894 г. Собр. МКУ. — Рукоп. кат. МКУ, № 6480.

19—21. Близ сел Малый Букрин, Трактомирова и Монастырска Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. 1) Фрагмент подковообразной бронзовой литой фибулы. Дуга тонкая, посередине ее три поперечные кольцевые ребрышка. Диск на конце дуги украшен пунктиром (рис. 7, 2). 2) Фрагмент подковообразной бронзовой литой фибулы. Дуга тонкая, плоская. На конце ее диск с ромбическим углублением в центре (для эмали?) (рис. 7, 4). 3) Лунница трехрогая, большая, бронзовая, литая, с красной эмалью (рис. 8, 1). 4) Лунница бронзовая, литая, корпус треугольный, с двумя треугольными просветами. На рожах ромбы с дисками по углам. На ромбах и дисках следы красной (?) эмали (рис. 8, 7). 5) Лунница бронзовая, литая, корпус треугольный. На рожах ромбы, на их углах диски с шишечками, сделавшими диски похожими также на ромбики. На корпусе, ромбах и дисках остатки красной эмали (рис. 8, 4). Вещи, перечисленные под №№ 1—5, поступили в 1907 г. в ГИМ из колл. В. В. Хвойко (№ 44202). Какие вещи найдены в том или ином из трех указанных пунктов, установить не удалось. 6) Лунница бронзовая, литая, с дугообразным корпусом. На рожах диски с бусинками по краям. На корпусе и дисках красная эмаль (с. Малый Букрин) (рис. 9, 8). Собр. КИМ, дар Б. И. Ханенко. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 13014; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936-1938 гг., № ас. 12940; ДП, 1901, табл. VIII, 253. 7) Подвеска треугольная, пластинчатая, бронзовая, с благородной зеленой патиной. Уголок на вершине загнут назад (ушко?). На пластинке мелким наколом с обратной стороны сделаны следующие изображения: вверху человек, в рост, внизу три поясные фигуры. Изображения крайне примитивны. Сверху и снизу вся группа очерчена двойной линией из точек. Собр. КИМ. - Рукоп. кат. ОКР КИМ 1936-1938 гг., № ас. 20278 (место находки — с. Малый Букрин); ДП, 1907, табл. XVIII, 307 (место находки — с. Черняхов).

22. Близ с. Зарубинцы Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. 1) Фрагмент перекладчатой большой бронзовой литой фибулы с эмалью (?) (рис. 12, 2). — Архив ЛОИА, ф. 5, д. 336, л. 337, рис.; [Обозрение..., 1899, с. 265] («тюрсельского типа»). 2) Лунница бронзовая, литая, с ажурными фрагментированными концами. Следов эмали нет. Наибольший размер фрагмента 3. 1 см. Собр. КИМ, дар Б. И. Ханенко. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 13022; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12931.

23. Близ с. Григоровки Каневского р-на Черкасской обл. Фрагмент бронзовой литой перекладчатой фибулы с остатками красной эмали (рис. 4, а). Колл. В. В. Хвойко. В 1907 г. поступил в ГИМ, № 44202.

24. Близ с. Пищальники Каневского р-на Черкасской обл. 1) Зеркало бронзовое, круглое, с приклепанной фасетированной ручкой. На ручке два шарообразных утолщения с красной эмалью. Собр. КИМ. Утрачено в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 13027; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12846; ДП, 1901, табл. VII, 194; [Спицын, 19036, с. 176, рис. 230; Даниленко, 1953, с. 206]. 2) Браслет бронзовый, литой, прямоугольный в сечении; орнаментирован с лицевой стороны гравированной зигзагообразной линией. Концы браслета резко утолщены, круглые в сечении, рубчатые. Куплен КМДИ у В. В. Хвойко. Собр. КИМ. - Рукоп. кат. АО КМДИ, № 17095.

25. Близ с. Гришинцы Каневского р-на Черкасской обл. 1) Два фрагмента треугольной бронзовой литой ажурной фибулы. В двух треугольных углублениях следы красной эмали, «концы заканчиваются петельками». Длина (общая?) 5. 6 см, ширина 3. 4 см. Куплены МКУ в 1902 г. Позже поступили в КИМ. Утрачены в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. МКУ, № 8936; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936-1938 гг., № ас. 12984. 2) Фибула подковообразная, бронзовая, литая; обод трехгранный в сечении; на концах диски с красной эмалью; посередине обода прямоугольное поле с красной эмалью и секировидным выступом; два таких же выступа на ободке (рис. 7, б). Колл. В. В. Гезе. Утрачена. — Архив ЛОИА, Р—I, арх. 1185, № 9155, л. 75, акварельный рисунок с записью о месте находки фибулы, сделанной А. А. Спицыным; [Спицын, 19036, с. 174, рис. 225] (место находки не указано). 3) Фрагмент бронзовой литой лунницы с ажурными концами и остатками красной эмали. Длина фрагмента 3. 3 см. Возможно, эта же лунница упомянута в КВ XI АС как найденная в г. Каневе (27). Собр. КИМ. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12934.

26. Близ с. Тростянец Каневского р-на Черкасской обл. 1) Фибула подковообразная, бронзовая, литая. Дуга из тонкой проволоки с кружочным орнаментом; на концах дуги диски с крестами, заполненными красной эмалью. Конец язычка обломан (рис. 7, 5). Собр. КИМ, дар В. И. Ханенко. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 13047; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936-1938 гг., № ас. 12355; ДП, 1901, табл. VII, 200; [Спицын, 19036, с. 174, рис. 222; Niederle, 1913, tab. XXVI, 13; III, 1; Niederle, 1921, obr. 77, 8; Moora, 1934, S. 84, Anm. 3], 2) Подвеска квадратная, бронзовая, литая, ажурная, с ушком на одном углу и лопастями по трем остальным углам. В

центре подвески кружок с красной эмалью (рис. 10, 5). Собр. КИМ, дар *Б. И. Ханенко*. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 13028; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936-1938 гг., № ас. 12928; ДП, 1901, табл. VIII, 251.

27. Г. Канев Черкасской обл. Половина бронзовой литой ажурной лунницы с остатками красной и зеленой эмали. Возможно, это та же лунница, которая в Кат. ОСПК КИМ записана как найденная в с. Гришинцы (253). Собр. МКУ. Местонахождение лунницы неизвестно. — КВ XI АС, 1899, с. 80, № 103.

28. Городище Княжа Гора Каневского р-на Черкасской обл. 1) Фибула круглая, бронзовая, литая, ажурная. В центре крестик, концы которого украшены белой и красной (и синей, по *А. А. Спицыну*) эмалью. По краю следы припоя от рельефных кружков, составлявших кайму фибулы. В составе колл. *В. В. Хвойко* в 1897 г. куплена АК и передана в КМДИ (ныне КИМ). — Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12964 (место находки — Киевская обл.); Архив ЛОИА, ф. 1, 1896 г., д. 199, л. 99 и 104, фотогр.; ф. 5, д. 336, л. 342; д. 384, л. 174, рис. (место находки — Княжа Гора); [Обозрение..., 1899, с. 265] (место находки — б. Каневский уезд); ДП, 1901, с. 22, рис. 292а (место находки — б. Киевская губ.); [Спицын, 1903б, с. 174, рис. 220] (место находки — Княжа Гора?). 2) Браслет бронзовый, литой, с расширенными, круглыми в сечении концами, орнаментированными несколькими каемками с косой штриховкой. В составе колл. *В. В. Хвойко* в 1897 г. куплен АК и передан в КМДИ (ныне КИМ). — Архив ЛОИА, ф. 1, 1896 г., д. 199, л. 99, фотогр.; ф. 5, д. 384, л. 170, рис.; Фотоархив ЛОИА, нег. II-25720, III-6887; ОАК за 1896 г., с. 122-123, 3) Бляшка круглая, бронзовая, литая, с вихревидной розеткой на лицевой стороне — подражание в литье выемчатой эмали. На обороте четыре шпенька. Собр. КИМ, дар *Б. И. Ханенко*. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 31443; ДП, 1901, табл. XI, 286. 4) Фибула треугольная, бронзовая, литая, ажурная, с треугольной концевой частью и треугольными гнездами для эмали. Верхняя часть фибулы утрачена. Собр. Черниговского исторического музея. — [Мезенцева, 1968, с. 74, табл. V, 17].

29. Близ с. Пекари Каневского р-на Черкасской обл. 1) Фрагмент (нижняя часть) треугольной бронзовой литой ажурной фибулы. На конце крест, в центре его ромб с красной эмалью. На каждом конце креста крестик с эмалью в центре; эмаль выкрошилась. Длина фрагмента 6. 8 см. Колл. *Ф. Ф. Кундеревича*. Позже поступил в КИМ. Утрачен в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12982. 2) Пряжка бронзовая, обтянутая золотом. Дужка круглая, щиток ромбический, орнаментированный ромбами; по краю рубчатая каемка. 3) Перстень бронзовый, позолоченный, двойной, с двумя синими стеклами. 4) Кольцо из золотой рубчатой проволоки с несомкнутыми концами (серьга?). Собр. КИМ, дар *Б. И. Ханенко*. — Рукоп. кат. АО КМДИ, №№ 13032, 13049; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936-1938 гг., № ас. 12338; ДП, 1901, табл. IX, 229, 379, 380.

30. Близ с. Хмельны Каневского р-на Черкасской обл. 1) Фибула сильнопрофилированная, бронзовая, литая (рис. 4, 1). Собр. МКУ. Позже передана в КИМ. — Рукоп. кат. МКУ, № 4757; Архив ЛОИА, ф. 5, д. 329, л. 173; КВ XI АС, с. 81, № 137. 2) Фибула сильнопрофилированная, бронзовая, нижний конец приподнят (рис. 12, 1). Колл. *Ф. Ф. Кундеревича*. Позже поступила в КИМ. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. колл. *Ф. Ф. Кундеревича*, № VI-2; Архив ЛОИА, ф. 5, д. 336, л. 329, рис. 3) Фибула сильнопрофилированная, бронзовая, литая, сильно изогнутая. На нижнем узком и приподнятом конце профилировка. Вверху одно треугольное и два круглых гнезда с красной эмалью (рис. 4, 2). Колл. *Ф. Ф. Кундеревича*. Позже поступила в КИМ. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. колл. *Ф. Ф. Кундеревича*, № VI-4; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936-1938 гг., № ас. 12971; [Tallgren, 1937, fig. 8]. 4) Фибула перекладчатая, бронзовая, литая, со сломанным нижним концом и со следами красной эмали, аналогична фибуле из с. Ромашки (122, рис. 5, 3). Собр. КИМ, получена из АК. Местонахождение фибулы неизвестно. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 16979; [Moora, 1938, S. 118]. 5) Фибула перекладчатая, бронзовая, литая, с двумя реберчатыми перекладчинами (рис. 4, 8). Колл. *Ф. Ф. Кундеревича*. Позже поступила в КИМ. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. колл. *Ф. Ф. Кундеревича*, № VI-1; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12970; [Tallgren, 1937, fig. 8]. 6) Фибула перекладчатая, бронзовая, литая, с двумя реберчатыми перекладчинами. В верхней части три треугольные прорезы, расположенные треугольником; внизу прорезан один треугольник. Длина 10. 6 см. Колл. *Ф. Ф. Кундеревича*. Позже поступила в КИМ. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. колл. *Ф. Ф. Кундеревича*, № VI-5 (место находки — с. Хмельна); Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12973 (место находки — Каневский уезд). 7) Фибула типа перекладчатых, бронзовая, литая, без эмали (рис. 6, 4). Колл. *Ф. Ф. Кундеревича*. Позже поступила в КИМ. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. колл. *Ф. Ф. Кундеревича*, № VI-3; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936-1938 гг., № ас. 12977; [Tallgren, 1937, fig. 8]. 8) Фрагмент треугольной бронзовой литой ажурной фибулы (рис. 6, 6). Колл. *Ф. Ф. Кундеревича*. Позже передан в КИМ. Утрачен в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. колл. *Ф. Ф. Кундеревича*, № VI-6; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12983. 9) Фрагмент подковообразной бронзовой литой фибулы. Дуга граненая. Посредине дуги ромбическое поле с красной и желтой эмалью. На концах диска с красной и желтой эмалью (рис. 13, 4). Собр. КИМ, дар *Б. И. Ханенко*. — Рукоп. кат. АО КМДИ, №№ 12946, 31444 (заинвентаризован дважды); Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936-1938 гг., № ас. 12951; ДП, 1901, табл. XI, 280; [Спицын, 1903б, с. 174, № 217, рис. 218]. 10) Браслет бронзовый, ли-

той, с расширенными концами, фрагмент — половина браслета. Конец в сечении овальный, с несколькими поясками, орнаментированными косой штриховкой. В 1903 г. в составе коллекции вещей, собранных крестьянином *Е. Харченко* в основном в низовьях р. Роси в б. Каневском и отчасти б. Переяславском уездах, поступил в КМДИ (ныне КИМ). — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 20870; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12847; Архив ЛОИА, ф. 5, д. 329, л. 174, рис.; ОАК за 1903 г., с. 145, 146, рис. 284, 11, 12. 11) Подвески бронзовые, в виде трехгранных колокольчиков, литые — 2 экз. Внизу на каждом углу по округлому выступу. Собр. КИМ? — ДП, 1901, табл. VII, 206; IX, 207.

31. Близ с. Крещатика Черкасского р-на и обл. 1) Лунница бронзовая, литая, корпус треугольный. На рожках ромбы с дисками по углам. Эмаль на корпусе, ромбах и дисках утрачена. Ушко не сохранилось. Ширина 3. 9 см. Собр. КИМ.

Утрачена. — Кат. АО КМДИ, № 10510; Кат. ОСПК КИМ, № ас. 12933. 2) Лунница бронзовая, корпус дугообразный. На рожках диски с бусинками; на корпусе сверху два кружка, под ними остатки двух перемычек, на которых был «повешен» третий кружок. На корпусе, дисках и кружках зеленая эмаль (рис. 9, 3). Собр. КИМ. — Кат. АО КМДИ, № 10510; Кат. ОСПК КИМ, № ас. 12938; ДП, 1902, табл. XXI, 342; [Moora, 1938, S. 118].

32. Близ с. Михайловки Черкасского р-на и обл. 1) Фибула круглая, большая, вырезанная из тонкой бронзовой пластины. Украшена прорезями и орнаментом, нанесенным серебристым составом поверх серого матового состава, покрывающего сплошным слоем всю лицевую сторону фибулы. На обороте игла. В двух местах по краю следы починки (рис. 13, б). Собр. КИМ, колл. Б. И. Ханенко; Кат. АО КМДИ, № 31434; ДП, 1907, табл. XVIII, 315. 2) Фрагмент бронзового браслета, круглого в сечении, концы значительно утолщены и орнаментированы нарезками. Собр. Львовского гос. исторического музея. Поступил в музей в 1939 г. из Музея Львовского т-ва им. Т. Г. Шевченко в составе колл. Н. Ф. Беляшевского.

33. Близ с. Конончи Черкасского р-на и обл. 1) Фибула сильнопрофилированная, бронзовая, литая (рис. 5, 1). — ДП, 1907, табл. XIX, 303. 2) Фибула подковообразная, бронзовая, литая, на дуге и на ее концах диски, украшенные крестами с расширяющимися концами; в крестах остатки красной эмали. Колл. В. В. Хвойко. Позже передана в КИМ. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 17094; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12346; [Макаренко, 1928, с. 87, примеч. 1; Moora, 1938, S. 118]. 3) Браслеты бронзовые — 2 экз., оба фрагментированы, в сечении круглые, к концам утолщены. Собр. Львовского гос. исторического музея. Поступили в музей в 1939 г. из Музея Львовского т-ва им. Т. Г. Шевченко в составе колл. Н. Ф. Беляшевского.

34. Между с. Бабичи и с. Межирич Черкасского р-на и обл. Бронзовая литая лунница, корпус дугообразный, на рожках ромбы, по углам их диски с бусинками. Сохранность плохая — дно гнезда на корпусе почти полностью утрачено, сильно поломаны диски на рожках. А. А. Спицын отметил на луннице красную и зеленую эмаль. В настоящее время эмали на ней нет. (рис. 9, 5). В составе колл. В. В. Хвойко в 1897 г. куплена АК и передана в КМДИ (ныне КИМ). — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 2895; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12349; Архив ЛОИА, ф. 5, д. 336, л. 328, 342, рис.; [Обозрение..., 1899, с. 265]; ДП, 1901, табл. VIII, 246; [Moora, 1938, S. 118].

35. Близ с. Степанцы Каневского р-на Черкасской обл. Бронзовая литая сильнопрофилированная фибула без эмали с тремя профилированными перекаладинами. В верхней части три дырочки, в одну из которых продето проволочное колечко (рис. 5, 2). — Архив ЛОИА, ф. 5, д. 336, л. 329, рис.; ДП, 1907, табл. XIX, 328.

36. Близ с. Гули (Гуты) Каневского р-на Черкасской обл. Бронзовая литая булавка с круглой плоской головкой; на ней грубо процарапана крестообразная фигура, заполненная красной эмалью (рис. 11, 1). Собр. КИМ, дар Б. И. Ханенко. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 13037; Архив ЛОИА, ф. 5, д. 336, л. 341, 345, рис.; [Обозрение..., 1899, с. 265]; ДП, 1901, табл. VII, 201.

37. Близ с. Семигорье Каневского р-на Черкасской обл. Бронзовая литая подковообразная фибула с эмалью. Поступила в МКУ в 1918—1919 гг. Местонахождение фибулы неизвестно. — Рукоп. кат. МКУ, № 11757.

38. Близ с. Тептиевка Богуславского р-на Киевской обл. 1) Фибула бронзовая, литая, сильнопрофилированная. На нижнем конце девять бусин, посредине вверху выступ (петля для пружины), по сторонам круглые выступы с красной эмалью. Длина 8 см (ср. с фибулами: Кононча, 381; Степанцы 35). Собр. КИМ, колл. С. М. Крейтона. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. КМДИ, № 22018 (место находки — с. Тептиевка); Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12972 (место находки — р. Роси); [Moora, 1938, S. 118 (место находки — Teitywci); Махно, 1960, с. 16, № 29 (место находки — с. Биевцы)]. 2) Лунница бронзовая, литая, корпус дугообразный, трехгранный в сечении. На рожках большие диски с бусинками по краям и остатками красной эмали (рис. 9, 10). Собр. КИМ. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 13030; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12939; ДП, 1901, табл. VIII, 247 (место находки — местечко Тетиев б. Киевской губ.); [Спицын, 19036, с. 172, рис. 185] (место находки — местечко Тетиев).

39. Близ с. Гута Комаровская (Комаровка) Переяслав-Хмельницкого р-на Киевского обл. 1) Лунница бронзовая, миниатюрная. Вместо корпуса диск с пустым гнездом. На «рожках» по диску с красной эмалью и колечками по краям (рис. 8, 8). Собр. КИМ, колл. Ф. Ф. Кундеревича. — Рукоп. кат. колл. Ф. Ф. Кундеревича, № VI-25; Кат. ОСПК КИМ, № ас. 12943. 2) Лунница бронзовая, литая, корпус треугольный, с вогнутым основанием и двумя треугольными просветами. На рожках ромб с дисками по углам. На ромбах и дисках гнезда для эмали, которая не сохранилась (рис. 8, 12). Собр. КИМ, колл. Ф. Ф. Кундеревича. — Рукоп. кат. колл. Ф. Ф. Кундеревича, № VI-24; Кат. ОСПК КИМ, № ас. 12944. 3) Лунница бронзовая, литая, корпус треугольный. На рожках диски с кружками по краям. На корпусе, дисках и кружках была эмаль. Ширина 4. 8 см. Собр. КИМ, колл. Ф. Ф. Кундеревича. Утрачена в 1941—1944 г. — Рукоп. кат. колл. Ф. Ф. Кундеревича, № VI-23; Кат. ОСПК КИМ, № ас. 12947. 4) Лунница бронзовая,

литая, корпус треугольный. На рожках ромбы с дисками по углам. На корпусе и на ромбах гнезда для эмали, которая не сохранилась. В ушке колечко с неспаянными концами. Ширина 3. 7 см. Собр. КИМ, колл. Ф. Ф. Кундеревича. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. колл. Ф. Ф. Кундеревича, № VI-22; Кат. ОСПК КИМ, № ас. 12942. 5) Лунница бронзовая, литая, корпус треугольный, «с крестами» на рожках. На корпусе и в центре «крестов» красная эмаль. Ширина 4. 5 см. Собр. КИМ, колл. Ф. Ф. Кундеревича. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. колл. Ф. Ф. Кундеревича, № VI-20; Кат. ОСПК КИМ, № ас. 12945. 6) Лунница бронзовая, литая, корпус треугольный, «с крестами» на концах. Середина креста заполнена красной эмалью. Ширина 4 см. Собр. КИМ, колл. Ф. Ф.

Кундеревича. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. колл. *Ф. Ф. Кундеревича*, № VI-19; Кат. ОСПК КИМ, № ас. 12937. 7) Лунница бронзовая, литая, корпус треугольный, «середина прорезная». На рожках колечки с бусинками по краям. Ширина 4. 8 см. Собр. КИМ, колл. *Ф. Ф. Кундеревича*. Утрачена в 1941—1944 гг. Рукоп. кат. колл. *Ф. Ф. Кундеревича*, № VI-27; Кат. ОСПК КИМ, № ас. 12948. 8) Лунница бронзовая, литая, корпус дугообразный. На рожках диски с красной эмалью. Ширина 4. 6 см. Собр. КИМ, колл. *Ф. Ф. Кундеревича*. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. колл. *Ф. Ф. Кундеревича*, № VI-26; Кат. ОСПК КИМ, № ас. 12936. 9) Лунница бронзовая, литая, корпус дугообразный. На рожках диски с секировидными отростками. На корпусе и дисках выгоревшая эмаль ([рис. 8, 14](#)). Собр. КИМ, колл. *Ф. Ф. Кундеревича* (?). — Рукоп. кат. колл. *Ф. Ф. Кундеревича*, № VI-21 (?).

40. Близ с. Бровахи (с. Буда Бровахская) Каневского р-на Черкасской обл. 1896 г. Большая бронзовая фибула, по-видимому, типа перекладчатых — «посредине два пояска, украшенные двумя бороздками. Нижняя часть украшена ажурным орнаментом. Высота 12 см» ([рис. 12, 3](#)). Колл. *И. А. Хойновского*. — Архив ЛОИА, ф. 5, д. 336, л. 347, [рис. 153](#); [[Указатель выставки..., 1897, с. 16, № 15](#)]. В Каневском р-не Черкасской обл. в разное время найдены следующие вещи (41—51).

41. Фибула бронзовая, литая, ажурная, в виде поставленных один над другим двух ажурных треугольников; внизу рубчатая перекладина, под ней крестообразная фигура ([рис. 6, 11](#)). Колл. *Ф. Ф. Кундеревича*. Позже поступила в КИМ. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. колл. *Ф. Ф. Кундеревича*, № VI-18; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12979.

42. Фрагмент (нижняя часть) треугольной бронзовой литой ажурной фибулы; на нижнем конце крестообразная фигура с ромбом в центре, заполненным эмалью; по концам креста углубления для эмали. Длина фрагмента 5. 1 см. Колл. *Ф. Ф. Кундеревича*. Позже поступил в КИМ. Утрачен в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. колл. *Ф. Ф. Кундеревича*, № VI-8 (место находки — *окр. г. Канева*); Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12987 (место находки — с. Хмельна).

43. Фибула перекладчатая, бронзовая, литая — фрагмент с плоским пояском посредине. Длина фрагмента 5. 8 см. Колл. *Ф. Ф. Кундеревича*. Позже поступила в КИМ. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936-1938 гг., № ас. 12974.

44. Фибула подковообразная, бронзовая, с эмалью Собр. КИМ, колл. *Б. И. Ханенко*. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 12986.

45. Фрагмент — часть тонкой дужки с небольшим диском на конце — подковообразной бронзовой литой фибулы. Щиток орнаментирован концентрическими бороздками и одним колечком зеленой эмали ([рис. 7, 3](#)). Куплен АК в 1902 г. у крестьянина Е. Харченко и в 1904 г. передан в КМДИ (ныне КИМ). Утрачен в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936-1938 гг., № ас. 12954 (349); Архив ЛОИА, ф. 1, 1902 г., д. 3, л. 241—242; ОАК за 1902 г., с. 129—130, [рис. 223](#).

46. Фибула подковообразная, на концах кружки; украшена гравировкой. Колл. *Ф. Ф. Кундеревича*. Позже поступила в КИМ. — Рукоп. кат. колл. *Ф. Ф. Кундеревича*, № VI-13.

47. Лунница бронзовая, литая, корпус треугольный, небольшой. На рожках ромбы с дисками по углам. На корпусе, ромбах и дисках красная эмаль ([рис. 8, 9](#)). Куплена в 1902 г. у крестьянина Е. Харченко и в 1904 г. передана в КМДИ (ныне КИМ). — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 7768; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936-1938 гг., № ас. 12949; Архив ЛОИА, ф. 1, 1902 г., д. 3, л. 241—242; Фотоархив ЛОИА, нег. III-8383; ОАК за 1902 г., с. 129—130; [[Moora, 1938, S. 118](#)].

48. Лунница бронзовая, литая, корпус треугольный. На рожках крупные диски с секировидными выступами. На корпусе и дисках красная эмаль ([рис. 9, 12](#)). — ДП, 1901, табл. VIII, 248 (найдена в пределах бывших Васильковского, Каневского или Черкасского уездов Киевской губ.).

49. Лунница бронзовая, литая, треугольно-дугообразная. На рожках диски с колечками по краям. Между рожками под корпусом лунницы диск. На всех дисках и на корпусе красная эмаль ([рис. 9, 4](#)). Собр. КИМ, дар *Б. И. Ханенко*. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 13031; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936-1938 гг., № ас. 12946; ДП, 1901, табл. VIII, 256.

50. Шпора бронзовая, литая, щиток ромбический, шип четырехгранный, на углах диски с красной эмалью. Блестящая зеленая патина ([рис. 11, 9](#)). Собр. КИМ, колл. *Б. И. Ханенко*. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 13046 (место находки — б. Каневский уезд Киевской губ.); Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12923 (место находки — с. Перепильчицы; очевидно, данное указание сделано на основании этикетки, наклеенной на шпору, на которой написано: «Peregretszupse 9 VI 88 г. »); Архив ЛОИА, ф. 5, д. 336, л. 341, рис. (место находки — Липлява?); ДП, 1901, табл. VII, 203 (место находки — б. Киевская губ.); [[Спицын, 19036, с. 176, рис. 234](#)] (место находки — б. Киевская губ.). Место находки указано мною на основании записи в Рукоп. кат. АО КМДИ, сделанной в 1907 г.

51. Кружок из бронзовой пластины, плоский, с отверстием в центре, орнаментирован полушариками, выбитыми пуансоном. Собр. МКУ. Позже поступил в КИМ. - Рукоп. кат. МКУ, № 9280.

52. Близ с. Староселья Черкасского р-на и обл. Фрагмент (нижняя часть) бронзовой литой треугольной фибулы. Колл. Ф. Ф. Кундеревича. Позже передан в КИМ. — Рукоп. кат. ОКР КИМ 1936-1938 гг., № ас. 65542; **[Макаренко, 1928, с. 87]**.

53. Черкасский р-н и обл. Лунница бронзовая, литая, корпус дугообразный, на рожках диски с бусинками по краям. На корпусе сверху два треугольных выступа, внизу между рожками на двух перемычках подвешен третий такой же выступ. На корпусе и дисках красная эмаль ([рис. 9, 1](#)). Собр. КИМ, дар Б. И. Ханенко. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 13054; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936-1938 гг., № ас. 12941; ДП, 1901, табл. VIII, 251.

54. Близ с. Головятино Черкасского р-на и обл. 1) Фибула перекладчатая, бронзовая, литая, с ажурным крестообразным концом — 2 фрагмента. В кружках внизу фибулы и по концам верхней перекладины красная эмаль ([рис. 5, 4](#)). 2) Фибула подковообразная, бронзовая, литая, с тонкой дружкой. На середине дужки и по ее концам диски, на дисках кресты, ромбические центры которых заполнены красной эмалью ([рис. 7, 7](#)). Доставлены А. А. Бобринским в 1913 или 1914 г. в АК, откуда переданы в КМДИ (ныне КИМ). Местонахождение вещей неизвестно. — Архив ЛОИА, ф. 1, 1913 г., д. 300, л. 32, 33, 39, 40, фотогр.; Фотоархив ЛОИА, нег. III-35934, 35935; ОАК за 1913—1915 гг., с. 170; ИАК, 1916, с. 4, [рис. 14; 15](#).

55. Близ хут. Могилевки Черкасского р-на и обл. Бронзовая литая лунница с треугольным корпусом и остатками красной эмали в углублениях. Колл. С. М. Крейтона. Позже поступила в КИМ. Утрачена в 1941-1944 гг. — Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936-1938 гг., № ас. 12347 (место находки — с. Могитана, очевидно, описка, поскольку в списке населенных мест Киевской обл. такое село не значится).

56. Близ с. Орловец Звенигородского р-на Черкасской обл. Бронзовая литая фибула с полуциркульной дужкой, трапециевидным нижним и прямоугольным верхним щитками. Одна бусина припаяна к верху верхнего щитка, две другие помещены по концам оси для пружины. — **[Бобринский, 1901, табл. 1, 10; Arne, 1920, fig. 33]**.

57. Близ с. Пастерского Смелянского р-на Черкасской обл., на городище. 1) Фрагмент (верхняя часть) перекладчатой бронзовой литой фибулы. Эмаль в треугольной выемке выкрошилась ([рис. 5, 5](#)). Собр. КИМ. Утрачен в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 12027; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12986; ДП, 1899, табл. XIV, 264; **[Спицын, 19036, с. 176]**. 2) Фибула подковообразная, бронзовая, литая, овальная; диски находят один на другой и сбиты вместе шпильком, попортившим изображение крестика с округленными концами и следами красной эмали в них. Дуга в сечении трехгранная, с поперечным гребешком ([рис. 7, 9](#)). Собр. КИМ. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. АО КМДИ, №№ 12026, 31472 (заинвентаризована дважды); Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12354; Архив ЛОИА, ф. 5, д. 336, л. 341, 345, рис.; ДП, 1901, табл. XI, 281. 3) Фибула двупластинчатая, серебряная, литая. Щитки пятиугольные, один несколько длиннее другого. Собр. КИМ. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 13074; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., №№ ас. 12288, ас. 12649 (заинвентаризована дважды); **[Arne, 1920, s. 74, fig. 9; Калитинский, 1928, табл. XLI, 108]**. 4) Браслет бронзовый, литой, с утолщенными концами, орнаментированными штриховкой ([рис. 12, 7](#)). Колл. В. В. Хвойко. Местонахождение браслета неизвестно. — Архив ЛОИА, ф. 5, д. 334, л. 45, рис.

58. Близ с. Лихачевки Диканьского р-на Полтавской обл. На песках у р. Мерли в 1880-х годах местный любитель древностей И. А. Зарецкий собрал коллекцию разновременных вещей, среди которых оказались следующие. 1) Подвеска трапециевидная, вырезанная из бронзовой пластины и украшенная тремя группами концентрических колец, выбитых пуансоном. Вверху проволочное колечко. 2) Подвеска трапециевидная, вырезанная из бронзовой пластины, без орнамента. Колл. И. А. Зарецкого. В 1889 г. куплена КИМ (№№ 18779—18785). — Архив ЛОИА, ф. 1, 1889 г., д. 29, л. 35, фотогр.; ф. 5, д. 334, л. 93, рис.; **[Зарецкий, 1888, с. 229—246]**.

59. Близ с. Рублевки Котелевского р-на Полтавской обл. В 1891 г. на огороде на глубине 4 вершков был найден клад, в состав которого входят следующие вещи. 1) Монеты золотые — 201 солид императоров: Валентиниана II (375—392 гг.) — 1, Гонория (395—423 гг.) — 9, Феодосия II (408—450 гг.) — 175, Валентиниана III (425—455 гг.) — 13, а также Евдокии, жены Валентиниана III (422—455 гг.) — 1, Пульхерии, сестры Феодосия II и жены Маркиана (414—453 гг.) — 2. 2) Браслет золотой, массивный, с утолщенными концами, фрагментированный — один конец обломан. Клад поступил в АК, откуда фрагмент браслета и 53 монеты были переданы в Эрмитаж, 102 монеты — в РИМ, 34 монеты — в Харьковский университет и 12 — И. И. Толстому. В январе 1932 г. браслет (и монеты?) были переданы в Харьковский гос. исторический музей им. Г. С. Сковороды. Утрачены в 1941—1944 гг. — Архив ЛОИА, ф. 1, 1891 г., д. 75, л. 1; ОАК за 1891 г., с. 128, 131, 186; **[Толстой, 1892]**; Указатель РИМ УП, 1893, с. 598; **[Труды..., 1902, с. 264 (протоколы); Багаей, 1905, с. 15; Данилевич, 1905, с. 390, № 38; Мацулевич, 1934, с. 85]**.

60. Хут. Компанейцы, урочище Касюровщина в 1 км на восток от хут. Компанейцы и в 8 км на юго-запад от с. Григоро-Бригадировки Кобелянского р-на Полтавской обл., между низовьями Псла и Ворсклы. Раскопки Е. В. Махно, 1960 г. и последующие годы. На песчаной возвышенности невысокой надпойменной террасы Днепра — большой могильник черняховской культуры на территории курганного могильника эпохи бронзы. Сожжения (преобладают) и труположения в ямах (одно с подбоем). На территории могильника в его центральной части в погребении № 2 (труположение) найдена пара бронзовых литых маленьких перекладчатых фибул без эмали, соединенных друг с другом серией железных звеньев, деформированных ржавчиной. На фибулах и двух звеньях остатки грубой ткани. Кроме фибулы в погребении фрагмент овальной железной пряжки. — **[Махно, 1967, с. 160—163; 1971, с. 88. рис. 4]**.

61. Близ г. Ахтырки Сумской обл. На дюнах. Бронзовая литая трехрогая лунница с эмалью ([рис. 8](#), б). Колл. Волохина. — [[Спицын, 1915](#), с. 225, [рис. 4](#); [Макаренко, 1928](#), с. 92].
62. Близ д. Шмыревой Обоянского р-на Курской обл., песчаные россыпи правого берега р. Псел. Раскопки *Д. Я. Самоквасова* 1909 г. Наряду с разновременными вещами была найдена маленькая бронзовая литая лунница с узким корпусом, трехгранным в сечении. На рожках диски с красной эмалью и колечками вокруг них, В ушке несомкнутое колечко ([рис. 8](#), 10). — [[Самоквасов, 1915](#), с. 3—4; [Атлас...](#), табл. **1а**, **1**].
63. С. Москалевка Роменского р-на Сумской обл. В 1896 г. при постройке училища крестьянами был самовольно срыт курган окружностью 10 сажень, высотой 1. 5 сажени. В кургане на горизонте обнаружено два скелета. При них остатки рога — узкая бронзовая оковка рога и сильнопрофилированный бронзовый литой наконечник. Вещи были присланы в АК, откуда в 1898 г. были отосланы в МКУ для будущего КМДИ. Позже переданы в КИМ. — Рукоп. кат. АО КМДИ, №№ 1, 2; Архив ЛОИА, ф. 1, 1896 г., д. 165, л. 1-9, рис.; ф. 5, д. № 336, л. 304, рис.; Фотоархив ЛОИА, нег. I-20545; ОАК за 1896 г., с. 131, [рис. 475](#).
64. Роменский р-н Сумской обл., на берегу р. Сулы. При раскопках кургана «Долгая Могила» найдена «эмалированная фибула готского типа». — [Тр. **XI АС**, 1902, т. **II**, с. **82** (протоколы; сообщение **С. А. Мазараки** в прениях по докладу **В. И. Сизова** «Длинные курганы Смоленской губернии»); [Спицын, 19036](#), с. 178].
65. Близ с. Плютенцы Лубенского р-на Полтавской обл. 1) Браслет широкий, бронзовый, литой, ажурный, с эмалью. Колл. *Е. Н. Скаржинской*. Позже поступил в Полтавский земский музей. — Архив ЛОИА, ф. 5, д. 336, л. 301, рис.: [[Спицын, 19036](#), с. 178; [Макаренко, 1928](#), с. 97; [Рудинский, 1928](#), с. 54, 59, [рис. 2](#)]. 2) Браслеты бронзовые, литые — 2 экз. Концы утолщены и орнаментированы гравировкой ([рис. 12](#), 5, б). Собр. Полтавского историко-краеведческого музея. — Архив ИА АН УССР, ф. 7 (А. С. Федоровского), д. 5, л. 15, [рис. 144](#); [145](#).
66. Близ с. Колоберды Псрисяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. 1) Фибула круглая красной меди. На лицевой стороне вихревидная розетка; два лепестка заполнены красной и один — зеленой эмалью; в центре приподнятое круглое гнездо с синей эмалью; на обороте петля и держатель для иглы. В составе колл. *В. В. Хвойко* в 1896 г. демонстрировалась на выставке АК. В 1907 г. пожертвована *В. И. и Б. И. Ханенко* в КМДИ (ныне КИМ). Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 12941; Архив ЛОИА, ф. 1, 1896 г., д. 199, л. 99, фотогр.; ф. 5, д. 336, л. 341, рис.; Фотоархив ЛОИА, нег. III-6887; [[Хойновский, 1896](#), с. 168, № 865, табл. **XIX**, 865] (место находки — с. Липлява б. Переяславского уезда); ДП, 1901, табл. **XI**, 287; [[Спицын, 19036](#), с. 174, № 218, [рис. 217](#)]. 2) Лунница бронзовая, литая, с маленьким треугольным корпусом и сильно разбитой композицией на рожках, состоящей из ромба с шарами на углах; на главах бусинки. На корпусе и ромбах красная эмаль. В ушке несомкнутое колечко ([рис. 9](#), 2). В составе колл. *В. В. Хвойко* б 1896 г. демонстрировалась на выставке АК. В 1907 г. пожертвована *В. И. и Б. И. Ханенко* в КМДИ (ныне КИМ). Утрачена в 1941 — 1944 гг. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 13029; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12932; Архив ЛОИА, ф. 1, 1896 г., д. 199, л. 99, фотогр.: ф. 5, д. 336, л. 342, рис.; Фотоархив ЛОИА, нег. III-6887; [[Обозрение...](#), 1899, с. 265]; ДП, 1901, табл. **VIII**, 245; [[Артамонов, 1962](#), [рис. на с. 267](#)] (место находки — Пастерское — указано ошибочно). 3) Подвеска бронзовая, литая, квадратная, ажурная. На одном углу ушко, на трех остальных треугольные лопасти. В центре подвески в круглом гнезде красная эмаль ([рис. 12](#), 11). В составе колл. *В. В. Хвойко* в 1897 г. куплена АК и передана в КМДИ (ныне КИМ). Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 2894; Архив ЛОИА, ф. 5, д. 336, л. 341, 345, рис.
67. Близ с. Липлявы Каневского р-на Черкасской обл. 1) Фибула подковообразная, бронзовая, литая; дуга тонкая, круглая в сечении; на концах ее диски с красной эмалью (розетка из шести треугольников с точкой в центре) и пунктиром ([рис. 13](#), 5). В составе колл. *В. В. Хвойко* в 1897 г. куплена АК и передана в КМДИ (ныне КИМ). — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 2896; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936-1938 гг., № ас. 12952; Архив ЛОИА, ф. 1, 1896 г., д. 199, л. 99, 104, фотогр.; ф. 5, д. 336, л. 342, 343, рис. (место находки — с. Тростянец б. Каневского уезда); Фотоархив ЛОИА, нег. III-6887; [[Moora, 1938](#), **S. 118**]. 2) Фибула круглая, бронзовая, литая, ажурная, с красной и белой эмалью. Поля с эмалью перемежаются с ажурными перемычками. Собр. КИМ, колл. *В. В. Хвойко*. Утрачена в 1941— 1944 гг. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 17092; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936-1938 гг., № ас. 12966; ДП, 1907, табл. **XXI**, 347 (место находки — с. Черняхов б. Киевской губ.). 3) Лунница трехрогая, небольшая, бронзовая, литая, с желтой эмалью. На рожках диски, у каждого внизу треугольный выступ. Перемычки, соединяющие углы треугольников, фрагментированы ([рис. 8](#), 3). Собр. КИМ, дар *Б. И. Ханенко*. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 13023; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936-1938 гг., № ас. 12353; ДП, 1901, табл. **VIII**, 214; [[Макаренко, 1928](#), с. 92, [рис. 10](#)]. 4) Браслет медный, круглый, с расширенными концами. Приобретен в 1909 г. в с. Липлява б. Киевской губ. Поступил в АК, откуда передан в Археологический кабинет СПб. университета. — ОАК за 1909—1910 гг., с. 209
68. Близ г. Переяслава-Хмельницкого Киевской обл., в песках. Фрагментированная бронзовая литая лунница. Корпус треугольный, на рожке ромб с колечками по углам. Эмаль на корпусе и ромбе не сохранилась ([рис. 8](#), 13). Собр. КИМ, дар *Б. И. Ханенко*. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 13026; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936-1938 гг., № ас. 12350.
69. Переяслав-Хмельницкий р-н Киевской обл. Бронзовая литая фибула в виде двух сопоставленных треугольников с рубчатой перекладиной посредине. На треугольниках гнезда с красной эмалью. Один из треугольников с шипом. Собр. КИМ, дар *Б. И. Ханенко*. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 13041; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936-1938 гг., № ас. 12978; ДП, 1901, табл. **IX**, 199; [[Спицын, 19036](#), с. 174, [рис. 223](#)].

70. Близ с. Вишенки Козелецкого р-на Черниговской обл. (близ устья Десны). 1) Лунница бронзовая, литая, корпус треугольный. На рожках диск с секировидными отростками. На корпусе и дисках эмаль. Найдена на песчаных россыпях ([рис. 12, 10](#)). Собр. МКУ. - КВ XI АС, 1899, с. 83, № 152. 2) Лунница бронзовая, корпус дугообразный. На рожках диск с бусинками. На корпусе сверху два диска, под корпусом полукруглая дужка, с которой свисает третий диск с бусинкой внизу. На корпусе и дисках красная эмаль ([рис. 8, 5](#)). Собр. ГИМ, колл. Яновского. — Фотоархив ЛОИА, нег. III-8189, 8190; РИМ УЗ, с. 33, № 814; РИМ УП, с. 47, № 1121; [[Спицын, 19036, с. 174, рис. 224](#)]. 3) Звено цепи бронзовое, литое, в форме ромба; по углам петли, в одном из них проволочное кольцо. Поверхность расчерчена пересекающимися врезанными линиями. благородная коричневая патина ([рис. 11, 6](#)). Собр. ГИМ. — Фотоархив ЛОИА, нег. III-8189, 8190; РИМ УЗ, с. 33, № 815; РИМ УП, с. 47, № 1122; [[Спицын, 19036, с. 174, рис. 219. Общие сведения о находке у с. Вишенки см.: Обзорение..., 1895, с. 126](#)].

71. Урочище Куты, к северу от с. Килова Бориспольского р-на Киевской обл. На песчаной луговой террасе высохшего рукава Днепра. До 1960 г. Большая лунница (держатель цепи) бронзовая, литая, с остатками красной и зеленой эмали ([рис. 11, 8](#)). — [[Покровская, Юра, 1962, с. 92—93, рис.](#)]

72. Близ с. Староселья Козелецкого р-на Черниговской обл. на урочище Гористое. Разведочные работы 1947 г. Бронзовый литой браслет с расширенными круглыми в сечении концами, орнаментированными несколькими каемками с косой штриховкой. — [[Лінка, 1952, с. 45, табл. III, 7](#)].

73. Близ с. Жукина Козелецкого р-на Черниговской обл. До 1906 г. 1) Венчик из широкой бронзовой позолоченной пластины с тисненым орнаментом из концентрических колец, полушарий, дужек, валиков и волнистых рубчиков. На суженных концах диски с выгравированным орнаментом в виде встречных дужек и колечек. Концы, загнутые крючком, служат в качестве застежки венчика. Починен в древности. Длина 42 см. — ДП, 1907, табл. XXXII, 538. 2) Ожерелье бронзовое. Основу его составляет толстая проволока с замком в виде кольца и крючка с диском на конце. На проволоку нанизаны шесть крестовидных бронзовых литых подвесок и разделяющие их бронзовые спиральки. На подвесках грубые изображения свастик и крестов и кольцевая рамка, подражающая скани. На замочном диске такой же крестик. Диаметр 13 см. — ДП, 1907, табл. XXXII, 539. 3) Ожерелье или венчик из бронзовой позолоченной проволоки, волнисто изогнутой. Длина 41 см. — ДП, 1907, табл. XXXII, 515. 4) Фибула треугольная, из бронзовой позолоченной пластины, с гравированным и тисненым орнаментом из концентрических колец и валиков. Длина 12. 5 см. — ДП, 1907, табл. XXXI, 537. 5) Браслеты бронзовые, литые, несомкнутые — 2 экз. На концах гребешки. Наружная поверхность браслетов покрыта мелкой нарезкой. Диаметр 7 см. - ДП, 1907, табл. XXXII, 540, 541. Характер комплекса не совсем ясен. Судя по записи в Рукоп. кат. АО КМДИ, вещи найдены во время археологических работ *В. В. Хвойко* близ с. Жукина и составляли инвентарь разрушенного погребения (сожжения). Запись эта, однако, сделана через много лет после находки вещей — в феврале 1922 г. В 1906 г. в районе с. Жукина побывал *Н. Е. Макаренко*, он хотел осмотреть место находки вещей. Однако двухдневные поиски могильника и распросы жителей ничего не дали. Макаренко ничего не пишет о раскопках Хвойко. Он указывает, что сведения о жукинской находке получены им от *Б. И. Ханенко*, в коллекции которого находились жукинские вещи, и что в КМДИ (ныне КИМ) передал их Ханенко. Поскольку *Н. Е. Макаренко* искал могильник, следует думать, что запись в Рукоп. кат. АО КМДИ содержит правильные данные. Жукинские вещи могут составлять инвентарь сожжения, а Хвойко мог найденные им вещи продать Ханенко. — Рукоп. кат. АО КМДИ, №№ 22418 — 22423 (запись сделана в феврале 1922 г.); [[Макаренко, 1907, с. 49—50; 1928, с. 98—99](#)]; ДП, 1907, табл. XXXI, 537, 538; XXXII, 515, 539-541; [[Niederle, 1913, obr. 79, s. 541; Даниленко, 1953, с. 205](#)].

74. Близ с. Старогородки Козелецкого р-на Черниговской обл. Треугольная бронзовая грубой отливки ажурная фибула с красной эмалью ([рис. 5, 8](#)). Колл. *В. В. Хвойко*. В 1907 г. поступила в ГИМ (№ 44202). - Архив ЛОИА, ф. 1, 1900 г., д. 20, л. 10, № 2545; ДП, 1907, табл. XXI, 348; [[Tallgren, 1937, p. 148](#)].

75. Близ с. Шестовицы Черниговского р-на и обл. Городище X—XI вв. (урочище Коровень). Бронзовые литые браслеты с расширенными концами, орнаментированы косыми пересекающимися линиями — 2 экз. Собр. Черниговского музея. — Архив ЛОИА, ф. 5, д. 334, л. 114, рис. — [[Черниговский соединенный исторический музей..., с. 10, № 189 \(ошибка, следует читать «109»\); Спицын, 1928а, с. 493; Попко, 1971, с. 134](#)].

76. Урочище Татарская Горка на берегу р. Десны против г. Чернигова (песчаные россыпи). Фрагмент бронзовой литой треугольной ажурной фибулы. Эмали нет ([рис. 6, 5](#)). — [[Шугаевский, 1911, с. 247, 252-253; Tallgren, 1937, p. 150, fig. 1](#)].

77. Близ д. Горицы Черниговского р-на и обл. на правом берегу р. Десны. Между 1910 и 1924 г. 1) Фрагмент широкого бронзового литого браслета. 2) Лунница бронзовая, литая, треугольная, с двумя просветами в корпусе. На рожках диски с секировидными отростками. На дисках зеленая эмаль ([рис. 9, 13](#)). 3) Подвеска крестообразная, бронзовая, литая, с красной эмалью в перекрестии ([рис. 10, 3](#)). 4) Подвеска ромбическая, бронзовая, литая, ажурная. В центре ажурный крестик; по углам ромба треугольные лопасти и ушко ([рис. 10, 1](#)). Собр. Черниговского музея. — [[Tallgren, 1937, p. 150, fig. 7, 5](#)].

78. Близ г. Борзны Черниговской обл. Клад (?). 1) Фибулы треугольные, бронзовые, литые, ажурные, с красной эмалью — 1 пара ([рис. 1, 1, 2](#)). 2) Ожерелье, в которое входят: а) лунницы трехрогие, бронзовые, литые, с красной эмалью — 3 экз.; подвешены за проволочные колечки к цепи ([рис. 1, 3а—3в](#)); б) цепь, составленная из двух продолговатых профилированных бронзовых литых звеньев с синей эмалью и двух пластинчатых бронзовых длинных петель по концам, с заклепками ([рис. 1, 3г—3ж](#)). Около 1900 г. *В. Б. Антонович* получил вещи в подарок от

И. И. Белозерского. В 1927 г. они находились в собственности *Е. Н. Мельник*. Местонахождение их в настоящее время неизвестно. — [Макаренко, 1928, с. 80 и след., табл. I—III; Tallgren, 1937, p. 148].

79. Близ хут. Прогоны Сосницкого р-на Черниговской обл., на левом берегу р. Убеда, в песках. 1941 г. Бронзовая литая крестообразная подвеска с красной эмалью (рис. 10, б). Собр. Сосницкого историко-краеведческого музея. — [Виноградский, 1955, с. 92, рис. 2, 3; Виноградский, Лавьюк, 1959, с. 98]. Дополнительные сведения об условиях находки подвески любезно сообщены мне *И. И. Ляпушкиным* со слов учителя школы хут. Прогоны *И. И. Артеменко*. Публикуемый рисунок сделан по зарисовке с натуры *Л. С. Кухаревой*.

80. Урочище Гай близ с. Радичева Кролевецкого р-на Сумской обл. Раскопки В. Сахновского, 1924 г. Курган. 1) Фибулы перекладчатые, бронзовые, литые — 1 пара; одна из них с желтой эмалью (рис. 3, 1). — [Tallgren, 1937, fig. 2; Рыбаков, 19486, рис. 6, 2]. 2) Звенья цепи бронзовые, литые, прямоугольные, ажурные, с красной эмалью — 2 экз. (рис. 3, 3); [Tallgren, 1937, fig. 4; Рыбаков, 19486, рис. 6, 2; Рыбаков, 1951, рис. 192, 2; Рыбаков, 1953, рис. на с. 50]. 3) Цепь из бронзовых пластинчатых рубчатых звеньев — небольшой фрагмент (№№ 2, 3 относятся к одному украшению) (рис. 3, 2). — [Tallgren, 1937, fig. 6]. Собр. Новгород-Северского музея. — [Tallgren, 1937, p. 150-152, fig. 2, 4, 6; Рыбаков, 19486, с. 55, примеч. 39, рис. 6, 2; Рыбаков, 1951, с. 397, рис. 192, 2; 1953, рис. на с. 50].

81. Близ с. Мамекино Новгород-Северского р-на Черниговской обл. «На песчаной горе». До 1910 г. Клад состоит из трех серебряных шейных гривен. Сохранилась одна с замком в виде крючка и петли. Поверхность гривны фасетирована; грани ромбические, длинные, мягко переходящие одна в другую (рис. 3, 4). Гривна приобретена *Д. Я. Самоквасовым* и 12 января 1910 г. передана в ГИМ. — Отчет РИМ, с. 7; [Самоквасов, 1916, с. 41, рис. 14].

82. Между селами Кветунь и Макорзно (урочище Дуня) Трубчевского р-на Брянской обл., в 10 км ниже г. Трубчевска по р. Десне. 1957 г. при исследовании *Л. В. Артишевской* могильника с сожжениями, датированного автором V—VII вв., найдены следующие вещи. 1) Фибула бронзовая, перекладчатая, небольшая, без эмали, с фрагментированными дисками по концам перекладин и с большим диском на длинной шейке внизу. Игла без пружины. Найдена в кургане III (рис. 6, 10). 2) Фрагмент (нижняя треть) аналогичной фибулы. Найдена в кургане I (рис. 6, 9). 3) Накладка или маленькая бронзовая крестчатая фибула с красной эмалью в ромбическом гнезде. На обороте у края одного из концов два шпенька, возможно, остатки основания иглы; у края противоположного конца след от отломанного приемника иглы (?). Найдена в кургане 12 (рис. 6, 8а, 8б). — [Артишевская, 1963, с. 91, 94-95, рис. 6, 3, 5, 6].

83. Пос. Глажево Трубчевского р-на Брянской обл., в размыве ручья на правом берегу р. Навли в 15 км от ее впадения в р. Десну (в 40 км к северо-востоку от г. Трубчевска). 1936 г. На огородах, на глубине 1. 5 м, в культурном слое (селище) найден клад? 1) Фибула перекладчатая, бронзовая, литая, с остатками светлой эмали (рис. 2, 1). — [Tallgren, 1937, fig. 3, 2]. 2) Фибулы подковообразные, бронзовые, литые, с красной эмалью — 2 экз. Диски соединены дужкой, на которой сохранился обрывок цепочки из проволочных звеньев (рис. 2, 2). — Ibid., fig. 5. 3) Браслеты бронзовые — 3 экз. 4) Гривны шейные бронзовые — 3 экз. 5) Бубенчик бронзовый. Доставлены краеведом *А. М. Романовым* в Смоленский музей. — Ibid., p. 152, fig. 3, 5; [Археологические исследования..., с. 39].

84. Близ д. Козловки Трубчевского р-на Брянской обл., расположенной на речке, впадающей в р. Десну. Небольшая гривна, сделанная из толстого медного прута, утолщенного в средней части и обтянутого серебром. Замок в две петли. По обеим сторонам замка серебряные бусины, между ними проволочная обмотка. Поломана (рис. 2, 3). Собр. ГИМ, № 78607 (8708). - РИМ УП, с. 154, №№ 1120-1121.

85. Близ с. Верхняя Злобинка Мглинского р-на Брянской обл. 1903 г. При рытье пруда на болоте на глубине 2 аршин найден клад, в состав которого входит пять браслетов желтой меди, литых, с расширенными концами, круглыми в сечении, орнаментированными косыми перекрещивающимися линиями. Клад поступил в АК и в 1906 г. был передан в ГИМ (№ 43939). - Архив ЛОИА, ф. 1, 1903 г., д. 227; ф. 5, д. 334, л. 116, 118, рис.; Фотоархив ЛОИА, нег. II-27836; ОАК за 1903 г., с. 144, рис. 277, 278; [Спицын, 1928а, с. 493].

86. В пределах Среднего Поднепровья в разное время найдены следующие вещи, место находки которых точно не установлено. 1) Фибула сильнопрофилированная, бронзовая, литая, «нижняя часть профилирована, с двумя выступами». Длина 7. 6 см. Собр. КИМ. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936-1938 гг., № ас. 12975. 2) Фрагмент (верхняя часть) сильнопрофилированной бронзовой литой фибулы. В треугольном и круглом углублениях красная эмаль. Погнут (рис. 4, 5). Колл. *Ф. Ф. Кундеревича*. Позже поступил в КИМ. Утрачен в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. колл. *Ф. Ф. Кундеревича*, № VI-10; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12989; [Tallgren, 1937, fig. 8, 3]. 3) Фибула перекладчатая, бронзовая, литая; в верхней части три дырочки; низ обломан (рис. 4, 7). Колл. *В. В. Хвойко*. В 1897 г. была на выставке в АК. Местонахождение фибулы неизвестно. — Архив ЛОИА, ф. 1, 1896 г., д. 199, л. 99, фотогр.; Фотоархив ЛОИА, нег. III-6887. 4) Фрагмент треугольной бронзовой литой ажурной фибулы с остатками красной эмали. Длина фрагмента 7. 6 см. Колл. *Ф. Ф. Кундеревича*. Позже поступил в КИМ. Утрачен в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. колл. *Ф. Ф. Кундеревича*, № VI-19; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12981. 5) Фибула подковообразная; дужка тонкая, по концам диски без эмали (рис. 7, 1). Собр. Британского музея в Лондоне. — BM, p. 172, fig. 229. 6) Фибула подковообразная, бронзовая, литая, большая, с широким уплощенным ободом. На концах обода крупные диски с четырьмя сегментами на каждом, заполненными красной и синей эмалью. Посредине обода незначительное расширение с двумя круглыми выступами, а также круглыми и треугольными углублениями для эмали. Найдена в б. Киевской губ. (рис. 7, 10). Собр. КИМ, дар *Б. И.*

Ханенко. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. АО КМДИ, №№ 12952, 31438 (заинвентаризована дважды); Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12356; ДП, 1901, табл. XI, 279; [Спицын, 19036, с. 174, рис. 226; Моога, 1938, S. 225]. 7) Фибула подковообразная, бронзовая, литая; обод «профилированный» (трехгранный в сечении?); посредине его прямоугольное поле с красной эмалью; на концах кружки также с красной эмалью в круглых углублениях. Диаметр б. 1 см. Собр. КИМ. Утрачена в 1941—1944 г. — Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12953. 8) Фибула подковообразная, бронзовая, литая; на концах дужки диски, орнаментированные полукругами и крестиками. Собр. КИМ, колл. Б. И. Ханенко. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 31471. 8а) Фибула подковообразная, бронзовая, литая; обод трехгранный в сечении, на концах его диски, посредине

прямоугольное поле с секировидным выступом; два таких же выступа на ободе. На дисках, прямоугольном поле и секировидных выступах красная эмаль. Собр. колл. И. А. Хойновского, № 33023. 9) Фибула круглая, бронзовая, литая, ажурная, с крестообразной композицией и красной эмалью, в которую инкрустированы кусочки эмали желтой и зеленоватой. Собр. Гос. археологического музея в Варшаве, колл. И. А. Хойновского, № 33024. — [Gloger, 1943, S. 156, Abb. 55] (место находки не установлено). 10) Лунница бронзовая, литая, с треугольным корпусом. На рожках диска с секировидными отростками. На корпусе и дисках гнезда со следами красной эмали. Найдена в Киевской обл. (рис. 8, 16). Собр. Британского музея в Лондоне. — ВМ, р. 172, fig. 229. 11) Лунница бронзовая, литая, с треугольным корпусом и крестчатыми концами. На корпусе и в дисках на рожках красная эмаль. Найдена в пределах бывших Васильковского, Каневского или Черкасского уездов Киевской губ. (рис. 9, 7). Собр. КИМ, дар. Б. И. Ханенко. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 13012; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12950; ДП, 1901, табл. VIII, 258. 12) Лунница бронзовая, литая, с треугольным корпусом. На рожках диски с шариками по краю. На корпусе и дисках в углублениях остатки эмали. Найдена в пределах бывших Васильковского, Каневского или Черкасского уездов Киевской губ. (таб. 9, 9). Собр. КИМ. Утрачена в 1941—1944 гг. — Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12930; ДП, 1901, табл. VIII, 255. 13) Лунница бронзовая, литая, с треугольным корпусом. На рожках диски с секировидными отростками. На корпусе и дисках красная эмаль. Найдена в пределах бывших Васильковского, Каневского или Черкасского уездов Киевской губ. (рис. 9, 14). Собр. КИМ. — ДП, 1901, табл. VIII, 250; [Артамонов, 1962, рис. на с. 267] (место находки — Пастерское — указано ошибочно). 14) Лунница бронзовая, литая, с миниатюрным треугольным корпусом и несколько грузной для него композицией на рожках, которая состоит из колечка и трех дисков вокруг кольца. На дисках и корпусе красная эмаль (рис. 8, 15). Колл. А. А. Бобринского. Местонахождение лунницы неизвестно. — [Кондаков, 1892, с. 30, примеч. 3, табл. 24, 4]. 15) Лунница бронзовая, литая, с крестчатыми концами и следами желтой эмали в углублениях (рис. 13, 1). Собр. МКДА. Позже передана в КИМ. — Рукоп. кат. АО КМДИ 1936—1938 гг., № ас. 12348; [Петров, 1915, табл. VII, 6]. 16) Лунница бронзовая, литая, с дугообразным корпусом. Вокруг дисков на рожках несколько громоздкая композиция — по три таких же крупных диска с шариками по краям; в центре каждого диска круглое поле. На корпусе и на дисках плохо сохранившаяся бледно-голубая или зеленоватая эмаль. Собр. Гос. археологического музея в Варшаве, колл. И. А. Хойновского, № 32763. 17) Лунница бронзовая, литая, с треугольным корпусом. На рожках диски с круглыми гнездами, по краям дисков колечки. На корпусе и на дисках красная эмаль. Увеличение сделано с фотографии, на которой размер лунницы равен 2 мм. Колл. В. В. Хвойко. В 1896 г. была на выставке в АК. Местонахождение лунницы неизвестно (рис. 8, 11). — Архив ЛОИА, ф. 1, 1896 г., д. 199, л. 99, фотогр.; Фотоархив ЛОИА, нег. III-6887. 18) Лунница бронзовая, литая, корпус треугольный, с сильно вогнутым основанием и гнездом красной эмали. На рожках ромбики с гнездом красной эмали и колечками по углам. Собр. Гос. археологического музея в Варшаве, колл. И. А. Хойновского, № 33133/2. 19) Подвеска, отлитая из светлого сплава вместе с ушком, круглая, с фестончатым краем и центрическим орнаментом. В углублениях следы синей эмали (рис. 11, 3). — ДП, 1901, табл. XIV, 292; [Спицын, 19036, рис. 200]. 20) Лунница бронзовая, литая, с треугольным корпусом и гнездом с красной эмалью на нем. На рожках ромбики с крестчатыми отростками по углам и гнездом с бледно-голубой эмалью. Собр. Гос. археологического музея в Варшаве, колл. И. А. Хойновского, № 33134/2. 21) Накладка (?) бронзовая, литая. В центре кружок с эмалью, по сторонам его рожки, заканчивающиеся кружками с красной эмалью. Найдена в пределах бывших Васильковского, Каневского или Черкасского уездов Киевской губ. (рис. 10, 7). — ДП, 1901, табл. VIII, 249; [Спицын, 19036, с. 174, рис. 208]. 22) Накладка бронзовая, литая, в виде крестика, с красной эмалью. На обороте четыре загнутых острия. Благородная зеленая патина (рис. 10, 8). Колл. Б. И. Ханенко. Позже поступила в КИМ. 23а) Поделка неизвестного назначения (застежка? подвеска?), круглая, бронзовая, литая, ажурная. Середина диска выделена каемкой из мелких ромбиков, выбитых пуансоном. Внутри оконтуренного ею круга композиция из квадратного гнезда в самом центре и четырех треугольных гнезд вокруг него, заполненных красной эмалью; между треугольниками круглые сквозные отверстия. По краю диска крест-накрест расположены четыре отростка, из них один толстый, массивный, загнутый крючком к обратной стороне диска и три треугольных, ажурных (один погнут и поломан). Собр. Гос. археологического музея в Варшаве, колл. И. А. Хойновского, № 33133/3. 23б) Поделка неизвестного назначения (звено цепи?), бронзовая, литая. Основу составляет массивный, слегка выгнутый диск с круглым гнездом в центре. В стороны расходятся крест-накрест расположенные две короткие петли (?) и два секировидных выступа с треугольными гнездами. В гнездах эмаль красная и светло-зеленая. Собр. Гос. археологического музея в Варшаве, колл. И. А. Хойновского, № 33134/1. 24) Фрагмент бронзового круглого (?) пластинчатого украшения, орнаментирован крупными тисненными полушариями и точками. Благородная зеленая патина. Собр. КИМ. 25) Перстень бронзовый, литой, с эмалью в центре крестообразного щитка. Найден в б. Киевской губ. (рис. 11, 4). — ДП, 1901, табл. VII, 219; [Спицын, 19036, с. 174—175, рис. 229]. 26) Перстень бронзовый, литой. Щиток ромбический, ажурный, с рубчатыми гребешками по углам. Найден в б. Киевской губ. (рис. 11, 5). — ДП, 1901, табл. VII, 218; [Спицын, 19036, с. 174—176, рис. 231]. 27) Фибула двупластинчатая, литая. Верхний щиток полукруглый, со срезанными углами; нижний — продолговатый, пятиугольный. Собр. КИМ. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 17272; Рукоп. кат. ОСПК КИМ 1936—1938 гг., № ас. 12322. 28) Фибула двупластинчатая, бронзовая, литая. Щитки ромбические, близкие к овалу, гладкие; один несколько уже и длиннее другого. По углам щитков округлые выступы. Дужка узкая. Найдена в бывших Черкасском или Чигиринском уездах Киевской губ. Доставлена А. А. Бобринским в 1909 г. в АК, откуда передана в КМДИ (ныне КИМ). — Рукоп. кат. АО КИМ, № 15479; Архив

ЛОИА, ф. 1, 1908 г., д. 91, л. 90, 144, фотогр.; ф. 5, д. 334, л. 51, рис.; Фотоархив ЛОИА, нег. III-11604; ОАК за 1909—1910 гг., с. 187, 256; ИАК, 1911, с. 58, [рис. 41](#). 29) Фибула двупластинчатая, литая. Верхний щиток полукруглый, нижний — пятиугольный, с обломанным низом. Фибула не обработана после отливки — не убран металл, застывший в литнике (над верхним щитком). Собр. КИМ. 30) Фибула двупластинчатая, бронзовая, литая. Верхний щиток треугольный, нижний — пятиугольный, дужка длинная. Найдена в бывших Каневском или Васильковском уездах Киевской губ. Собр. КИМ. — Рукоп. кат. АО КМДИ, № 31456; ДП, 1901, табл. IV, 217; [Arne, 1920, s. 76, fig. 11 (место находки — г. Канев); [Калитинский, 1928](#), табл. XXXVIII, 72, 73] (ошибочно одна и та же фибула принята за две разных; места находки — г. Канев и б. Киевская губ.). 31) Фибула бронзовая, литая, с сильно выгнутой дужкой, прямоугольной в сечении. Нижний щиток трапецевидный, верхний — округло-прямоугольный с профилированной кнопкой на верхнем его краю; две такие же кнопки по концам стержня для пружинок. Найдена в пределах бывших Черкасского или Чигиринского уездов Киевской губ. Куплена А. А. Бобринским в 1909 г. и доставлена в АК, откуда в 1910 г. передана в КМДИ (ныне КИМ). — Архив ЛОИА, ф. 5, д. 334, л. 51, рис.; Фотоархив ЛОИА, нег. III-11604; ОАК за 1909-1910 гг., с. 187; ИАК, 1911, с. 54, № 31, [рис. 16](#); [Arne, 1920, fig. 34]. 32) Фибула бронзовая, литая, с сильно выгнутой фасетированной дужкой. Нижний щиток секировидный с орнаментом из дужек, выбитых пуансоном. Верхний щиток утрачен. В 1903 г. в составе вещей, собранных крестьянином Е. Харченко в основном в низовьях р. Роси в б. Каневском уезде, а также отчасти в б. Переяславском уезде, поступила в АК, откуда была передана в КМДИ (ныне КИМ). — Архив ЛОИА, ф. 5, д. 329, л. 174., рис.; ОАК за 1903 г., с. 145—146., [рис. 283](#). 33) Фибула бронзовая, литая, с тремя пальцами на верхнем щитке, орнаментированная крупными кружками. Собр. Британского музея в Лондоне. — BM, fig. 230 (место находки — Киевская обл.).

ПЕРЕЧЕНЬ ИЗДЕЛИЙ С ЭМАЛЯМИ, НАЙДЕННЫХ ВНЕ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

87. Д. Христова Рославльского р-на Смоленской обл. Случайная находка при земляных работах на территории курганной группы XI—XII вв. Фрагмент бронзовой ажурной треугольной фибулы, эмаль оранжевая ([рис. 14](#), 7). Место хранения неизвестно. — [[Ляўданскі, 1932](#), с. 16, табл. VI, 8].

88. Д. Иванковичи Брянского р-на и обл. Случайная находка, 1896 г. Пара треугольных бронзовых фибул с треугольным концом и красной эмалью. Собр. Орловского обл. краеведческого музея.

89. Орловская обл. (?). Случайная находка. Большая бронзовая литая трехрогая лунница-подвеска. Эмаль в гнездах не сохранилась. Ушко починено в древности. Поступила в собр. Орловского обл. краеведческого музея в 1965 г. — [[Фролов, 1969б](#), с. 37—42, [рис. 19](#)].

90. Д. Мощина Мосальского р-на Калужской обл. Раскопки *Н. И. Булычева* на городище, 1888 г. Под валом — большой клад вещей с эмалью и без эмали ([рис. 17-21](#); 30, 4). Собр. ГИМ. — Архив ЛОИА, ф. 1, 1889 г., д. 59, л. 7; ОАК за 1889 г., с. 88, [рис. 30](#); КВ VIII АС, 1890, зала 8, с. 92-94, №№ 1-27; [[Толстой, Кондаков, 1890](#), с. 152—154, [рис. 182](#); [Вауе, 1891](#); [Кондаков, 1892](#), с. 32, [рис. 4](#)]; РИМ УП, с. 594; [[Булычев, 1899](#), с. 15—21, табл. VIII—XIII; [Спицын, 1903а](#), с. 123-124, № 13; [Спицын, 1903б](#), с. 178—180, [рис. 244—276](#); [Hackman, 1912](#), S. 217, 219, Abb. 30, 36, 37; [Niederle, 1913](#), tab. XXVII, 7; [Niederle, 1921](#), obr. 77, 4, 7; [Макаренко, 1928](#), с. 87—90; [Рыбаков, 1953](#), с. 47—50; [Третьяков, 1953](#), с. 127—129, [рис. 32](#)].

91. Городище Дуна близ г. Чекалина (б. Лихвина) Тульской обл. Раскопки *Ю. Г. Гендуне*, 1899 г. 1) Фибула бронзовая, перекладчатая, с красной эмалью ([рис. 15](#), 3). 2) Перстень бронзовый, литой, без эмали ([рис. 14](#), 9). Собр. ГЭ. — Архив ЛОИА, ф. 1, 1899 г., д. 51, л. 21, № 169; л. 7, фотогр.; [[Гендуне, 1903](#), табл. II, 3; III, 9; [Спицын, 1903б](#), [рис. 228](#); [Спицын, 1903а](#), с. 115-118, № 6, [рис. 78](#)].

92. Д. Федяшева Белевского р-на Тульской обл. Случайная находка на городище, 1890 г. Перекладчатая фибула с красной эмалью ([рис. 15](#), 1). Собр. ГИМ. — [[Городцов, 1898](#), с. 220].

93. Д. Щепилово Ленинского р-на Тульской обл. Раскопки *С. А. Изюмовой*, 1951 и 1952 гг. На городище. Лунницы — 2 экз., одна из них с красной эмалью ([рис. 14](#), 3, 5). Собр. ГИМ. — [[Изюмова, 1953](#), с. 76, [рис. 27, 5](#); [Изюмова, 1958](#), с. 203, [рис. 1](#)].

94. Огубское городище Малоарославецкого р-на Калужской обл. Раскопки *В. А. Городцова*, 1923 г. 1) Звено цепи межигорского типа с красной эмалью ([рис. 15](#), 2). 2) Лунница (?) маленькая с эмалью ([рис. 14](#), 6). 3) Пластина желтой меди с фигурами женщин, без эмали ([рис. 15](#), 4). Собр. ГИМ. — [[Городцов, 1926](#), с. 121, 122, 124] (указание автора на находку на городище фрагмента треугольной фибулы с эмалью сомнительно; по-видимому, за фрагмент фибулы была принята лунница).

95. Калужская обл. (?). Случайная находка (?). Фибула подковообразная, с эмалью. Прежде колл. (Ф. ?) Беляева в собр. Румянцевского музея в Москве; ныне место хранения неизвестно. — [[Висковатов, 1891](#), с. 203].

96. Городище Кузнечики Подольского р-на Московской обл., в 3 км от г. Подольска, бассейн р. Мочи, правого притока р. Пахры. Раскопки *А. Ф. Дубынина*, 1965 г. Фибула подковообразная, бронзовая, литая, небольшая, со

сравнительно широким двускатным ободом. По концам диски с эмалью, посередине прямоугольное поле, также с эмалью. — [Дубынин, Беленькая, Юшко, 1966, с. 37, [рис. 3](#)].

97. С. Борисоглебское Подольского р-на Московской обл. Городище дьякова типа, в 2 км к востоку от Подольска, на правом берегу р. Пахры, притока р. Москвы. Шурфовка и сбор подъемного материала в 1964 г. Нагрудная подвеска с колокольчиками (Р. Л. Розенфельдт), по форме близкая треугольным фибулам с выемчатой эмалью, но выполненная в технике ложной зерни и витой проволоки. — [Розенфельдт, 1972, с. 197, [рис. 2, 3](#)].

98. Г. Щербинка Подольского р-на Московской обл. Городище дьякова типа, в 5 км к востоку от Подольска, на правом берегу р. Пахры, при впадении в нее р. Конапелки. Раскопки И. Г. Розенфельдта. 1) Верхняя часть бронзовой литой треугольной фибулы с красной эмалью (по Р. Л. Розенфельдту — звено цепи от ритона), находка 1967 г. 2) Подвеска бронзовая, типа трехрогой лунницы, орнаментированная проволочными каемками, находка 1961 г. 3) Подвеска бронзовая, литая, в виде четырехгранной пирамидки, находка 1961 г. — [Розенфельдт, 1964, с. 169, 175, 176, [рис. 4, 1, 7](#); Розенфельдт, 1972, с. 197, [рис. 2, 9](#)].

99. С. Троица Можайского р-на Московской обл. Раскопки А. Ф. Дубынина, 1956—1960 гг. Городище дьякова типа на правом берегу р. Москвы, в 17 км выше Можайска. 1) Подвеска бронзовая, типа трехрогих лунниц, орнаментированная полосками и колечками из витой проволоки; находка 1959 г. во рву

городища. 2) Подвески бронзовые в виде четырехгранных пирамидок — 3 экз. — [Дубынин, 1964, с. 191, [рис. 11, 2](#); Дубынин, 1970, с. 33, [табл. 18, 2](#); с. 78, [табл. 17, 16—18](#); Смирнов, 1970, с. 186].

100. С. Дьяково Московского р-на и обл. Раскопки Д. Я. Самоквасова, 1870-е годы. На городище. Большая бронзовая подковообразная фибула; эмаль утрачена ([рис. 16, 4](#)). Собр. ГИМ. — [Сизов, 1897а, [табл. XXVIIа, 1](#); Сизов, 1897б, с. 195; Спицын, 1903а, с. 130, [рис. 106, 1](#)].

101. С. Кузьминское Рязанского р-на и обл. Раскопки А. И. Черепнина, 1894 г. Грунтовой могильник, погребение № 21, женское. У правого плеча — бронзовая небольшая подковообразная фибула со следами красной и белой эмали ([рис. 16, 3](#)). Собр. ГИМ. - Архив ЛОИА, ф. 1, 1893 г., д. 143, л. 54; [Черепнин, 1897, с. 259; Спицын, 1901, с. 39, 90, [табл. XV, 5](#); Спицын, 1903б, [рис. 284](#); Niederle, 1913, [tab. XXII. 9; III, 1](#); Niederle, 1921, [obr. 77, 9](#)].

102. Старая Рязань Спасского р-на Рязанской обл., городище на правом берегу Оки. Раскопки А. Л. Монгайта, 1967 г. Землянка XII в. Большая бронзовая литая трехрогая лунница-подвеска с голубой и красной эмалью. Собр. Рязанского обл. краеведческого музея. — [Даркевич и др., 1968, с. 59].

103. Д. Тихий Уголок Моршанского р-на Тамбовской обл. Случайная находка. Большая бронзовая двурогая лунница, эмаль утрачена ([рис. 22, 2](#)). Собр. Моршанского краеведческого музея. — Материалы..., 1952, с. 9. Публикуемый рисунок лунницы любезно прислан директором Моршанского краеведческого музея П. В. Кобзаевой.

104. С. Кошибеево Касимовского р-на Рязанской обл. Раскопки В. Н. Глазова, 1902 г. Грунтовой могильник, погребение № 66, женское. Бронзовая шейная гривна, замок литой, ромбический, с красной эмалью ([рис. 22, 8](#)). Собр. ГИМ. — Архив ЛОИА, ф. 1, 1902 г., д. 91, л. 45 об., фотогр.; ОАК за 1902 г., с. 110—111; [Спицын, 1903б, [рис. 277](#)].

105. Г. Муром Владимирской обл. Случайная находка на территории финского могильника «у кирпичных сараев». Фибула подковообразная, бронзовая, с красной и желтой эмалью и со следами пребывания в огне ([рис. 16, 1](#)). Найдена между 1856 и 1869 гг., когда образовалась коллекция купца Ф. Д. Зворыкина, в состав которой она входила. В 1874 г. коллекция поступила в МАО, откуда фибула до 1883 г. была передана в ГИМ. — [Aspelin, 1875, s. 267, [fig. 219](#); 1878, s. 188, [fig. 873](#); Древности, 1876, [протоколы, с. 2](#)]; РИМ УЗ, с. 42, № 18; [Висковатов, 1891, с. 203; Покровский, 1892, [пояснение к табл. IV, примеч. 13](#); Толстой, Кондаков, 1897, с. 90—91, [рис. 114](#)]; РИМ УП, с. 298, № 610; [Спицын, 1901, с. 52, [табл. XXIX, 11](#); Спицын, 1903а, [рис. 278](#); Hackman, 1912, S. 217, [Abb. 23](#); Hjärne, 1917, s. 157, [fig. 3](#)].

106. Д. Грехов Ручей Угличского р-на Ярославской обл. Раскопки П. Н. Третьякова, 1935 г. Поселение. Фибула подковообразная, большая, бронзовая, с красной эмалью ([рис. 16, 5](#)). — [Третьяков, 1941а, с. 34-35, 44, 112, [рис. 13, 4](#); Третьяков, 1953, [рис. 33](#)].

107. Д. Кирьянова Угличского р-на Ярославской обл. Раскопки А. И. Кельсиева, 1878 г. Курганный могильник XI в. на месте более древнего поселения; погребение № 23, женское. На поясе бронзовая подковообразная пряжка с блестящей зеленой натиной; в углублениях незначительные следы бесцветной эмали ([рис. 16, 2](#)). Собр. ГИМ. — [Антропологическая выставка..., 1878, с. 299; 1879, с. 55] (план Кирьяновской курганной группы); РИМ УП, с. 217—218; [Спицын, 1903а, с. 139, № 45; Спицын, 1903б, с. 182, [рис. 281](#); Hackman, 1912, S. 224, [Abb. 33](#); Моора, 1934, S. 80; Третьяков, 1941а, с. 80, [рис. 46, Б](#); Третьяков, 1947, с. 62].

108. Д. Березняки Рыбинского р-на Ярославской обл., урочище Кругляки, поселение в устье р. Сонохты у с. Воскресенье. Раскопки А. А. Спицына, 1903 г., и И. Н. Третьякова, 1934—1935 гг. Укрепленное поселение V—VI вв. 1)

Фрагмент круглой ажурной фибулы с красной и зеленой эмалью и напаянными дисками (рис. 14, 13). 2) Фрагмент (нижний треугольник) фибулы со следами красной эмали (рис. 14, 8а–8г). — Архив ЛОИА, ф. 1, 1903 г., д. 70; Фотоархив ЛОИА, нег. II-18765; ОАК за 1903 г., с. 124; [Спицын, 1904, с. 76, рис. 14; Третьяков, 1941а, с. 80, 136, 137, рис. 37, 4; 46, Б]. Собр. Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника и ГЭ.

109. Поселение Усть-Царевское при впадении р. Царевой в р. Сухону, Тотемский р-н Вологодской обл. Раскопки Н. А. Черницына, 1928 г. Подковообразная пряжка низкопробного серебра грубой отливки, с углублениями, но без следов эмали на них (рис. 16, б). — Архив ЛОИА, ф. 2, 1929 г., д. 142., рис.

110. Д. Плѣс Чердынского р-на Пермской обл., правый берег р. Камы. 70-е годы XIX в. Клад вещей ломоватовской культуры VI—VIII вв., среди них бронзовая литая фибула с остатками шумящих подвесок и следами эмали в гнездах (рис. 22, 3). — [Спицын, 1902, с. 26, табл. IV, 1; Hackman, 1912, S. 323, Abb. 43; Arne, 1920, fig. 32; Талицкая, 1952, с. 183—184, № 1428].

111. Д. Броды Кунгурского р-на Пермской обл. Раскопки Н. Н. Новокрещенных, 1899 г. Могильник ломоватовской культуры. Фибула (?) круглая, ажурная, бронзовая, литая, с крестообразным орнаментом, без эмали (рис. 14, 12). — Архив ЛОИА, ф. 1, 1899 г., д. 2; Фотоархив ЛОИА, нег. III-7548; ОАК за 1899 г., с. 143; [Новокрещенных, 1901, с. 133—138].

112. С. Кукарка Яранского р-на Кировской обл. Случайная находка (?). Диск с эмалью от шейной гривны. По свидетельству А. М. Тальгрена, аналогична дискам гривны Трикаты (178). — [Moora, 1938, S. 118.]

113. С. Хлюпино Малмыжского р-на Кировской обл., правый берег р. Вятки. Случайная находка (?). Круглая ажурная бляха с эмалью. — [Moora, 1938, S. 118].

114. С. Масловка Лаишевского р-на Тат. АССР. Могильник, раскопано 19 погребений; в одном из них бронзовая перекладчатая фибула с эмалью (рис. 12, 4). — [Спицын, 1903б, с. 186; Tallgren, 1926, p. 29, fig. 13].

115. Городище Ножа-Вар близ д. Сараево Ядринского р-на Чувашской АССР. Раскопки Н. В. Трубниковой, 1959 г. Восточнофинское погребение II—V (начала VI) вв. Лунница бронзовая, литая, ажурная, с красной эмалью (рис. 22, 9). — [Трубникова, 1964, с. 149, рис. 18, 5; Якубовский, 1964, рис. 1].

116. С. Рождественское Куйбышевской обл. Случайная находка. Фибула бронзовая, типа перекладчатых (рис. 22, б). Собр. Нац. музея в Хельсинки, колл. В. И. Заусайлова. — [Tallgren, 1916, p. 64—65, fig. 15; Tallgren, 1918, p. 23, pl. II, 7].

117. С. Дуровка Сердобского р-на Пензенской обл. Случайная находка. Бронзовая подковообразная пряжка с красной и зеленой эмалью (рис. 22, 5). Собр. музея Саратовской ученой архивной комиссии, ныне в Саратовском обл. музее краеведения. — Архив ЛОИА, ф. 5, д. 336, л. 356, рис.; Саратовский дневник, 1889, с. 47; [Обозрение..., 1895, с. 145]. Публикуемый рисунок любезно выполнен в 1956 г. деканом истфака Саратовского ун-та И. В. Синицыным.

118. Цимлянское правобережное городище на Дону, Ростовская обл. VIII—IX вв. 1) Фибула бронзовая, треугольная, ажурная, без эмали (рис. 22, 4). Собр. Новочеркасского музея, колл. Х. И. Попова. — Архив ЛОИА, ф. 5, д. 336, л. 323, рис.; KB VIII AC, 1890, зала 9, с. 14, № 66; Тр. VIII AC, 1897, т. IV, с. 240, табл. XXXV, 66; [Спицын, 1903б, рис. 286, Артамонов, 1935, рис. 5, 31; Moora, 1938, S. 118]; 2) Находка в культурном слое городища на глубине 20 см во время работ Саркельской экспедиции 1959 г. Верхняя часть бронзовой перекладчатой фибулы без эмали (рис. 22, 7). Собр. ГЭ. — [Артамонов, 1962, рис. на с. 322].

119. Воронежская обл. В кургане вместе с «маленькой бронзовой фибулой обычного римского типа» найдена бронзовая лунница с красной эмалью. Собр. ГИМ (под № 8276, указанным Н. П. Кондаковым, лунница в музее не обнаружена). — [Кондаков, 1892, с. 30, примеч. 3; с. 31, примеч. 3].

120. С. Дмитровское Шебекинского р-на Белгородской обл. Раскопки С. А. Плетневой, 1960 г. Катакомбный могильник. Катакомба № 44, женское погребение конца VIII в. На поясе — бронзовая литая трехрогая лунница, эмаль выкрошилась (рис. 22, 10). — [Фролов, 1969а, с. 271—274, рис. на с. 272].

121. С. Лезгур (Лизгур) Пригородного р-на Сев. -Осет. АССР. Раскопки В. И. Долбежева, 1886 г. Могильник, каменный ящик с большим количеством захоронений. При костяках среди вещей звено цепи ритона бронзовое, литое, ажурное, с красной и зеленой (?) эмалью на прямоугольном поле и с желтой (оранжевой) в кружках. Собр. ГИМ. — Архив ЛОИА, ф. 1, 1886 г., д. 20, л. 31 об. и след., 69 об.; Фотоархив ЛОИА, 120. 7; [Спицын, 1903б, с. 188, рис. 299; Амброз, 1968, с. 13, рис. I, 1аБ].

122. С. Кумбулта Сев. -Осет. АССР. Случайная находка. 1) Фрагмент бронзовой литой поделки крестчатой формы и трехлопастными завершениями трех концов; четвертый обломан, эмали нет. Может быть хвостовой частью

перекладчатой фибулы (подтип II. 2) или фрагментом крестчатой подвески (тип III) ([рис. 23](#), 7). 2) Пластина продолговатая, прямоугольная, бронзовая (?), литая (?), с секировидными отростками по длинным сторонам. Лицевая сторона пластины разделена перегородками на шесть треугольных полей с красной эмалью. Длина около 6. 5 см. Собр. ГИМ. — [[Уварова, 1900](#), табл. ХСII, 4; [Спицын, 19036](#), с. 188, [рис. 297](#)].

123. С. Чми Сев. -Осет. АССР. Лунница бронзовая (?), литая (?), без эмали ([рис. 23](#), 10). Колл. Ю. Д. Филимонова. — [[Спицын, 19036](#), с. 188, [рис. 298](#)].

124. С. Рутха Сев. -Осет. АССР. Случайная находка. Подвеска бронзовая, круглая, с эмалью ([рис. 23](#), б). — [[Уварова, 1900](#), табл. СIII, 15; [Спицын, 19036](#), с. 188, [рис. 196](#)].

125. С. Камунта Сев. -Осет. АССР. Случайная находка. Фибула перекладчатая, бронзовая, с красной и зеленой эмалью ([рис. 23](#), в). Собр. ГЭ, колл. К. И. Ольшевского. — Архив ЛОИА, ф. 1, 1887 г., д. 68, л. 37; Фотоархив ЛОИА, нег. II-40044 (место находки — Галиат — указано ошибочно); [[Chantre, 1887](#), pl. XVI, 60; [Kondakof, Tolstoj, Reinach, 1891](#), p. 464, fig. 410; [Уварова, 1900](#), с. 320, табл. СХХVI, 21].

126. С. Бухты Лакского р-на Даг. АССР. Случайная находка 1893 г. на поселении. Фибула бронзовая — отдаленное подражание перекладчатой фибуле. Собр. ГЭ. - Архив ЛОИА, ф. 1, 1893 г., д. 16; ОАК за 1893 г., с. 41, [рис. 22](#).

126а. Урочище Клинь-яр, в 4 км к западу от Кисловодска. Раскопки В. Б. Виноградова и А. П. Рунич, 1968 г. Могильник II—IV (VII) вв. Девять катакомб и две грунтовые могилы. В грунтовой могиле № 11 — женский костяк. На погребенной бронзовая литая треугольная лунница, на рожках диски с кружочками по краю. Корпус лунницы, диски и кружочки с эмалью. — [[Виноградов, Рунич, 1969](#), с. 118-120, [рис. 17](#); [105](#); [110](#)].

127. Херсонес, г. Севастополь. Раскопки К. К. Костюшко-Валюжинича 1891 г. Коллективная гробница № 3. Пара треугольных бронзовых ажурных фибул с красной и зеленой эмалью, ныне следов зеленой эмали не видно ([рис. 23](#), 1, 2). Собр. ГЭ. — ОАК за 1891 г., с. 14-15, [рис. 153](#); [[Спицын, 19036](#), с. 154, [рис. 147](#); [Шугаевский, 1911](#), с. 253—254; [Макаренко, 1928](#), с. 84, [рис. 1](#)].

128. Городище Кены на Таманском полуострове. Раскопки Н. И. Сокольского, 1962 г. Погребение V в. на территории античного городища. Фрагмент треугольной фибулы, бронзовой, литой; эмаль не сохранилась; лежал немного выше левого плеча. При погребенном — круглое зеркало и часть удила. — [[Сокольский, 1964](#), с. 207—209, [рис. 1](#); [2](#)].

129. Урочище Сурская Забора близ с. Волошского Днепропетровского р-на и обл., выше Сурского порога (правый берег Днепра). Случайная находка А. В. Бодянского, 1953 г. Фибула бронзовая (по Д. М. Березовцу — железная), треугольная, ажурная, типа процветших, с красной эмалью и напаянными серебристыми каемками и дисками; обгорела ([рис. 31](#)). ИА АН УССР - [[Березовец, 1963](#), [рис. 25](#), 1].

130. С. Дитиничи Дубновского р-на Ровенской обл. Раскопки И. К. Свешникова, 1956 г. Грунтовый могильник III—IV вв. (германский). В сожжении № VI бронзовая литая лунница с дугообразным корпусом и диском, подвешенным между рожками на перемычках; в гнездах следы красной эмали. Обожжена ([рис. 23](#), 3). - [[Смішко, Свешніков, 1961](#), с. 94, [рис. 4](#); [10](#)].

131. С. Крылос Галичского р-на Ивано-Франковской обл. Случайная находка до 1941 г. Лунница бронзовая, маленькая, с красной и зеленой эмалью ([рис. 23](#), 4). Собр. Львовского гос. исторического музея. — Сообщение и рисунок К. В. Берняковича.

132. Место находки неизвестно. Случайная находка (?) до 1941 г. Лунница бронзовая, маленькая, ажурная, эмаль утрачена ([рис. 23](#), 5). Собр. Львовского гос. исторического музея. — Сообщение и рисунок К. В. Берняковича.

133. Сирма-Бешмий, Венгрия. Случайная находка. Фибула треугольная, ажурная, с эмалью

([рис. 23](#), 9). Собр. музея Боршод-Мишкольч (Венгрия). — [[Lossonczy, 1903](#), lap. 399, кер.]; Архив ЛОИА, ф. 5, д. 336, л. 367, рис.

134. Вингокер, Швеция. Случайная находка. Фибула подковообразная, с эмалью — [[Ekholm, 1925](#), fig. 4; [Kivikoski, 1937](#), fig. 14; [Moora, 1938](#), S. 108, Anm. 1, 3; [Salmo, 1956](#), s. 12].

135. Сторкоге, Швеция. Клад бронзовых украшений IV в., среди них две бронзовые подковообразные фибулы с эмалью, одна большая с широким ободом, другая маленькая с тонким ободом — [[Hjärne, 1917](#), fig. 1, a, b; [Moora, 1938](#), S. 107-108; [Salmo, 1956](#), s. 12].

136. Пало, Ноусиайнен, близ Турку, Финляндия. Фибула подковообразная, с широким уплощенным ободом и большими дисками по концам и посередине обода. Диски орнаментированы ромбом, вписанным в круг; овалы вокруг

ромба заполнены эмалью двух цветов. По краю и по сторонам дисков гравировка (линии, ямки). Диаметр 9. 2 см. Собр. Нац. музея в Хельсинки. — [[Kivikoski, 1968](#), p. 83, fig. 36].

137. Хальварс, Финляндия. Каменный курган, сожжение. Пряжка, щиток с эмалью, V в. — [[Hackman, 1938](#), S. 160, Abb. 5, 6, a—d; [Moora, 1938](#), S. 116, § 1].

138. Похойс-Пирккала, Финляндия. Фибула подковообразная, с широким ободом, с эмалью. — [Kivikoski, 1937](#), fig. 16; [Moora, 1938](#), S. 116, § 6.

139. Лойма, Финляндия. Курган с сожжением конца V — начала VI в. Фибула подковообразная, с широким ободом и эмалью, около 500 г. — [[Kivikoski, 1937](#), fig. 9; [Moora, 1938](#), S. 116, § 4].

140. Урьяла, Финляндия. Курган с каменной кладкой, сожжение. Фибула бронзовая, типа трехпружинных, с красной эмалью и напаянными дисками, около 400 г. (рис. 25, 8). — [[Kivikoski, 1955](#), S. 61-64, Abb. 4].

141. Наарва, Финляндия. Фибула подковообразная, с широким ободом, с эмалью. — [[Salmo, 1934](#), s. 91-96, fig. 3; [Moora, 1938](#), S. 116, 108, Anm. 3].

142. Кирстула, Финляндия. Каменный курган, сожжение IV—V вв. Фрагмент круглой ажурной бронзовой фибулы с напаянными дисками, эмали на сохранившейся части нет. — [[Keskitalo, 1951](#), s. 122—133, fig. 7; [Kivikoski, 1955](#), S. 59-61, Abb. 1].

143. Хятила, Финляндия. Каменный курган, сожжение, вторая половина V в. Фрагмент подковообразной фибулы с широким ободом, с эмалью. — [[Keskitalo, 1951](#), s. 122—123, fig. 2; [Kivikoski, 1955](#), S. 59].

144. Вярйля, Финляндия. Могильник VI—X вв.; погребение с сожжением. Фибула подковообразная, с широким ободом, эмаль красная и синяя. — [[Hackman, 1912](#), S. 203, Abb. 1; [Hjärne, 1917](#), s. 158, fig. 4; [Moora, 1938](#), S. 116, § 7].

145. Изоколя, Финляндия. Могильник. 1) В погребении № 2 фибула типа Тюрсамяэ. 2) В погребении № 6 круглая бронзовая ажурная передвижка с красной эмалью; на обороте две массивные прямоугольные петли. — [[Hackman, 1916](#), s. 57, fig. 17; [Hackman, 1917](#), s. 60, fig. 12; [Moora, 1938](#), S. 116, §§ 2, 3].

146. Тюрвя близ Каукала, Финляндия. Погребение. Фибула бронзовая, типа двухпружинных, с утраченной (?) эмалью. — [Kivikoski, 1955](#), S. 64, Abb. 5.

147. Пос. Старая Ладога Волховского р-на Ленинградской обл. Раскопки В. И. Равдоникаса, 1947 г. «Земляное городище», горизонт E2 (кв. Б3, глубина 1 м). Формочка литейная каменная, двусторонняя, на одной стороне формочка для трехрогой лунницы, на другой — формочка для подвески типа лунниц с эмалью, по сильно деградировавшей (рисунок отливки см. рис. 22, 1). Собр. ГЭ. — [[Равдоникас, 1950](#), с. 36—38, рис. 33].

148. С. Лагеди Харьюского р-на Эст. ССР. Могильник с оградками, сожжение. Фрагмент подковообразной фибулы с широким ободом, эмаль утрачена. Хранится в СА ИИ АН Эст. ССР.

149. С. Саха Харьюского р-на Эст. ССР. Фрагмент подвески с эмалью. — [[Moora, 1938](#), S. 114, § 30].

150. С. Леэду Пайдеского р-на Эст. ССР. Крестообразная накладка или головка булавки, эмаль утрачена. Собр. Археол. кабинета и музея ун-та, Тарту; утрачена в 1941—1945 гг. — [[Moora, 1938](#), S. 114, § 15].

151. С. Оявески Раквереского р-на Эст. ССР. Могильник с оградками II—IX вв., сожжение, оградки III и IV (IV—VI) вв. 1) Булавка бронзовая, с крестообразной головкой и с голубой эмалью. 2) Подвеска бронзовая, трапециевидная, с тремя крупными тисненными группами концентрических колец. 3) Фибула «симметричная», с трехлопастными концами, красная (?) и синяя (?) эмаль выгорела. 4) Фибула типа Тюрсамяэ с зеленовато-голубой эмалью. Собр. ГИМ, Таллин. — [[Friedenthal, 1935](#), S. 17, 18, 19, 27, NN 4, 6, 38, 307, Abb. 13, 1, 4, 11, 24; [Moora, 1938](#), S. 114, §§ 18-21; [Шмидехельм, 1955](#), с. 143-144, рис. 36, 3, 8].

152. С. Аркна Раквереского р-на Эст. ССР. 1) Подвеска бронзовая, крестообразная, с красной эмалью (рис. 25, 1). 2) «Запонка» крестовидная, с красной, желтой и белой эмалью. Собр. ГИМ, Таллин. — [[Moora, 1938](#), S. 114, §§ 2, 3; [Шмидехельм, 1955](#), с. 217, рис. 58, 2, 5] (место находки «запонки» — Кальви — указано ошибочно).

153. Эссу Раквереского р-на Эст. ССР. Могильник с каменными оградками, сожжение. Фрагмент подковообразной фибулы с эмалью (?). — [[Moora, 1938](#), S. 114, § 4].

154. С. Кальва Кохтла-Ярвского р-на Эст. ССР. Бронзовая литая с красной эмалью деталь обруча (по М. Х. Шмидехельм — часть браслета) с коваными лопастями (ср.: Красный Бор, 2401, 3), переделанная в древности на фибулу (рис. 25, 2а— 2в). Собр. ГИМ, Таллин. — [Moora, 1938, S. 114, § 12; Шмидехельм, 1955, с. 217, рис. 58, б] (место находки — Аркна — указано ошибочно?).
155. С. Лиймала Кохтла-Ярвского р-на Эст. ССР. Фибула бронзовая типа Тюрсамяэ, с эмалью. Собр. ГИМ, Таллин. — [Moora, 1938, S. 114, § 16; Шмидехельм, 1955, с. 94].
156. С. Ябара Кохтла-Ярвского р-на Эст. ССР. Раскопки 1926 г. Могильники с оградками: С (II— VI вв.) и Е (II—VI вв.), сожжение. 1) Фибула подковообразная, с отростками по ободу, бронзовая, с белой и красной эмалью. 2) Фибула подковообразная, с обгоревшей эмалью. 3) Фибула подковообразная, большая, с широким ободом, бронзовая, с обгоревшей эмалью. 4) Фибула подковообразная, бронзовая, оплавившаяся, с выгоревшей эмалью. 5) Фибула круглая, ажурная, бронзовая, фрагментирована, обгорела. 6) Фибула типа Тюрсамяэ, фрагментирована, бронзовая, с красной эмалью. № 1 — могильник С, №№ 2—6 — могильник Е. Хранятся в СА ИИ АН Эст. ССР. — [Schmiedehelm, 1928, S. 33 с. q., Abb. 5, 2, 5, 17, 18; Moora, 1938, S. 106, Abb. 20, 1; S. 114, §§ 6—11; Шмидехельм, 1955, с. 72, 98-100, 248, № 43; с. 250, №№ 161, 172, 181; с. 251, № 304, рис. 15, 1; 22, 5].
157. С. Йыхви Кохтла-Ярвского р-на Эст. ССР. Фибула подковообразная, бронзовая, с красной и белой (?) эмалью. Собр. ГИМ, Таллин.
158. С. Тюрсамяэ Кохтла-Ярвского р-на Эст. ССР. Раскопки П. Н. Висковатова, 1886—1887 гг. Могильник с оградками II—VI вв., сожжение. 1) Фибула подковообразная, с широким ободом, бронзовая, с белой и красной эмалью. 2) Фибула подковообразная, с широким ободом, бронзовая, с зеленой и красной (?) эмалью. 3) Фрагмент подковообразной бронзовой фибулы с широким ободом, с красной эмалью. 4) Фибула подковообразная, бронзовая, с эмалью (похищена во время раскопок). 5) Фибулы типа Тюрсамяэ бронзовые, с эмалью, у одной эмаль красная и синяя — 2 экз. 6) Фрагмент круглой ажурной бронзовой фибулы, эмаль утрачена. Собр. ГИМ и СА ИИ АН Эст. ССР. — [Висковатов, 1891, с. 203, рис. 4; RK 1896, N 391, 5, Taf. 5, 26; Спицын, 19036, рис. 174; Moora, 1938, S. 114, §§ 31— 37; S. 115, §§ 40-42; Шмидехельм, 1955, с. 158].
159. С. Ярве Кохтла-Ярвского р-на Эст. ССР. Раскопки 1895 г. Каменные оградки под длинной земляной насыпью, труположение. В оградке I — фибула подковообразная, бронзовая, без эмали. — [Hausmann, 1896, S. 12, N 56, Taf. I, 56; RK 1896, N 390, 56, Taf. 8, 26; Спицын, 19036, рис. 170; Moora, 1938, S. 114].
160. С. Пеэрен Кохтла-Ярвского р-на Эст. ССР. Могильник с оградками. Фибула подковообразная, с широким ободом, бронзовая, с красной и зеленой эмалью. — [Hausmann, 1896, S. 16, Taf. 11, 19; RK 1896, N 389, 19, Taf. 8, 27; Спицын, 19036, рис. 177; Hjärne, 1917, s. 160, fig. 5; Moora, 1938, S. 114, § 26].
161. Г. Кохтла-Ярве Эст. ССР. Могильник с оградками II—IV вв., сожжение. 1) Подвеска ромбическая, бронзовая, с красной эмалью. 2) Кнопка круглая, бронзовая, эмаль утрачена. Хранятся в СА ИИ АН Эст. ССР. — [Шмидехельм, 1955, с. 227, рис. 58, 3, 4].
162. С. Пуртсе-Матка Кохтла-Ярвского р-на Эст. ССР. Раскопки А. Фридендаля, 1927—1933 гг. Могильник с оградками II—VI вв., сожжение. Фибула бронзовая, круглая, ажурная, с красной (?) эмалью. Хранится в СА ИИ АН Эст. ССР. — [Moora, 1938, S. 115, § 32].
163. С. Пада Раквереского р-на Эст. ССР. Раскопки М. Х. Шмидехельм, 1928 и 1929 гг., и любительские раскопки более ранних лет. Могильник с каменными оградками II—VI вв., сожжение. 1) Фибула подковообразная, бронзовая, с плоским ободом, большая, с белой и красной эмалью и блестящей зеленой патиной, IV в. 2) Фибула подковообразная, бронзовая, с плоским ободом, с зеленой и неопределенного цвета эмалью, IV в. 3) Фрагмент фибулы подковообразной, бронзовой, диск с выгоревшей эмалью, IV в. 4) Фибула бронзовая, круглая, ажурная, эмаль утрачена, IV в. №№ 1, 2 — оградка IV (III—IV вв.), № 3 — оградка X (III—VI вв.), № 4 — оградка VI (II—IV вв.). Хранятся в СА ИИ АН Эст. ССР. — [Moora, 1932, Taf. 24, 14; Moora, 1938, S. 114, §§ 22-25; Шмидехельм, 1955, с. 119-120, 257, рис. 28, 1, 4; 29, 7].
164. С. Аарла Раквереского р-на Эст. ССР. Случайная находка. Фибула круглая, с ажурной каймой; в середине вихревидная розетка с эмалью — синей, белой, зеленой и красной. — RK 1896, № 387, Taf. 27, 8; [Спицын, 19036, рис. 163; Moora, 1938, S. 114. §1].
165. С. Тьрма Раквереского р-на Эст. ССР. Могильник с оградками II—VI вв., сожжение. 1) Фибула бронзовая, подковообразная, без эмали, оплавлена. 2) Фрагмент фибулы типа Тюрсамяэ, с эмалью. Хранятся в СА ИИ АН Эст. ССР. — [Moora, 1926a, fig. 147, 17; Moora, 1938, S. 114, § 29].
166. С. Пийльси Кохтла-Ярвского р-на Эст. ССР. Клад 1930 г. Зарыт в конце V — начале VI в. Среди четырех десятков бронзовых украшений большая бронзовая подковообразная фибула с желтой, голубой и красной эмалью;

починена в древности ([рис. 25, 9](#)). Хранится в СА ИИ АН Эст. ССР. — [[Moora, 1935, S. 289; 1938, S. 114, § 27; Шмидехельм, 1955, с. 100](#)].

167. С. Кярде Йыгеваского р-на Эст. ССР. Фибула круглая, с фестончатой каймой, напаянными дисками и красной эмалью ([рис. 13, 8](#)). Хранится в СА ИИ АН Эст. ССР. - [[Moora, 1938, S. 114, § 13](#)].

168. С. Луйге Йыгеваского р-на Эст. ССР. Фрагмент бронзовой фибулы типа Тюрсамяэ, с эмалью. — [[Moora, 1938, S. 114, § 17](#)].

169. С. Нурмси Пайдеского р-на Эст. ССР. Фибула круглая, ажурная, с колечками по краю, бронзовая, с эмалью. Хранится в СА ИИ АН Эст. ССР.

170. Д. Светлые Вешки Гдовского р-на Псковской обл. Раскопки К. Кудряшова, 1911 г. Курганная группа из круглых, длинных и удлинённых курганов. В курганах №№ 11—13 (два длинных и один круглый) — фрагмент бронзовой перекладчатой фибулы ([рис. 14, 10](#)). — Архив ЛОИА, ф. 1, 1911 г., д. 89; [[Кудряшов, 1913, с. 252—254, рис. 14; 15; 16, 1](#)].

171. С. Яагупи Тартуского р-на Эст. ССР. 1) Диск от шейной гривны, фрагментирован, эмаль выгорела. 2) Фибула круглая, ажурная, бронзовая, без эмали. Хранится в СА ИИ АН Эст. ССР. — [[Moora, 1938, S. 114, § 5](#)].

172. С. Камбья Тартуского р-на Эст. ССР. Могильник с оградками. Подвеска бронзовая в виде полой четырехгранной пирамидки. — RK 1896, Taf. 9, 4.

173. С. Пиккярве Эст. ССР. Могильник с оградками, сожжение. Фибула круглая, ажурная, бронзовая, с эмалью. Хранится в СА ИИ АН Эст. ССР. — *Aspelin, 1878, fig. 1763; RK 1896, N 374, Taf. 8, 11; [Спицын, 19036, рис. 168](#); Moora, 1938, S. 114, § 28.*

174. С. Саамуэли Вырусского р-на Эст. ССР. Могильник с оградками, сожжение. Оградка I. Фибула треугольная, ажурная, бронзовая, без эмали, покрытая серебристым сплавом ([рис. 25, 3](#)). Хранится в СА ИИ АН Эст. ССР. - RK 1896, № 372, Taf. 7, 2; [[Спицын, 19036, рис. 173; Tallgren, 1922, Taf. s/N, Abb. 1; Макаренко, 1928, рис. 2; Moora, 1938, S. 115; Шмидехельм, 1955, рис. 58, 1](#)].

175. Северо-восточная часть Эст. ССР (б. Вирумаа). Фибула круглая, с эмалью. — [[Moora, 1938, S. 114, § 40](#)].

176. С. Вагула Вырусского р-на Эст. ССР. Клад, 1900-е годы. Сохранилось только две вещи, одна из них круглая ажурная фибула с красной и белой эмалью в центре, V в. Хранится в СА ИИ АН Эст. ССР. - [[Moora, 1935, S. 302, Abb. 6, 4; Moora, 1938, S. 114, § 38; Kivikoski, 1955, S. 60—61, Abb. 2](#)].

177. С. Вана-Роза Вырусского р-на Эст. ССР. Могильник с оградками, сожжение. Фибула подковообразная, без эмали. Собр. музея г. Вильянди. — [[Mo-](#)

[oora, 1938, S. 114, § 38; Шмидехельм, 1955, с. 204](#)].

178. С. Триката (Либирты) Валкского р-на Латв. ССР. Могильник с оградками. 1) Гривна шейная, бронзовая, с дисками на концах, украшенными красной и синей эмалью. 2) Фрагмент шейной бронзовой гривны, на дисках красная и белая (?) эмаль. 3) Фибула круглая, ажурная, бронзовая, с фестончатой каймой, со следами напаянных дисков и красной эмалью ([рис. 26, 1](#)). 4) Фибула круглая, ажурная, с фестончатой каймой, без эмали. 5) Фибула круглая, ажурная, бронзовая, покрытая серебристым сплавом, без эмали. 6) Фибула крестообразная, со следами напаянных дисков и с красной эмалью. — [[Moora, 1929, N 189, 1, 6, 7, 33-35, Taf. VII, 3, 6, 7, 9; XIX, 1; 1934, S. 84, Abb. 11; S. 86](#)].

179. С. Мури Цесисского р-на Латв. ССР. Могильник с оградками. Два диска с красной эмалью в центре от шейной гривны. — [[Moora, 1934, S. 85, Abb. 13, S. 86; 1938, S. 696, N 32, 4](#)].

180. С. Велла-Краванда Валкского р-на Латв. ССР. Могильник с оградками, сожжение. 1) Фибула круглая, бронзовая, с вырезной каймой, с красной и белой эмалью и следами покрытия серебристым сплавом. 2) Диск от шейной гривны бронзовый, с желтой, белой и красной эмалью. Хранятся в СА ИИ АН Эст. ССР. - [[Aspelin, 1878, fig. 1776, 1785; RK 1896, N 359, 39, 40, Taf. 8, 14, 15; Спицын, 19036, рис. 162; Moora, 1929, N 194, 39, 40, Taf. VII, 5](#)].

181. С. Каугарс II Цесисского р-на Латв. ССР. Могильник с оградками. 1) Фибула круглая, ажурная, с фестончатой каймой, бронзовая, со следами покрытия серебристым сплавом, с напаянными дисками, с красной и синей эмалью ([рис. 26, 2](#)). 2) Фибула круглая, бронзовая, с вырезной каймой, со следами покрытия серебристым сплавом и с красной эмалью. Хранится в СА ИИ АН Эст. ССР. — [[Aspelin, 1878, fig. 1788, 1782; RK 1896, N 36, 31, 364, 2, Taf. 8, 12, 23; Moora, 1929, N 59, 1. Taf. VII, 8](#)].

182. С. Яунтевененс Цесисского р-на Латв. ССР. Могильник с оградками. Фибула крестообразная, бронзовая, со следами напаянных дисков и зеленой (?) эмали (рис. 13, 7). Хранится в СА ИИ АН Эст. ССР. - [Aspelin, 1878, fig. 1827; RK 1896, N 367, 2, Taf. 8, 16; Спицын, 19036, рис. 175; Moora, 1929, N 188, 2].
183. О. Мартыньсала на р. Даугаве в 18—19 км от Риги вверх по течению (Рижский р-н Латв. ССР). Раскопки А. Зариня, 1966 г. Случайная находка в раскопе 3 А на глубине 40—50 см при исследовании около церкви могильника XII—XVII вв. Фибула бронзовая, литая, без эмали, ажурная, треугольная, типа процветших. — [Уртан, 1968, с. 75, 84 и след., рис. на обложке].
184. С. Кентескалнс Огрского р-на Латв. ССР. Городище VI—VIII вв. Звено цепи ритона бронзовое, литое, с красной (?) эмалью. — [Stubavs, 1957, tab. II, 22; Стубавс, 1959, с. 199, табл. I, 22].
185. Асотское городище Екабпилсского р-на Латв. ССР, правый берег Даугавы. Раскопки Э. Д. Шноре, 1949—1954 гг. Многослойное городище IX—XIII вв. с отдельными вещами I—VIII вв. Фрагмент подковообразной бронзовой литой фибулы с каймой из сцепленных друг с другом дужек вдоль обода. — [Шноре, 1961, с. 15, 23, 109, табл. II, 1].
186. С. Салениеки Лудзенского р-на Латв. ССР. Могильник с оградками. Бронзовые части ритона: фрагменты от цепи с эмалью, наконечник и оковка верхнего края. — [Šnore, 1935, S. 278—299, Abb. 8, 3, 5; Moora, 1938, S. 703, NN 42-44].
187. С. Лиллпудери Резекненского р-на Латв. ССР. Могильник с оградками. Цепь от ритона бронзовая, с зеленой, темно-зеленой, красной, оранжевой и белой эмалью, два звена (рис. 27, 3; 30, 3). — [Moora, 1938, S. 483, Abb. 69, 3; S. 476, 700, N 38].
188. Близ с. Суток Себежского р-на Псковской обл. 1906 г. (?). Клад на городище. В его составе «венчик» (шейное украшение?) бронзовый, с блестящей коричневой патиной, застегивающийся двумя крючками с коническими шляпками; длина до изгиба крючков 42 см, диаметр 13. 5 см, ширина пластины 2 см. Ближе к концам по три профилированных «глазка», выбитых штампом с обратной стороны. Вместе с «венчиком» найдена маленькая бронзовая шейная гривна типа ложчатых и, возможно, еще ряд украшений (пластинчатые серебряные лунницы и пр.). Собр. ИЭМ, № 6 AR—320: 1 (старые номера 12882; Dz II, М. А. 2552), AR— 320: 2 (старые номера 12823; Dz II, М. А. 2553) и др. — [Отчет..., 1907, с. 55, № 6].
189. Латв. ССР. При постройке железной дороги Петербург—Варшава, на участке Псков—Динабург (ныне Даугавпилс) найдена подковообразная фибула с секировидными отростками по ободу, бронзовая, литая, с красной эмалью (рис. 24, 3). Собр. ИЭМ. — [Покровский, 1892, табл. IV, 14; Спицын, 19036, рис. 189; Moora, 1929, S. 80; 1938, S. 107, 109, Abb. 21, 1].
190. С. Пакачине-Дембай Зарасайского р-на Лит. ССР. Городище Дембай. Браслет бронзовый, литой, широкий, с тремя гребешками (рис. 26, 3). Собр. Каунасского гос. художественного музея им. М. К. Чюрлениса. — [Литовское народное искусство, 1958, № 238].
191. Г. Дусетос Зарасайского р-на Лит. ССР. 1) Лунница большая, ажурная, бронзовая, с красной эмалью (рис. 27, 1). 2) Звенья продолговатые, бронзовые, ажурные, без эмали — 2 экз. (рис. 27, 4). Возможно, все три предмета составляли одно украшение — нагрудную цепь. Собр. КГХМ. — [Puzinas, 1938, pav. 40, 1; Kulikauskas, 1941, p. 62, N 2, tab. X, 3; XII, 1, 2; Литовское народное искусство, 1958, №№ 150, 247].
192. С. Ейкотишкис Зарасайского р-на Лит. ССР. Лунницы большие, ажурные, бронзовые, с красной и зеленой эмалью — 3 экз. Собр. КГХМ. — [Moora, 1938, S. 116, §§ 7-9; Puzinas, 1938, pav. 40, 2, 4, 5; Kulikauskas, 1941, p. 62, N 3, tab. X, 1, 2, 4; Литовское народное искусство, 1958, №№ 151, 246].
193. С. Великушес Зарасайского р-на Лит. ССР. 1) Лунница большая, ажурная, бронзовая, без эмали. 2) Фибула подковообразная, с большим количеством отростков по ободу, бронзовая, с красной эмалью (рис. 24, 5). Собр. КГХМ. — [Moora, 1938, S. 106, Abb. 20, 3, S. 116, § 16 u. s/N; Puzinas, 1938, pav. 40, 6, 9; Kulikauskas, 1941, p. 63, NN 12, 13, tab. XI, 3, 4; Литовское народное искусство, 1958, №№ 164, 248].
194. С. Рокенай Зарасайского р-на Лит. ССР. Фибула подковообразная, бронзовая, с красной эмалью, по ободу отростки. Собр. КГХМ. — [Moora, 1938, S. 106, 116, § 15, Abb. 20, 2; Puzinas, 1938, pav. 40, 7; Kulikauskas, 1941, p. 62, N 10, tab. XII, 3; Литовское народное искусство, 1958, №№ 258, 263].
195. С. Жадавайняй Утенского р-на Лит. ССР. 1) Фибула подковообразная, бронзовая, с фигурными отростками по краям; в прямоугольнике посередине обода и на дисках по его концам красная эмаль. Собр. КГХМ. - [Moora, 1938, S. 116, § 17; Puzinas, 1938, pav. 40, 8; Kulikauskas, 1941, p. 63, N 17, tab. XI, 6; Литовское народное искусство, 1958, №№ 167, 249; Яблонските-Римантене, 1955, рис. 10а]. 2) Части парадной цепи — два бронзовых литых ажурных звена с красной и зеленой эмалью, обрывки кольчатых цепочек и бронзовая

пирамидальная подвеска с железным язычком внутри. — [[Волкайте-Куликаускаене, 1967, рис. 11](#); [Михельбертас, 1968, с. 43, рис. 2](#)].

196. Место находок неизвестно. Собр. Вильнюсского музея. 1) Цепь бронзовая, состоящая из цепочек, литых звеньев и подвесок с красной и малиновой эмалью. Общая длина около 4 м ([рис. 30, 1](#), реконструкция). Утрачена. — [[Тышкевич, 1865, с. 25](#); [Tyszkiewicz, 1868a, s. 61](#); [Каталог предметов..., 1885, с. 17, отд. Б, № 481](#); [Кондаков, 1892, табл. 24, 1](#); [Покровский, 1892, табл. XIII](#); [Спицын, 1903б, рис. 192, табл. XXVI](#); [Moora, 1934, S. 82, Abb. 4](#); [Kulikauskas, 1941, p. 63, N 16, pav. 5](#)]. 2) «Передвижка» круглая, бронзовая, литая, ажурная, с эмалью красной, зеленой и желтой — деталь украшения, аналогичного найденному в кладе Красного Бора, 2401 ([рис. 29, 5](#)). Утрачена. — [[Каталог предметов..., 1885, с. 21, отд. Б, №№ 855—900](#); [Кондаков, 1892, табл. 24, 3](#); [Покровский, 1892, табл. XII, 1](#); [Спицын, 1903б, с. 164, рис. 191, табл. XXVII, 1](#)]. 3) Фрагмент украшения — небольшой обломок овальной лопасти из тонкой пластины низкопробного серебра, к уцелевшему узкому концу лопасти прилепана литая бронзовая крестчатая бляшка с красной эмалью ([рис. 29, 4](#)). — [[Кондаков, 1892, табл. 24, 2](#); [Спицын, 1903б, с. 164, рис. 190](#)]. 4) Часть украшения в двух фрагментах. Фрагмент 1. Лопать овальная, дугообразно изогнутая, из тонкой серебряной пластины, с орнаментом, выбитым с обратной стороны набором штампов. На одном конце лопасти наконечник с гравированным узором, на другом — бронзовая литая крестчатая бляшка с красной эмалью, скрепляющая лопать с обломком узкого серебряного кованого обода. Длина фрагмента 51. 5 см. Фрагмент 2. Обод серебряный, кованый, дугообразно согнутый, состоит из двух кусков, скрепленных продолговатой бронзовой литой бляшкой с гребешками по торцам. Посредине бляшки большой диск с красной эмалью; на диске две круглые ячейки с литыми перегородками, в каждой ячейке эмаль двух цветов — синяя и красная. Длина фрагмента 28. 8 см. Общая длина обода 35. 8 см, общая длина сохранившейся части украшения 80. 3 см. Собр. ИЭМ, № AR—334 (место находки — Красный Бор — указано ошибочно). 5) Фрагмент украшения — овальная лопать из тонкой пластины желтой меди с остатками серебрения на обороте и с орнаментом, выбитым с обратной стороны набором штампов. Один конец обломан, к другому прилепан бронзовый литой ажурный наконечник с разноцветной эмалью: в треугольнике — красной, в дисках — синей, коричневой (видимо, прежде была красной) и темно-желтой с красными вкраплениями. Длина фрагмента 30. 9 см. Собр. ИЭМ, № AR—334 (место находки — Красный Бор — указано ошибочно), старый номер 567. 6) Фрагмент украшения — часть овальной лопасти из тонкой пластины желто-красной меди, посеребренной с обеих сторон. Орнамент выбит с обратной стороны набором штампов. Оба конца лопасти обломаны. Длина фрагмента 22. 6 см. Собр. ИЭМ, № AR—334 (место находки — Красный Бор — указано ошибочно), старый номер 568. 7) Два фрагмента украшения. Фрагмент 1. Лопать серебряная, овальная, дугообразно выгнутая, с орнаментом, выбитым с обратной стороны набором штампов. Один конец лопасти обломан, другой соединен с кусочком серебряного кованого обода посредством бронзовой литой ажурной бляшки; лицевая сторона бляшки украшена эмалью, в которую инкрустированы кусочки голубой и желтой эмали. Диски, расположенные по продольной оси бляшки, накладные, со штырями, проходящими насквозь и расклепанными на обороте лопасти и обода. Кроме того, бляшка закреплена на концах лопасти и обода четырьмя шпёнками, отлитыми вместе с бляшкой и загнутыми вверх концов обода и лопасти. Общая длина фрагмента 36 см. Фрагмент 2. Обод серебряный, кованый, орнаментированный гравировкой, длина 38 см. Около одного из концов бронзовая литая бляшка, аналогичная бляшке фрагмента 1, с красной эмалью, инкрустированной синей эмалью. Бляшка прикреплена к ободу двумя штырями, снизу расклепанными, а сверху заканчивающимися дисками с эмалью. Ни один из торцов обода не стыкуется с кусочком обода у конца лопасти фрагмента 1. Собр. ИЭМ, № AR—334 (место находки — Красный Бор — указано ошибочно), старый номер 569.

197. С. Воропнишкяй Вильнюсского р-на Лит. ССР. Раскопки 1890 г. Курган V—VI вв., женское погребение. Фибула подковообразная, бронзовая, литая, с красной и зеленой эмалью. — Собр. КГХМ. — [[Moora, 1938, S. 109, 116-117, § 10](#); [Puzinas, 1938, pav. 40, 3](#); [Kulikauskas, 1941, p. 63, N 14, tab. XI, 5](#); [Яблонските-Римантене, 1955, рис. 10a](#); [Литовское народное искусство, 1958, №№ 259, 264](#)].

198. С. Релинки Сенненского р-на Витебской обл. Раскопки *Е. Р. Романова*, 1893 г. На территории могильника X в. Фибула подковообразная, с множеством отростков (дужек) по ободу, бронзовая, литая, с красной эмалью. Сломана и починена в древности. Собр. ГЭ. — Архив ЛОИА, ф. 1, 1893 г., д. 7 (акварельный рисунок); Фотоархив ЛОИА, нег. I-32009; ОАК за 1893 г., с. 15, [рис. 10](#); [[Спицын, 1903б, рис. 280](#)].

199. Лит. ССР. Фибула подковообразная, бронзовая, с тонким ободком, круглым в сечении, на дисках крестики с красной эмалью ([рис. 24, 1](#)). Собр. КГХМ. — [[Moora, 1934, S. 34](#); [Kulikauskas, 1941, p. 63, N 15, tab. XI, 2](#); [Литовское народное искусство, 1958, №№ 168, 242](#)].

200. Близ г. Вильнюса Лит. ССР. Случайная находка. Фибула подковообразная, бронзовая, с красной эмалью ([рис. 24, 6](#)). — [[Каталог предметов..., с. 15, отд. Б, № 20](#); [Покровский, 1892, табл. IV, 13](#); [Спицын, 1903б, рис. 188](#); [Moora, 1938, S. 116-117, § 9](#)].

201. Д. Межёнис Швенчёнского р-на Лит. ССР. Раскопки *Ф. В. Покровского*, 1894 г. Курганная группа. 1) Курган № 1 — выше костяков две большие бронзовые лунницы с красной и зеленой эмалью ([рис. 28, 1](#)). 2) Курган № 6 — в могильной яме

при костяке маленькая бронзовая лунница с красной и зеленой эмалью. Собр. ГЭ. — ОАК за 1894 г., с. 35, [рис. 25, 26](#); [[Покровский, 1897, с. 169—174, 179-180, табл. XI, 18, 19, 20a](#); [Спицын, 1903б, с. 187, рис. 181, 6, 7](#); [Макаренко, 1928, с. 92, рис. 11, 12](#); [Moora, 1934, S. 82, Abb. 16](#); [Kulikauskas, 1941, p. 62, N 6, pav. 1, 1, 2, 4](#); [Литовское народное искусство, 1958, №№ 243—245](#)].

202. С. Воротнишкес Тракайского р-на Лит. ССР. Раскопки А. З. Таутавичюса, 1951 г. Курганный могильник. В насыпи кургана № 2 — лунница маленькая, бронзовая, литая, с голубой эмалью на дисках. Собр. ИЭМ, № AR—135: 2. — Сообщение А. З. Таутавичюса.

203. С. Мигонис Кайшядорского р-на Лит. ССР. Браслет бронзовый, широкий, с шестью гребешками (рис. 26, 4). Собр. КГХМ. — [Литовское народное искусство, 1958, № 239].

204. С. Румшишкес Кайшядорского р-на Лит. ССР, 30 км на юго-восток от Каунаса, на правом берегу Немана. Случайная находка, 1961 г. Фибула подковообразная, бронзовая, литая, с красной эмалью. Собр. ИЭМ, № AR—390—980. — Сообщение А. З. Таутавичюса.

205. С. Бакшяй Алитусского р-на Лит. ССР. Случайная находка при земляных работах, 1888 г. Могильник (?). 1) Фибула подковообразная, бронзовая, литая, с красной эмалью (рис. 28, б). 2) Фибула подковообразная, бронзовая, литая, эмаль красная со светлыми прожилками. По углам среднего, ромбического, поля четыре кнопки на сквозных штырях (рис. 28, в). — ОАК за 1882-1888 гг., с. СССХХI-СССХХII; [Спицын, 1898, с. 360, табл. I, 5; Спицын, 19036, рис. 186; 187; Hjärne, 1917, f. 9, 10, s. 170, 171; Moora, 1934, S. 82; 1938, S. 116, §§ 4, 5; Kulikauskas, 1941, p. 62, N 1, pav. 3, 1, 2].

206. Саргенай, пригород г. Каунаса Лит. ССР. Могильник II—III вв. В детском погребении — небольшая бронзовая литая подковообразная фибула с двцветной эмалью без перегородок; на красном фоне зеленый орнамент (рис. 24, 2). Собр. КГХМ. — [Kulikauskas, 1941, p. 46-47, N 5, p. 62, N 11, tab. XI, 1; Литовское народное искусство, 1958, №№ 165, 241].

207. С. Пашушвис Кедайнского р-на Лит. ССР. Браслет бронзовый, литой, сильно утолщенные концы орнаментированы глубокой гравировкой (рис. 26, 5). Собр. КГХМ. — [Литовское народное искусство, 1958, № 348].

208. С. Рудишкяй Ионишского р-на Лит. ССР. Случайная находка на распаханном грунтовом могильнике III—IV и IX—XII вв., на левом берегу р. Муши. Фибула бронзовая, литая, треугольная, типа процветших. Эмаль в двух верхних треугольниках и на нижнем поле кирпично-красная; на среднем треугольном поле светло-красная, почти оранжевая. Собр. ИЭМ. — [Михельбертас, 1970, с. 122—125, рис. 1].

209. Линкайчай Ионишского р-на Лит. ССР. Раскопки 1932 г. Могильник, погребение № 15, мужское, с оружием. В ногах — цепь от ритона из четырех звеньев, бронзовых, литых, прямоугольных, с перекладинами. У каждого звена на среднем, прямоугольном, поле красная эмаль с белой полоской-зигзагом (сохранилась только на двух звеньях). Звенья скреплены друг с другом шарнирами. Один конец цепи соединен коленцем из толстой проволоки с профилированным наконечником ритона. Прямоугольное звено другого конца цепи заканчивается фигурными петлями, за которые цепь была прикреплена к оковке края ритона. Общая длина цепи около 40 см. (рис. 30, 2). — [Tarvidas, 1933, p. 3, 4, 7, pav. 2; Moora, 1934, S. 82; 1938, S. 116, № 11 (место находки — Гибанчяй — указано ошибочно); S. 483, Abb. 69, 1 (ссылка; Gaerte, 1929, ошибочна); Kulikauskas, 1941, p. 62, № 5; Михельбертас, 1968, рис. 1; Амброз, 1968, с. 13—15, рис. 1; 2].

210. Г. Гаргждай Клайпедского р-на Лит. ССР. Фрагмент подковообразной фибулы с эмалью. — [Moora, 1938, S. 116, §10 (фрагмент сильнопрофилированной фибулы с эмалью); Kulikauskas, 1941, p. 62, № 4].

211. Г. Шяуляй (?) Лит. ССР. Фибула подковообразная, бронзовая, с рядом фигурных отростков, украшенная красной эмалью; фрагментирована (рис. 24, 4).

212. С. Мауджорай, Кельмеского р-на Лит. ССР. Раскопки 1964 г. Тельшяйского краеведческого музея. Грунтовой могильник IV—VI вв. Погребение № 1, всадник. У ног — две шпоры, богато украшенная узда и металлические части двух ритонов; у одного из них бронзовый профилированный наконечник и украшенные эмалью два продолговатых бронзовых литых звена цепи, соединенные шарнирным креплением друг с другом и с трапециевидной бронзовой литой деталью, припаянной к узкой ковanej оковке края ритона; эмалевые поля звеньев орнаментированы волнистыми и прямыми полосками разноцветной эмали. Собр. Тельшяйского краеведческого музея. — [Валатка, 1966, с. 10—11; Литовское народное искусство, 1966, с. XVI—XVII, 155, №№ 8, 9; Волкайте-Куликаускене, 1967, рис. 7; Амброз, 1968, с. 15, рис. 1, 5; Михельбертас, 1968, с. 41—42, 45].

213. С. Муромское (б. Лапсау) Гурьевского р-на Калининградской обл. 1870 г. Погребение. Звенья бронзовые, литые, с красной, белой и зеленой эмалью от цепи ритона и фасетированный наконечник (рис. 27, 2). - [Vujack, 1891, S. 191, Taf. II, L; Спицын, 19036, рис. 178; Gaerte, 1929, S. 257, Abb. 200, 6; Moora, 1934, S. 81, Abb. 6; 1938, S. 117, § 23; Eggers, 1951, S. 102] (считает цепь шейным украшением).

214. Гвардейский р-н Калининградской обл. (б. Плауэн, округ Велю). Перстень бронзовый, с эмалью (рис. 25, 10). — [Gaerte, 1929, S. 232, Abb. 178f; Moora, 1938, S. 118, § 35].

215. Калининградская обл. Лунница бронзовая, маленькая, литая, с эмалью. — [Moora, 1938, S. 118, § 41].

216. Гвардейский р-н Калининградской обл. (б. Мускау). Подвеска круглая, бронзовая, литая, с эмалью (аналогичная подвеске Грунайки). — [\[Moora, 1938, S. 117, § 32\]](#).
217. Бартошице (б. Бартенштейн), центр повята Ольштынского воеводства, Польша. Перстень бронзовый, с эмалью. — [\[Moora, 1938, S. 117, § 8\]](#).
218. Правдинский р-н Калининградской обл. (б. Ликейм). Перстень бронзовый, с эмалью. — [\[Moora, 1938, S. 117, § 24\]](#).
219. Яново повята Мронгово Ольштынского воеводства, Польша. 1) Фибула подковообразная, с эмалью. 2) Подвеска крестообразная, с эмалью. — [\[Moora, 1938, S. 117, §§ 18, 19\]](#).
220. Никутово повята Мронгово Ольштынского воеводства, Польша. Могильник. 1) Погребение № 338 — перстень бронзовый, с эмалью. 2) Погребение № 425 — лунница бронзовая, без эмали (аналогична луннице 222). — [\[Gaerte, 1929, S. 247, Abb. 190a; Moora, 1938, S. 117, § 34\]](#).
221. Гьерльж (б. Гёрлитц) повята Кетшынь Ольштынского воеводства, Польша. Грунтовой могильник с сожжением в урнах. Перстень бронзовый, с эмалью. — [\[Heydeck, 1887, S. 10, Taf. IVa; Moora, 1938, S. 117, S. 12\]](#).
222. Руска Весь (б. Рейсен) повята Венгошево Ольштынского воеводства, Польша. Могильник, сожжение. Лунница маленькая, ажурная, бронзовая, эмаль утрачена (рис. 25, б). — [\[Bujack, 1891, S. 191, Taf. II; Спицын, 19036, рис. 178; Hollack, Peiser, 1904, Abb. 32; Gaerte, 1929, S. 247, Abb. 190a; Moora, 1938, S. 117, § 36\]](#).
223. Грунайки повята Гольдап Белостокского воеводства, Польша. 1) Фибула треугольная, ажурная, бронзовая, с красной эмалью и серебристым сплавом на диске (рис. 25, в). 2) Фибула подковообразная, бронзовая, с эмалью. 3) Три круглые бронзовые подвески с красной и синей эмалью из числа девяти, бывших на ожерелье; остальные шесть подвесок аналогичны им по форме, но лишены эмали. — [\[Tischler, 1879, S. 210, 243, Taf. XI \(V\), 1, 8, 9; Спицын, 19036, рис. 179; 180; Hackman, 1912, S. 219, Abb. 38; Макаренко, 1928, с. 85, рис. 4; Gaerte, 1929, S. 243, Abb. 186c; Moora, 1938, S. 117, §§ 13—17a\]](#).
224. Марцинково (б. Мартинсдорф) повята Мронгово Ольштынского воеводства, Польша. Погребение № 113. Перстень бронзовый, с эмалью. — [\[Moora, 1938, S. 117, § 29\]](#).
225. Новы Зиздруй (б. Ней-Сиздрой) повята Мронгово Ольштынского воеводства, Польша. Погребение. Фибула подковообразная, бронзовая, с ободом средней ширины и небольшими щитками с эмалью. — [\[Moora, 1934, S. 84, Anm. 2; 1938, S. 117, § 33\]](#).
226. Куля (б. Кулла-Брюкке) повята Гижицко Ольштынского воеводства, Польша. Могильник, сожжение, урна № 286. 1) Перстень бронзовый, без эмали. 2) Фибула круглая, бронзовая, с эмалью. — [\[Moora, 1938, S. 117, §§ 21, 22\]](#).
227. Бартликово (б. Бартликсхоф) повята Гижицко Ольштынского воеводства, Польша. Могильник. 1) Погребение № 206в — фрагмент подковообразной фибулы с ободом средней ширины и небольшими щитками с эмалью. 2) Погребение № 29 — перстень бронзовый, с красной эмалью. 3) Погребение № 265 — перстень бронзовый, с красной эмалью (аналогичен предыдущему). — [\[Kemke, 1900, S. 108—134, Taf. III, 10; Moora, 1934, S. 80, Abb. 7; S. 81, 84, Anm. 2; 1938; S. 117, §§ 9-11\]](#).
228. Вышка (б. Виска) повята Пиш Ольштынского воеводства, Польша. Могильник, сожжение X. Пара подковообразных бронзовых фибул с красной эмалью. — [\[Bujack, 1891, S. 189—190, Taf. II, у; Спицын, 19036, рис. 178; Hjærne, 1917, fig. 11; Moora, 1938, S. 118, §§ 39-40\]](#).
229. Здоры (б. Здоррен) повята Пиш Ольштынского воеводства, Польша. Погребение (?). Фибула треугольная, ажурная, бронзовая, с эмалью (рис. 25, 5). — [\[Bujack, 1891, S. 190, Taf. II, s; Спицын, 19036, с. 166, 169; рис. 178; Hollack, Peiser, 1904, Abb. 33; Макаренко, 1928, рис. 3; Gaerte, 1929, S. 247, Abb. 1908; Moora, 1938, S. 117, § 37\]](#).
230. Мойтины (б. Мойтинен) повята Мронгово Ольштынского воеводства, Польша. Могильник. Фибула подковообразная, с тонкой круглой в сечении дужкой, бронзовая, с красной эмалью. — [\[Hollack, Peiser, 1904, Taf. VI, 35, Farbentaf. 35; Hjærne, 1917, fig. 2; Gaerte, 1929, Abb. 189, b; Moora, 1938, S. 117, § 30\]](#).
231. Махары (б. Махаррен) повята Мронгово Ольштынского воеводства, Польша. Могильник. Погребение № 12. 1) Лунницы треугольные, бронзовые, литые, ажурные — 2 экз.; на рожках диска с красной эмалью; вокруг дисков у одной лунницы кружочки с эмалью, у другой по две бусинки и по секировидному выступу между ними (рис. 25, 7). 2) Подвески бронзовые, литые — одна целая и несколько фрагментов. У целой подвески в центре квадратик с гнездом для эмали (не сохранилась), по всем его углам треугольные лопасти; ушко утрачено (рис. 28, 2). — [\[Hollack,](#)

[Peiser, 1904, Taf. VI, a, b, Farbentaf. 69, 159](#); [Gaerte, 1929, S. 224, Abb. 170, a](#); [S. 246, Abb. 189, d—f](#); [Moora, 1938, S. 117, §§ 25-28, Anm. 2](#)].

232. Бабьента (б. Бабинтен) повята Мронгово Ольштынского воеводства, Польша. Могильники I и II. 1) Обруч из бронзовой пластины, покрытой серебристым сплавом, шириной около 4 см, суживающейся к концам и заканчивающейся двумя пирамидками. Средняя часть пластины орнаментирована пуансоном и четырьмя гнездами с красной эмалью. На границе орнаментированной и неорнаментированной частей литые гребешки на штифтах. 2) Фибулы подковообразные, бронзовые, с эмалью — 2 экз. 3) Перстень бронзовый, с эмалью. 4) Небольшие бронзовые лунницы, с эмалью — 2 экз. 5) Пряжка (?) бронзовая, с красной эмалью. — [[Bujack, 1891, S. 190—191, Taf. II](#); [Спицын, 19036, рис. 178](#); [Hollack, Peiser, 1904, Taf. VI, Farbentaf. 6, Abb. 34, S. 33](#); [Gaerte, 1929, S. 236, Abb. 180, b](#); [S. 246, Abb. 189, g](#); [Moora, 1934, Abb. 8, 14](#); [1938, S. 117, §§ 1-7](#)].

233. Спиховко (б. Клейн-Пуппен) повята Щитно Ольштынского воеводства, Польша. Могильник, погребение. Перстень бронзовый, с эмалью. — [[Hollack, Peiser, 1904, Abb. 35](#); [Moora, 1934, S. 81](#); [1938, S. 117, § 20](#)].

234. Двораци Пикуты повята Сувалки Белостокского воеводства, Польша. 1853 г. Курган. Среди инвентаря пара бронзовых перекладчатых фибул с красной и зеленой эмалью ([рис. 28, 3, 4](#)). — [[Podoczaszyński, 1883, s. 89—92, tab. VI, 1—3](#); [Спицын, 19036, рис. 183](#); [Kamiński, 1956b, s. 161-164, рис. 17](#)].

235. Рачки повята Сувалки Белостокского воеводства, Польша. Раскопки В. Гронау, 1940 г. Могильник с сожжениями в ямах III—IV вв. Среди находок — подковообразные фибулы с красной эмалью на концах. — [[Kamiński, 1956b, s. 244](#)].

236. Барглюв Дворны Августовского повята Белостокского воеводства, Польша. Раскопки Я. Марциняка, 1937 г. Грунтовой могильник, сожжение в урне. Фибула подковообразная, бронзовая, с красной эмалью. — [[Marciniak, 1950, s. 63—64, tab. XXI, 5](#)].

237. Швайцария повята Сувалки Белостокского воеводства, Польша. 1961 г. Могильник, сожжение (детское погребение). Цепь бронзовая: два звена длинных, прямоугольных, литых, ажурных, с красной эмалью и соединяющая их цепочка из пластинчатых звеньев. — [[Antoniewicz, 1962, p. 12, fig. 9, Tab. XV](#)].

238. Д. Малышки Мядельского р-на Минской обл. Раскопки А. Г. Митрофанова, 1955 г. На городище в жилище со штрихованной керамикой — бронзовая небольшая подковообразная фибула с круглой в сечении дужкой и с красной эмалью ([рис. 14, 2](#)). — [[Будько, Митрофанов, 1967, с. 136, рис. 7, 16](#)].

239. Д. Лукомль Чашникского р-на Витебской обл. Раскопки Г. В. Штыхова, 1971 г. Городище IV—VII и X—XIII вв. В слое XIII в. — во вторичном использовании фибула круглая, бронзовая, литая (диаметр 5,5 см); в центре сегнерово колесо с четырьмя гнездами, заполненными попеременно красной и оранжевой эмалью. — [[Штыхов, 1972, с. 402-403, рис. на с. 403](#)].

240. С. Красный Бор Логойского р-на Минской обл. До 1865 г. Клад, найденный при вспашке. Состоит из четырех крупных украшений неясного назначения. 1) Состоит из четырех фрагментов. Две овальные дугообразные изогнутые лопасти из тонкой пластины желтой меди со следами серебрения и с орнаментом, выбитым с обратной стороны набором штампов. Лопасти соединены друг с другом серебряным кованым ободом, орнаментированным гравировкой. Обод скреплен с лопастями посредством бронзовых литых ажурных бляшек с красной эмалью и гребешками. Внешние концы лопастей обломаны. Обод (длина 87,5 см) согнут в кольцо, диаметр которого может быть изменен с помощью «передвижки» — круглой бронзовой литой ажурной бляшки с красной эмалью. Общая длина украшения 1,63 м. Переданы К. Тышкевичем в Виленский музей древностей до 1865 г., ныне в собр. ИЭМ, № AR—334 (место находки — Красный Бор), старый номер Addz. В № 561. — [[Тышкевич, 1865, с. 35](#); [Tyszkiewicz, 1868a, s. 61—62](#); [Kohn, Mehlis, 1879, S. 318](#); [Покровский, 1892, табл. XII, 2, 4 \(происхождение неизвестно\)](#); [Спицын, 19036, табл. XXVII, 2, 4](#)] (место находки — Красный Бор). 2) Две овальные лопасти из тонкой пластины низкопробного серебра с орнаментом, выбитым с обратной стороны набором штампов, соединенные друг с другом кованым ободом, более узким посередине, чем по концам. Лопасти и обод вместе составляют большое кольцо в полтора оборота диаметром более 30 см. На ободе подвижный бронзовый литой кружок с красной эмалью. По концам лопастей кнопки. Переданы К. Тышкевичем в Виленский музей древностей до 1865 г. Утрачены. — [[Тышкевич, 1865, с. 35](#); [Tyszkiewicz, 1868a, s. 61—62](#); [Kohn, Mehlis, 1879, S. 318](#); [Покровский, 1892, табл. XII, 3 \(происхождение неизвестно\)](#); [Спицын, 19036, табл. XXVII, 3](#)] (место находки — Красный Бор). 3) Состоит из двух фрагментов; а) лопасть овальная, дугообразно изогнутая, с орнаментом, выбитым с обратной стороны набором штампов; один конец лопасти соединен с кусочком кованого обода посредством бронзовой литой ажурной бляшки с эмалью; общая длина фрагмента около 37 см; б) часть обода, орнаментированного гравировкой, длиной около 14 см; у одного из концов бронзовая литая ажурная бляшка с эмалью той же формы, что и на фрагменте а. Украшение 3 является полным повторением украшения, хранящегося в ИЭМ (1967). Колл. К. Тышкевича в Логойске, ныне в собр. Гос. археологического музея в Варшаве, № 22201/4. — [[Тышкевич, 1865, с. 35](#); [Tyszkiewicz, 1868a, s. 61-62, tab. II, 1](#); [1871, рис. s. 230](#); [Kohn, Mehlis, 1879, S. 318, Abb. 145, S. 319](#)]. 4) Кованый обод, украшенный гравировкой. На одном конце бронзовая литая крестчатая бляшка с эмалью, скрепляющая обод с небольшим обломком овальной пластинчатой лопасти; на другом — бронзовая литая продолговатая бляшка с гребешками по торцам и большим диском с эмалью посередине. Общая

длина фрагмента около 25 см (ср. с украшением в собр. ИЭМ, 1964). Колл. *К. Тышкевича* в Логойске, ныне в собр. ИЭМ, № AR—334 (старый номер 569). — [[Тышкевич, 1865](#), с. 35; [Tyszkiewicz, 1868a](#), s. 61-62, tab. II, 1; 1871, [гус. s. 230](#); [Kohn, Mehlis, 1879](#), S. 318, Abb. 145, S. 319; [Покровский, 1892](#), табл. XII, 2—4; [Спицын, 19036](#), табл. XXVII, 2-4; [Pobol, 1972](#), s. 115-138, tab. I, 1-8, [гус. 2-20](#)].

241. Д. Ольховка Бобруйского р-на Могилевской обл. Раскопки *В. В. Завитневича*, 1892 г. В вершине небольшого кургана — бронзовая ромбическая литая ажурная фибула с эмалью красной, черной (темно-синей), темно-желтой и серовато-белой ([рис. 29](#), 3). Собр. КИМ. — [[Петров, 1897](#), с. 225, № 15487; 1915, с. 13, табл. VII, 3; [Спицын, 19036](#), с. 156]; ДП, 1907, табл. XXI, 347.

242. Урочище Абидня у пос. Адаменки Быховского р-на Могилевской обл., при впадении р. Адаменки в Днепр. Раскопки *Л. Д. Поболь*, 1960 и 1967 гг. Поселение с полуземлянками и керамикой позднелазарубинецкой и штрихованной. 1) В заполнении жилища № 2 — лунница бронзовая, литая, маленькая, с красной эмалью и с проволочными колечками в кольцах на рожках ([рис. 9](#), 15). 2) В пахотном слое — лунница с красной эмалью, аналогичная предыдущей, но немного меньше ее — длина 4. 1, высота 3 см ([рис. 9](#), 16). 3) В заполнении жилища № 10 — лунница бронзовая, литая, маленькая, с красной эмалью и секировидными выступами на рожках. 4) В культурном слое — фрагмент большой ажурной лунницы, эмаль не сохранилась ([рис. 9](#), 17). — [[Поболь, Наумов, 1967](#), с. 427, [рис. 1, а—в](#)] (авторы сообщают о находке на поселении семи вещей с эмалью, но пишут только о четырех). 5) Фибула римская, круглая, с восьмью дисками по ободу и крестообразной композицией в центре, состоящей из полей с красной эмалью и прорезей. — [[Поболь, 1969](#), с. 111, [рис. 4, 18](#); [Pobol, 1972](#), s. 134, 135, [tab. I, 15-17](#)].

243. С. Городок Великолукского р-на Псковской обл. Раскопки *Я. В. Станкевич*, 1955 г. Городище X—XII вв. Близ горна (лом для переплавки) — фрагментированная крестовидная бронзовая литая подвеска с благородной патиной; эмаль выкрошилась ([рис. 14](#), 1).

244. Д. Жабино Усвятского р-на Псковской обл. Раскопки *Я. В. Станкевич*, 1958 г. Поселение середины I тыс. н. э. Трапециевидная бронзовая подвеска с одним крупным глазком в центре и мелкими полушариками по краям; низ подвески обломан ([рис. 14](#), 4). Собр. Великолукского обл. краеведческого музея. — [[Станкевич, 1958](#), с. 53, [рис. 10, 4](#); 1960, с. 265, [рис. 77, 6](#)].

245. Д. Дрокова Демидовского р-на Смоленской обл. Раскопки *В. И. Сизова*, до 1899 г. В поверхностном слое длинного кургана — бронзовая треугольная фибула типа процветших, с красной и оранжевой эмалью ([рис. 29](#), 2). Собр. ГИМ. — Тр. XI АС, 1902, т. II, протоколы, с. 81—82; [[Третьяков, 19416](#), с. 41, [рис. 14, 13](#)]; ИКДР, 1951, [рис. 192, 3](#); [[Рыбаков, 19536](#), [рис. на с. 49](#)].

246. Земли смоленских ямщиков, называемые «Ямщичина», в 8. 5 км от Смоленска вверх по Днепру, на его правом берегу ниже впадения в Днепр речки Колодни. Раскопки *В. И. Сизова*, 1903 г. Группа из шести удлиненных курганов. В одном из курганов — бронзовая круглая литая ажурная фибула, эмаль красная и оранжевая с зеленым (окись?) налетом ([рис. 14](#), 11). Собр. ГИМ. - Архив ЛОИА, ф. 1, 1903 г., д. 76, л. 5 об., 8 об., [рис. на л. 7](#); [[Чернягин, 1941](#), с. 109, № 150; [Третьяков, 19416](#), [рис. 14, 20](#); 1940, [рис. 3](#)].

247. Близ д. Демидовки Смоленского р-на и обл. в 12 км к западу от Смоленска, на днепровском Левобережье. Раскопки *Е. А. Шмидта*, 1961—1967 гг. Многослойное городище середины I тыс. до н. э. — VII в. н. э. Слой конца V — начала VII в. «в пределах постройки». 1) Бронзовая литая лунница с эмалью; корпус треугольный, на рожках вокруг квадратного гнезда с эмалью сложная композиция из шести слившихся друг с другом миниатюрных лунниц. 2) Нижний щиток двупластинчатой бронзовой литой фибулы. — [[Шмидт, 1968](#), с. 42, [рис. 1; 2](#)].

248. В 5 км на юго-восток от с. Демьянки Добрушского р-на Гомельской обл. (урочище Березань). На правом берегу старицы р. Ипути группа из 159 курганов середины I тыс. н. э. — XI—XII вв. В 1962 г. *Г. Ф. Соловьевой* был раскопан курган № 1 с кальцинированными костяками, помещенными в материковую ямку. Среди костей и угля — фрагменты бронзовой подвески в виде квадратной рамки с ушком на одном углу и треугольными лопастями на трех остальных. Эмали нет. Рядом с ямкой фрагменты лепного лощеного реберчатого сосуда — [[Соловьева, 1967](#), с. 187, [рис. 1, 1; 2, 1, 2; 3, 2; 5, 1](#)].

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ НАХОДОК ¹

Аарла 164
Абидня 242
Арка 152
Асотское городище 185
Ахтырка 61

Бабичи 34
Бабьента (Польша) 232
Бакшай 205

Барглув Дворны (Польша) 236
Бартликово (Польша) 227
Бартошице (Польша) 217
Белгородка 7
Березняки 108
Большая Салтановка 9
Борзна 78
Борисоглебское 97
Броваха 40
Броды 111
Бурты 17
Бухты 126

Вагула 176
Вана-Роза 177
Васильков 6
Васильковский р-н 8
Великушкес 193
Велла-Краванда 180
Верхняя Злобинка 85
Вильнюс 200
Вингокер (Швеция) 134
Вишенки 70
Воронежская обл. 119
Воропнишкяй 197
Воротнишкес 202
Вышка (Польша) 228
Вяриля (Финляндия) 144

Гаргждай 210
Гвардейский р-н Калининградской обл. 214, 216
Глажево 83
Головятино 54
Горица 77
Городок 243
Грехов Ручей 106
Григоровка 23
Гришинцы 25
Грунайки (Польша) 223
Гули (Гуты) 36
Гута Комаровская (Комаровка) 39
Гьерльж (Польша) 221

Двораки Пикуты (Польша) 234
Демидовка 247
Демьянка 248
Дитиничи 130
Дмитровское 120
Дрокова 245
Дуна 91
Дуровка 117
Дусетос 191
Дьяково 100

Ейкотишкис 192

Жабино 244
Жадавайняй 195
Жукин 73

Зарубинцы 22
Здоры (Польша) 229

Иванковичи 88
Изюкюля (Финляндия) 145

Йыхви 157

Кагарлык 15
Казаровичи 2
Калининградская обл. 215
Калужская обл. (?) 95
Кальва 154
Камбья 172
Камунта 125
Канев 27
Каневский р-н 41—51
Каугарс II 181
Кветунь 82
Кентенскалнс 184
Кепы 128
Киев 3
Киево-Святошинский р-н 16
Кирстула (Финляндия) 142
Кирьянова 107
Клин-Яр 126а
Княжа Гора 28
Козловка 84
Колоберда 66
Компанейцы 60
Кононча 33
Кохтла-Ярве 161
Кошибеево 104
Красный Бор 240
Крещатик 31
Крылос 131
Кузнечики 96
Кузьминское 101
Кукарка 112
Куля (Польша) 226
Кумбулта 122
Куты 71
Кярде 167

Лагеди 148 Латв. ССР 189
Лезгур (Лизгур) 121
Леэду 150
Лиймала 155
Лиллпудери 187
Линкайчай 209
Липлява 67
Лит. ССР 199
Лихачевка 58
Лойма (Финляндия) 139
Луйге 168
Лукомль 239

Малый Букрин 19—21
Малышки 238
Мамекино 81
Мартыньсала 183
Марцинково (Польша) 224
Масловка 114
Мауджорай 212
Махары (Польша) 231
Межёнис 201
Межигорье 1
Мигонис 203
Михайловка Киевской обл. 10
Михайловка Черкасской обл. 32
Могилевка 55
Мойтины (Польша) 230
Монастырск 19—21
Москалевка 63
Мощина 90

Мури 179
Муром 105
Муромское 213

Наарва (Финляндия) 141
Никутово (Польша) 220
Новы Зиздруй (Польша) 225
Новые Безрадици 4
Ножа-Вар 115
Нурмси 169

Огубское городище 94
Ольховка 241
Орловец 56
Орловская обл. (?) 89
Оявески 151

Пада 163
Пакачине-Дембай 190
Пало (Финляндия) 136
Пастерское 57
Пашушвис 207
Пекари 29
Переяслав-Хмельницкий 68
Переяслав-Хмельницкий р-н 69
Пеэрен 160
Пийльси 166
Пиккярве 173

¹Цифры — номера по каталогу и перечню.

Пищальники 24
Плѣс 110
Плютенцы 65
Потапцы 18
Похойс-Пирккала (Финляндия) 138
Правдинский р-н Калининградской обл. 218
Прогоны 79
Пуртсе-Матка 162

Радичев 80
Рачки (Польша) 235
Релинки 198
Рождественское 116
Рокенай 194
Ромашки 12
Роменский р-н 64
Рублевка 59
Рудишкяй 208
Румшишкес 204
Руска Весь (Польша) 222
Рутха 124

Саамуэли 174
Салениеки 186
Саргенай (окр. Каунаса) 206
Саха 149
Светлые Вешки 170
Семигорье 37
Сирма-Бешмий (Венгрия) 133
Спиховко (Польша) 233
Среднее Поднепровье 86
Стайки 14
Старая Ладога 147
Старая Рязань 102
Старогородка 74
Староселье Черниговской обл. 72
Староселье Черкасской обл. 52

Степанцы 35
Сторкоге (Швеция) 135
Стугна 5
Сурская Забора 129
Суток 188

Татарская Горка 76
Тептиевка 38
Тихий Уголок 103
Трактомиров 19—21
Триката (Либирты) 178
Троица 99
Тростянец 26
Тырма 165
Тюрвяя (Финляндия) 146
Тюрсамяэ 158

Урьяла (Финляндия) 140
Усть-Царевское 109

Федяшева 92

Хальварс (Финляндия) 137
Херсонес 127
Хлюпино 113
Хмельна 30
[Христова 87](#)
Хятила (Финляндия) 143

Цимлянское правобережное городище 118

Черкасский р-н 53
Черняхов 13
Чми 123

Швайцария (Польша) 237
Шепиевка 11
Шестовицы 75
Шмырева 62
Шяуляй (?) 211

Щепилово 93
Щербинка 98

Эссу 153
Эст. ССР 175

Ягупи 171
Ябара 156
Ямщичина 246
Яново (Польша) 219
Ярве 159
Яунтевененс 182

РИСУНКИ

Рис. 1. 1, 2 — Борзна (781); За—Зв — Борзна (782а); Зг—Зж — Борзна (782б).

Рис. 2. 1, 2 — Глажево (831, 2); 3 — Козловка (84).

Рис. 3. 1—3 — Радичев (801, 3, 2); 4 — Мамекино (81).

Рис. 4. 1, 2, 8 — Хмельна (301, 3, 6); 3 — Ромашки (121); 4 — Григоровка (23); 5, 7 — Среднее Поднепровье (862, 3); 6 — Киево-Святошинский р-н (16); 9 — Васильковский р-н (8).

Рис. 5. 1 — Кононча (331); 2 — Степанцы (35); 3, 6 — Ромашки (122, 3); 4 — Головятино (541); 5 — Пастерское (571); 7 — Черняхов (133); 8 — Старогородка (74).

Рис. 6. 1 — Михайловка Васильковского р-на (10); 2, 3 — Черняхов (132, 1); 4, 6 — Хмельна (307, 8); 5 — Татарская Горка (76); 7 — Новые Безрадиичи (41); 8а, 8б, 9, 10 — Кветунь (823, 2, 1); 11 — Каневский р-н (41).

Рис. 7. 1, 10 — Среднее Поднепровье (865, 6); 2, 4 — Малый Букрин (19—211, 2); 3 — Каневский р-н (45); 5 — Тростянец (261); 6 — Гришинцы (252); 7 — Головятино (542); 8, 11 — Черняхов (135, 4); 9 — Пастерское (572).

Рис. 8. 1, 4, 7 — Малый Букрин (19—213, 5, 4); 2 — Киев (32); 3 — Липлява (673); 5 — Вишенки (702); 6 — Ахтырка (61); 8, 12, 14 — Гута Комаровская (391, 2, 8); 9 — Каневский р-н (47); 10 — Шмырева (62); 11, 15, 16 — Среднее Поднепровье (8617, 14, 10); 13 — Переяслав-Хмельницкий (68).

Рис. 9. 1 — Черкасский р-н (53); 2 — Колоберда (662); 3 — Крещатик (312); 4 — Каневский р-н (49); 5 — Между Межиричи и Бабичи (34); 6 — Кагарлык (15); 7, 9, 14 — Среднее Поднепровье (8611-13); 8 — Малый Букрин (19—216); 10 — Тептиевка (382); 11 — Черняхов (138); 12 — Каневский р-н (48); 13 — Горица (772); 13—17 — Абидня (2421, 2, 4).

Рис. 10. 1, 3 — Горица (774, 3); 2 — Стайки (142); 4 — Черняхов (136); 5 — Тростянец (262); 6 — Прогонь (79); 7, 8 — Среднее Поднепровье (8621, 22).

Рис. 11. 1 — Гули (36); 2 — Большая Салтановка (9); 3—5 — Среднее Поднепровье (8619, 25, 26); 6 — Вишенки (703); 7 — Стайки (141); 8 — Куты (71); 9 — Каневский р-н (50).

Рис. 12. 1 — Хмельна (302); 2 — Зарубинцы (221); 3 — Броваха (40); 4 — Масловка (114); 5, 6 — Плютенцы (652); 7 — Пастерское (574); 8, 9 — Стугна (51, 2); 10 — Вишенки (701); 11 — Колоберда (663).

Рис. 13. 1 — Среднее Поднепровье (8615); 2 — Черняхов (137); 3 — Ромашки (124); 4 — Хмельна (309); 5 — Липлява (671); 6 — Михайловка Черкасского р-на (32); 7 — Яунтевененс (182); 8 — Кярде (167).

Рис. 14. 1 — Городок (243); 2 — Малышки (238); 3, 5 — Щепилово (93); 4 — Жабино (244); 6 — Огубское городище (942); 7 — Христова (87); 8а—8г, 13 — Березняки (1082, 1); 9 — городище Дуна (912); 10 — Светлые Вешки (170); 11 — Ямщичина (246); 12 — Броды (111).

Рис. 15. 1 — Федяшева (92); 2, 4 — Огубское городище (941, 3); 3 — городище Дуна (911).

Рис. 16. 1 — Муром (105); 2 — Кирьянова (107); 3 — Кузьминское (101); 4 — Дьяково (100); 5 — Грехов Ручей (106); 6 — Усть-Царевское (109).

Рис. 17. 1—4 — Мощина (90).

Рис. 18. 1—6 — Мощина (90).

Рис. 19. Мощина (90).

Рис. 20. 1—3, 4а, 4б — Мощина (90).

Рис. 21. 1—16 — Мощина (90).

Рис. 22. 1 — Старая Ладога (147); 2 — Тихий Уголок (103); 3 — Плѣс (110); 4, 7 — Цимлянское правобережное городище (1181, 2); 5 — Дуровка (117); 6 — Рождественское (116); 8 — Кошибеево (104); 9 — Ножа-Вар (115); 10 — Дмитровское (120).

Рис. 23. 1, 2 — Херсонес (127); 3 — Дитиничи (130); 4 — Крылос (131); 5 — место находки неизвестно (Львовский гос. исторический музей, 132); 6 — Рутха (124); 7 — Кумбулта (1221); 8 — Камунта (125); 9 — Сирма-Бешмий (133); 10 — Чми (123).

Рис. 24. 1 — Лит. ССР (199); 2 — Саргенай (206); 3 — Латв. ССР (189); 4 — Шяуляй (?) (211); 5 — Великушкес (1932); 6 — Вильнюс (200).

Рис. 25. 1 — Аркна (152); 2а—2в — Кальва (154); 3 — Саамуэли (174); 4 — Грунайки (223); 5 — Здоры (229); 6 — Руска Весь (222); 7 — Махары (2311); 8 — Урьяла (140); 9 — Пийльси (166); 10 — Плауэн (214).

Рис. 26. 1 — Триката (Либирты) (1783); 2 — Каугарс II (1811); 3 — Пакачине-Дембай (190); 4 — Мигонис (203); 5 — Пашушвис (207).

Рис. 27. 1, 4 — Дусетос (1911, 2); 2 — Муромское (б. Лапсау) (213); 3 — Лиллпудери (187).

Рис. 28. 1 — Межёнис (2011); 2 — Махары (2312); 3, 4 — Двораки Пикуты (234); 5, 6 — Бакшяй (2052, 1).

Рис. 29. 1 — Киев (36); 2 — Дрокова (245); 3 — Ольховка (241); 4, 5 — место находки неизвестно (Вильнюсский музей, 1963, 2).

Рис. 30. 1 — место находки неизвестно (Вильнюсский музей, 1961); 2 — Линкайчай (209); 3 — Лиллпудери (187); 4 — Мощина (90).

Рис. 31. Сурская Забора (129).

32. Карта распространения предметов убора с выемчатыми эмалями. а — поселения; б — клады; в — погребения; г — случайные находки. №№ 86, 132, 196 точно не локализуются и на карте отсутствуют.

ЛИТЕРАТУРА

Алихова А. Е. *Хронологические и племенные отличия в культуре мордвы.* — СА, 1958, № 2.

Амброз А. К. *Деталь восточнобалтийского питьевого рога из села Лезгур Северо-Осетинской АССР.* — В кн.: *Славяне и Русь.* М., 1968.

Антропологическая выставка 1879 г. — ИОЛЕАЭ, 1878, т. XXXI; 1879, т. XXXV.

Артамонов М. И. *Средневековые поселения на Нижнем Дону.* — ИГАИМК, 1935, вып. 131.

Артамонов М. И. *История хазар.* Л., 1962.

Артишевская Л. В. *Могильник раннеславянского времени на р. Десне.* — МИА, 1963, № 108.

Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М. — Л., 1941.

Аспелин И. Р. *Следы влияния готфов в северной полосе России.* — Тр. VIII АС, СПб., 1897, т. III.

Атлас гочевских древностей. Приложение к дневнику раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губ., произведенных проф. Д. Я. Самоквасовым в августе 1909 года. М., 1915.

Бабенчиков В. П. *Чорноріченський могильник.* — АП, 1963, т. XIII.

Багалея Д. И. *Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии.* — Тр. XII АС, М., 1905, т. I.

Березовец Д. М. *Поселение уличей на р. Тясмине.* — МИА, 1963, № 108.

- Бобринский А. А. *Курганы* и археологические находки близ м. Смелы. Т. III. СПб., 1901.
- Будько В. Д., Митрофанов А. Г. *Археология* Белоруссии за советский период. — СА, 1967, № 4.
- Булывчев Н. И. *Журнал* раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.
- Валатка В. Раскопки могильника в Мауджорай (Кяльмеский район) в 1964 г. — Матер. к отчетн. конф. археол. и этногр. экспедиций 1964—1965 гг. Вильнюс, 1966.
- Виноградов В. Б., Рунич А. П. *Новые* данные по археологии Северного Кавказа. — В кн.: Археолого-этнографический сборник. Т. III. Грозный, 1969.
- Виноградский Ю. С. *Археологические* работы Сосницкого историко-краеведческого музея. (К 35-летию со дня основания). — КСИА АН УССР, 1955, вып. 5.
- Виноградский Ю. С., Лавыюк Д. И. *Находки* бронзовых украшений в Менском и Сосницком районах. — КСИА АН УССР, 1959, вып. 9.
- Висковатов П. А. *Тюрсельские* раскопки. — Тр. VII АС, СПб.. 1891. т. II.
- Волкайте-Куликаускаене Р. Успехи археологической науки в Литовской ССР. — СА, 1967, № 3.
- Гайдукевич В. Ф., Капошина С. И. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья. — СА, 1951, № 15.
- Гендуне Ю. Г. *Городище* Дуна. СПб., 1903.
- Городцов В. А. *Результаты* археологических исследований в Белевском и Каневском уездах в 1897 году. — АИЗ, 1898, № 7.
- Городцов В. А. *Археологические* исследования в окрестностях г. Муром в 1910 г. — В кн.: Древности. М., 1914 (Тр. МАО, т. XXIV).
- Городцов В. А. *Болотное* Огубское городище. — Тр. ГИМ, разряд археологический, 1926, вып. 1.
- Горюнова Е. И. Об этнической принадлежности населения Березняковского городища. — КСИИМК, 1956, вып. 65.
- Горюнова Е. И. *Этническая* история Волго-Окского междуречья. М., 1961 (МИА, № 94).
- Греков Б. Д. *Киевская* Русь. М., 1949.
- Греков Б. Д. *Киевская* Русь. М., 1953.
- Данилевич В. Е. *Карта* монетных находок единичных монет Харьковской губернии. — Тр. XII АС, М., 1905, т. I.
- Даниленко В. Н. *Памятники* ранней поры железного века в южной половине Полесья УССР. — Докл. VI научн. конфер. ИА АН УССР. Киев, 1953.
- Даниленко В. М., Дудкин В. П., Круц В. А. *Археолого-*магнитная разведка в Киевской области. — В кн.: Археологические исследования на Украине 1965—1966 гг. Киев, 1967.
- Даркевич В. П., Монгайт А. Л., Никитина Г. Ф., Розенфельдт Р. Л. *Исследования* городища Старая Рязань. — АО 1967 года, 1968.
- Древности. М., 1876. Тр. МАО, т. VI, вып. 2.
- Дремсизова Ц. Неопубликовани материали от Голямата пещера край с. Мадара. — Известия на народния музей Коларовград, Варна, 1960, кн. I.
- Дубынин А. Ф. *Троицкое* городище Подмосковья. — СА, 1964, № 1.

- Дубынин А. Ф. *Троицкое* городище. М., 1970 (МИА, № 156).
- Дубынин А. Ф., Беленькая Д. А., Юшко А. А. *Работы* в Москве и Подмосковье. — АО 1965 года, 1966.
- Дьяков А. М. *Известия* Псевдо-Захарии о древних славянах. — ВДИ, 1939, № 4.
- Евтюхова Л. А. *Барвихинское* городище. — СА, 1937, № 3.
- Ефименко П. П. *Рязанские* могильники. — В кн.: Материалы по этнографии. Т. III, вып. 1. Л., 1926.
- Ефименко П. П. *К истории* Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологическим источникам. — СА, 1937, № 2.
- Зарецкий И. А. *Заметка* о древностях Харьковской губернии Богодуховского уезда слободы Лихачевки. — В кн.: Харьковский сборник за 1888 год. Вып. 2. Харьков, 1888.
- Изюмова С. А. *Археологические* разведки в 1951 году в Тульской области. — КСИИМК, 1953, вып. 52.
- Изюмова С. А. *Бронзовые* лунницы с городища у дер. Щепилово. — СА, 1958, № 4.
- Ильинская В. А., Тереножкин А. И. *Новая* находка блях с эмалью на Киевщине. — КСИИМК, 1955, вып. 60.
- Иордан. О происхождении и деяниях готов. Вступительная статья, перевод и комментарий Е. Ч. Скржинской. М., 1960.
- История культуры Древней Руси. Под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова и проф. М. И. Артамонова. Т. II. М. — Л., 1951.
- История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. Под ред. М. И. Артамонова. Ч. III—IV. Л., 1939 (на правах рукописи).
- Калитинский А. П. *Двупластинчатые* фибулы. — СК, 1928, т. II.
- Карамзин Н. М. *История* государства Российского. Т. I. Изд. 5-е. СПб., 1842.
- Каспарова К. В. *Могильник* и поселение зарубинецкой культуры у д. Отвержичи. — КСИИМК, 1967, вып. 112.
- Каталог предметов музея древностей, состоящего при Виленской публичной библиотеке. Изд. 2-е. Вильна, 1885.
- Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова. М., 1907.
- Кондаков Н. П. *Византийские* эмали. СПб., 1892.
- Корзухина Г. Ф. *К истории* Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. — СА, 1955, № 22.
- Кудряшов К. Отчет о раскопках 1911 года в Гдовском уезде С.-Петербургской губернии. — ЗОРСА, 1913, т. IX.
- Кухаренко Ю. В. *Памятники* железного века на территории Полесья. М., 1961. (САИ Д1—29).
- Лінка Н. В. *Работа* экспедиції «Великий Київ» за 1947 р. — АП, 1952, т. III.
- Литовское народное искусство. Т. 3. *Снаряжение* воина и коня. Кн. 2. Сост. Р. Куликаускаене. Вильнюс, 1966. На лит. и русск. яз.
- Литовское народное искусство. Т. 3. *Украшение* древних литовцев. Кн. 1. Сост. Р. Куликаускаене, Р. Римантене. Вильнюс, 1958. На лит. и русск. яз.
- Ляпушкин И. И. *О датировке* городищ роменско-боршевской культуры. — СА, 1947, № 9.
- Ляпушкин И. И. *Памятники* культуры полей погребений I тысячелетия н. э. днепровского Левобережья. — СА, 1950, № 13.

- Ляўданскі Л. Археолёгічныя досьлады ў Смаленшчыне. — ПСА, 1932, вып. III.
- Макаренко Н. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. — ИАК, 1907, вып. 22.
- Макаренко М. Борзенські емалі й старі емалі України взагали. — В кн.: Чернігів та північне лівобережжя. Київ, 1928.
- Максимов Е. В. *Новые данные о зарубинецкой культуре Среднего Поднепровья.* — АО 1970 года, 1971.
- Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Дневник археологических раскопок П. П. Иванова со вступительной статьей А. П. Смирнова. Моршанск, 1952.
- Махно Е. В. К вопросу о памятниках Черняховского типа и прорезных выемчатых эмалях. — КСИИМК, 1956, вып. 62.
- Махно Е. В. *Черняховская культура.* — МИА, 1960, № 82.
- Махно Е. В. *Раскопки на Компаниевском могильнике.* — В кн.: Археологические исследования на Украине в 1965—1966 гг. Киев, 1967.
- Махно Е. В. *Типи поховань та планування Компаніїського могильника.* — В кн.: Середні віки на Україні. Вип. I. Київ, 1971.
- Мацулевич Л. А. *Погребение варварского князя в Восточной Европе. М.* — Л., 1934 (ИГАИМК, вып. 112).
- Мезенцова Г. Г. *Древньоруське місто Роден Княжа Гора.* Київ, 1968.
- Михельбертас М. М. *Ленты с эмалью в Литве.* Тр. АН Лит. ССР, 1968, сер. А, т. 2 (27).
- Михельбертас М. *Фибула с эмалью из Рудишкя (северная Литва).* — In: *Studia archaeologica in memoriam Harri Moora.* Tallinn, 1970.
- Моора Х. А. О древней территории расселения балтийских племен. — СА, 1958, № 2.
- Нидерле Л. *Быт и культура древних славян.* Прага, 1924.
- Никольская Т. Н. *Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. М.,* 1959 (МИА, № 72).
- Новокрещенных Н. Н. *Археологические исследования в Западной части Пермской губернии.* — Тр. ПУАК, 1901, вып. IV.
- Обозрение некоторых губерний. — ЗРАО, 1895, т. VIII, вып. 1—2; 1899, т. XI, вып. 1—2.
- Отчет Виленской публичной библиотеки и музея за 1906 г. Вильна, 1907.
- Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. — Тр. ГИМ, 1956, вып. 32.
- Петров Н. И. *Указатель церковно-археологического музея при Киевской духовной академии.* Киев, 1897.
- Петров Н. И. *Альбом Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии.* Вып. 4—5. Киев, 1915.
- Пигулевская Н. В. *Сирийский источник VI в. о народах Кавказа.* — ВДИ, 1939, № 1.
- Поболь Л. Д. *Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья.* — В кн.: *Древности Белоруссии.* Минск, 1969.
- Поболь Л. Д., Наумов Д. В. *О некоторых предметах материальной культуры селища Абидня.* — Докл. к XI конф. молодых ученых БССР (ноябрь 1967). Минск, 1967.
- Покровская Е. А., Юра Р. А. *Бронзовая бляха с эмалью.* — КСИА АН УССР, 1962, вып. 12.
- Покровский Ф. В. *Виленский музей древностей.* Вильна, 1892.

- Покровский Ф. В. К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы (1893— 1894 гг.). — Тр. IX АС, М., 1897, т. II.
- Полесских М. Р. Ранние могильники древней Мордвы в Пензенской области. — СА, 1959, № 4.
- Попко О. О. Слов'янські археологічні пам'ятки у нижній течії Десни. — В кн.: Середні віки на Україні. Вип. I. Київ, 1971.
- Придик Е. М. Новые Кавказские клады. — МАР, 1914, № 34.
- Прокопий из Кесарии. Война с готами (кн. IV (VIII)). М., 1950.
- Равдоникас В. И. Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.). Ч. II. — СА, 1950, № 12.
- Розенфельдт И. Г. Щербинское городище. — СА, 1964, № 1.
- Розенфельдт Р. Л. Новые находки на городищах железного века у г. Подольска. — СА, 1972, № 2.
- Рудинський М. Археологічні збірки Полтавського музею. Т. I. Полтава, 1928.
- Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь. — ВДИ, 1939, № 1.
- Рыбаков Б. А. Ранняя культура восточных славян. — ИЖ, 1943, № 11—12.
- Рыбаков Б. А. Поляне и северяне. — СЭ, 1947, т. VI—VII.
- Рыбаков Б. А. Древние элементы в русском народном творчестве. — СЭ, 1948а, № 4.
- Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948б.
- Рыбаков Б. А. Прикладное искусство и скульптура. — ИКДР, т. II. М., 1951.
- Рыбаков Б. А. Древне русы. — СА, 1953а, № 17.
- Рыбаков Б. А. Искусство древних славян. — В кн.: История русского искусства. М., 1953б.
- Рыздзевская Е. А. Клады старых серебряных шейных гривен западного типа. — ЗОРСА, 1915, т. XI.
- Самоквасов Д. Я. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губ., произведенных проф. Д. Я. Самоквасовым в августе 1909 г. М., 1915.
- Самоквасов Д. Я. Раскопки северянских курганов в Чернигове во время XIV Археологического съезда. М., 1916.
- Сизов В. И. Дьяково городище близ Москвы. — Тр. IX АС, М., 1897а, т. II.
- Сизов В. И. Дьяково городище под Москвой и его отношение к смоленским курганам. — Тр. VIII АС, М., 1897б, т. IV.
- Смирнов К. А. Части костюма и украшения, найденные на Троицком городище. — МИА, 1970, № 156.
- Смішко М. Ю., Свешніков І. К. Могильник III— IV століть н. е. у с. Дитиничі Ровенської області. — МДАПВ, 1961, вип. 3.
- Сокольский Н. И. Погребение V в. в Кехах. — СА, 1964, № 4.
- Соловьева Г. Ф. Славянские курганы близ с. Демьянки. — СА, 1967, № 1.
- С[пицын] А. Находка древних вещей в Сувалкской губ. — ЗРАО, 1898, т. X, вып. 1—2.
- Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы. — МАР, 1901, № 25, вып. 1.

- Спицын А. А. *Древности* Камской чуди по коллекции Теплоухова. — МАР, 1902, № 26.
- Спицын А. А. *Городища* дьякова типа. — ЗОРСА, 1903а, т. V, вып. 1.
- Спицын А. А. *Предметы* с выемчатой эмалью. — ЗОРСА, 1903б, т. V, вып. 1.
- Спицын А. А. *Поездка* 1903 г. на оз. Кафтино и Бологое и раскопки близ Рыбинска. — ИАК, 1904, вып. 6.
- Спицын А. А. *Археологический альбом*. — ЗОРСА, 1915, т. XI.
- Спицын А. А. *Археология* в темах начальной русской истории. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922.
- Спицын А. А. *Об* сучасным становішчы архэолёгічных дасьледаў аб Беларусі. — Прот. докл. в «Працы першага зьезду дасьледчнкаў беларускае архэолёгіі і архэографіі». Менск, 1926.
- Спицын А. А. *Древности* антов. — В кн.: Сборник в честь А. И. Соболевского. — ИОРЯС, 1928а, т. CI, № 3.
- Спицын А. А. *Мои* научные работы. — СК, 1928б, т. II.
- Станкевич Я. В. *Памятники* славянской культуры середины I тысячелетия н. э. в верхнем течении Западной Двины. — КСИИМК, 1958, вып. 72.
- Станкевич Я. В. *К* истории населения Верхнего По-
двинья в I и начале II тысячелетия н. э. — МИА, 1960, № 76.
- Старостин П. Н. *Новый* памятник предболгарского времени на Нижней Каме. — СА, 1961, № 1.
- Стубавс А. Л. *Раскопки* городища Кентескалнс в 1954—1956 гг. — В кн.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959.
- Талицкая И. А. *Материалы* к археологической карте бассейна р. Камы. — МИА, 1952, № 27.
- Тиханова М. А. *О* локальных вариантах черняховской культуры. — СА, 1957, № 4.
- Тищенко А. В. *Отчет* о раскопках 1910 и 1911 гг. в Новгородской губернии. — ИАК, 1914, вып. 53.
- Толстов С. П. *Из* предыстории Руси. — СЭ, 1947, т. VI— VII.
- Толстой И. И. *Клад* византийских и римских монет IV и V вв. — ЗРАО, 1892, т. V.
- Толстой И. И., Кондаков Н. П. *Русские* древности в памятниках искусства. Вып. 3. СПб., 1890.
- Толстой И. И., Кондаков Н. П. *Курганные* древности и клады домонгольского периода. СПб., 1897.
- Третьяков П. Н. *К* истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. — МИА, 1941а, № 5.
- Третьяков П. Н. *Северные* восточнославянские племена. — МИА, 1941б, № 6.
- Третьяков П. Н. *Древнейшие* городища Верхнего Поволжья. — СА, 1947, № 9.
- Третьяков П. Н. *Восточнославянские* племена. М., 1948. Изд. 2-е. М., 1953.
- Третьяков П. Н. *Археологические* памятники древнерусских племен. — УЗЛГУ, 1949, № 85. Сер. истор. наук, вып. 13.
- Третьяков П. Н. *Финно-угры, балты* и славяне на Днепре и Волге. М. — Л., 1966.
- Третьяков П. Н. *Зарубинецкая* культура и поднепровские славяне. — СА, 1968а, № 4.

- Третьяков П. Н. О древнейших русах и их землях. — В кн.: Славяне и Русь. М., 19686.
- Трубникова Н. В. Раскопки на городище Ножа-Вар близ д. Сареево в 1958—1959 годах. — УЗЧувашиЯЛИЭ, 1964, вып. 25.
- Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда. Т. I. Харьков, 1902.
- Тышкевич К. О курганах в Литве и Западной Руси. Вильна, 1865.
- Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. — МАК, 1900, № 8.
- Удальцов А. Д. Племена европейской Сарматии II в. н. э. — СЭ, 1946, № 2.
- Указатель выставки Киевского городского музея древностей и искусств 1897 г. Киев, 1897.
- Уртан В. Связи населения Латвии со славянами во второй половине I тысячелетия. — AuE, t. VIII.
- Успенская А. В. Успенское городище. — КСИИМК, 1957, вып. 68.
- Ф[илимонов] Г. Краткое известие о раскопке Чертова городища под Москвой. — ВОДР при МПМ 1874—1876 гг. Смесь, М., 1876, № 1—12.
- Фролов И. К. Подвеска из Дмитровского могильника. — В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969а.
- Фролов И. К. Подвеска с выемчатой эмалью из Орловского музея. — КСИА, 1969б, вып. 119.
- Хвойко В. В. Поля погребений в Среднем Поднепровье. — ЗРАО, 1901, т. XI, вып. 1—2.
- Хойновский И. А. Краткие археологические открытия. Киев, 1896.
- Черепнин А. И. Местная старина. Кузьминский могильник. — Тр. РУАК, 1897, т. XII, вып. 2.
- Черниговский соединенный исторический музей Городской ученой архивной комиссии в память 1000-летия летописного существования г. Чернигова. Каталог музея. Чернигов, 1915.
- Чернягин Н. Н. Длинные курганы и сопки. — МИА, 1941, № 6.
- Черняховская культура. М., 1960 (МИА, № 82).
- Шмидехельм М. Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955.
- Шмидт Е. А. Исследования в Смоленском Поднепровье. — АО 1967 года, 1968.
- Шноре Э. Д. Асотское городище. Рига, 1961.
- Штыхов Г. В. Раскопки в Северной Белоруссии. — АО 1971 года, 1972.
- Шугаевский В. Татарская горка близ города Чернигова. — В кн.: Труды Московского предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда. М., 1911.
- Яблонските-Римантене Р. О древнейших культурных областях на территории Литвы. — СЭ, 1955, № 3.
- Якубовский А. С. Новый тип подвески-лунницы с городища Ножа-Вар. — УЗ ЧУВАШИЯЛИЭ, 1964, вып.

Рис. 1. 1, 2 — Борзна (781); 3а—3в — Борзна (782а); 3г—3ж — Борзна (782б).

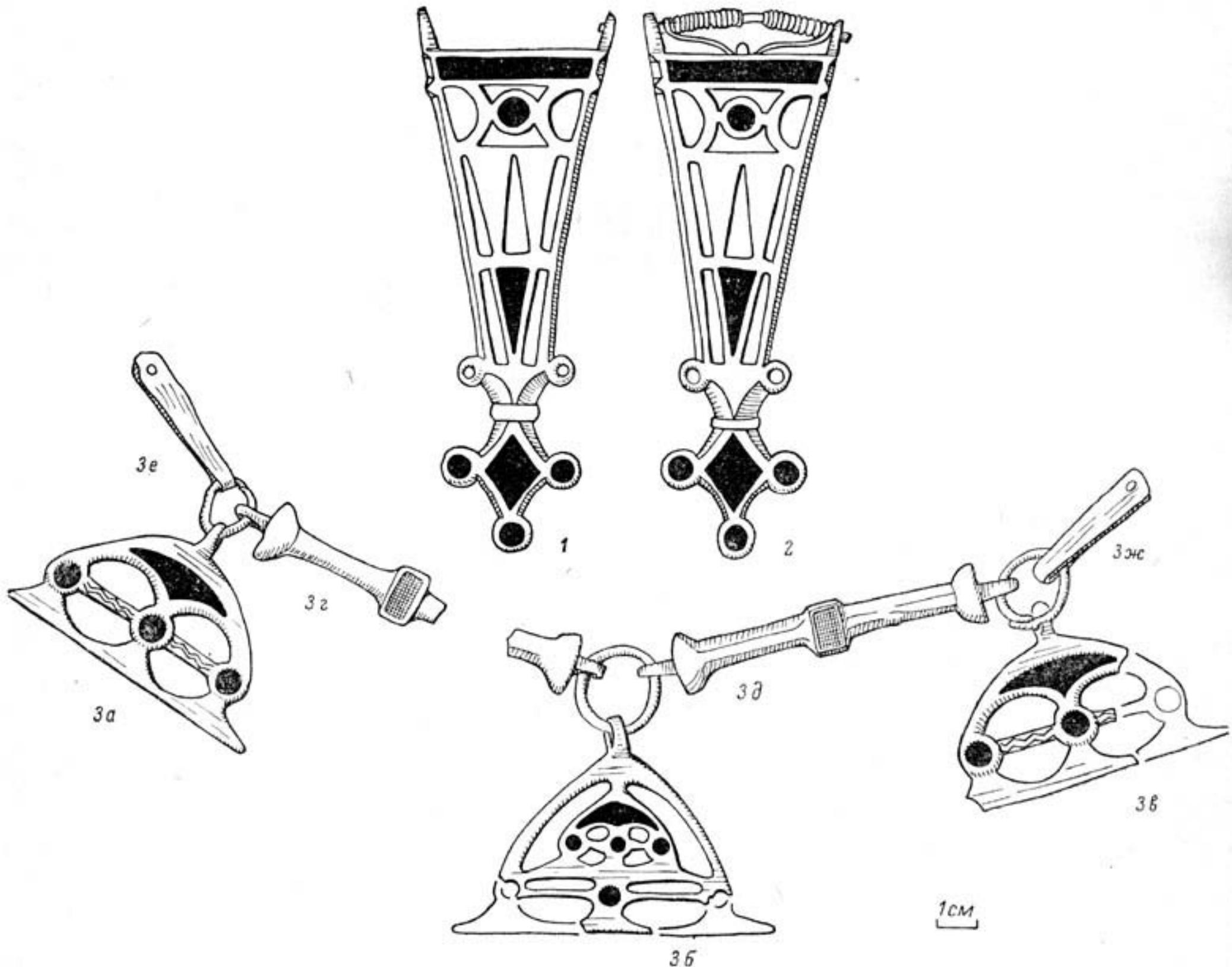
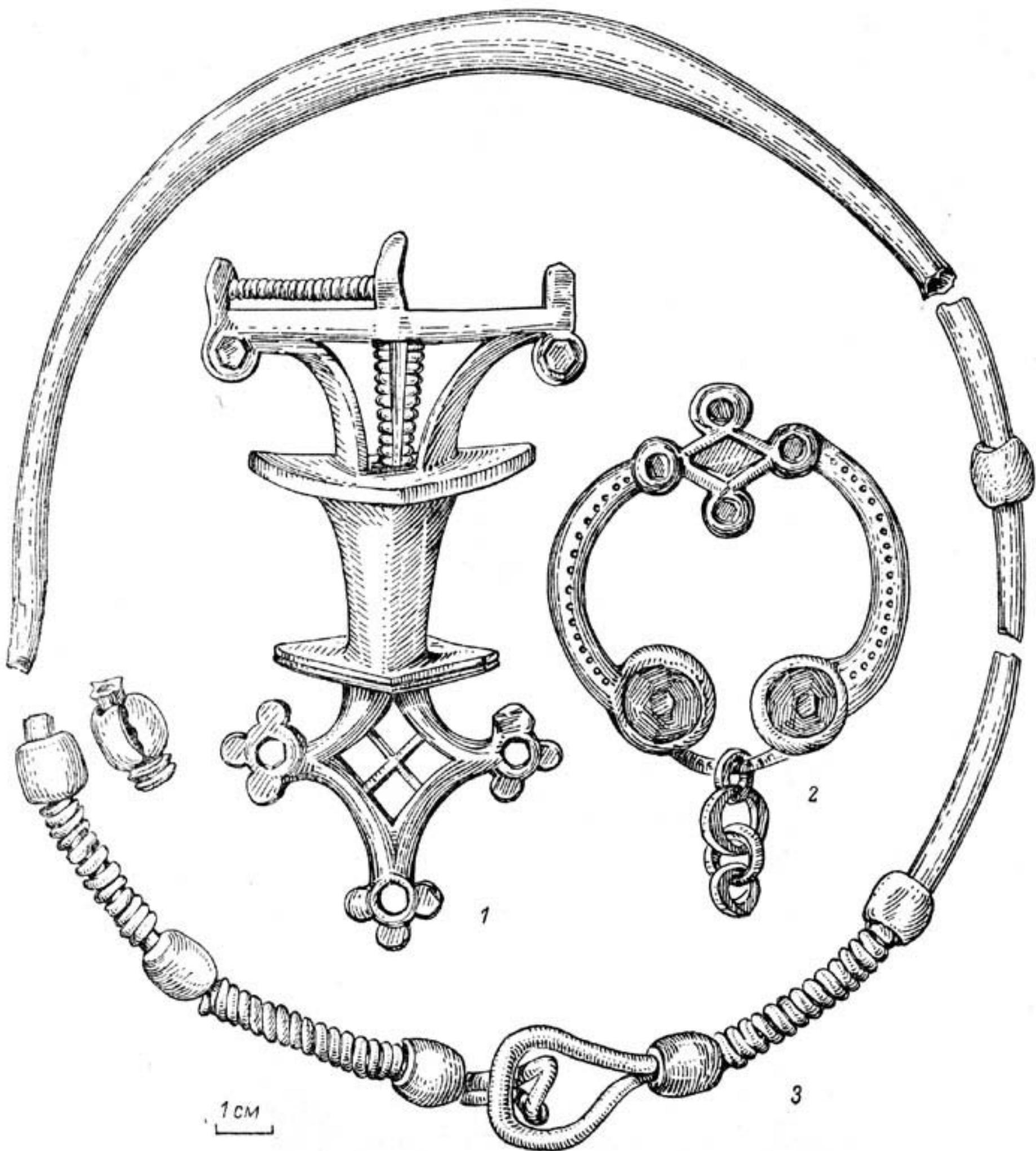
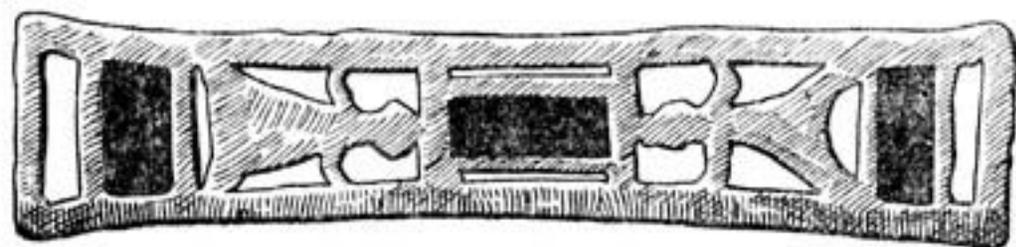
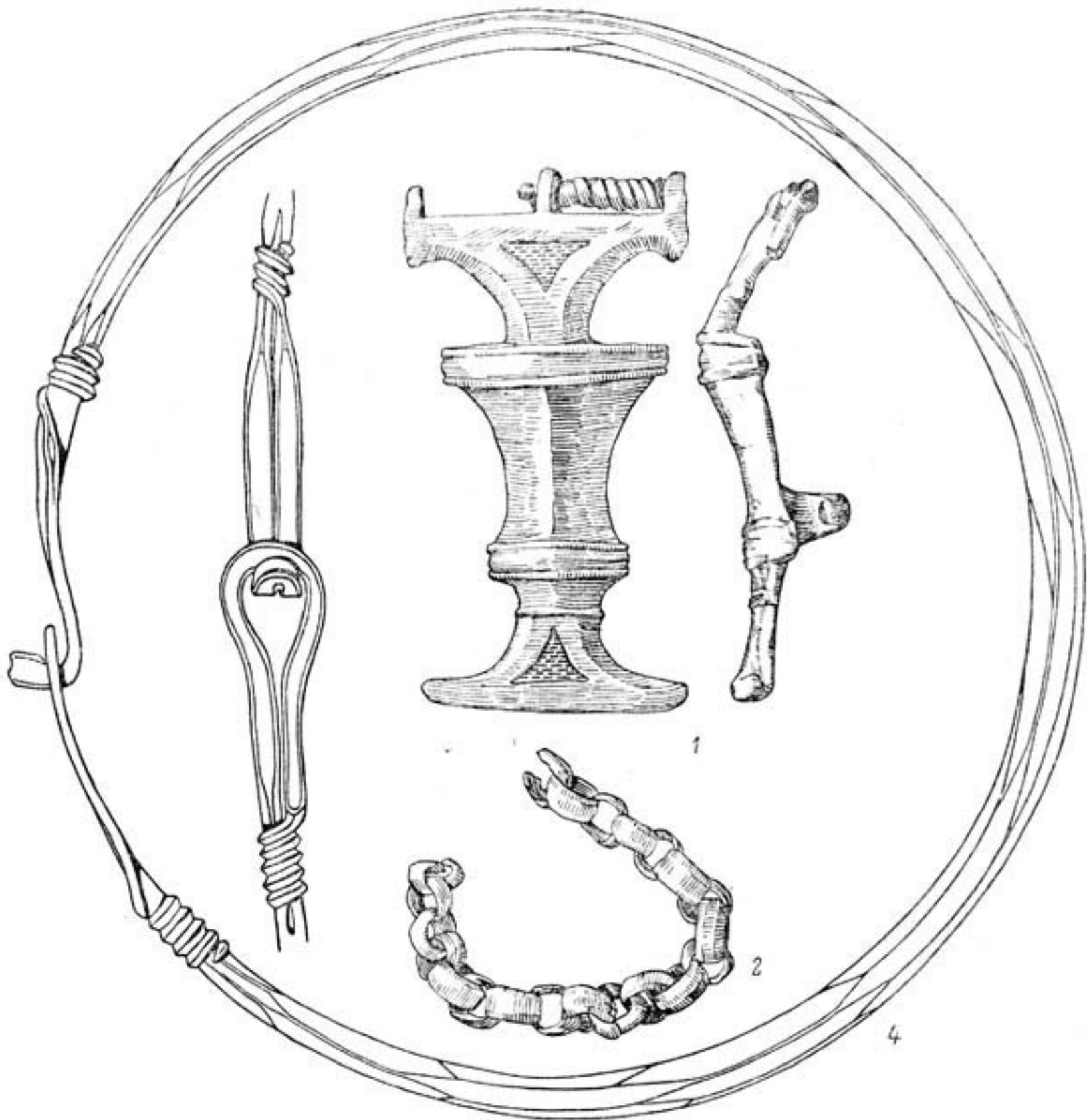

Рис. 2. 1, 2 — Глажево (831, 2); 3 — Козловка (84).

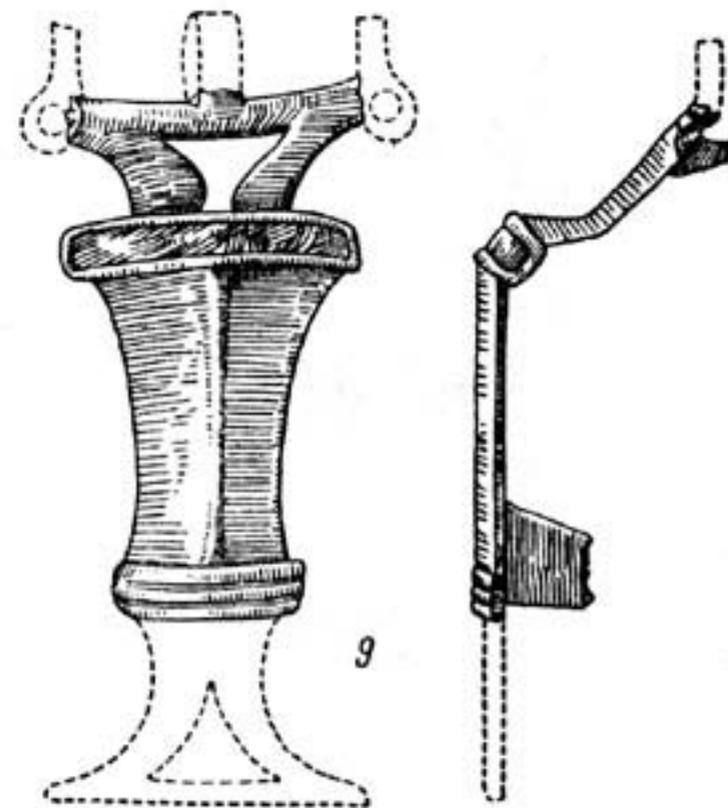
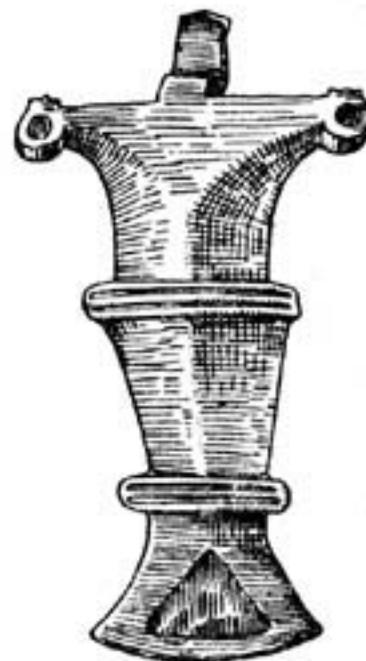
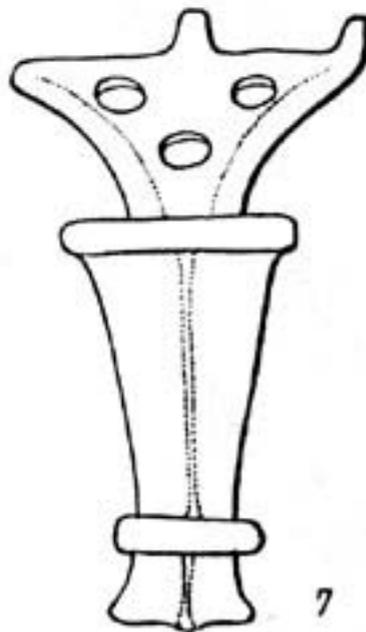
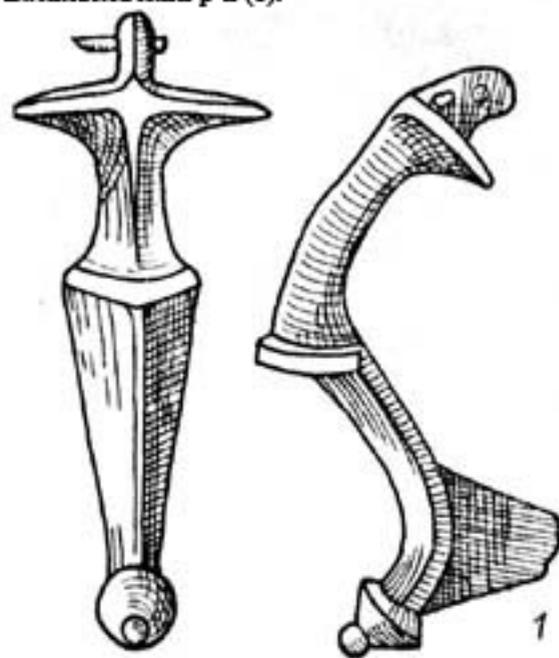

1cm

3

Рис. 4. 1, 2, 8 — Хмельна (301, 3, 6); 3 — Ромашки (121); 4 — Григоровка (23); 5, 7 — Среднее Поднепровье (362, 3); 6 — Киево-Святошинский р-н (16); 9 — Васильковский р-н (8).

1 CM

Ил. 5. 1 — Ковонча (331); 2 — Степанцы (35); 3, 6 — Ромашки (122, 3); 4 — Головятново (541);
7 — Черняхов (133); 8 — Старогородка (74).

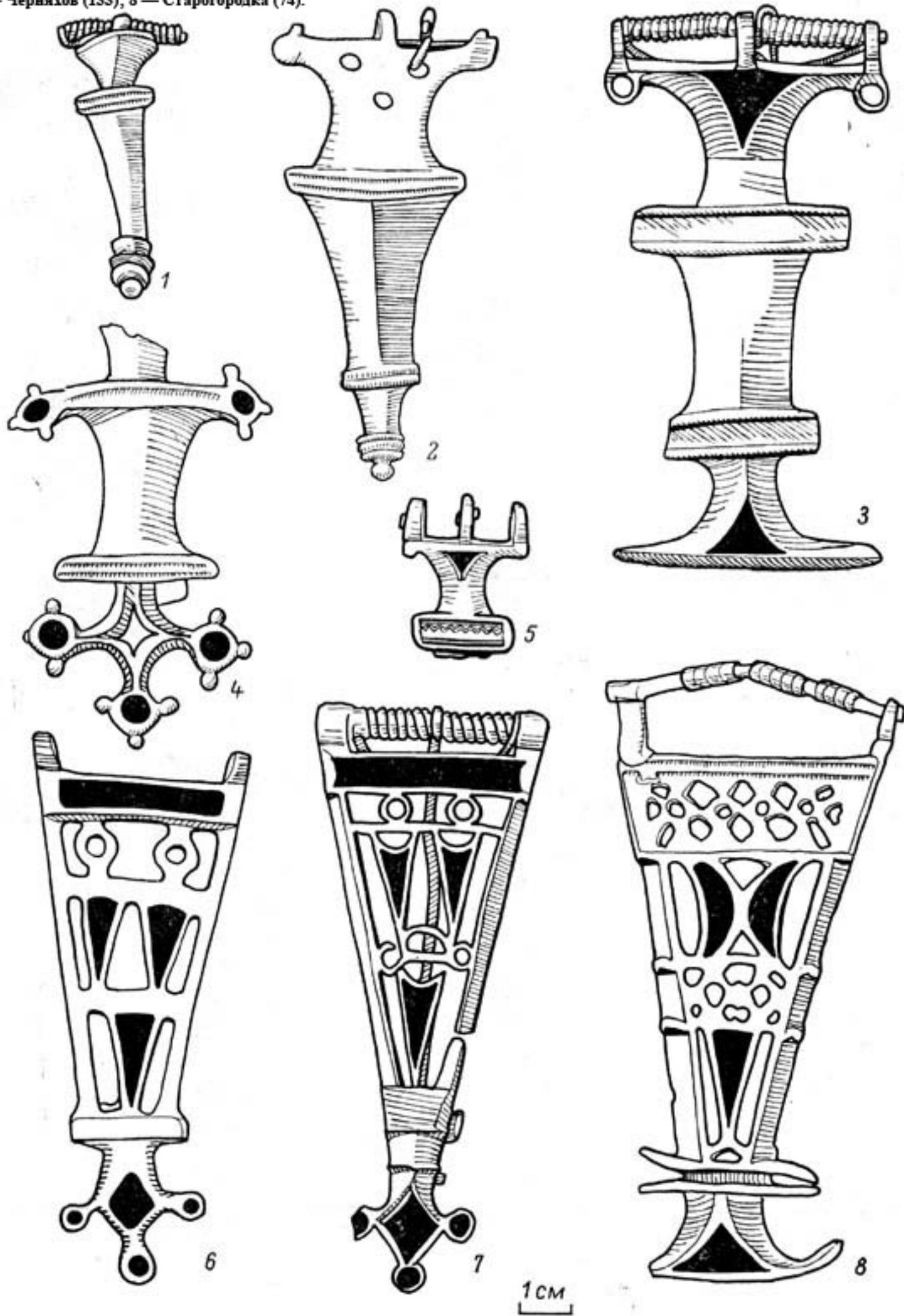

Рис. 6. 1 — Михайловка Васильковского р-на (10); 2, 3 — Черняхов (132, 1); 4, 6 — Хмельна (307, 8); 5 — Татарская Горка (76); 7 — Новые Безрадици (41); 8а, 8б, 9, 10 — Кветуль (823, 2, 1); 11 — Каневский р-н (41).

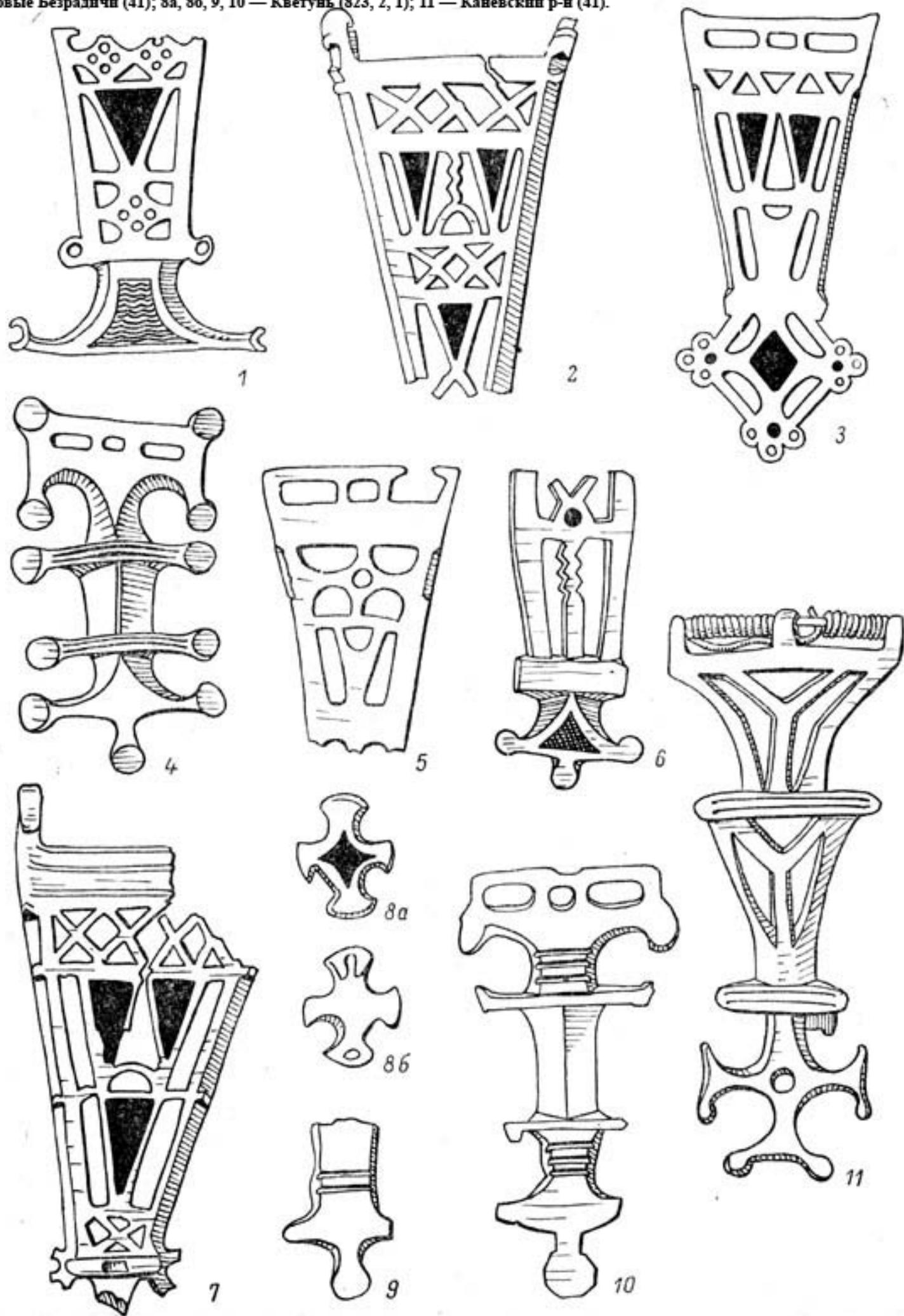

Рис. 7. 1, 10 — Среднее Поднепровье (865, 6); 2, 4 — Малый Букрин (19—21, 2); 3 — Каневский р-н (45); 5 — Гросянец (261);
6 — Гришинцы (252); 7 — Головатино (542); 8, 11 — Черняхов (135, 4); 9 — Пастерское (572).

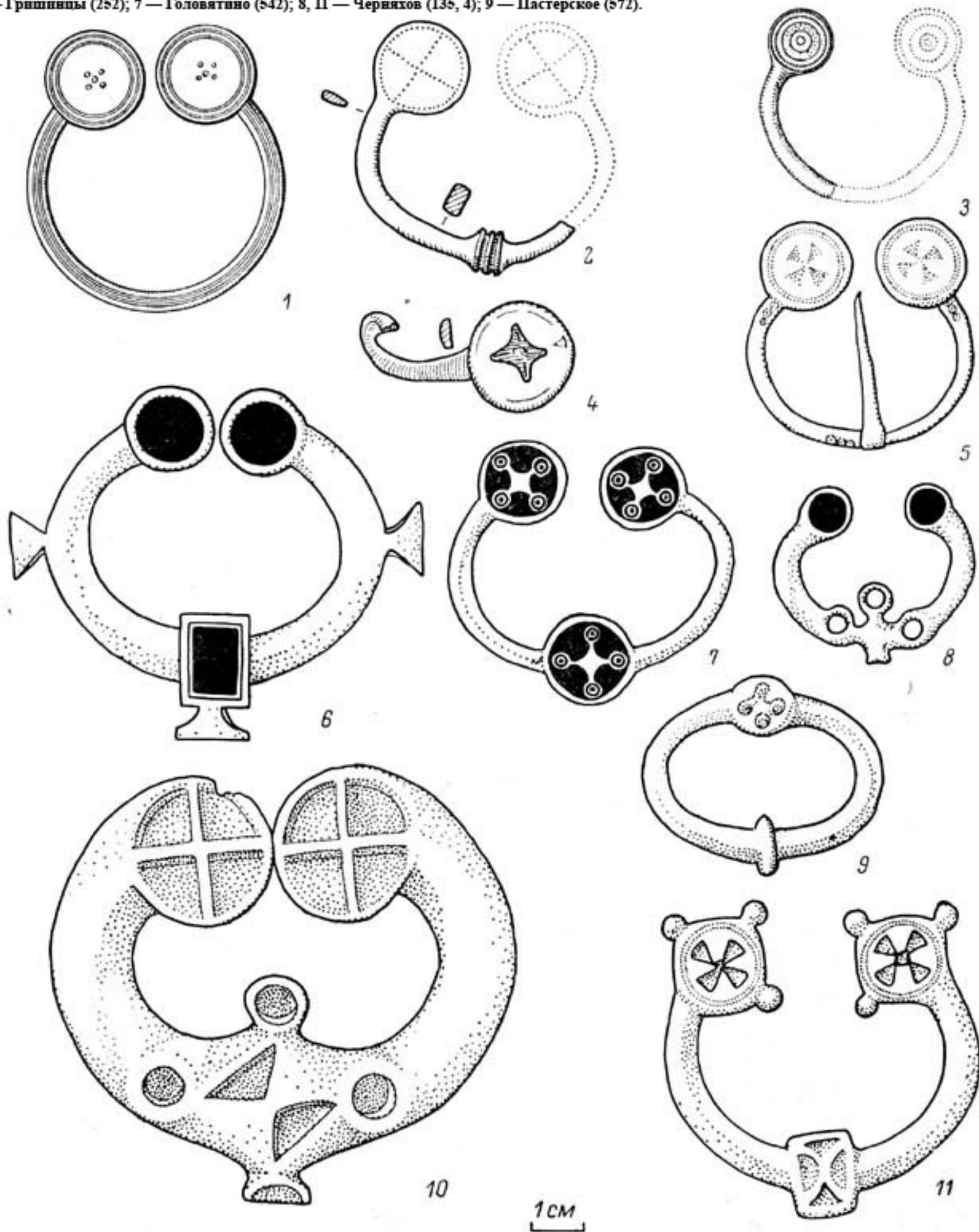

Рис. 8. 1, 4, 7 — Малый Букрин (19—213, 5, 4); 2 — Киев (32); 3 — Липлява (673); 5 — Вишенки (702); 6 — Ахтырка (61);
 8, 12, 14 — Гута Комаровская (391, 2, 8); 9 — Каневский р-н (47); 10 — Шмырева (62); 11, 15, 16 — Среднее Поднепровье (8617, 14, 10);
 13 — Переяслав-Хмельницкий (68).

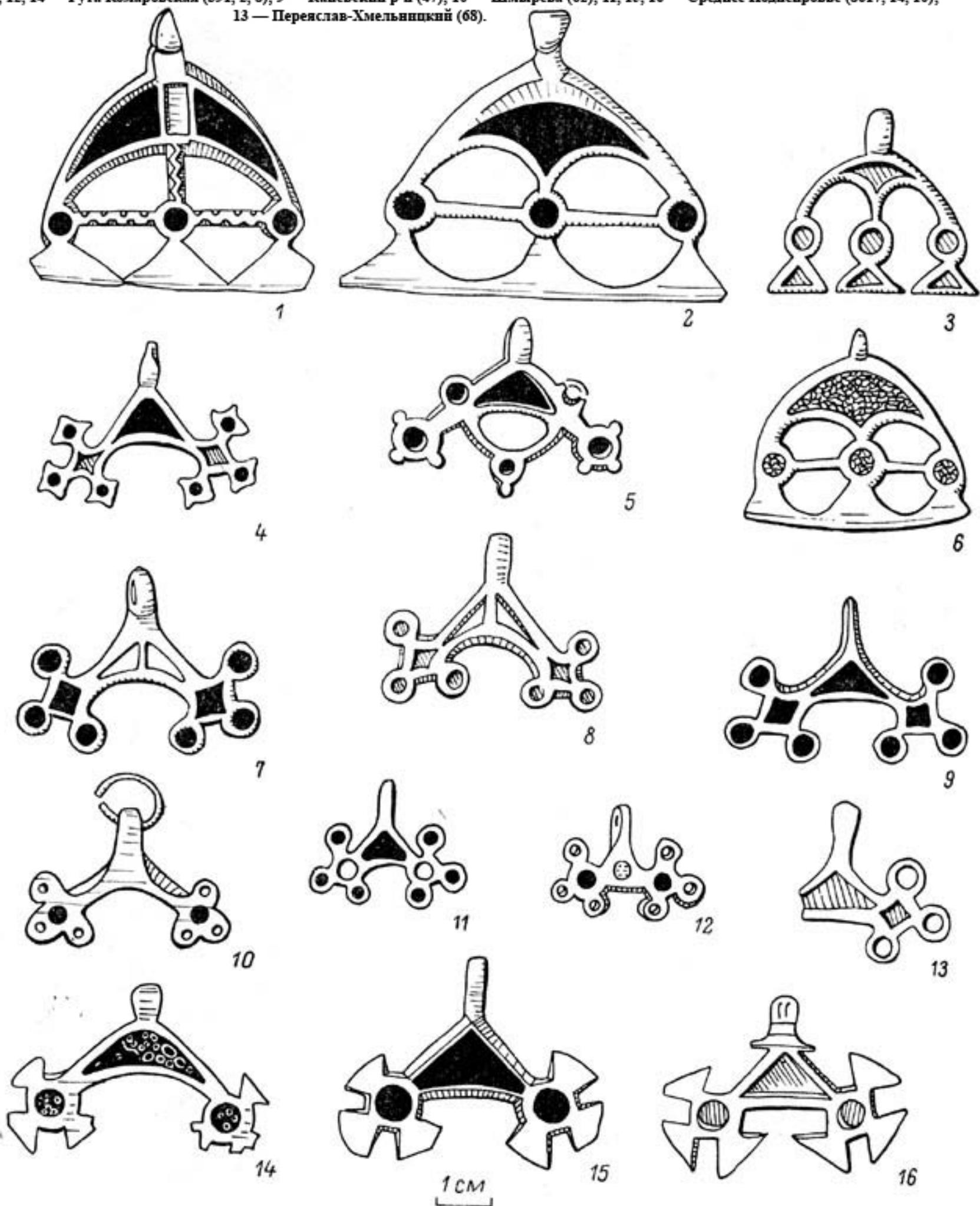

Рис. 9. 1 — Черкасский р-н (53); 2 — Колоберда (312); 3 — Крешатки (312); 4 — Каневский р-н (49); 5 — Между Межиричи и Бабичи (34); 6 — Кагарлык (15); 7, 9, 14 — Среднее Поднепровье (8611-13); 8 — Малый Букрин (19—216); 10 — Теплиевка (382); 12 — Каневский р-н (48); 13 — Горща (772); 13—17 — Абидня (2421, 2, 4).

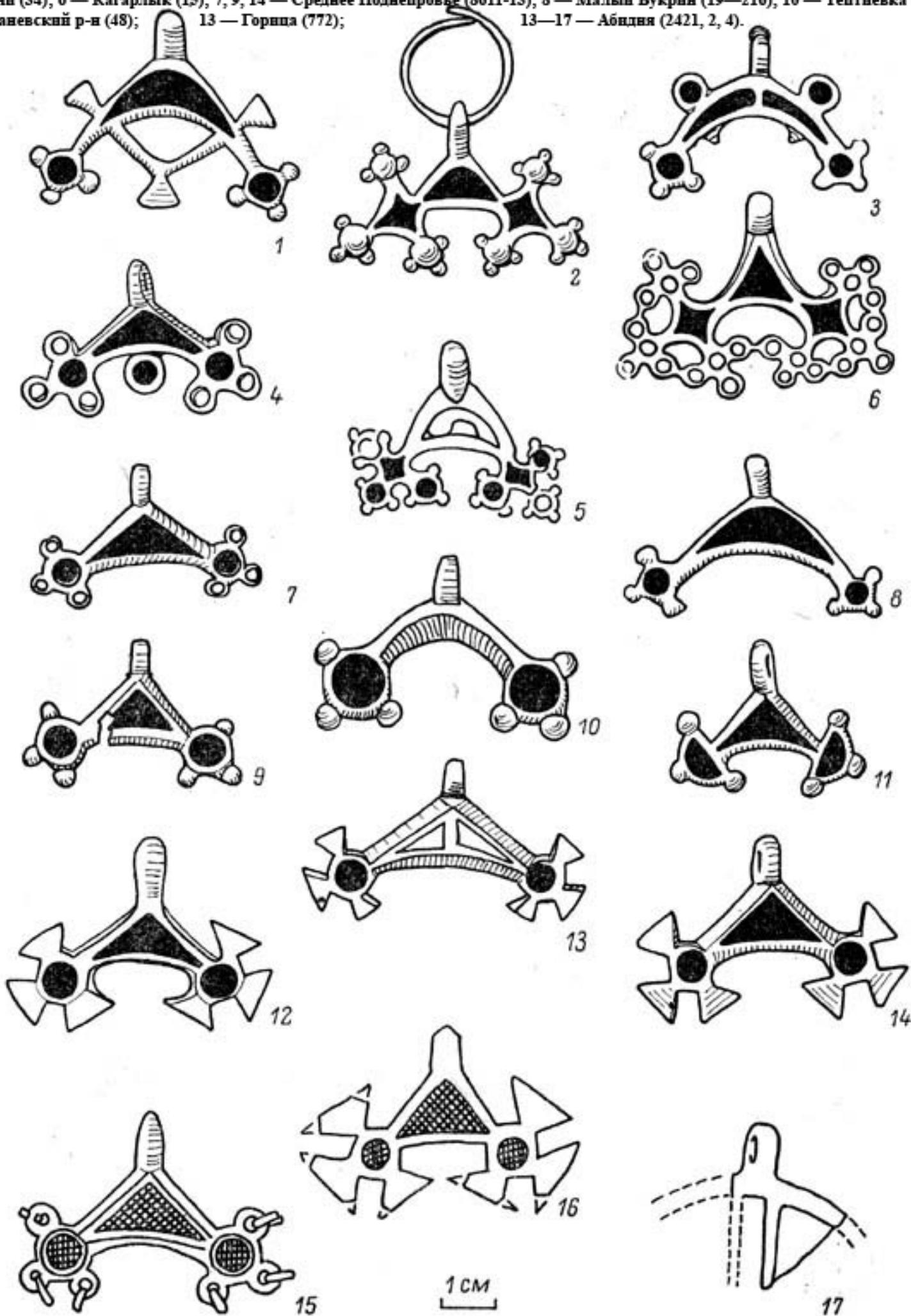
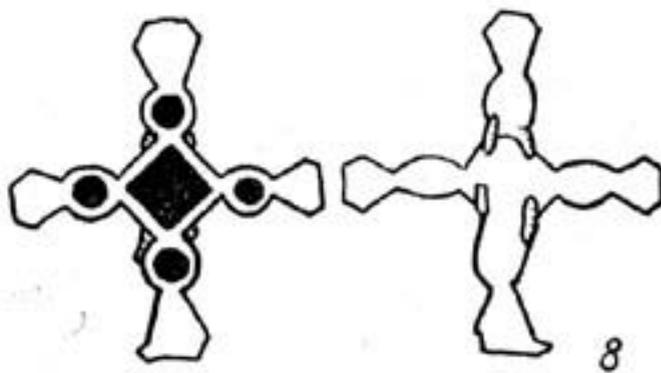
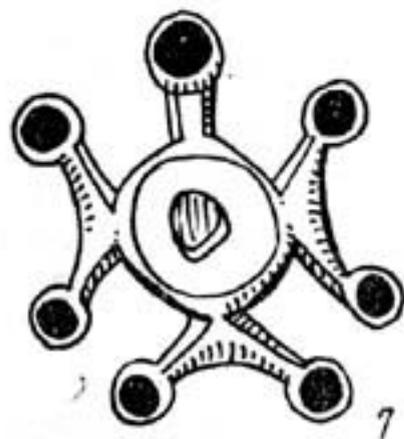
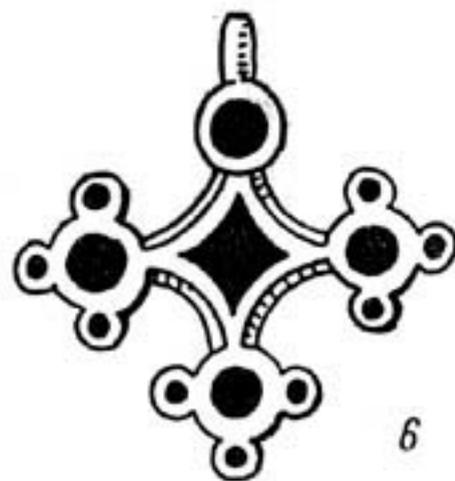
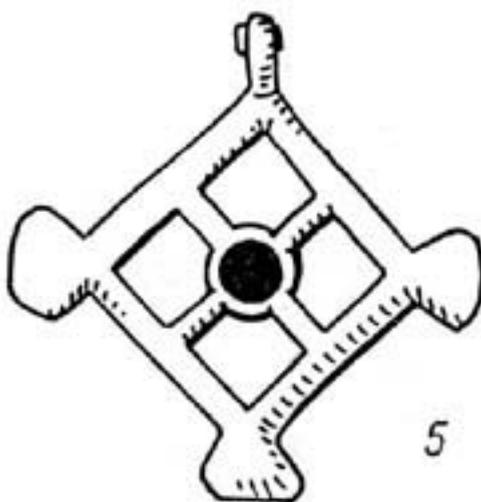
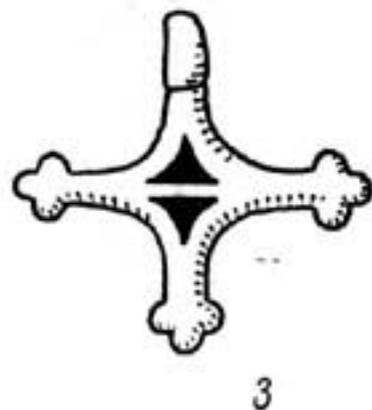
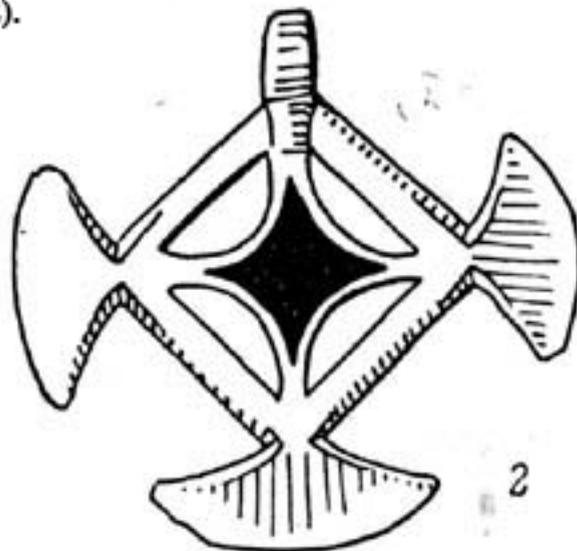

Рис. 10. 1, 3 — Горница (774, 3), 2 — Стайки (142); 4 — Черняхов (136); 5 — Тростянец (262); 6 — Прогоны (79); 7, 8 — Среднее Поднепровье (8621, 22).

1 CM

Рис. 11. 1 — Гули (36); 2 — Большая Салтановка (9); 3—5 — Среднее Поднепровье (8619, 25, 26); 6 — Вишенки (703);
7 — Стайки (141); 8 — Куты (71); 9 — Каневский р-н (50).

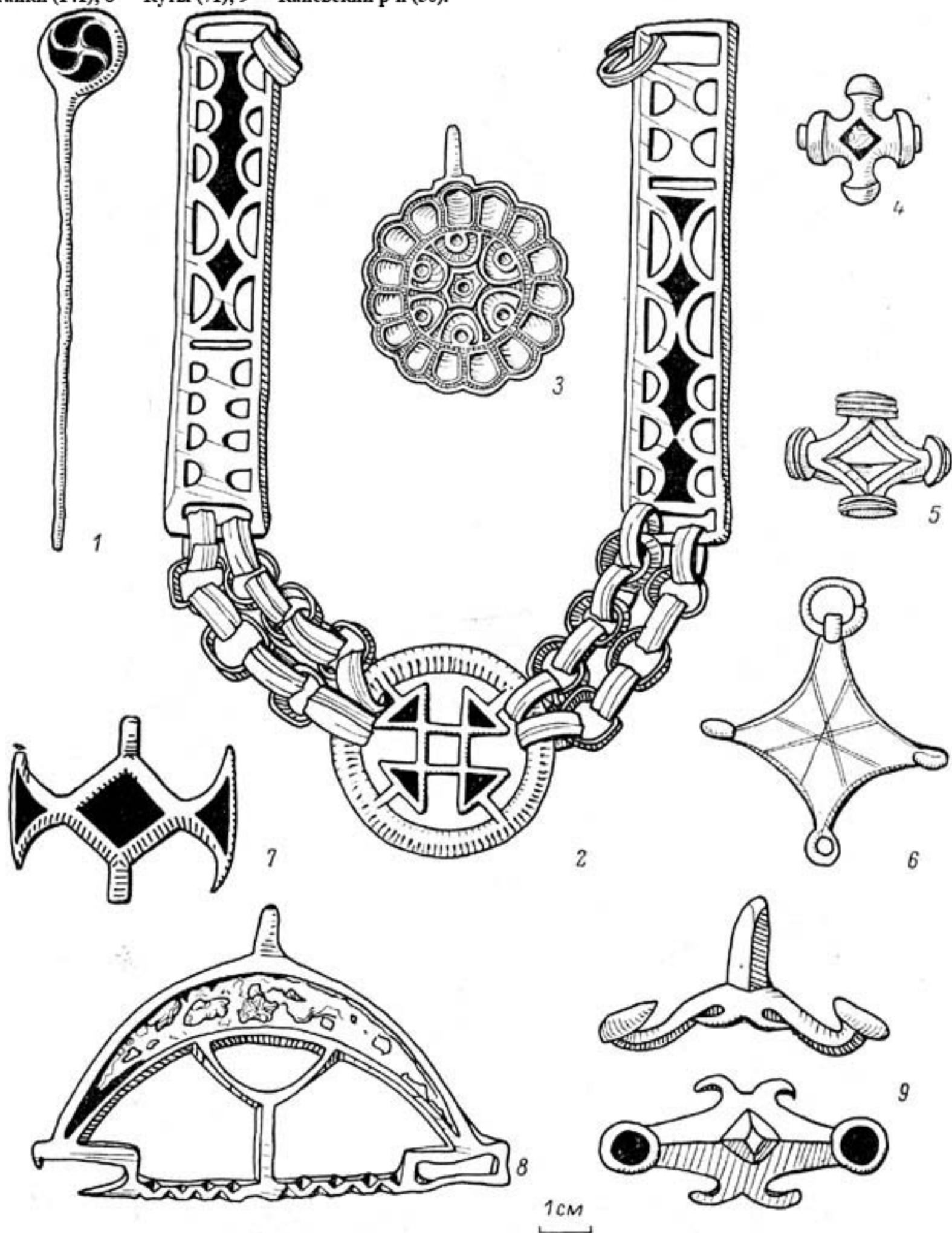

Рис. 12. 1 — Хмельна (302); 2 — Зарубинцы (221); 3 — Броваха (40); 4 — Масловка (114); 5, 6 — Плютенцы (652); 7 — Пастерское (574); 8, 9 — Стугна (51, 2); 10 — Вишенки (701); 11 — Колоберда (663).

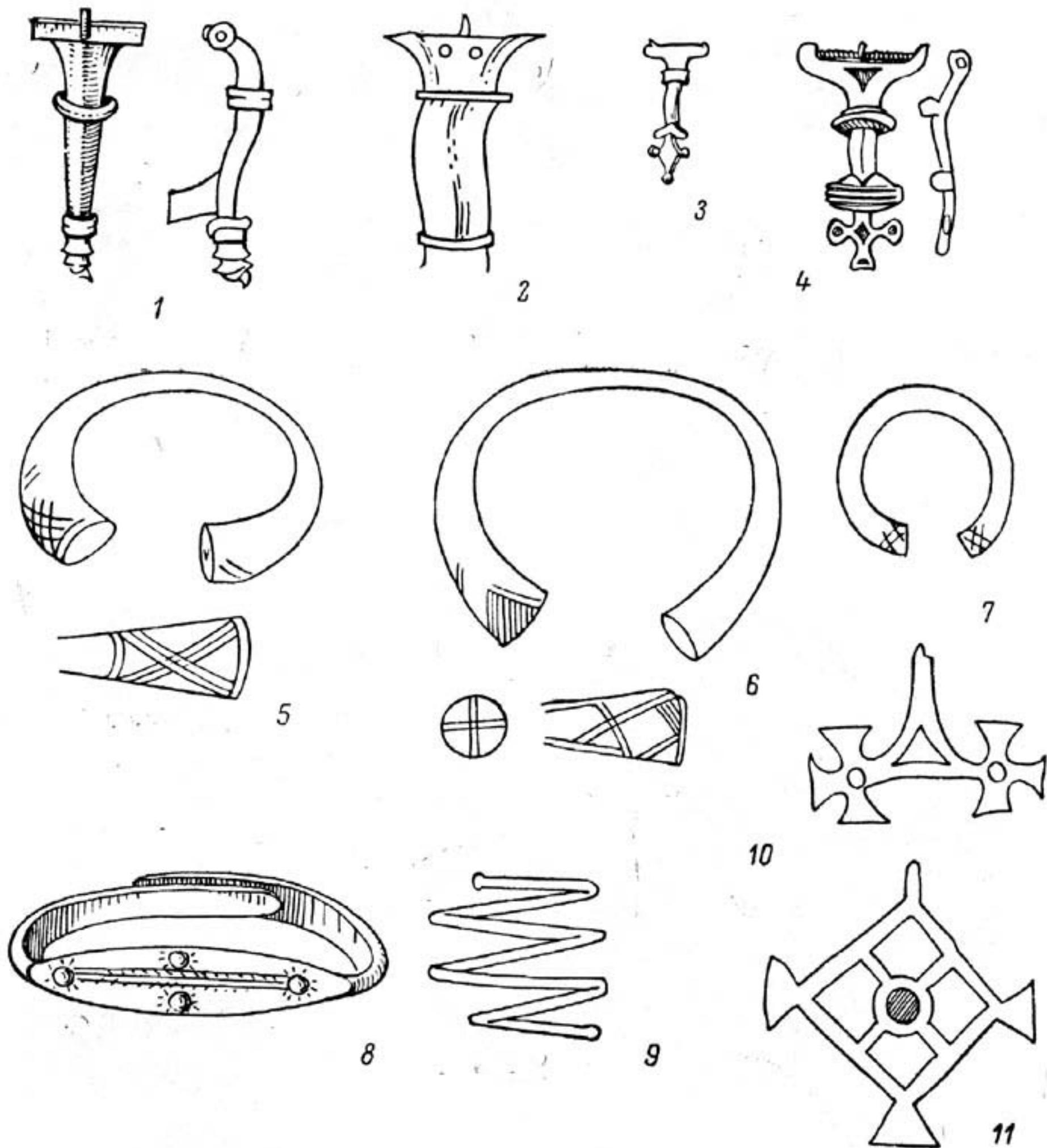
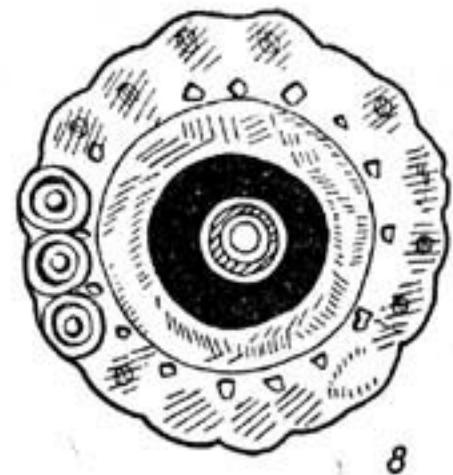
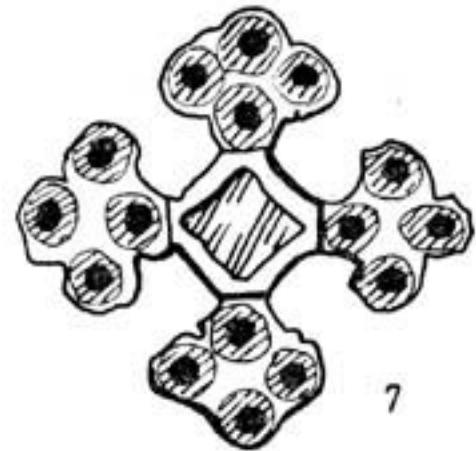
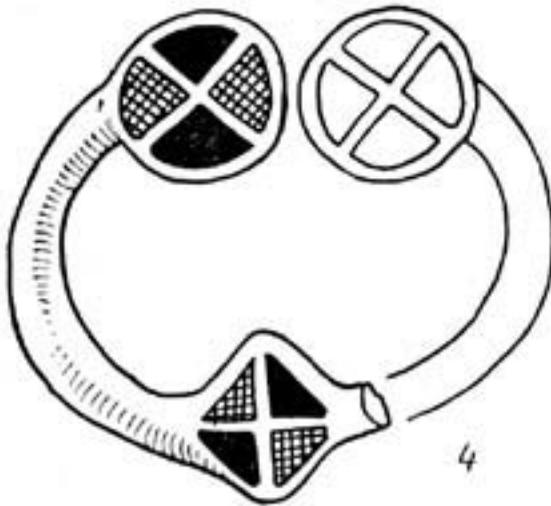
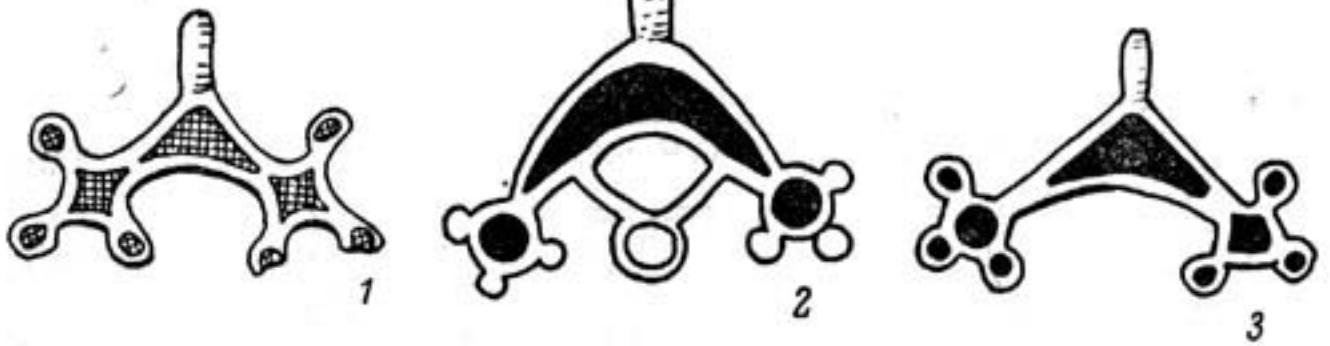

Рис. 13. 1 — Среднее Поднепровье (8615); 2 — Черняхов (137); 3 — Ромашки (124); 4 — Хмельна (309);
5 — Липлява (671); 6 — Михайловка Черкасского р-на (32); 7 — Яунтевененс (182); 8 — Кярде (167).

1 cm

Рис. 14. 1 — Городок (243); 2 — Малышки (238); 3, 5 — Щепилово (93); 4 — Жабино (244); 6 — Огубское городище (942); 7 — Христова (87); 8а—8г, 13 — Березняки (1082, 1); 9 — городище Дуна (912); 10 — Светлые Вешки (170); 11 — Ямщичина (246); 12 — Броды (III).

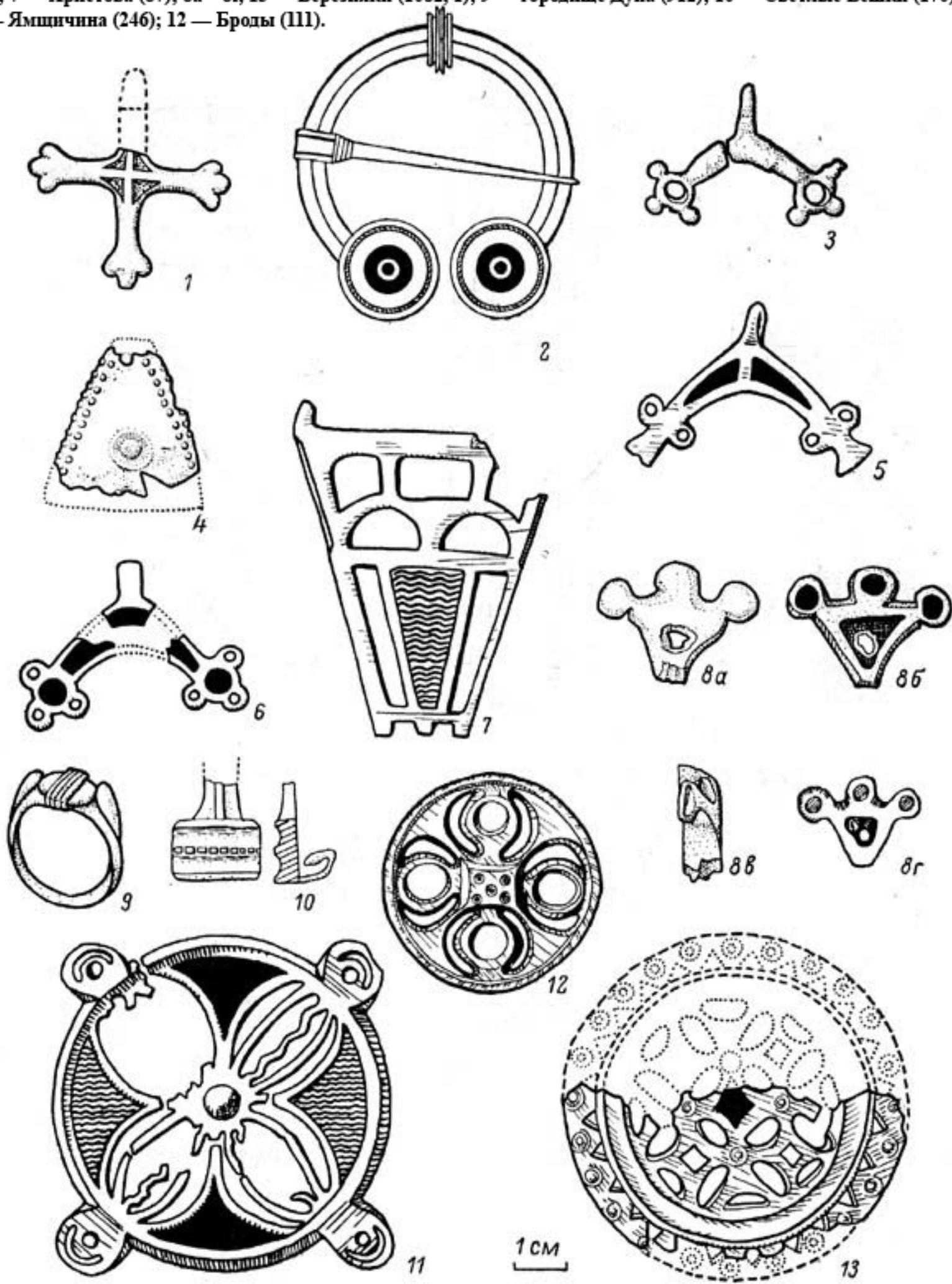
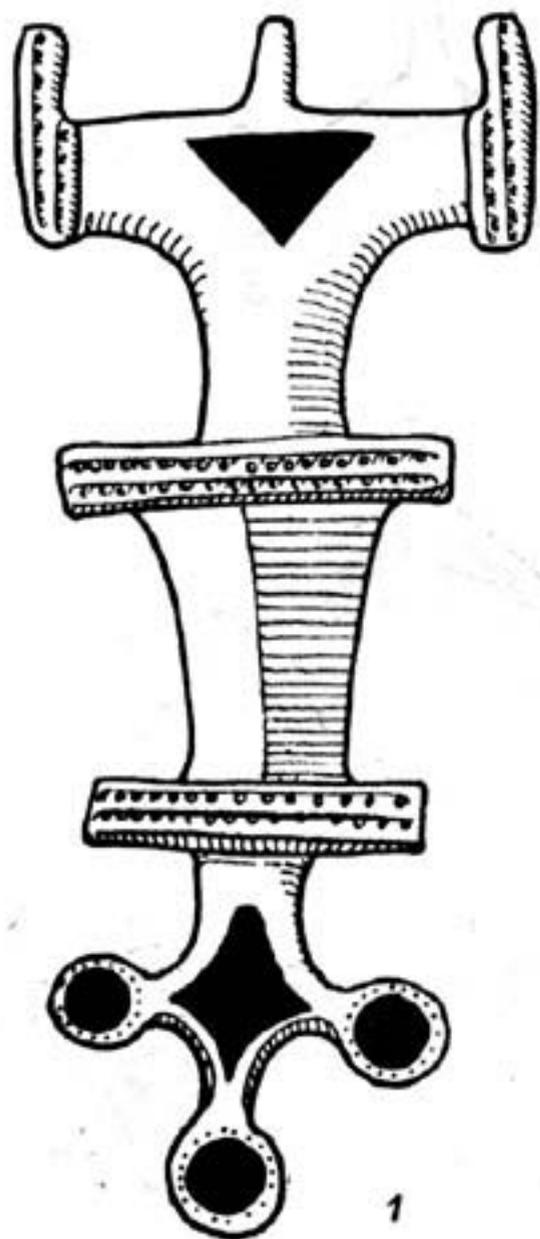
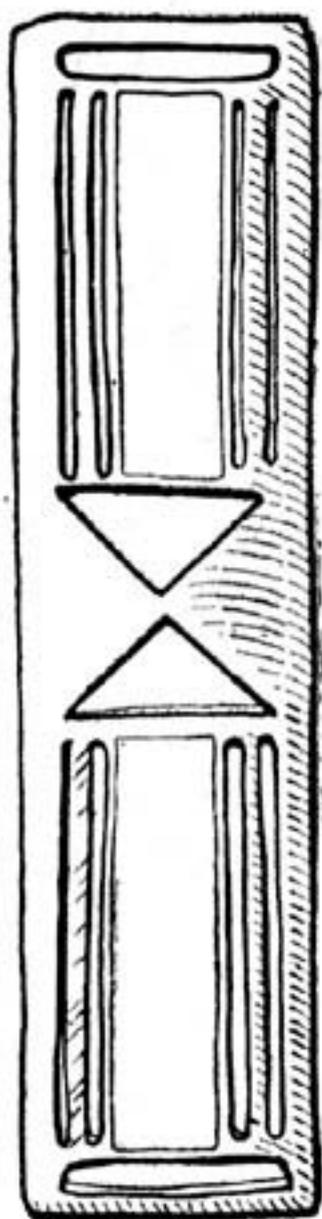

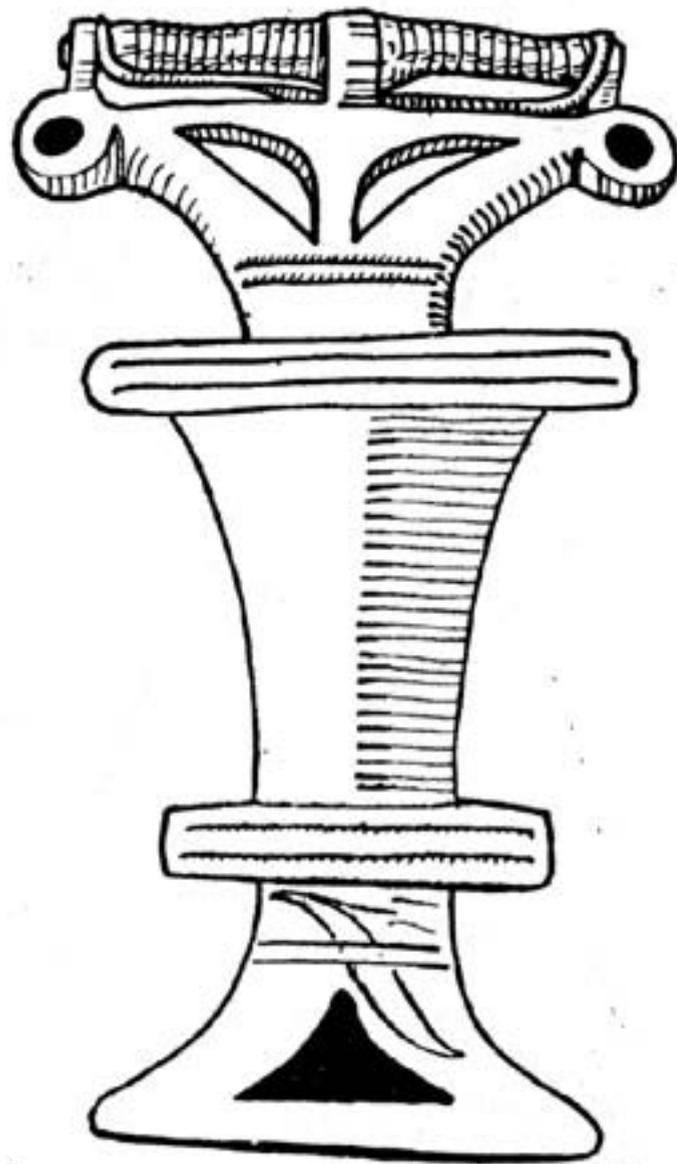
Рис. 15. 1 — Федяшева (92); 2, 4 — Огубское городище (941, 3); 3 — городище Дуна (911).

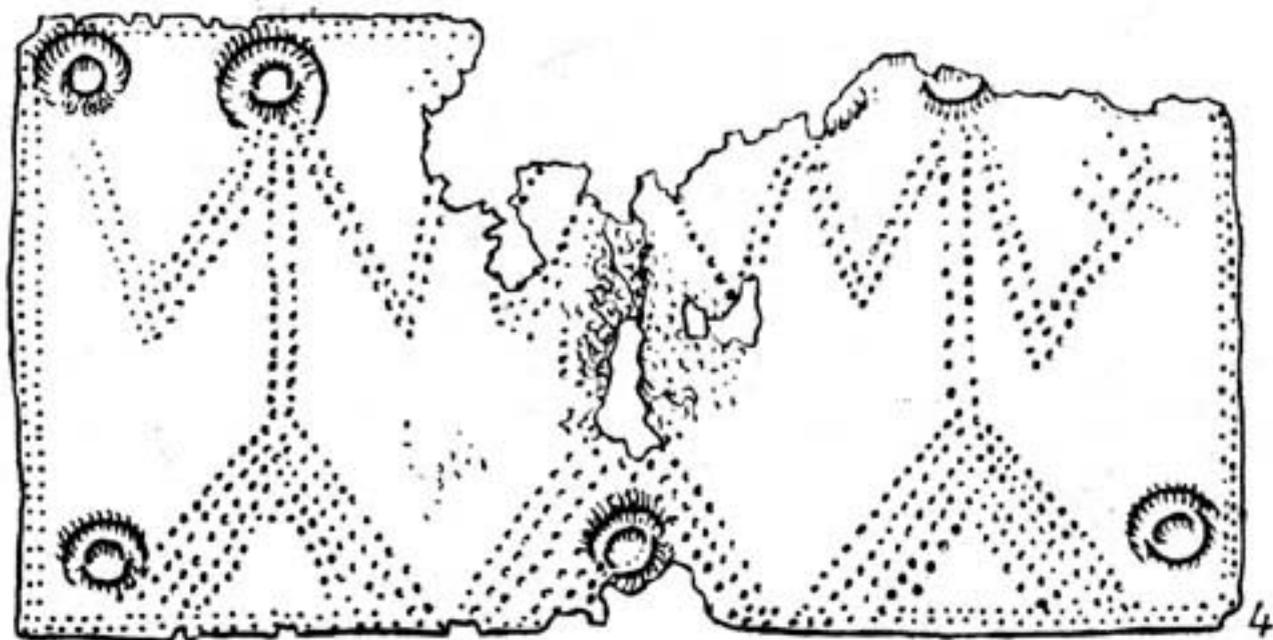
1

2

3

4

1 cm

Рис. 16. 1 — Муром (105); 2 — Кирьянова (107); 3 — Кузьминское (101);
4 — Дьяково (100); 5 — Грехов Ручей (106); 6 — Усть-Царевское (109).

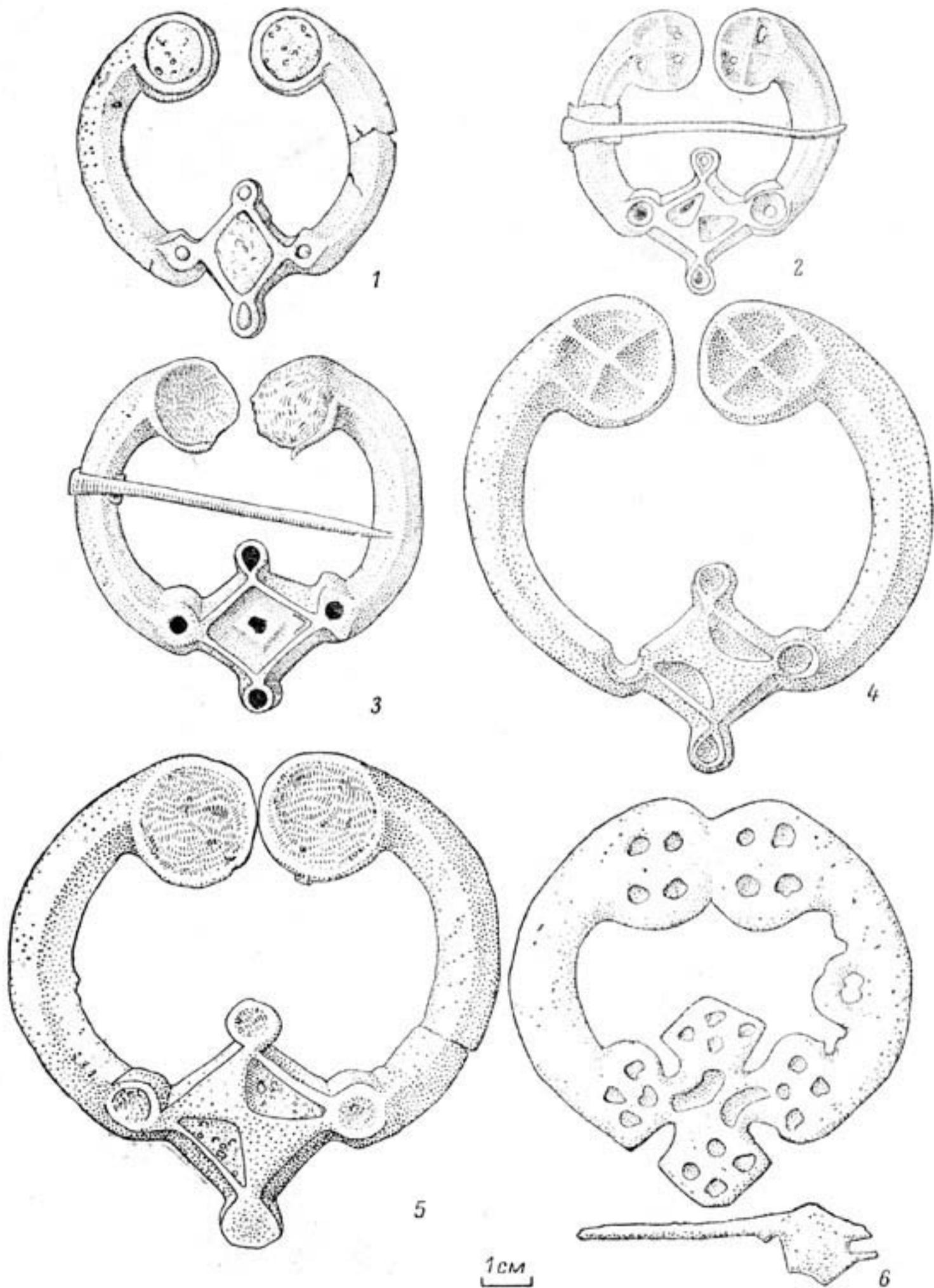
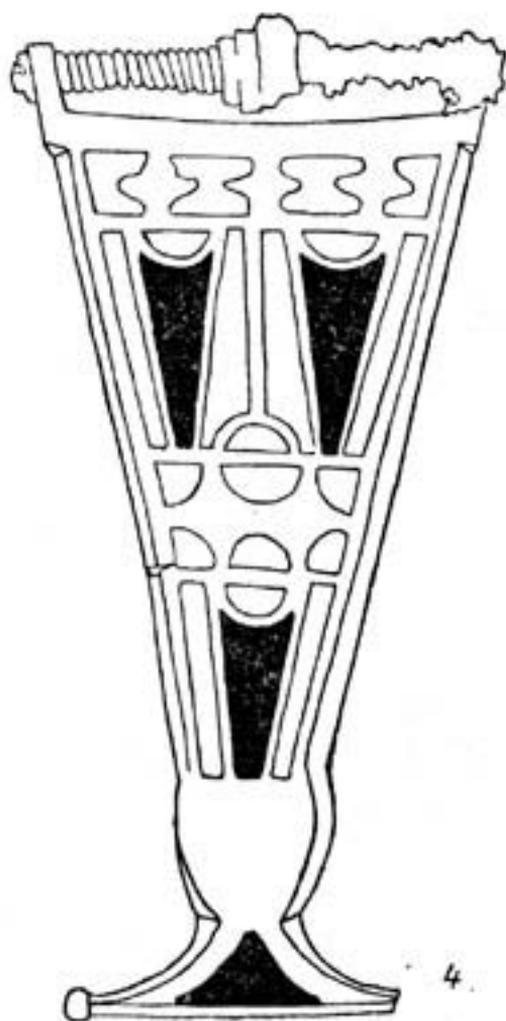
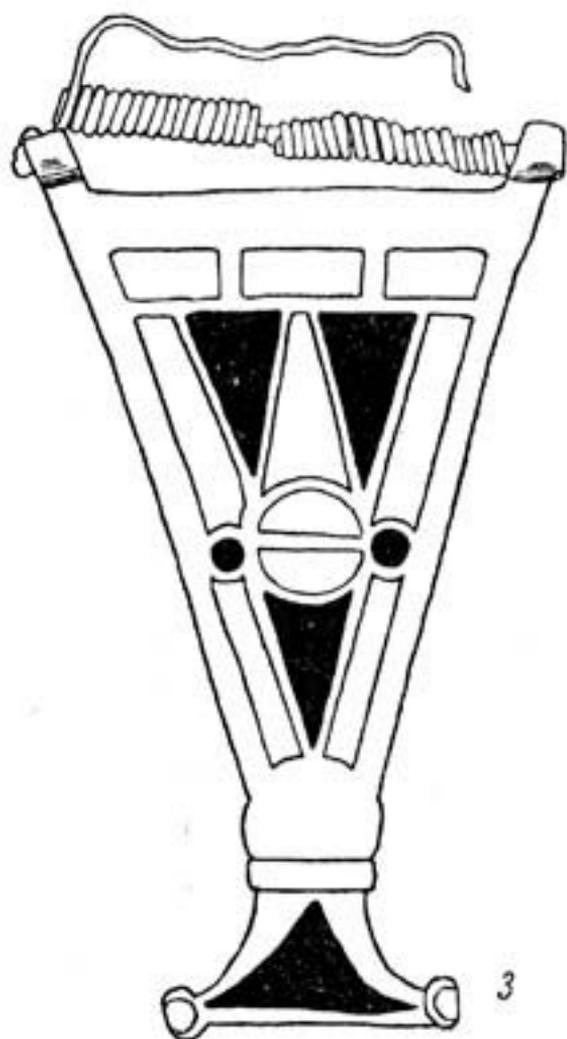
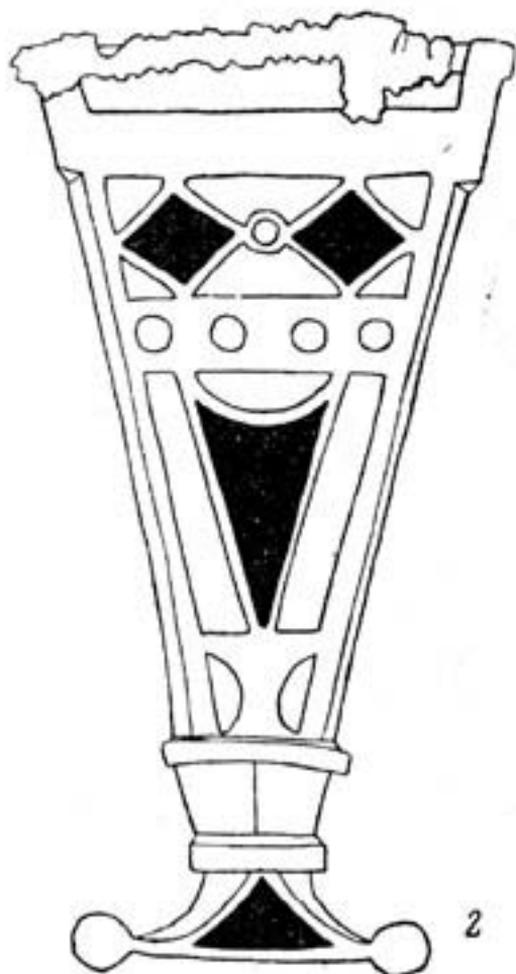
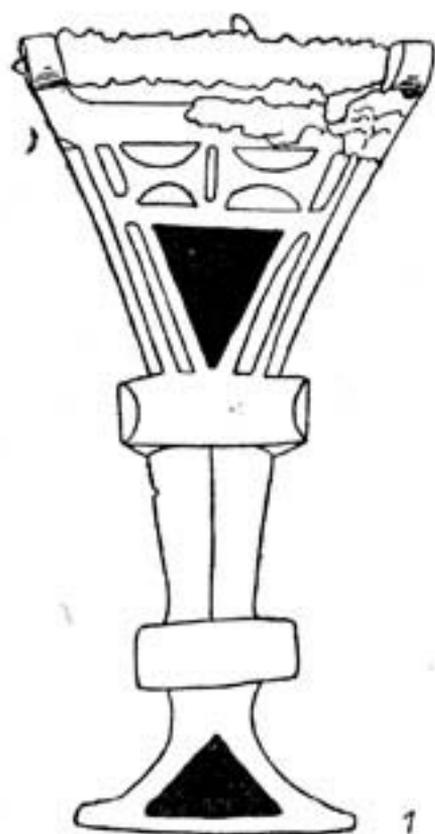

Рис. 17. 1—4 — Мощина (90).

1cm

Рис. 18. 1—6 — Мощина (90).

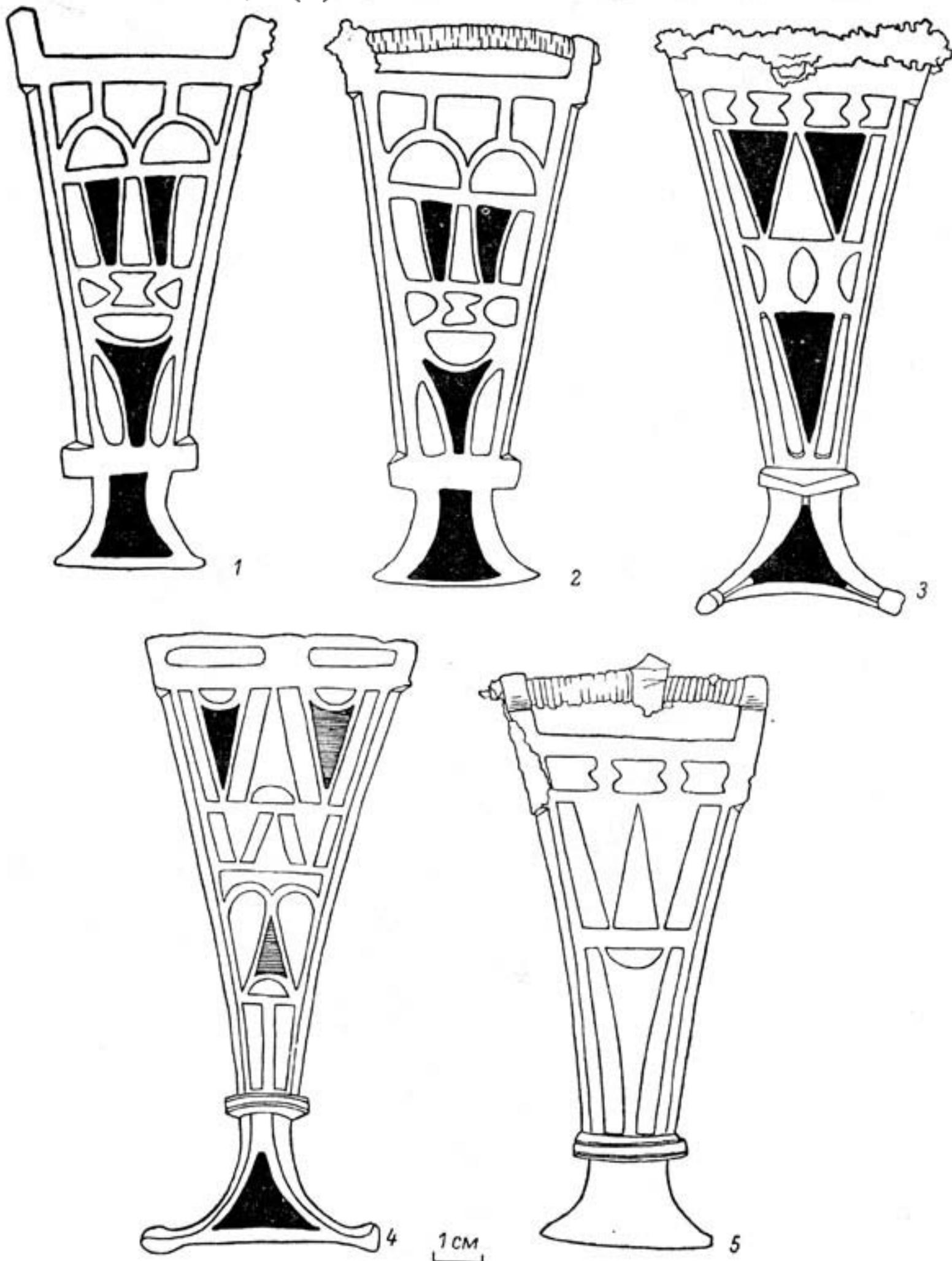
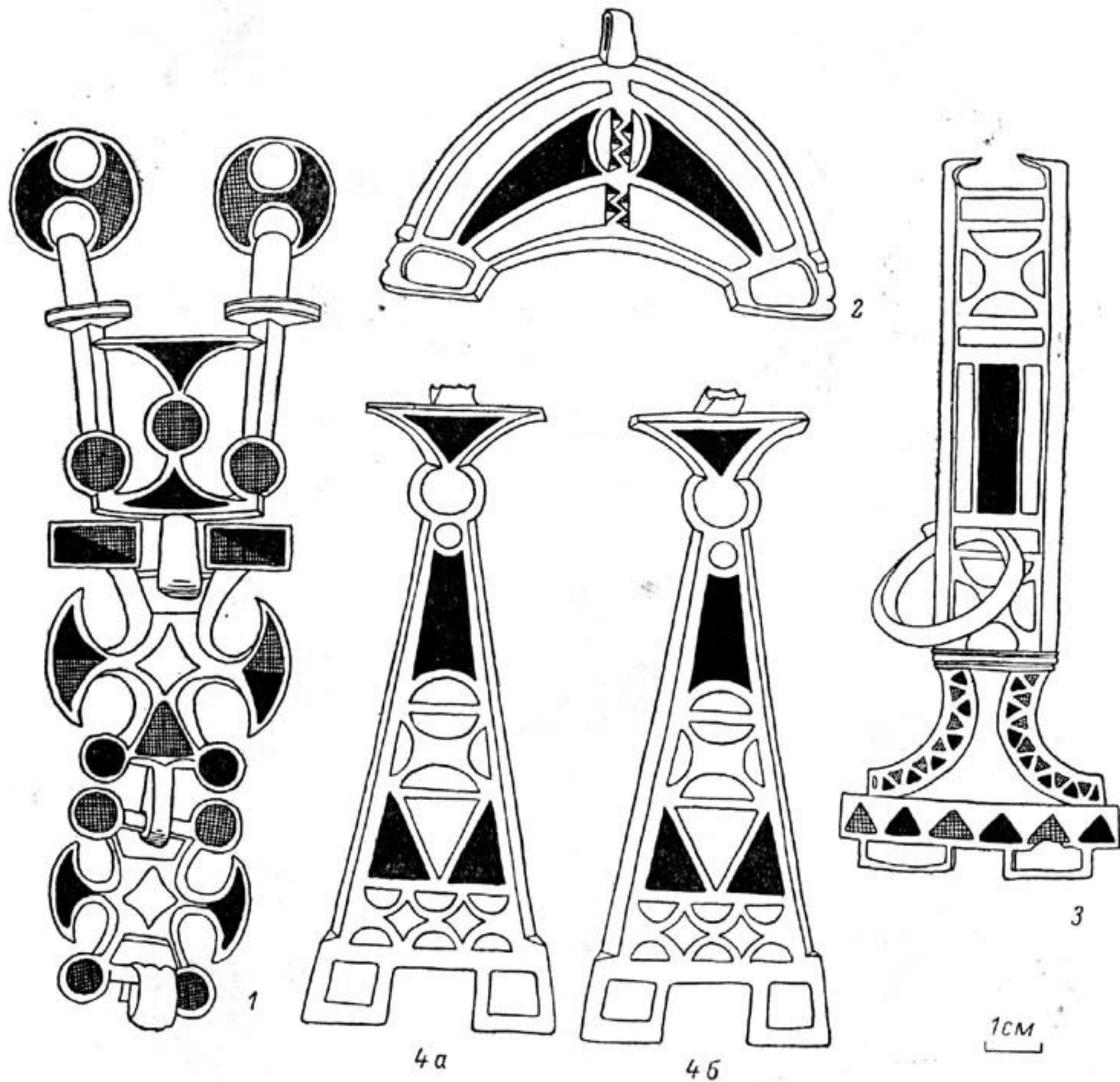
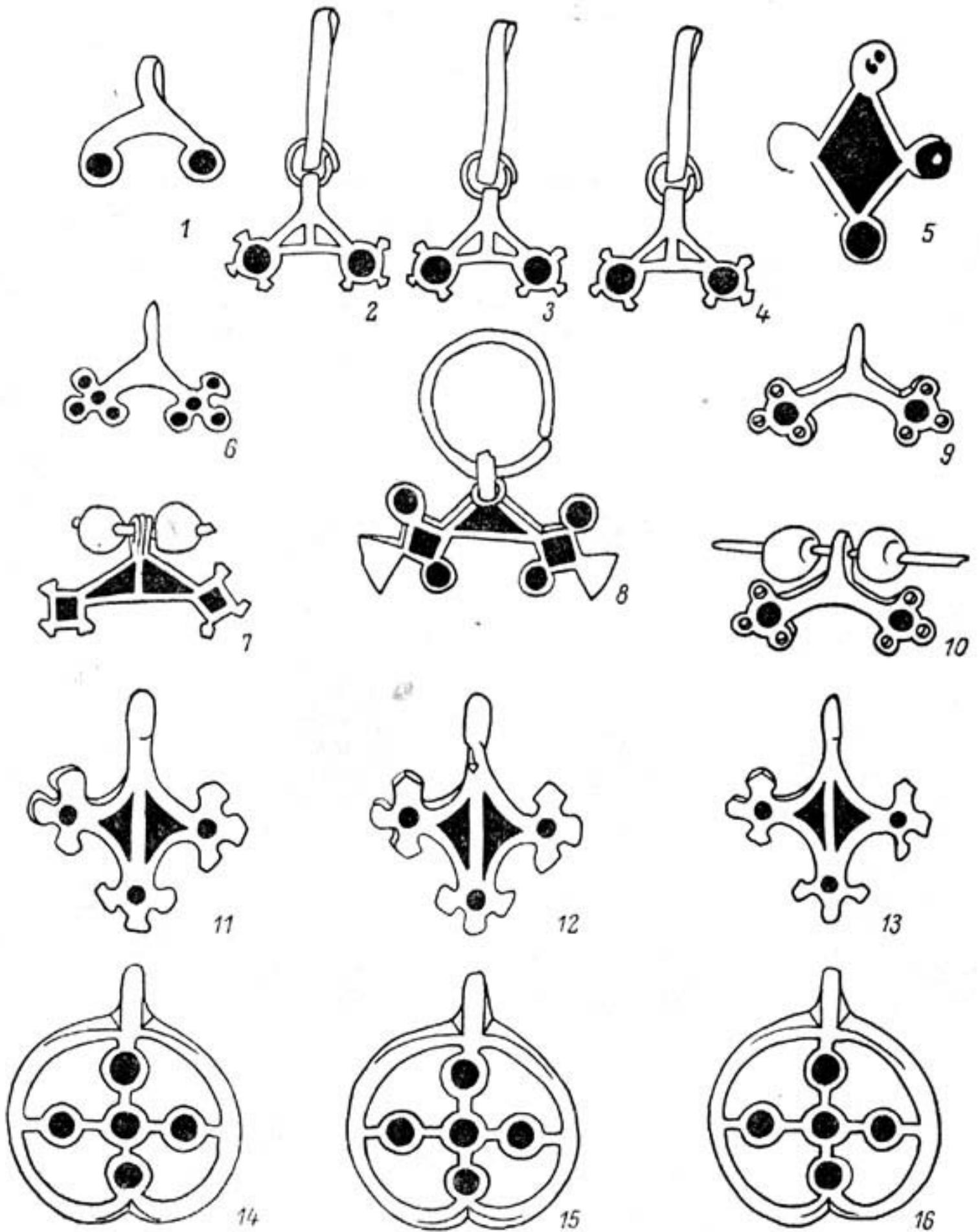

Рис. 19. Мощина (90).

1 CM

Рис. 22. 1 — Старая Ладога (147); 2 — Тихий Уголок (103); 3 — Плѣс (110); 4, 7 — Цимлянское правобережное городище (1181, 2);
5 — Дуровка (117); 6 — Рождественское (116); 8 — Кошбеево (104); 9 — Ножа-Вар (115); 10 — Дмитровское (120).

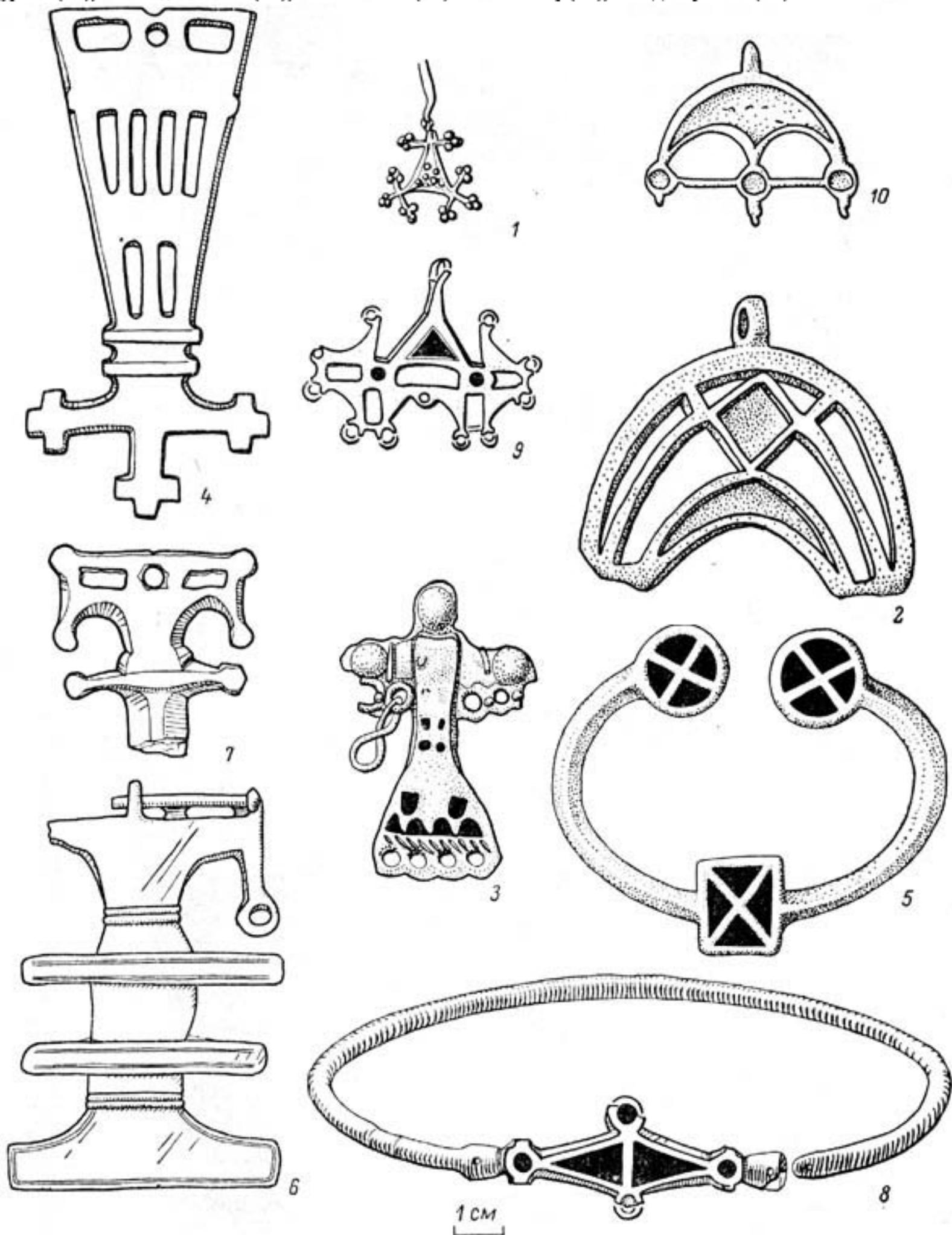

Рис. 23. 1, 2 — Херсонес (127); 3 — Дитиничи (130); 4 — Крылос (131); 5 — место находки неизвестно (Львовский гос. исторический музей, 132); 6 — Рутха (124); 7 — Кумбулта (1221); 8 — Камунта (125); 9 — Сирма-Бешмий (133); 10 — Чми (123).

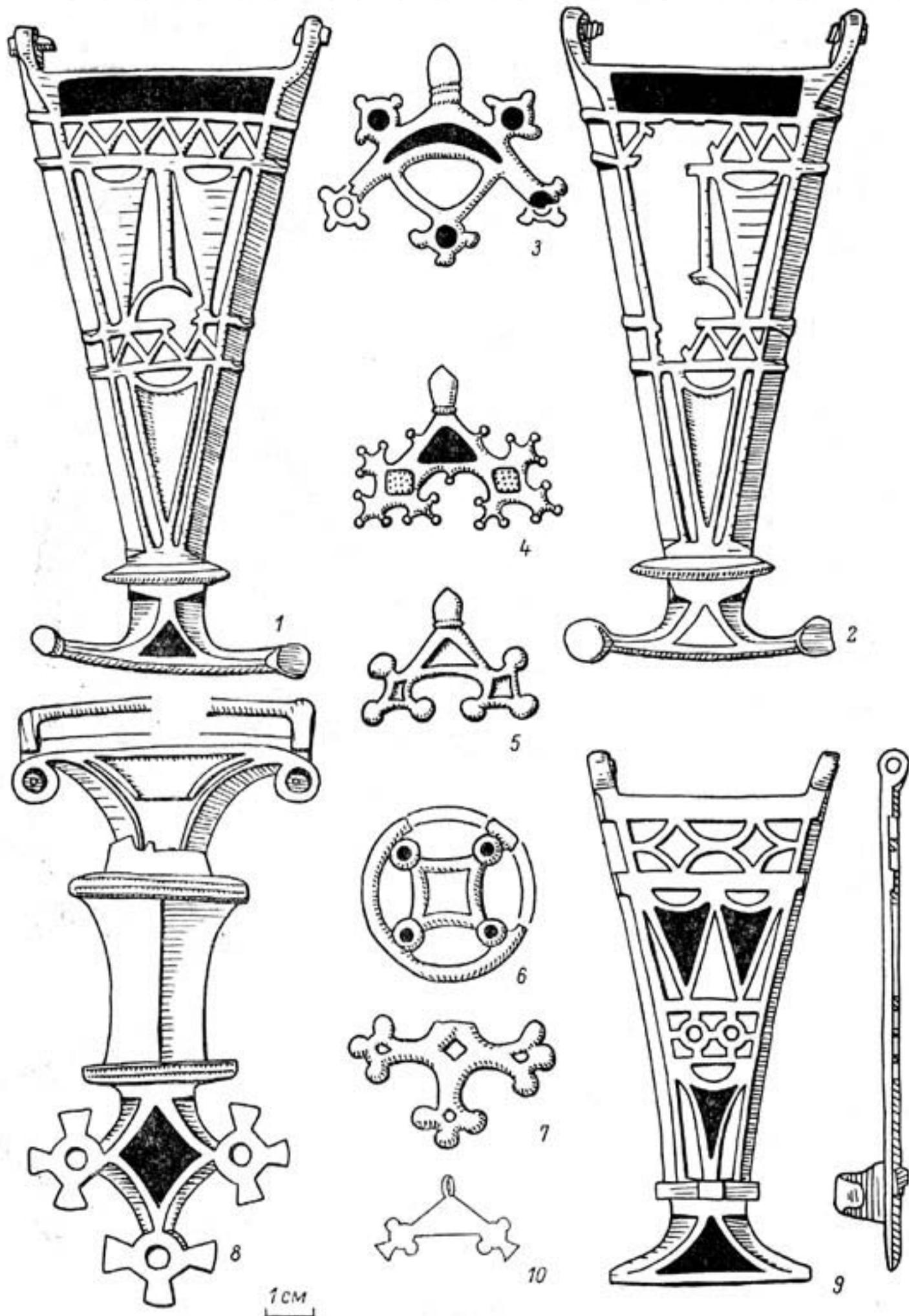
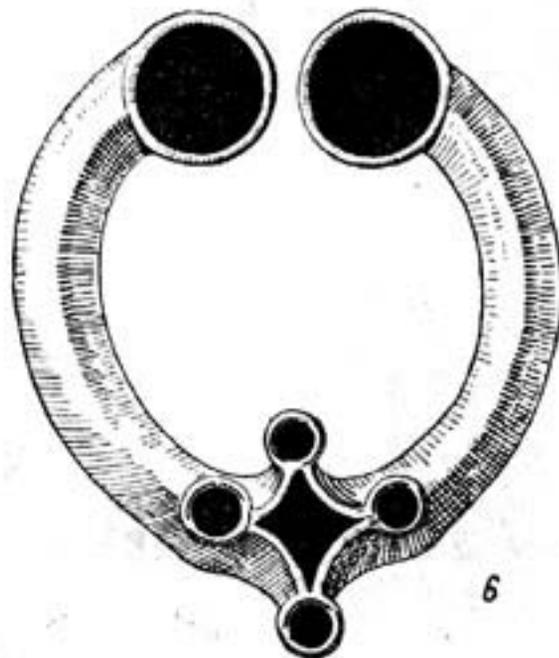
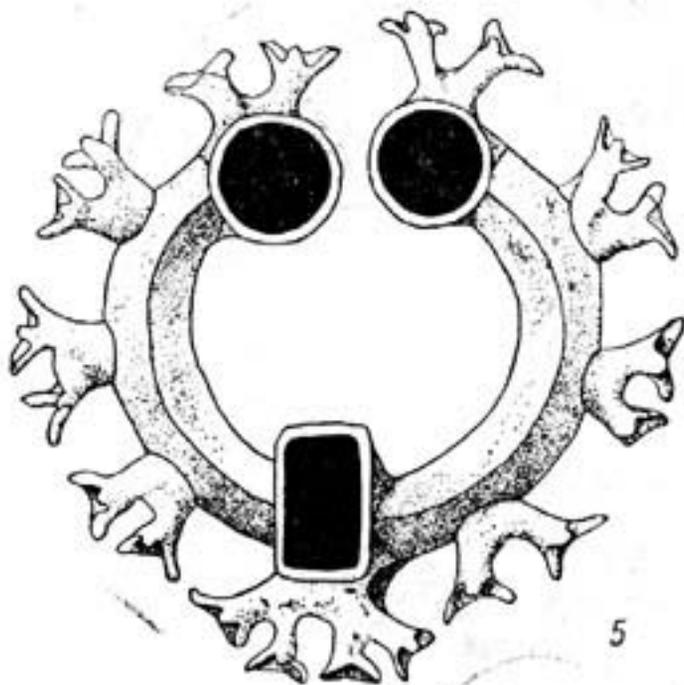
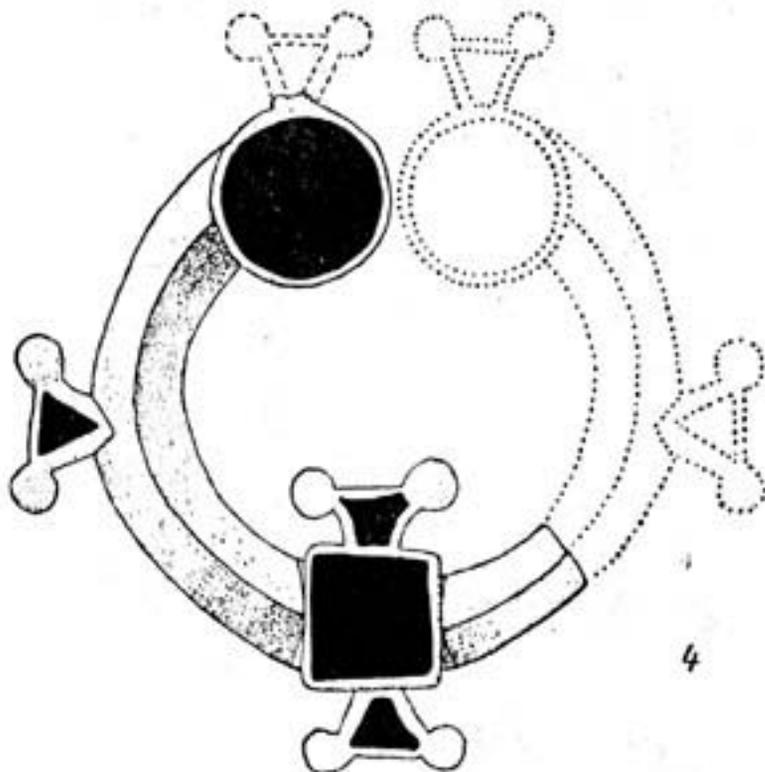
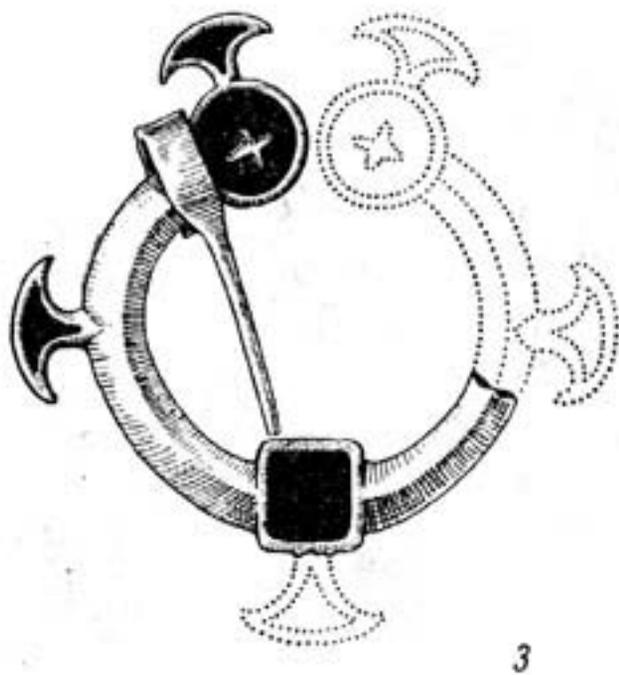

Рис. 24. 1 — Лит. ССР (199); 2 — Саргенай (206); 3 — Латв. ССР (189); 4 — Шяуляй (?) (211); 5 — Вели-кушкес (1932); 6 — Вильнюс (200).

1cm

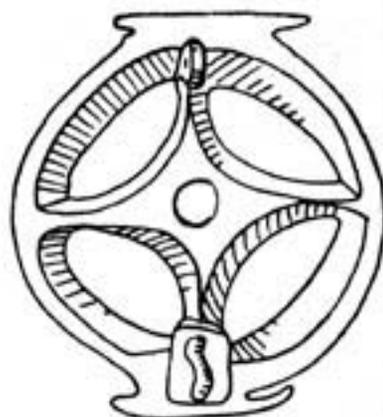
Рис. 25. 1 — Аркна (152); 2а—2в — Кальва (154); 3 — Саамуэли (174); 4 — Грунайки (223); 5 — Здоры (229); 6 — Руска Вєсь (222); 7 — Махары (2311); 8 — Урьяла (140); 9 — Пийльси (166); 10 — Плауэн (214).

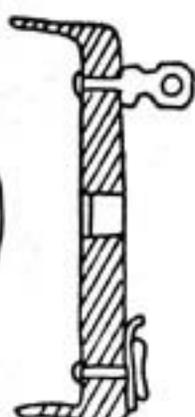
1

2а

2б

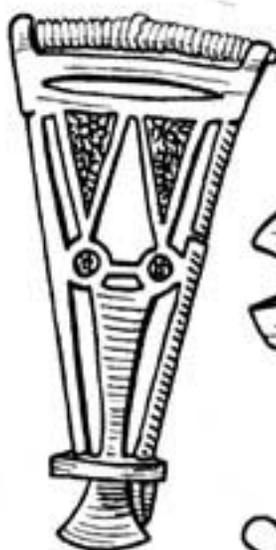
2в

3

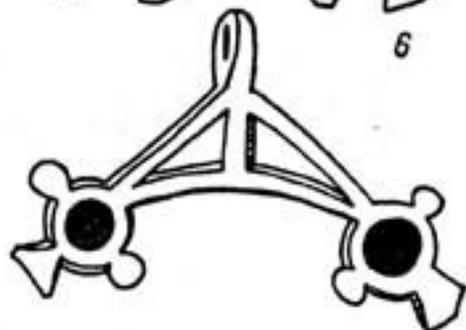
4

5

6

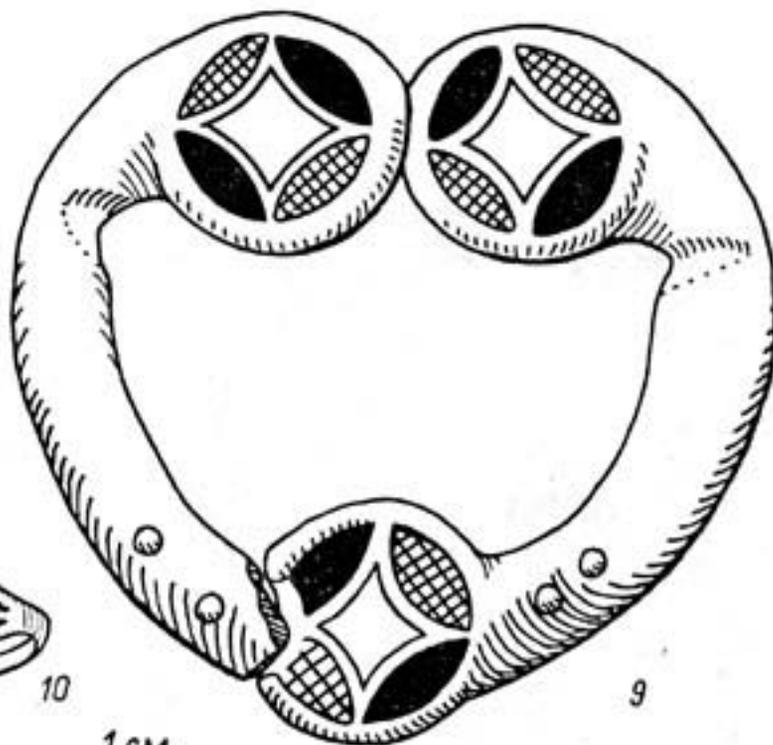
7

8

10

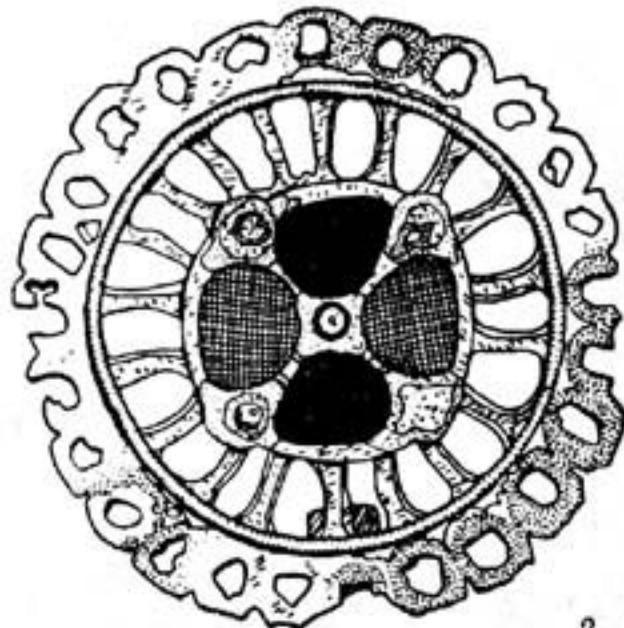
9

1 CM

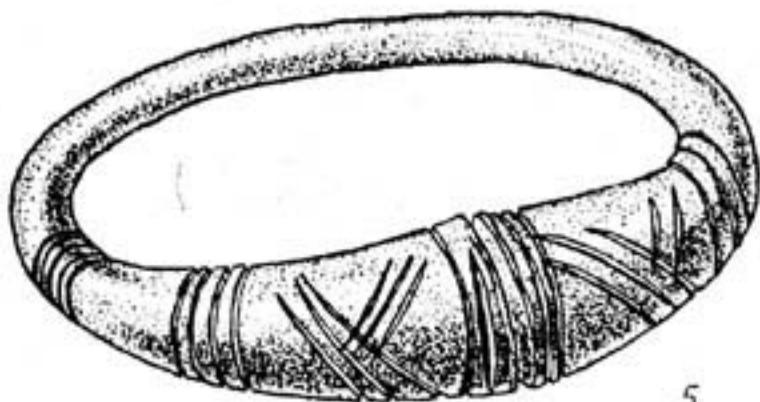
Рис. 26. 1 — Триката (Либирты) (1783); 2 — Каугарс II (1811); 3 — Пакачине-Дембай (190); 4 — Мигонис (203);
5 — Пашушвис (207).

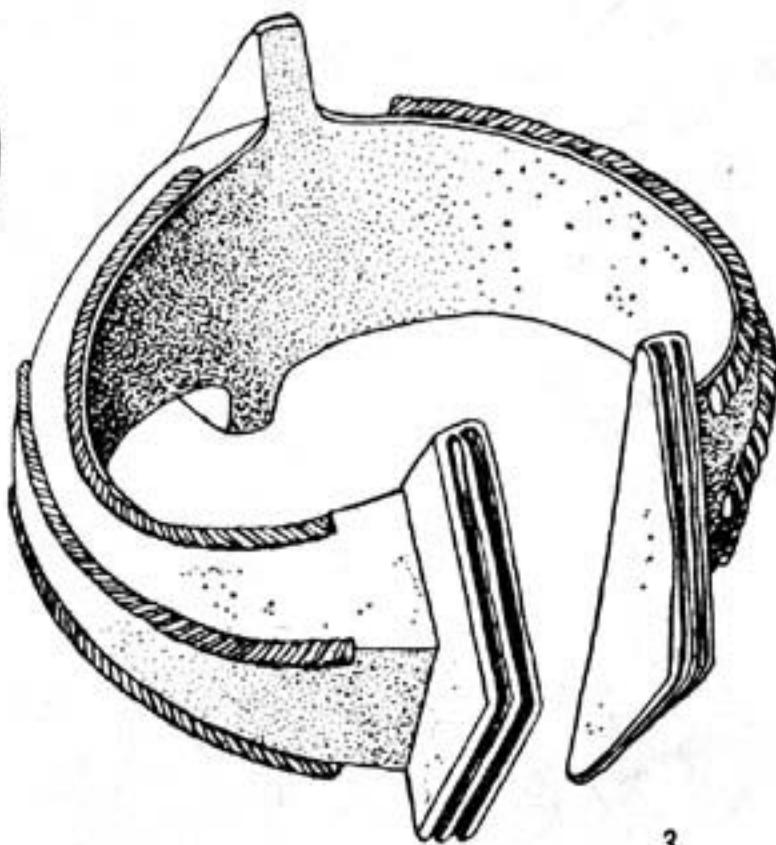
1

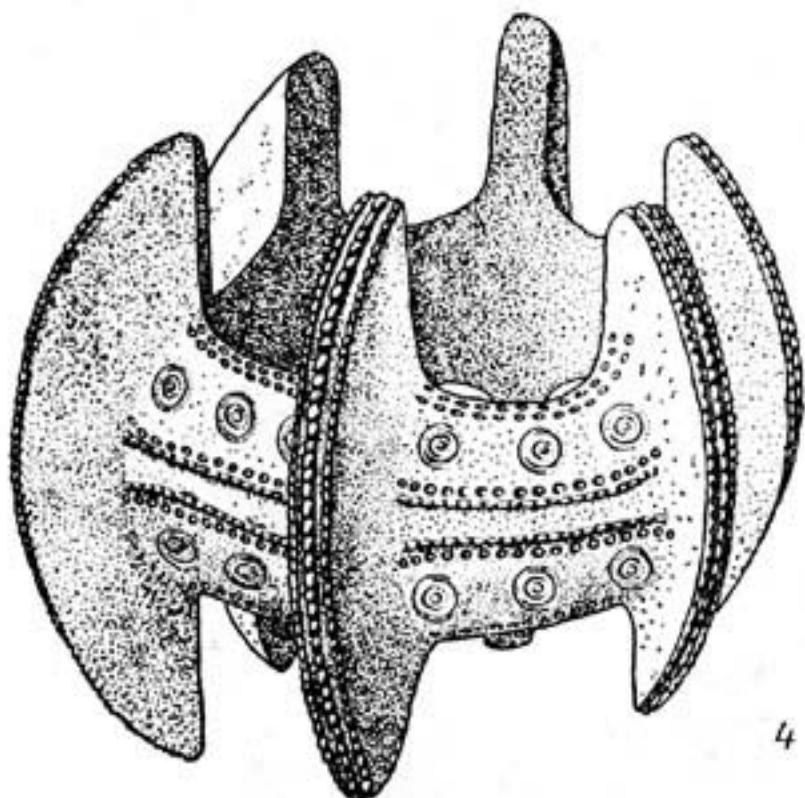
2

5

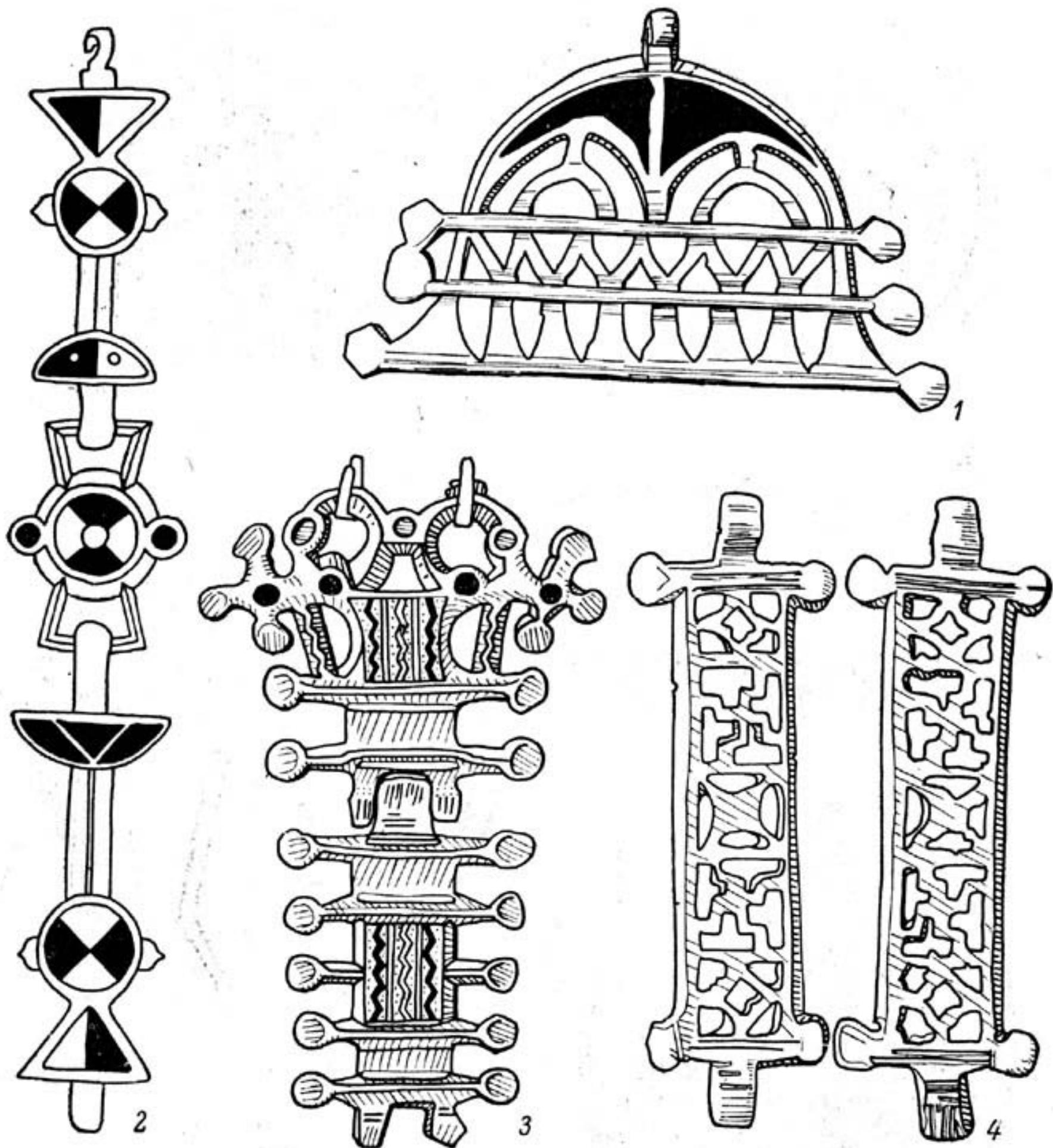

3

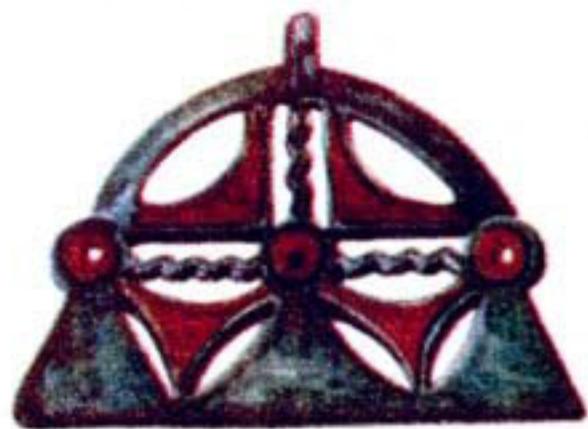

4

1 cm

1 CM

1

2

3

4

5

6

1 CM

Рис. 29. 1 — Киев (36); 2 — Дрокова (245); 3 — Ольховка (241); 4, 5 — место находки неизвестно (Вильнюсский музей, 1963, 2).

1

2

3

4

5

1 CM

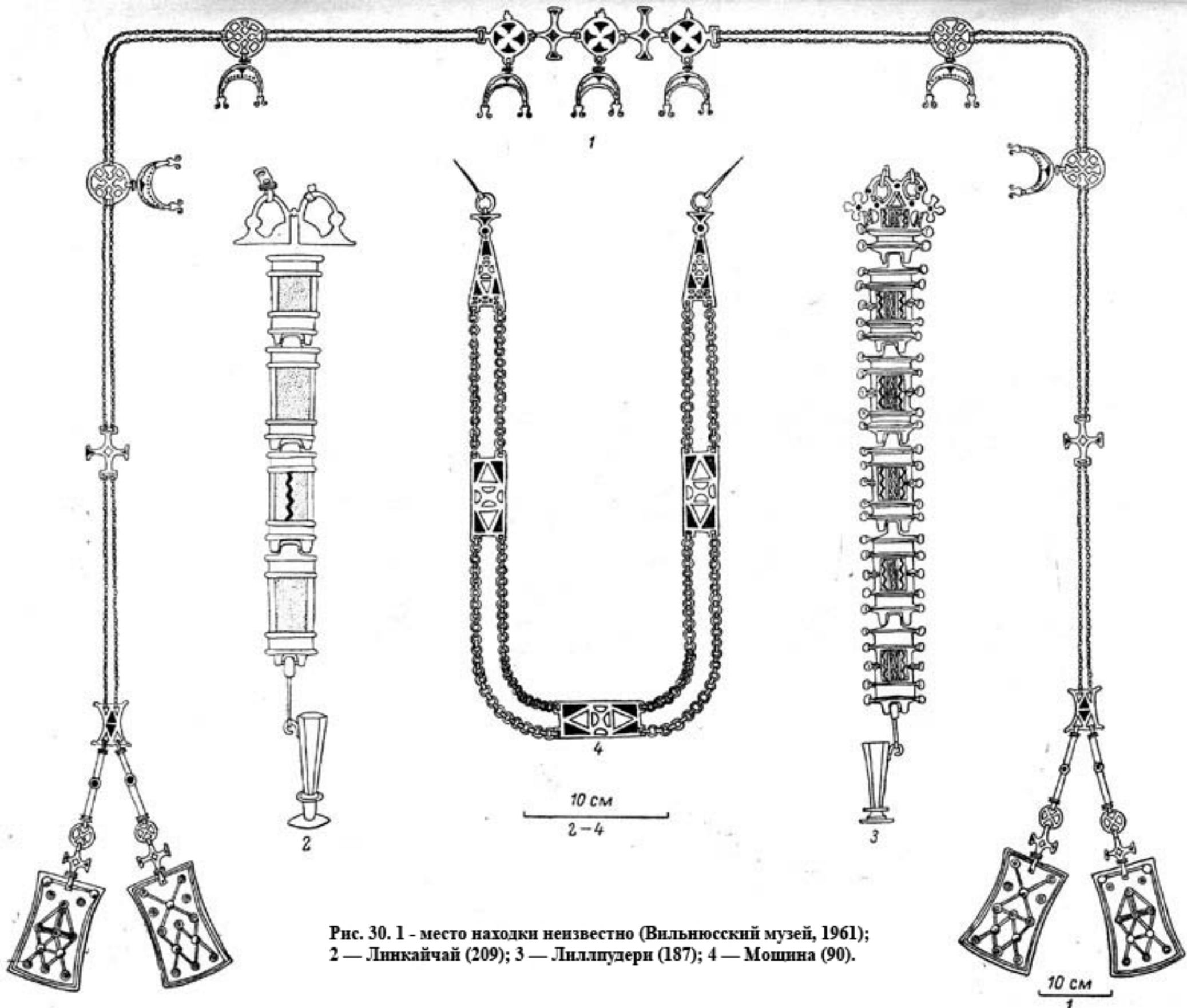
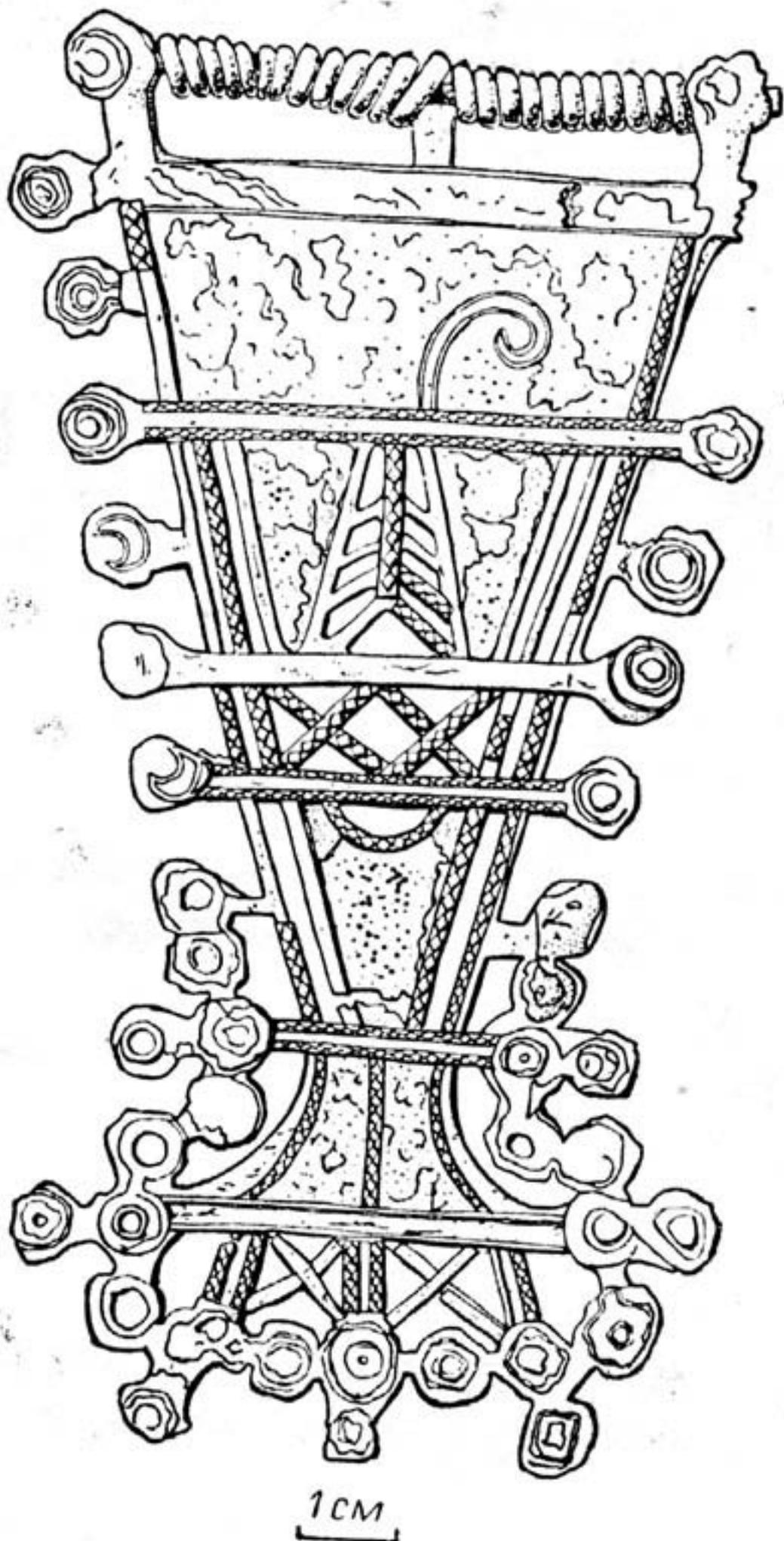
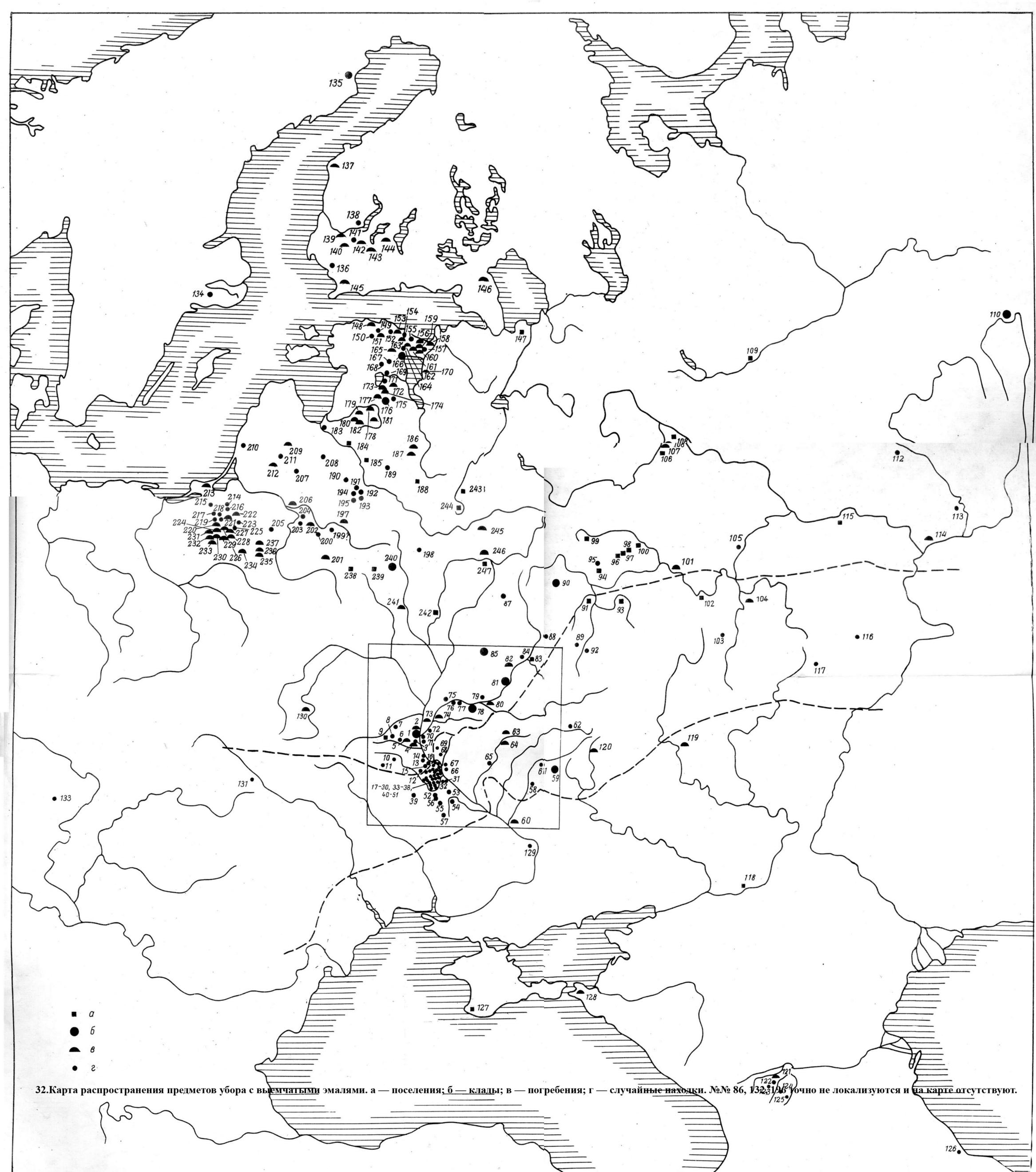

Рис. 30. 1 - место находки неизвестно (Вильнюсский музей, 1961);
 2 — Линкайчай (209); 3 — Лиллпудери (187); 4 — Мошина (90).

Рис. 31. Сурская Забора (129).

32. Карта распространения предметов убора с выемчатыми эмальями. а — поселения; б — клады; в — погребения; г — случайные находки. №№ 86, 132, 131, 106 точно не локализируются и на карте отсутствуют.

- а
- б
- ▲ в
- г